

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ю.А. Пелевин** — Идейные основы «Земли и воли» в 1870-х гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Ю. Лошаков** — Граф Владимир Николаевич Ламздорф 20

СООБЩЕНИЯ

- Е.В. Воейков** — Трудовая повинность на лесозаготовках в годы индустриализации в СССР 48

- Т.А. Кобзева** — Местное самоуправление в Среднем Поволжье после Февральской революции 1917 г. 55

- В.В. Ефимова** — Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора 70

- А.Б. Соколов** — Фобии и политика: процесс Страффорда 82

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Е.Е. Юдин** — Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894—1914 гг. 99

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.В. Сушко** — Якутские национал-коммунисты и образование Якутской автономной республики 133
- И.В. Есиева** — Варзи-Ятчи: как все начиналось 140
- Е.Б. Барина** — Ордосская культурная традиция в гунно-сарматское время 143

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Чжун Сечжин** — Идеология мюридизма в первой половине XIX в. на Северном Кавказе 146

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Н.Г. Кедров** — Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства 154
- В.П. Богданов** — С.В. Таранец. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века) 171
- Т.В. Зверева** — Е.А. Осипов. Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969—1974) 173

Идейные основы «Земли и воли» в 1870-х гг.

Ю.А. Пелевин

«Земля и воля» — подпольная народническая организация (1876—1879), пытавшаяся организовать в Российской империи крестьянскую социалистическую революцию.

Выработке программно-тактических принципов «Земли и воли» предшествовал анализ «хождения в народ», ставившего те же задачи и закончившегося крахом. Землеvolьцы считали себя последователями предшествовавших народников, которые, «несмотря на преграды цензуры и преследования правительства, — по оценке фактического руководителя организации А.Д. Михайлова, — разгласили и разнесли идею социализма по всем уголкам необъятной России. Они положили начало движению, несущему России новую жизнь и счастье. Эти результаты неоспоримы и окупают принесенные жертвы». Однако «несмотря на “хождение в народ” многих сотен людей, на многие десятки поселений, ферм, артелей, мастерских, школ, на тысячи распространенных книг и на занятия десятков лиц с рабочими, результаты всех этих усилий не оправдали надежд — влияние на народ было поверхностно и неглубоко»¹. На повестку дня вставала первоочередная задача выработки новой программы действий.

Идейные принципы «Земли и воли» нашли отражение в программных документах организации, три варианта из которых дошли до нашего времени. В исследовательской литературе окончательно не выяснены их датировки и соотношенность друг с другом.

К началу 1877 г. кружок М.А. Натансона, ставший ядром будущей «Земли и воли», подготовил собственную программу и определил свои главные организационные принципы. Программа, по свидетельству Александра Михайлова, «начала определяться» еще в октябре 1876 г.², а ее составление завершилось к концу января 1877 г. — ко времени соединения петербургского кружка Натансона с харьковско-ростовской группой³. Первичная программа, возможно, была подготовлена С.А. Харизоменовым⁴. Текст ее не сохранился, но О.В. Аптекман дает в мемуарах краткий пересказ: «Первая народническая программа была прекрасно и толково написана, особенно ее догматическая и тактическая части. Конечно, ничего оригинального в этой программе не было. Это была,

Пелевин Юрий Александрович — кандидат исторических наук, профессор Государственного университета гуманитарных наук.

прежде всего, программа Бакунина, только более полно обоснованная историческими данными и фактами современной действительности. Отношение программы к социализму было вполне определенное. Социализм, как доктрина, социалистический строй, как конечный идеал, признается и этой программой»⁵.

Через несколько месяцев программа была, надо полагать, несколько изменена. Адриан Михайлов, вошедший в кружок «натансоновцев» примерно в марте 1877 г., принимался несколько по другой программе или по ее упрощенной редакции. В автобиографии он говорит, что «программа была чисто практическая — теоретическое обоснование в ней отсутствовало. ... Сговорились мы в один вечер в течение пары часов, и я был принят в члены основного кружка»⁶.

В архиве писателя и журналиста В.Р. Зотова, где тайно хранились землевольческие, а позднее и народовольческие материалы⁷, сохранились так называемые «Тезисы народников». В советское время подлинник отложился в петербургском музее политической истории России⁸. Он не датирован и не имеет названия. Написан на папиросной бумаге рукой А.Д. Оболенева, одного из учредителей общества «Земля и воля». Именован документ «тезисами» предложил С.Н. Валк⁹ с неудачной ссылкой на Александра Михайлова, который в следственных показаниях писал: «Чтобы покончить с теоретической частью, я перечислю тезисы народников»¹⁰, то есть конспективно, тезисно изложит идейные основы «Земли и воли», отнюдь не имея в виду какой-либо конкретный программный документ с таким названием. Изложение Михайловым землевольческой программы намного полнее и подробнее «тезисов» и мало им соответствует.

Валк посчитал «тезисы» первой программой «Земли и воли» и под этим названием опубликовал их с расширенными хронологическими рамками¹¹. Однако первой землевольческой программой эти «тезисы» ни в коей мере считать нельзя, так как они значительно расходятся по содержанию с программой рубежа 1876—1877 гг. в пересказе Аптекмана. При второй публикации документа под редакцией С.С. Волка он получил название «Тезисы народников»¹².

По изысканиям Г.М. Лифшица и К.Г. Ляшенко, «тезисы» были написаны в августе 1877 г. для П.А. Кропоткина в качестве подготовительного материала к выступлению от имени русских социалистов на международном социалистическом конгрессе в Генте (9—15 сентября 1877 г.)¹³. На Гентской конференции в Бельгии анархисты, последователи М.А. Бакунина, выступили против германских социал-демократов, которые «сделали попытку, — как пишет Кропоткин, — захватить все рабочее движение в Европе в одну организацию»¹⁴.

Лифшиц и Ляшенко обосновано показали, что русские революционеры действительно уполномочивали Кропоткина выступить на конференции с изложением их идейной платформы. Ему был послан мандат и составлены «тезисы» выступления. Под мандатом поставлено более 90 подписей представителей наиболее влиятельных народнических группировок в России. Таким образом «тезисы» выражали общие тенденции, характерные для русских революционеров и отличавшие их от западных социалистов.

Лифшиц и Ляшенко справедливо утверждают, что «“тезисы” отражали специфические задачи и особенности революционного движения в России так, как они понимались народническими группами различных оттенков, а не только членами “Земли и воли”»¹⁵. Потому «тезисы» относятся к программным документам «Земли и воли» лишь настолько, насколько члены организации разделяли общие идейные положения революционного народничества. В большей степени «тезисы» корреспондируются с «Программой народников», выработанной осенью 1876 г. бывшими «чайковцами» и одобренной на общем петербургском собрании радикалами, в том числе и «натансоновцами»¹⁶.

С расширением деятельности «Земли и воли» и пополнением состава организации старая программа рубежа 1876—1877 гг. подлежала изменениям, так

как не отражала в полной мере взглядов новых членов на цели и средства землепользовательского движения. К тому же программа сообщества должна была, по уставу, пересматриваться каждый год¹⁷.

Обсуждение изменений программы проходило с осени 1877 по весну 1878 года. М.Р. Попов в своих мемуарах писал: «Уже в эту осень (1877 г. — Ю.П.) собравшиеся в Петербурге представители отдельных кружков определенно формулировали основные положения, которые вошли в программу “Земли и Воли”. В 1877 г. съезд революционеров в Петербург был ранний, сравнительно с предыдущими годами. Съехались пересмотреть старую программу и на основании опыта выработать новую. До сего времени существовали отдельные, не зависящие один от другого кружки, теперь же большинство революционных деятелей стремились к тому, чтобы создать организацию, которая объединила бы разрозненные кружки под одним знаменем»¹⁸.

Острые дискуссии об идейных положениях народничества разгорелись зимой 1877—1878 гг. и особенно весной 1878 г., когда в Петербурге собрались многие землепользователи и тяготевшие к ним революционеры. Первоочередным вопросом стал пересмотр программы. «Было необходимо, — вспоминал Аптекман, — прежде всего установить начала народничества, которые послужили бы критерием как для решения частных вопросов теоретического свойства, так и всех вопросов практического», ибо «нередко случалось, к величайшему недоумению посторонних, что сами народники не понимали друг друга, особенно в вопросах практических. Были народники-анархисты, были народники-якобинцы, были и такие, в голове которых мирно укладывался самый крайний экономический радикализм с самым несносным политическим консерватизмом. ... Среди самих землепользователей была масса разногласий»¹⁹. Александр Михайлов сетовал: «нам молодежь колет глаза — “у вас-де, что человек, то програ[м]ма”»²⁰.

Предварительные совещания проходили почти каждый вечер на квартире А.А. Квятковского. Новая программа обсуждалась пункт за пунктом. За основу, по всей видимости, взяли общие положения, разработанные Адрианом Михайловым²¹.

В начале 1878 г. программные изменения обсуждались на Большом совете, куда входили все члены «Земли и воли», находившиеся в это время в Петербурге. Было дано генеральное сражение Валериану Осинскому и некоторым его единомышленникам, которые собирались внести в программу элементы политической борьбы, усиление терроризма и ряд других положений. Ни одно из них не прошло. Большинство голосов было введено лишь «несколько дополнительных пунктов о деятельности в народе»²². По мемуарному свидетельству Аптекмана, новая программа была принята в начале 1878 года²³. Но это не был ее окончательный вариант.

Черновая редакция программы, принятой в начале 1878 г., сначала хранилась у Зотова и, в конце концов, попала в современный музей политической истории России²⁴. Оригинал написан рукою Оболенева с правками, сделанными тремя различными почерками, один из которых принадлежит Михайлову. В тексте в виде подписи имеется помета: «Генерал от конспирации» — так подписаться мог только землепользователь Александр Михайлов. Волк опубликовал документ как первоначальную редакцию второй программы «Земли и воли» 1878 года²⁵. При повторной публикации Волк отнес документ с первоначальной редакцией программы «Земли и воли» с неконкретной датировкой²⁶. На мой взгляд, и то, и другое название не точно, потому в своем исследовании я буду пользоваться другим именованием — более корректным: «Редакция программы “Земли и воли”. Начало 1878 г.».

Зимой 1878 г. Михайлова не было на Большом совете во время пересмотра программы, устраивавшей отнюдь не всех землепользователей. В феврале 1878 г.

Осинский фактически вышел из «Земли и воли» и образовал в Киеве так называемый «Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии», действовавший «без участия и согласия петербургского центра»²⁷.

Основной землевольческий кружок не решался утвердить программу в отсутствие Александра Михайлова. При этом, надо заметить, что сам он сочувствовал идеям Осинского. С возвращением Михайлова из саратовского поселения раскольников переработка программы продолжилась в апреле — мае 1878 года²⁸. Попов вспоминал, что Большой совет обсуждал посвященные этим вопросам статьи Адриана Михайлова и Георгия Плеханова²⁹. Намного позднее, в 1903 г., Плеханов заверял, что программа была сформулирована им весной 1878 г.³⁰, однако его утверждение не подтверждается источниками свидетельствами.

Очередная программа была принята. Датировка этого варианта ни у кого не вызывала сомнений, поскольку на нем рукой Михайлова сделана карандашная пометка: «1878 год, май». Оригинал документа носит характер черновика, написанного двумя почерками неустановленных лиц с вставками и исправлениями³¹.

В майскую редакцию не было привнесено кардинальных дополнений. «Строго говоря, никакой доктрины, как системы идей, тогда еще не было, — подводил итоги Аптекман, — а была лишь программа — как ряд теоретических предпосылок, скомбинированных наспех». «Программа (идеологическая ее часть) оставалась неизменной почти во все время существования общества “Земля и воля”, и если вносились какие-либо изменения и дополнения, то лишь детального свойства, сообразно с новыми данными жизни и практики»³². «В то же время, — утверждал Михайлов, — возникла мысль о новой организации общества “Земли и Воли” и об органе»³³.

По словам Аптекмана, «программа первоначально циркулировала по рукам исключительно в рукописной форме и также пропагандировалась устно разными способами»³⁴. А черновые редакции были отправлены в землевольческий архив и известны в единственных экземплярах. Копии в чистовом варианте для использования внутри организации, а также для массового распространения отсутствуют в круге землевольческих источников, которыми сейчас располагают историки. Окончательный и выверенный текст программы имел минимальное число экземпляров. Характерно, что они не были известны даже Плеханову — члену-учредителю организации, одному из составителей программных документов и пропагандисту среди рабочих. Он уверял, что до весны 1878 г. программа «существовала лишь в словесной формулировке»³⁵. Более того, программа «Земли и воли» никогда не была опубликована в печатном органе сообщества и тем более отдельным изданием, хотя каждая политическая организация считает своей первоочередной задачей донести до широкой публики свои идейно-политические основы деятельности.

Таким образом, программу дорабатывали, дополняли и изменяли несколько раз, но законченный, общепринятый вариант так и не был, судя по всему, создан. Ни один из вариантов не являл единомыслия всех членов «Земли и воли», что свидетельствует об отсутствии общей идейно-тактической платформы всех землевольцев. В сентябре 1878 г. А.Д. Михайлов выражал серьезную озабоченность отсутствием в организации «единства взглядов на практические задачи данного времени»³⁶, что становилось залогом будущего кризиса «Земли и воли».

Принципиальное обновление программы и координальное изменение направленности землевольческой деятельности были предприняты только на Воронежском съезде в июне 1879 г., но они уже не могли спасти организацию от распада.

Землевольты предприняли попытку переосмыслить прежнюю народническую программу, отличавшуюся несостоятельностью слишком расширенных планов поднять крестьян на скорейшую социалистическую революцию³⁷. Они отнюдь не потеряли веры в торжество социалистически-революционного движения, для чего необходимо лишь скорректировать идейные задачи и изменить формы деятельности в народе. Кредо же народников осталось прежним — «Все для народа, все через народ!»³⁸

Первое, от чего отказались землевольты, это от прямых призывов крестьян к социалистической революции. Теперь следовало поднять народ на восстание «во имя требований, уже в нем существующих, — свидетельствовал А.И. Баранникова, — требований, которые он всасывает в себя с молоком матери»³⁹. Новая агитационная программа сужалась до непосредственных нужд крестьянства. Говорить с простым мужиком надо было о насущных предметах, волнующих его изо дня в день.

«Старая программа, рекомендовавшая проповедь принципов социализма в деревне, — писал Попов, — заменена была программой протестов на почве жизненных интересов деревни»⁴⁰. Главная задача сводилась теперь к организации, по словам Александра Михайлова, «народного движения во имя народных требований»⁴¹.

Какие же крестьянские требования были способны перевернуть социально-политический строй России? Михайлов так отвечал на этот коренной вопрос народнического движения: «Революционные деятели познали народ и подметили те рычаги, которыми когда-нибудь совершится великий переворот в интересах народа. Рычаги эти — экономический земельный вопрос и земские вольности»⁴².

Социально-экономические требования для доходчивого понимания малограмотным крестьянством формулировались в лозунг «земля и воля». Для самих землевольтов это содержание не отражало в полной мере их социалистических устремлений. В редакции программы начала 1878 г. говорилось: «Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу “земля и воля”»⁴³. В поздней редакции заявлялось еще с большей определенностью: «Мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту»⁴⁴.

Начальные требования сводились к конфискации всех земель, как казенных, так и частных⁴⁵, с передачей их в распоряжение крестьянских общин, но отнюдь не в частную собственность⁴⁶. «Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале»⁴⁷, — утверждалось в майском варианте программы⁴⁸. Из этого следует, что на первом этапе планы утверждения социализма сводился к максимальному расширению «общинной земли» как фундамента нового общества. Именно в общинном землепользовании виделся залог социализма, как «идеального общественного строя»⁴⁹.

Вместе с тем социалистическое хозяйство предполагало не только коллективизацию земли, но и установление, по определению Михайлова, «строга коллективного пользования орудиями труда». Эта составляющая отодвигалась на неопределенное будущее. Обоснование дальнейших социалистических преобразований попытался дать Плеханов в 3-м и 4-м номерах «Земли и воли». Он полагал, что «одно из требований западноевропейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт», подразумевая крестьянскую общину. Но «коллективизм труда не имеет под собой почвы в технике русского земледелия»⁵⁰. Потому для агитации за подлинный социализм еще не настало время. Лишь после революции, когда в дальнейшем усовершенствуется

технология земледелия, следует начать пропаганду коллективного пользования орудиями труда.

Революционеры хотели верить, что самостоятельное развитие крестьянского мира, избавленного от давления враждебных сил, приведет к торжеству новых начал в стране. Они ошибочно считали, что освобождение общины от крепостнических пережитков, от помещицкой и административно-государственной зависимости при переходе в руки общинников всех земель, станет залогом постепенного осуществления социализма в деревне.

Крестьяне, владеющие землей на «коллективных началах», установят общинное самоуправление помимо государственной власти. Это и будет начальным социалистическим строем в вольной России. Александр Михайлов, вторя бакунистским «бунтарям», уверял: «Разбей народ современное государство, он воплотит в своей жизни главные социалистические черты, областную федерацию, общинное владение землей и самоуправление»⁵¹.

Путь к крестьянской свободе, по убеждениям землевольцев, лежал через уничтожение верховной государственной власти с заменой ее федеративно-общинным устройством социума, основанного на вольном сотрудничестве сельских и городских общин при «непременном осуществлении широкого общинного и областного самоуправления»⁵². «Существующий ныне государственный строй противоречит духу русского народа, который в течение истории доказал свое стремление к полной автономии ..., — утверждалось в варианте программы начала 1878 г., — поэтому мы должны добиваться перенесения всех общественных функций в руки общины, т. е. о полном ее самоуправлении»⁵³. Об этом же говорилось и в следующей редакции: «Что касается политического идеала, то мы признаем, что в русском народе существует стремление к полному мирскому самоуправлению»⁵⁴, то есть к полной свободе каждой общины распоряжаться своими внутренними и внешними делами. По мысли землевольцев, «каждый союз общин определит сам, какую долю общественных функций он отдаст тому правительству, которое каждая из них образует для себя». Правда, революционеры считали своей обязанностью «стараться уменьшить возможно более эту долю»⁵⁵.

Землевольцы сохранили, в соответствии с бакунинской доктриной, безусловно негативное отношение к государству, ибо оно в любой форме будет оставаться эксплуататорским и деспотическим⁵⁶. В первом номере газеты «Земля и воля» в передовой статье, написанной С. Кравчинским⁵⁷, утверждался общественно-государственный идеал крестьянства, каким он казался самим народникам: «Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение “казачьих кругов”, т. е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная “программа” народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников»⁵⁸. Именно в землевольческом программном требовании «воли» наиболее ярко сказался утопический бакунинский анархизм.

С уничтожением Российской империи намечалось разделение ее «на части соответственно местным желанием», что относилось в первую очередь к Малороссии, Польше, Кавказу⁵⁹. А также утверждалась веротерпимость и полнейшая религиозная свобода⁶⁰.

Итак, избегая непосредственной пропаганды социализма и сужая агитацию в крестьянстве «сообразно с его вековыми и заветными желаниями»⁶¹ до рамок «реально осуществимых в ближайшем будущем»⁶², землевольцы отнюдь не отказывались от социализма — своей фундаментальной идеологемы. Вера родоначальников народничества, А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, в социалистичность русского крестьянства полностью передалась и землевольцам.

Между тем, Аптекман, говоря о землевольческой программе, признавал, что «в применении к русской действительности, социализм, по необходимости, пришлось урезать, — так сказать, окорнать: взять из него только то, что не противоречит исконным народным идеалам, воззрениям и требованиям, вылившимся в определенные формы уклада народной жизни. Получился, таким образом, компромисс между идеалами социализма, с одной стороны, и народными идеалами — с другой»⁶³.

От идеи социализма, как таковой, народники не могли отказаться ни при каких условиях. В социализме они видели ни больше ни меньше как светлое и прекрасное будущее всего человечества, ради которого стоило жить и бороться. В передовой статье газеты «Земля и воля» С. Кравчинский вещал с евангельским пафосом: «Социализм — высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом. Нет для него ни пола, ни возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий! Всех зовет он на чудный пир жизни, всем дает он мир, свободу, счастье, сколько каждый может взять!»⁶⁴

Как и родоначальники народничества землевольцы оставались непоколебимы в своем главном, но ошибочном постулате об исконной социалистичности русского мужика. Они без обиняков утверждали в своей программе, что «коронные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России». Установить в стране социализм предлагалось *революционным путем*. В программе прямо говорилось, что достичь поставленной цели можно «только посредством насильственного переворота»⁶⁵. «Мы революционеры потому, что какими бы мы ни были противниками революции ради революции, насилия ради насилия, — пояснял А.А. Квятковский, — но мы на основании уже исторических опытов можем предугадывать, что осуществление народных стремлений, желаний мирным путем, насколько бы это ни было желательно, вряд ли может иметь место и что волей неволей народу придется силою отстаивать свои права»⁶⁶.

В революционизме крестьян землевольцы, как и их предшественники, не сомневались. В программе указывалось, что «противоречие между народным идеалом и требованиями правительства создавало и создает в России ту массу крупных и мелких народных движений, ... которые выражают собою активный протест русского народа против существующего порядка». Особенные надежды возлагались на «секты религиозно-революционного характера» и разбойничьи шайки⁶⁷. «Чем ближе знакомились с народом, чем чаще с ним сталкивались, тем яснее замечали его самостоятельные революционные стремления, проявляемые непрерывно в самых различных формах, постоянно отстаивающие народную самобытность от поползновений на нее государства», — утверждал Михайлов, видя протестные силы «во всех сферах народа, среди великорусского и малорусского крестьянства, среди казаков и раскольников, между оборванным людом южного побережья и пристаней больших рек, так называемой “босой командой”»⁶⁸.

Но борьба с имперской властью слишком неравная, так как народ разъединен, и ему «очень мудрено подготовить и противопоставить правительственной организации широкую народную организацию». Вот эту задачу и должны взять на себя сплоченные в сообщество революционеры — «помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера»⁶⁹.

Бунтарская интеллигенция, входившая в «Землю и волю», была уверена, что если ей удастся поднять крестьянство на революцию, выдвигающую чисто

крестьянские требования, то победа социализма обеспечена. «Решено было, — комментировал позднее итоги землевольчества Лев Тихомиров, — что народ русский имеет уже те самые идеи, которые интеллигенция считает передовыми, т. е. он, народ, отрицает частную собственность на землю, склонен к ассоциации, к федерализму общинному и областному. Учить его было нечему, нечему и самим учиться. Требовалось только помочь народу в организации сил и в задаче сбросить гнет правительства, которое держит его в порабощении»⁷⁰. В итоге идейные принципы «программы “*Земли и Воли*” состояли в следующем: идеалы народа в основе совпадают с идеалами социалистическими, нужно лишь оформить эти идеалы и скрепить народ организацией, способной дать ему силы для осуществления этих идеалов. Впереди, стало быть, виднелась революция»⁷¹.

Для решения поставленных задачи выдвигалось два главных направления в практической деятельности: организаторская среди народа и «дезорганизация правительства»⁷².

Формы работы среди крестьян в «Земле и воле» предлагались по сути те же, что и во времена «хождения в народ». Революционное дело в деревне следовало продолжать с помощью *подготовительной* агитации в среде простого люда. Агитация должна стать «оседлой», долговременной, а «летучие» методы не дали и не могли дать сколько-нибудь серьезных результатов. Михайлов одной из неудач «хождения в народ» считал «большую или меньшую летучесть, краткосрочность. В громадном большинстве случаев пропагандисты только проходили чрез народ»⁷³.

Теперь требовалось «устройство прочных поселений и притонов среди крестьянского населения», причем, как и в «хожденческий» период, в тех местах, «где недовольство наиболее заострено»⁷⁴, а также в районах, где уже прошли крупные крестьянские выступления — на Дону, на Волге, Урале⁷⁵. «А такая работа только под силу крепко сплоченной во всех частях централизованной революционной организации, — утверждал Аптекман. — Надо раз навсегда оставить кочевую форму революционной борьбы и заменить ее стройной, планомерной организацией»⁷⁶. Агитаторы должны селиться в деревне не как батраки или подмастерья, наряженные под простолюдин, а как учителя, волостные писари, фельдшеры и т. п., занимая должности, полезные для народа.

«Задачей представителей организации, — пояснял программное положение Попов, — было отыскивать в народе протестующие элементы и на почве, создающей эти элементы, призывать народ к активной борьбе»⁷⁷. Виды пропаганды предполагались традиционные, издавна бытовавшие в крестьянстве. О них писал Аптекман: «Агитация, смотря по обстоятельствам, может быть двоякая: пассивная (подача прошений, посылка ходоков, забастовки, отказ от платежа податей и проч.) и активная (бунты и восстания)»⁷⁸. На полях рукописной редакции программы, составленной в мае 1878 г., сделана весьма характерная приписка: «Наилучшим средством для организации революционных сил» является «путь действия, т. е. бунты, стачки, всякого рода волнения»⁷⁹. Михайлов добавлял: «С помощью поселений и другими возможными способами принятие участия в местных движениях, причем стараться организовать движение, расширить его и выставить требование “земли и воли”. Подобные случаи более всего способствуют выдвигаться истинным народным вожакам и распространяться широким народным требованиям»⁸⁰. Главная ставка делалась на местные бунты и восстания, которые «приведут, в конце концов, к общенародной революции»⁸¹.

О методах землевольческой агитации Михайлов подробно говорил в своих «Тюремных тетрадах», которые вел во время следствия: «В народе характер деятельности определялся на основе предыдущей практики следующий: посе-

ления постоянного типа, сближение с естеств[енными] воз[зрениями] народа, подготовка их и сплочение в кружок по районам волостей и уездов с помощью завербованных вожаков, доведение местных аграрных и др[угих] вопросов до высшей степени интенсивности»⁸². В этой связи Аптекман писал, что «жизненной задачей всякой народнически-революционной партии должна быть — организация в народе такой боевой дружины, которая ... сумела бы, в благоприятный момент, либо сама вызвать всеобщее восстание», либо в случае «самопроизвольного зарождения крестьянского восстания утилизировать его»⁸³. Таким образом, заведомо predetermined целью деятельности землевольцев в деревне было массовое, общероссийское восстание крестьян.

Пролетариям не придавалось большого значения в предстоящем крестьянско-революционном движении, так как они считались тем же деревенским людом, который подвизается ради заработка на промышленном производстве. В программных документах «Земли и воли» рабочие перечисляются в общем ряду с другими слоями населения Российской империи. Землевольцы, в том числе и Александр Михайлов, считали необходимой «агитацию и пропаганду среди городских рабочих, и воспитание их в борьбе путем стачек. В этой борьбе приближать их к мысли о переходе фабрик и заводов в собственность производительных общин. Фабричные рабочие, в большинстве крестьяне, перенесут, возвращаясь в свои деревни, и туда оживленные в них стремления к “Земле и воле”»⁸⁴.

Вместе с тем агитацию необходимо развернуть среди студентов и интеллигенции, которая «является главным контингентом для пополнения рядов ... нашей организации и отчасти источником средств», — писалось в майской программе. Предусматривалось и «заведение связей с либералами с целью их эксплуатации в свою пользу», а также «привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях»⁸⁵, «с целью парализовать их противодействие революционным начинаниям», — пояснял Александр Михайлов. Контактировать следовало и с войсками, прежде всего с офицерством, «обращая их на служение интересам народа и приготавливая переход войск в решительную минуту на его сторону»⁸⁶. Однако, по свидетельству М.Н. Ошаниной, «пропаганде в войске не придавали значения и, когда случалось распропагандировать военного, предлагали ему выйти в отставку»⁸⁷.

Терроризму, или как тогда говорили «дезорганизации», отводилось особое место в землевольческих планах. Народнические теракты поначалу были реакцией на многочисленные неудачи «хождения в народ». «Все находили в то время после революционного разгрома 73—75 гг., — вспоминает В. Фигнер, — непереносимым оставить без возмездия все произвольные аресты, многолетнее предварительное заключение, нередкое надругательство над человеческой личностью политических заключенных. Казалось рабством, что рука мстителя до сих пор не поднималась и что сами арестуемые сдавались полиции без сопротивления. ... Теперь этого не будет: надо защищать оружием свою свободу, неприкосновенность своей личности и своего жилища. Мирное, незлобивое время миновало»⁸⁸.

На дезорганизацию, то есть терроризм, возлагались многие функции, о которых не говорилось в программных документах. Их перечисляет в воспоминаниях Аптекман: «защита от правительственного произвола», освобождение товарищей из заключения, вооруженное сопротивление при арестах, убийство предателей⁸⁹. Допускались также теракты в качестве мести⁹⁰. Попов пишет в воспоминаниях о сельских боевых отрядах: «В протестах, возникавших на почве аграрных или правовых насилий над деревенским населением, дезорганизаторы должны были являться мстителями особенно усердствующим администраторам»⁹¹. Со слов Натансона, зачинателя землевольческого движения, Фиг-

нер свидетельствовала: «Говоря о деятельности в деревне, землевольцы определяли, что там, в провинции, должна вестись партизанская война, которая должна состоять в устранении кинжалом и револьвером наиболее ретивых лиц, ненавистных почему-либо народу. По мнению организации это усиливало бы возбуждение в местном населении. Акты подобного рода должны были совершаться не теми, кто живет оседло среди крестьянства, но наезжими членами общества по призыву местных революционеров»⁹². Дезорганизаторской группе были предоставлены широкие полномочия и значительные материальные средства.

Изначально допускались политические убийства вплоть до высших сановников, мешающих достижению программных целей. Марк Натансон, излагая в 1876 г. Вере Фигнер землевольческую программу, говорил о предполагаемых «боевых актах по отношению к различным представителям государственной власти: министрам, шефам жандармов, следователям по политическим делам. Если эти лица отличаются особой злобностью, дурно обращаются с арестованными, грубы и нахальны с родственниками последних или отличаются беззастенчивым карьеризмом, ради которого хватают людей направо и налево и налагают тяжелейшие кары по самым пустым поводам — они должны быть сметены с лица земли членами общества. Устранение наиболее рьяных слуг правительства должно было, по мнению землевольцев, вносить смуту и деморализацию в среду представителей государственной власти»⁹³.

Землевольцы собирались тем самым «ослабить, расшатать, то есть дезорганизовать силу государства, — как писалось в майской редакции программы, — без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания». Потому и необходимо «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства»⁹⁴.

По словам Михайлов, «в первый период деят[ельности] должна была преобладать организ[ационная] работа, а дезорганиз[ация] — усиливаться и развиваться по мере подгот[овки] нар[ода] и общ[ества] к революции»⁹⁵. Он подчеркивал, что в моменты массовых народных выступлений целесообразно «исполнение ряда террористических поступков, разрушающих централизацию государственной системы и дающих возможность разливаться движению вширь»⁹⁶, для чего необходимо «образование дружин боевого характера из встречающихся в народе революционеров-самородков, для борьбы действием: они должны служить оплотом начинающимся движениям»⁹⁷.

Тотальный террор намечалось развязать только с началом общей крестьянской революции. Согласно редакции программы начала 1878 г., революционеры по-нечаевски готовили «в дни расчета массовое истребление правительства» и вообще всех лиц, которыми «держится или может держаться тот или другой ненавистный нам порядок»⁹⁸.

Но это еще не все в далеко идущих планах. Как свидетельствовала Фигнер, «для обеспечения успеха народного движения необходимо в нужный момент нанести правительству такой удар в центре, который внес бы панику в ряды его и дезорганизовал его силы. Под таким *центральным* ударом подразумевалось уничтожение царя и всей семьи его»⁹⁹. «Программа не определила детально организацию этого удара, — поясняла она, — но совершенно ясно ставила его в зависимость от деятельности в деревне. Когда среди крестьянства будет подготовлено движение, и возбужденное настроение придет в действие; когда в провинции вспыхнет восстание, обещающее широко разлиться в стране, *только тогда* по сигналу из деревни в столице должен быть нанесен *центральный удар*».

И слово *динамит* было выговорено. Это посредством его, посредством его колоссальной разрушительной силы должен был совершиться “удар”, который

внесет ужас и дезорганизацию в государственную машину и даст возможность народному восстанию окрепнуть, охватить обширный район и привести к победе»¹⁰⁰.

Таким образом «Земля и воля» изначально формировалась как подпольная террористическая организация. Но терроризм на первом этапе еще не рассматривался как самостоятельный способ борьбы с самодержавной системой власти.

Землевольцы «о захвате власти не желали и слышать»¹⁰¹: они были непоколебимо уверены, что народная революция «снизу» сметет до основания государственный имперский аппарат, поэтому тратить силы на промежуточные задачи — на заговор и правительственный переворот — не было никакого смысла. «Захвата власти они (землевольцы. — Ю.П.) не признавали, — свидетельствовал Тихомиров, — а допускали лишь “дезорганизацию правительства”»¹⁰². Они ожидали скорой и победоносной революции, после которой удастся с помощью народа и для народа провести федеративно-общинные антигосударственные формы социума, в котором сами собой установятся демократические институты.

«Конечный политический и экономический идеал — анархия и коллективизм», — гласило землевольческое кредо. Землевольцы оставались сторонниками бакунинской социалистической модели — анархо-коллективизма и недвусмысленно заявляли о приверженности именно бакунинской секции Первого Интернационала — Юрской федерации, противостоящей К. Марксу: «Из всех родов западноевропейского социализма мы всецело сочувствуем федералистскому интернационалу, то есть анархистам»¹⁰³.

Революционным «бунтарям» казалось, что они выражают волеизъявление русского крестьянства, которое по своей глубинной сути анархично и тяготеет к социализму. «В задачах, которые мы себе ставим, — заявлял А.А. Квятковский, — мы анархисты постольку, поскольку анархичен сам народ; мы социалисты постольку, поскольку социалистичен народ в его идеалах и стремлениях»¹⁰⁴.

Тем не менее, в варианте программы, утверждая социалистичность «коренных черт характера русского народа», оговаривалось, что «осуществление анархических идеалов во всей их полноте в данный момент невозможно», ибо «большинство общин еще не дошло до такого нравственного и умственного развития», чтобы принять во всей полноте народнический идеал¹⁰⁵. Полное торжество анархизма виделось в далеком и счастливом будущем. «Мы по убеждению *анархисты*, — заявлял Квятковский. — Не в том пошлом, бранном значении этого слова, которое придается ему и в обыкновенном разговоре и в нашей легальной литературе; — нет, но в том прекрасном, высоком значении, которое относится к представлению идеала будущего общественного устройства, где высочайшее умственное и нравственное развитие человека совершенно устраняет необходимость всяких принудительных общественных форм, где развитие солидарности и общественных инстинктов не допускают сами собою проявления антиобщественных чувств в человеке. Это идеал, и идеал, конечно, очень отдаленный»¹⁰⁶.

В землевольческих программных документах не случайно отсутствовали задачи политической борьбы и введения конституционного строя в царской России. Та же бакунинская социологическая доктрина оказала решающее влияние на представление землевольцев об ущербности чисто политической борьбы, которая может привести к изменению государственно-правовых форм общества, к их демократизации, но сохранит социальное неравенство, господство капитала и эксплуатацию трудящихся. А в России к тому же консолидирует пока еще слабую буржуазию — неизбежного противника социалистов.

Народнические революционеры 1870-х гг. в силу своих анархических взглядов считали ненужной и даже вредной борьбу с правительственной властью за введение демократических форм правления. Им казалось nonsensом добивать-

ся конституционализма, гражданских прав, политических свобод и т. п., когда с близким торжеством социалистической крестьянской революцией сразу осуществится и экономическое, и политическое освобождение народа.

Отстаивать демократические институты было весьма нерасчетливо еще и потому, что их плодами воспользуются не трудящийся люд, а буржуазия, что затормозит революционно-социалистическое движение в стране. Еще в кружке «чайковцев» Кропоткин, апологет анархизма, писал в записке, имевшей программное значение, для последующих народников: «Обладание политическими правами содействует со всех сторон уменьшению революционного почина. ... Нам говорят: чем свободнее обсуждение вопросов, тем лучше выяснять неясные стремления и тем легче будет их осуществить. В абстрактной форме это бесспорно ... Но где и когда? В будущем строе — да! В нынешнем — абсолютно нет ... Если приобретение политических прав дает полную свободу высказываться социалистам, то оно дает не меньшую свободу и их противникам, то есть рядом с проповедью социальных идей идет проповедь антисоциальных». И Кропоткин приводил в пример западноевропейскую буржуазную прессу, которая «ужасна» не столько «мерзостью воззрений», а тем, что «опутывает человека туманом чуждого ему мира». Потому «стоит вспомнить, сколько ежегодно развращает людей каждая такая газета, чтобы проклясть эту свободу слова в современном обществе, без возможности социалистического противовеса»¹⁰⁷.

К вопросу политической борьбы за демократизацию страны землевольцы относились с прямой неприязнью. «Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью, — говорилось в передовой статье первого номера «Земли и воли», — значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной и временной. Такое направление в нашей деятельности было бы великой ошибкой еще и с другой стороны, со стороны тактики партии. Падение нашего современного политического строя не может подлежать ни малейшему сомнению. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать это. Вопрос только о дне и часе, когда это совершится. Этот строй, поражаемый со всех сторон, падет, уступив место более современному конституционному строю, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия помещиков, купцов, фабрикантов, — всех владельцев капитала движимого и недвижимого, словом, буржуазию в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрозненны и потому бессильны; конституционная же свобода, как бы жалка она ни была, им то во всяком случае дает возможность организовать в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов»¹⁰⁸.

К тому же крестьянству, интересы которого землевольцы отождествляли со своими, демократические институты были абсолютно не понятны и чужды. Фигнер с прямой откровенностью заверяла, что «прямо нелепо было бы говорить ему (мужику. — Ю.П.), безграмотному, полному невежества и предрассудков, совершенно лишенному каких-либо политических понятий о народном представительстве, о народном избирательном праве, о необходимости гражданской свободы, — ему, вчерашнему рабу. Рабу по привычкам, традициям, всему укладу жизни!...»¹⁰⁹.

В России прежде всего необходим «экономический переворот», то есть насильственная передача всей земли крестьянству, а «политический переворот» произойдет в след за этим сам собой. Общую точку зрения народников Фигнер выражала в мемуарах следующим образом: «Неужели же мы, русские революционеры, желающие блага народу, последуем примеру европейской буржуазии и будем манить его на борьбу за конституцию, за политическую свободу, которая не даст народу того, что ему всего более нужно — хлеба?! Никогда...»¹¹⁰.

Л.Э. Шишко дал историческое обоснование отказа русских революционеров 1870-х гг. и землевольцев от политической борьбы, от «демократического переворота» в стране: «Революционеры 70-х годов признавали лишь бесплодность и даже вредное значение таких политических переворотов, в которых народные массы не играли бы самостоятельной роли, а служили бы простым орудием в руках буржуазии. Это была очень распространенная тогда мысль, навеянная еще литературой 60-х годов (вспомните, например, статьи Добролюбова о Кавуре и итальянском парламенте). Отрицательное отношение к буржуазным политическим переворотам сложилось тогда у русской интеллигенции, всегда стоявшей на строго социалистической точке зрения, под влиянием известных событий западноевропейской политической истории XIX-го века: июньских дней во Франции, полного разрыва между буржуазией и пролетариатом во всем движении 48 г. и, наконец, под влиянием Интернационала и только что происшедшего тогда подавления парижской коммуны. К всему этому надо еще прибавить, что русская легальная литература была полна тогда описаниями бедственного положения западноевропейского пролетариата. Вот источники резкого отрицательного отношения нарождавшейся социалистической партии в России к буржуазным политическим переворотам». «А если принять в соображение полную неподготовленность и полную неспособность русской буржуазии 70-х годов к какому-то ни было революционному движению, то окажется, что революционная программа 70-х годов, со всей ее кажущейся непрактичностью и ее идеализацией народа, была единственно возможной тогда революционной программой»¹¹¹.

Капитализм на Западе действительно в период своего становления и роста вполне явственно проявил свои негативные черты. Лозунги «свободы, равенства, братства», которые несли буржуазные революции, к середине XIX в. казались русской протестной интеллигенции лживыми, ибо буржуазия эгоистически заботилась прежде всего о своих интересах, насильственно подавляя жизненные требования рабочих масс. Однако буржуазное общество, основанное на капиталистическом производстве, сумело преодолеть родовые травмы и реализовать подлинные демократические формы в социуме — конституционное правление, гражданские свободы и пр. Русские революционеры-разночинцы не могли из «своего далеко» разглядеть благую перспективу и выбрали ошибочный путь. Путь к социализму, тупиковый и утопический во всех вариациях, в том числе и крестьянский.

В этой связи развитие капитализма в России было воспринято землевольцами крайне отрицательно, так как его утверждение в сельском хозяйстве выбивало краеугольный камень из народнической доктрины общинного социализма. Складывающиеся в пореформенной деревне капиталистические отношения разрушали общинные отношения, на которых, казалось, зиждился будущий социализм в России.

После отмены крепостного права ростки капитализма стали бурно пробиваться на российской почве. Наиболее проникательные демократические публицисты заметили уже в 1860-х гг., что «язва пролетариата» уже проникла в отечество, а новоявленный «чумазый» буржуа из плебеев исподволь набирает силу. Деревня расслаивалась на зажиточных предпринимателей, «капиталистских» крестьян-мироедов и на эксплуатируемый общинный люд. Этот неотвратимый процесс воочию происходил на глазах революционеров-социалистов и не мог их не настораживать.

Однако они полагали, что капиталистическое производство чуждо российской экономике и насаждается «сверху» самодержавным государством, что Россия вполне может миновать капиталистическую фазу развития человечества. «А потому, — пояснял Аптекман, — и ближайшей нашей целью было — бороться

не на живот, а насмерть с этим государством. Мы рассуждали так: если тем или другим способом мы уничтожим, устраним это государство, то тогда спадут тяжелые цепи, тормозившие до сих пор нормальное и поступательное развитие «исконных начал» нашей деревни (т. е. общинно-социалистических. — Ю. П.). ... Сам по себе, думали мы, капитализм не имеет у нас никаких шансов на жизнь: освобожденные творческие силы нашей деревни, помимо других влияний, — международно-экономических и проч., — сумеют вовремя подсесть в самом корне дальнейший рост его. Вообще, мы тогда третировали наш нарождающийся капитализм, как *quantité negligible* ¹¹². ... Мы все, — и старые, и молодые народолюбцы, — глубоко верили в то, что нас, русских, минует эта горькая чаша — капиталистическое производство» ¹¹³.

Землевольцы нацеливались совершить революцию как можно скорее, так как «развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства) разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания» ¹¹⁴. С уничтожением царистского государства и с победой крестьянского социализма будет разом покончено с капитализмом по всей стране. В передовой статье «Земли и воли» предвозвещалось: «Революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу» ¹¹⁵.

В исторической перспективе землевольцы занимали парадоксальную позицию: с одной стороны, они выступали против феодально-крепостнических пережитков в стране, а с другой, — против развития капитализма. Благо народа виделось не в развитии производства, которое, разумеется, могло быть только капиталистическим, а в исторически сложившемся регрессивном состоянии сельского хозяйства, сохранявшего рудименты феодального производства — застойную общину.

В крестьянской общине они находили основы русского социализма. Захват и справедливое распределение земли между крестьянами, а также самоуправление сельского мира они ошибочно считали исходной стадией социализма. Однако землевольческая аграрная программа способствовала бы развитию не социализма, а капитализма.

«Земля и воля» сформировалась как террористическая и анархическая организации революционных народников, ставивших своей целью крестьянскую революцию и установление социализма. В какой-то мере землевольчество можно считать предтечей анархических течений начала XX в.: анархистов-коммунистов (хлебовольцев) и анархо-индивидуалистов.

Без участия деревенских масс землевольцы не мыслили революции, но в то же время главным двигателем социального переворота в России признавали интеллигенцию, по П. Л. Лаврову и Н. К. Михайловскому, «критически мыслящие личности», которые будто бы могут свернуть развитие страны с неверного, буржуазного пути, сокрушить царизм и насильственно переделать российское общество по своей революционной программе.

Магистральное направление землевольческого движения сводилось к повторению «хождения в народ», став «его известным пиком» ¹¹⁶, — по оценке Н. М. Пирумовой. В сущности, менялся не идейный концепт революционного народничества, а лишь тактика пропагандистской деятельности. Следует согласиться с В. Я. Богучарским, что «политическая мысль землевольцев не сделала ни шагу вперед, и весь опыт движения “в народ” для них совершенно пропал даром» ¹¹⁷.

Программа «Земли и воли» была пропитана идеями Бакунина ¹¹⁸. В ее основе лежали скорректированные и усеченные принципы прежних бунтарей-

бакунистов. По исследованиям Пирумовой, «бакунизм, занимавший видное место в русском народничестве с начала 70-х годов, продолжал занимать те же позиции и в новой организации»¹¹⁹. В.А. Твардовская с некоторыми оговорками полагала, что период «Земли и воли» — «высшая стадия бакунизма в России»¹²⁰.

Невзирая на реальную социополитическую действительность, землевольцы были безоговорочно уверены, что выражают подлинные, исконные крестьянские интересы. Но российскому крестьянству в пореформенное время были начисто чужды революционизм и социалистичность, с чем столкнулись и первые «хожденцы в народ», и землевольцы.

Общественно-политические задачи, выдвигаемые «Землей и волей», разумеется, были неосуществимы, а вера в крестьянскую социалистическую революцию утопична, в чем скоро многие из них убедятся на собственном опыте. А исповедание доктрины аполитичности приведет «Землю и волю», в конце концов, к кризису и распаду.

Примечания

1. Показания А.Д. Михайлова на следствии. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А.Д. Михайлов. Л.-М. 1925, с. 101.
2. Там же, с. 111.
3. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 204.
4. Аптекман упоминает рукописную программу, «написанную Харизоменовым, при самом основании общества “Земля и Воля”». (АПТЕКМАН О.В. «Черный передел» (Страницы из истории общества «Земля и воля» 70-х годов). Вступительная статья. «Черный передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М.—Пг. 1923, с. 33.
5. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 192—193.
6. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография. Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат, с. 145. Характерно, что во время приема Адриана Михайлова программные положения организации также зачитывал С.А. Харизоменов.
7. МОРОЗОВ Н.А. Несколько слов об архиве «Земли и воли» и «Народной воли». (Письмо в редакцию сборника). Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М. 1932.
8. Государственный музей политической истории России в Санкт-Петербурге (ГМП ИР СПб.), ф. 2 (рукописно-печатный фонд), д. 13854, л. 1—2. Автограф А.Д. Оболенева.
9. ВАЛК С. Предисловие. Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 9.
10. Показания А.Д. Михайлова на следствии. М. 1932, с. 107.
11. Первая программа «Земли и воли». 1876—1877 гг. Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 53—54.
12. Тезисы народников. 1877 (?). Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.—Л. 1965, с. 33—34.
13. ЛИВШИЦ Г.М., ЛЯШЕНКО К.Г. Как создавалась программа второй «Земли и воли». — Вопросы истории. 1965, № 9.
14. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 383.
15. ЛИВШИЦ Г.М., ЛЯШЕНКО К.Г. Ук. соч., с. 47.
16. ФИГНЕР В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. I. М. 1964, с. 139—140.
17. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 193.
18. ПОПОВ М.Р. Записки землевольца. М. 1933, с.73.
19. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 292.
20. Мотивированные заметки к поправкам, вносимым в проект устава «Земли и воли». Заметки А.Д. Михайлова. Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 79.
21. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 294; Аптекман припоминает рукописную программу Адриана Михайлова. (АПТЕКМАН О.В. «Черный передел», с. 33).
22. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове. Соч. Т. I. М.—Пг. 1923, с. 162.
23. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 193.
24. ГМП ИР СПб., ф. 2, д. 12675. Автограф А.Д. Оболенева.
25. Вторая программа «Земли и воли». Первоначальная редакция. 1878 г. Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», с. 54—57.
26. Программа «Земли и воли». Не ранее конца 1876 г. ~~Первоначальная редакция. Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 26—30.~~

27. ПОЛОНСКАЯ [ОЛОВЕННИКОВА, ОШАНИНА] М.Н. К истории партии «Народной воли». — Былое. 1907, № 6, с. 4.
28. МИХАЙЛОВ А.Д. Автобиографические заметки. ПРИБЫЛЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. Ук. соч., с. 50.
29. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 147.
30. ПЛЕХАНОВ Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России». Соч. Т. XXIV. М.-Л. 1927, с. 103.
31. Хранится в ГМП ИР СПб., ф. 2, д. 13855. Подлинник рукописный.
32. АПТЕКМАН О.В. «Черный передел», с. 33.
33. МИХАЙЛОВ А.Д. Автобиографические заметки, с. 50.
34. АПТЕКМАН О.В. «Черный передел», с. 33.
35. ПЛЕХАНОВ Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России», с. 103.
36. Письмо А.Д. Михайлова — основному кружку землевольцев. 20 сентября 1878 г. Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 93.
37. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 125.
38. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 241.
39. Народолец А.И. Баранников в его письмах. М. 1935, с. 144.
40. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 73.
41. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 102.
42. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 282, оп. I, д. 396, л. 293. МИХАЙЛОВ А.Д. Тюремные тетради. Записка о развитии идей социализма в России в 1870-х — 1880-х годах. Не позднее 15 февраля 1882 г. Автограф.
43. Редакция программы «Земли и воли». Начало 1878 г. Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 28.
44. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 30.
45. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 108.
46. В редакции программы начала 1878 г. прямо говорилось: «Правовые народные воззрения признают несправедливым тот порядок, при котором земля отчуждается в частную собственность». (Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 27).
47. Общинное землепользование сложилось не во всех регионах Российской империи, например, его не было на Украине и в Прибалтике.
48. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 30.
49. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского. — Красный архив. 1926, т. 1, с. 164.
50. ПЛЕХАНОВ Г.В. Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. Соч. Т. I. М. 1923, с. 65—66.
51. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 91.
52. Там же, с. 108.
53. Редакция программы «Земли и воли». Начало 1878 г., с. 28.
54. Там же, май 1878 г., с. 31.
55. Тезисы народников. Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 28.
56. БАКУНИН М.А. Программа интернационального Братства. — Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки, 2006, № 5; СТЕКЛОВ Ю. Что разделяет и что сближает нас с Бакуниным. — Вестник Коммунистической академии. 1926, кн. XVIII, с. 23—24.
57. Авторство С.М. Кравчинского установлено Е.Е. Колосовым (КУЗЬМИН Д. [КОЛОСОВ Е.Е.] Народолецкая журналистика. М. 1930, с. 220).
58. От редакции. Земля и Воля. 1878, 25 октября, № 1. Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. Базилевского [В. Богучарского]. Paris. 1905, с. 121.
59. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 30.
60. Там же, начало 1878 г., с. 31.
61. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 145.
62. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 30.
63. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 192—193.
64. От редакции. — Земля и Воля. 1878, 25 октября, № 1, с. 123.
65. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 30—31.
66. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 164.
67. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 31—33.
68. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 101.
69. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 31—32.
70. ТИХОМИРОВ Л. Воспоминания, М. 2003, с. 85—86.

71. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. КАНТОР Р.М. К истории революционного движения 1870—1880-х годов. (Неизданная записка Льва Тихомирова). — Каторга и ссылка. 1926, № 3, с. 118.
72. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 32—33.
73. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 102.
74. Там же, с. 61.
75. ПОПОВ Р.М. Ук. соч., с. 74.
76. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 181.
77. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 73.
78. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 195.
79. Программа «Земли и воли». Май 1878 г., с. 33. Об этом же говорилось и в «Тезисах народников», с. 34.
80. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 108.
81. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. ФИГНЕР В.Н. СС. Т. 5. М. 1932, с. 228.
82. ГИМ ОПИ, ф. 282, оп. I, д. 396, л. 293. МИХАЙЛОВ А.Д. Тюремные тетради: Записка о развитии идей социализма в России в 1870-х — 1880-х годах.
83. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 194.
84. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 108.
85. Программа «Земли и воли». Май 1878 г., с. 33.
86. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 108.
87. ПОЛОНСКАЯ [ОЛОВЕННИКОВА, ОШАНИНА] М.Н. Ук. соч., с. 4.
88. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1185, оп. 1, д. 147, л. 109—110. ФИГНЕР В.Н. «Земля и воля». Воспоминания. Автограф. 1913—1914.
89. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 197—198.
90. ПОЛОНСКАЯ [ОЛОВЕННИКОВА, ОШАНИНА] М.Н. Ук. соч., с. 4.
91. ПОПОВ М.Р. Ук. соч., с. 74. Этот пункт только намечался, а включен в программу был только на Воронежском съезде.
92. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 147, л. 107—108.
93. Там же, л. 108—109.
94. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 32—33.
95. ГИМ ОПИ, ф. 282, оп. I, д. 396, л. 293. МИХАЙЛОВ А.Д. Тюремные тетради. Записка о развитии идей социализма в России в 1870-х — 1880-х годах.
96. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 109.
97. Там же, с. 108.
98. Редакция программы «Земли и воли». Начало 1878 г., с. 30.
99. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов, с. 231.
100. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 147, л. 110—111.
101. ПОЛОНСКАЯ [ОЛОВЕННИКОВА, ОШАНИНА] М.Н. К истории партии «Народной воли», с. 4.
102. ТИХОМИРОВ Л. Воспоминания, с. 86.
103. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 30; начало 1878 г., с. 27.
104. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 164.
105. Редакция программы «Земли и воли». Начало 1878 г., с. 29.
106. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 164.
107. КРОПОТКИН П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. I. 1870—1875 гг., с. 82—83.
108. От редакции. — Земля и Воля. 1878, 25 октября, № 1, с. 124—125.
109. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 147, л. 105—106.
110. Там же, л. 88—89.
111. ШИШКО Л.Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. Из воспоминаний и заметок старого народника. Собрание сочинений. Т. IV. Статьи по истории русской общественности. Пг. 1918, с. 147—148.
112. Нечто, не стоящее внимания (фр).
113. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 307.
114. Редакция программы «Земли и воли». Май 1878 г., с. 31.
115. От редакции. — Земля и Воля. 1878, 25 октября, № 1, с. 121.
116. ПИРУМОВА Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М. 1990, с. 265.
117. БОГУЧАРСКИЙ В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М. 1912, с. 348.
118. ПИРУМОВА Н.М. Ук. соч., с. 265—269; СТЕКЛОВ Ю.М. Михаил Александрович Бакунин. Т. 4. М. 1934, с. 216.
119. ПИРУМОВА Н.М. Ук. соч., с. 268.
120. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М. 1969, с. 11—12, 16.

Граф Владимир Николаевич Ламздорф

А.Ю. Лошаков

Советская историография долгие годы не уделяла должного внимания роли личности в истории, предпочитая изучать исторические процессы с помощью обезличенных категорий (формация, класс и др.). Об изучении биографий людей, близких к последнему российскому императору, и говорить не приходилось. Между тем, и до настоящего времени в историографии нет должного отражения жизни и деятельности целого ряда лиц рубежа XIX—XX веков. Среди них следует назвать графа Владимира Николаевича Ламздорфа.

Личность графа Ламздорфа, министра иностранных дел России с 1900 по 1906 г., интересна как сама по себе, так и в контексте бурных событий конца XIX — начала XX века. Он был одним из тех, кто определял внешнюю политику России в тот период, когда наша страна в условиях нарастающего внутреннего кризиса делала судьбоносный выбор между союзом с Францией и союзом с Германией.

Историкам и любителям отечественной истории он знаком, прежде всего, как автор дневников, три тома которых были опубликованы в 1926, 1934 и 1991 годах. Эти дневники, охватывающие период с 1886 по 1896 г., являются интересным источником, отразившим множество событий отечественной и международной истории¹. О дипломатической деятельности Ламздорфа отечественными и зарубежными исследователями написано немного, а о его личности мы можем почерпнуть в литературе лишь очень скудную информацию. Как правило, это только краткие биографические статьи из энциклопедий и справочников. После отставки Ламздорфа и его смерти в литературе твердо утвердились отрицательные оценки личности и деятельности графа. Это во многом было связано с тем, что его имя ассоциировалось с неудачами России в русско-японской войне. Так в 1907 г. в № 4 «Вестника Европы» появилась статья публициста Людвиг Зиновьевича Слонимского, в которой утверждалось, что Ламздорф был «...верным “слугою” высших сфер, покорным исполнителем или пассивным свидетелем чужих случайных и переменчивых решений», а также, что «...он не чувствовал ответственности перед страной»².

В советской историографии граф Ламздорф, как и многие другие царские сановники, был подвергнут «разоблачению» историками, работавшими в рам-

Лошаков Антон Юрьевич — аспирант исторического факультета МГУ.

ках концепции так называемой «школы Покровского». Например, историк Ф.А. Ротштейн считал, что Ламздорфу присуще «убожество духа» и «чисто животный, индивидуалистический и малодушный эгоизм»³. Аналогичную характеристику графу Ламздорфу дал другой известный советский историк Б.А. Романов. Ламздорф, в его понимании, — техник с «многолетним бюрократическим опытом и вышколенным при Александре III полным отсутствием вкуса к инициативе», находившийся в «безграничном подчинении» у С.Ю. Витте⁴.

Только в последнее время на личность Ламздорфа историки взглянули по-другому. В 1991 г. под редакцией В.И. Бовыкина с переводом и комментариями И.А. Дьяконовой вышел третий том дневников Ламздорфа за 1894—1896 годы. В предисловии Дьяконовой отмечаются замалчивавшиеся до этого положительные черты его личности — скромность, исполнительность, трудолюбие, набожность⁵. В настоящее время в отечественной и зарубежной историографии встречаются различные оценки графа Ламздорфа⁶. В 2001 г. в сентябрьском номере журнала «Дипломатический Вестник» появилась отдельная обзорная статья Т.О. Лиманской, посвященная деятельности графа Ламздорфа на посту главы МИД России⁷. Совсем недавно вышла новая монография И.С. Рыбаченок, подробно освещающая внешнюю политику России рубежа XIX—XX вв.⁸, в которой фигура графа Ламздорфа является одной из ключевых.

Граф Владимир Николаевич Ламздорф родился 25 декабря 1844 года. Он принадлежал к родовитой дворянской фамилии из Вестфалии, уходящей своими корнями в XIII век. Первым Ламздорфом, многого достигшим в нашей стране, стал Матвей Иванович Ламздорф — участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг.; первый губернатор присоединенной к России Курляндии, с 1800 г. — воспитатель великих князей Николая Павловича (будущего Николая I) и Михаила Павловича. Граф Владимир Николаевич Ламздорф гордился своим делом. Дьяконова считает, что дед Ламздорфа «стал для него самого как бы символом высшего взлета его дворянского рода в России в смысле общественного положения и богатства». Ламздорф отметил в дневнике день 150-летней годовщины со дня рождения своего деда⁹.

Отец В.Н. Ламздорфа, Николай Матвеевич (1804—1877), был директором лесного департамента и генерал-адъютантом¹⁰. Уважая отца, Ламздорф, очевидно, был более привязан к матери Александре Романовне (урожденной Ренни)(1808—1873). Она была в его глазах хранительницей домашнего очага, обеспечивавшей семейное благополучие. Ее смерть для графа явилась не просто личной трагедией, а крушением всего мира детства¹¹.

Ближайшие родственники Ламздорфа входили в число придворных: его брат Александр (1835—1902) был гофмейстером двора, а его племянница Мэри, дочь Александра, была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, пока не вышла замуж за дипломата Михаила Апполинарьевича Хрептович-Бутенева.

Ламздорф ни разу не был женат и не имел детей. Несмотря на наличие многочисленных родственников и друзей, он ощущал себя весьма одиноким человеком. Недаром в разговоре со своим другом монахом Пименом (Сипягиным) он признался, что его «почти ничего уже не связывает» с миром, и продолжил: «Вы знаете, что я вижу только с родственниками, друзьями и с теми, с которыми мой долг и жизнь сами меня заставляют быть в сношении. С мирянами у меня общения нет; им скучно со мной, отшельником, а мне еще тяжелее с ними...»¹². Такое добровольное «отшельничество» — на самом деле просто нелюдимость, не свойственная дипломату. Очевидно граф Ламздорф своим поведением довольно резко выделялся среди коллег. Особенности его характера можно объяснить то, что он никогда не работал в дипломатических представительствах за границей.

В 1861 г. семнадцати лет от роду, после трех с половиной лет обучения в Пажеском корпусе, Владимир Николаевич Ламздорф был определен на службу в Собственную Его Императорского Величества канцелярию придворным камер-пажом. Пять лет спустя в чине титулярного советника он перевелся в департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел. За первые десять лет Ламздорф дослужился до чина статского советника и стал первым секретарем канцелярии. После возвращения министра иностранных дел А.М. Горчакова с Берлинского конгресса, он вместе с Н.К. Гирсом, будущим преемником Горчакова, удостоился чести побывать на приеме у императора в Ливадии. С тех пор карьерный рост графа значительно ускорился. В 1879 г. он стал камергером и управляющим литографией МИД и получил хорошую квартиру в здании министерства на Певческом мосту. С апреля 1881 г. Ламздорф — второй советник министра и действительный статский советник, с сентября 1882 г. — директор канцелярии министерства, а с апреля 1886 г. — первый советник министра. В апреле 1889 г. он стал гофмейстером, что соответствует 3-му классу табели о рангах. Уже будучи министром иностранных дел, он был пожалован в действительные тайные советники (1 апреля 1901 г.) и в статс-секретари его императорского величества (6 мая 1902 г.)¹³.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранились личные документы Ламздорфа, из которых можно узнать о его служебных обязанностях в начале дипломатической карьеры. Это его подорожные, иностранные паспорта и свидетельства об отпусках. Из них мы узнаем, что Ламздорф часто ездил за границу в качестве курьера. Так в августе 1871 г. надворный советник, камер-юнкер Ламздорф был направлен курьером с депешами через Вену в Италию, в апреле 1873 г. — в Берлин, в мае того же года он снова отправился в Берлин. В 1877 г., после нескольких лет перерыва в зарубежных командировках, Владимир Николаевич, еще камер-юнкер, но уже статский советник и 1-ый секретарь канцелярии МИД, отправляется в феврале с депешами в Вену, в июне — через Берлин и Лондон в Париж, а в сентябре — через Берлин в Берн. За эти годы Ламздорф несколько раз уходил в двухмесячный отпуск с августа по октябрь и уезжал в Московскую, Орловскую и Курскую губернии. Об этом сохранились документы за 1872, 1874 и 1875 годы¹⁴.

О личности графа Ламздорфа имеется целый ряд мемуарных свидетельств. Все они не беспристрастны, но, дополняя друг друга, позволяют неплохо представить себе этого человека. Степень их объективности зависит от многих обстоятельств, и в каждом конкретном случае ее надо оценивать отдельно. Министр финансов С.Ю. Витте, многолетний приятель и политический союзник Ламздорфа в борьбе придворных группировок, писал в своих мемуарах, что он был человеком «в высокой степени рабочим». «Он (Ламздорф. — А.Л.) был прекрасный человек, отличного сердца, друг своих друзей, человек в высокой степени образованный...человек очень скромный». Витте называл Ламздорфа «ходячим архивом» МИД. В другой главе своих мемуаров он возвращается к личности Владимира Николаевича и дополняет свою характеристику: «Граф был благороднейшим и во всех отношениях порядочным человеком. Умный, бесконечно трудолюбивый... он отлично знал свое дело. Это не был орел, но дельный человек. Он пользовался уважением всех дипломатов, так как если что говорил, то говорил правду. Человек с изысканными светскими манерами, но не любящий и даже не переносящий общества. В заседаниях он не мог говорить, наедине или в близком кругу всегда выражал свое мнение толково и с большим знанием». Витте пишет, что граф был убежденным монархистом, поэтому готов был мириться с любыми решениями императора и принимать их, даже, если считал ошибочными. После своего перемещения с поста министра финансов, Сергей Юльевич предложил Ламздорфу уйти в от-

ставку. Последний не согласился с этим предложением, мотивируя это тем, что он обязан подчиняться самодержавному государю даже, если не согласен с ним. В этой ситуации Витте охарактеризовал Ламздорфа как человека, имеющего «крайне эластичное Я»¹⁵.

А.П. Извольский, посол в Японии и в Дании, а позже преемник Ламздорфа на посту министра иностранных дел, в своих воспоминаниях дает не только характеристику личности, но и описание внешнего облика графа: «...человек маленького роста, выглядевший чрезвычайно молодым для своего возраста со светлыми рыжеватыми волосами и маленькими усами, всегда причесанный, завитый и надушенный с большой заботой». Он свидетельствует, что Ламздорф обладал изысканным стилем речи и одевался тоже очень изысканно, со вкусом. Ламздорф, по его словам, — «... работоспособный, скромный, никогда не пренебрегавший своей работой для ведения рассеянного образа жизни», очень образованный и одаренный человек. Однако признавая личные достоинства Ламздорфа, Извольский обрушивается на него с резкой критикой в отношении управления им Министерством иностранных дел. «Линия поведения графа Ламздорфа по управлению министерством, — пишет Извольский, — неблагоприятно сказывалась на взаимоотношении центрального ведомства иностранных дел с его представительствами за границей. Он был совершенно недоступен для большинства своих подчиненных, окружив себя узким кругом личных друзей, среди которых распределял наиболее важные посты». Система управления, которую он выстроил в министерстве, лишала, по мнению Извольского, человека, не имеющего протекции, возможности занять какой-либо ответственный пост. Извольский, оценивая графа Ламздорфа как политика, во многом приходит к аналогичным с Витте выводам: Ламздорф — «тип наиболее совершенного придворного», выросшего «на ступенях трона». Извольский подчеркивает, что, обладая слабым характером, Владимир Николаевич «подчинялся сильной личности графа Витте» и нередко был от него зависим. «По семейной традиции и складу ума он склонялся в сторону германской ориентации и, будучи ярым сторонником самодержавного режима, с предубеждением относился к демократической Франции и конституционной Англии». Защиту же Ламздорфом русско-французского союза после Бьеркского соглашения Извольский объяснял тем, что тот только продолжал внешнеполитическую линию своих предшественников. Извольский считает, что министр иностранных дел, выступая защитником союза с Францией, «с такой же заботой и преданностью относился бы к любой системе, если бы она была принята императором, которому он считал необходимым слепо повиноваться»¹⁶.

В своей книге мемуаров русский дипломат Роман Романович Розен, в разные годы бывший посланником в Мексике, Греции, Сербии, Японии и США, пишет о графе Ламздорфе, что он был закоренелый бюрократ, который концентрируется на своей канцелярии, а внешний мир знает лишь по слухам. Розен отмечает способности, усердие и трудолюбие Ламздорфа. Касаясь частной жизни графа, Розен пишет, что он, «убежденный холостяк, страдающий почти истерической застенчивостью, вел жизнь затворника в своей квартире в здании МИД». Роман Розен считает, что Ламздорф как министр в критический для страны период оказался непригоден в силу некоторой ограниченности своих взглядов и недостатка практических знаний. Розен почти слово в слово повторяет характеристику графа, данную Извольским, о том, что он был «совершенным придворным», абсолютно преданным трону. Розен утверждает, что Ламздорф подчинял свою волю воле императора, а также считает, что сильное влияние на него оказывал граф Витте¹⁷.

Барон М.А. Таубе, юристконсульт в МИД, писал, что граф любил называть себя последним министром «старого режима», подчеркивая, что не прини-

мает никаких модных новых веяний, а остается верен старым принципам, то есть, ему не нравилось необдуманное и стремительное сближение России с Францией в ущерб отношениям с Германией. Граф придерживался в своей политике принципа балансирования между Германией и Францией, потому что поддержание хороших отношений с каждой из этих стран было равно необходимо для России. Он сравнивал себя с человеком, сидящим на двух стульях. Если баланс нарушить, человек упадет на пол. Нарушение баланса в международной политике, по мнению Ламздорфа, приведет к войне и гибели государства. Барон Таубе отмечает, что личные мотивы могли влиять на Ламздорфа при принятии им важных внешнеполитических решений. Барон был уверен, что, если бы Николай II и Вильгельм II пригласили бы его участвовать в акте подписания договора в Бьерке, то он не почувствовал бы себя обиженным и не выступил бы против этого договора¹⁸.

Министр народного просвещения И.И. Толстой относительно оценки Ламздорфа во многом был согласен с Розеном. Он писал про графа, что тот «был добрейший человек, но типичный образчик человека ограниченного, без каких бы то ни было государственных идей, с самыми комично-наивными представлениями о действительности, но с весьма корректными внешними формами общения. Одним словом, это был тип милого, но малодаровитого человека, сделавшего карьеру и приобретшего даже недурную репутацию не благодаря своему уму, а благодаря корректности»¹⁹.

Дипломат Ю.Я. Соловьев, упоминая в своих воспоминаниях Ламздорфа, во многом сходится с Толстым: «... про графа Ламздорфа говорили, что своей карьерой он во многом обязан красивому почерку и умению чинить карандаши и гусиные перья для канцлера князя Горчакова, при котором он начинал свою службу»²⁰. Интересную зарисовку внешности и манер графа Ламздорфа, дополняющую воспоминания Извольского, сделал в письме своей дочери флигель-адъютант и доверенное лицо германского императора Вильгельма II Хельмут фон Мольтке-младший: «Граф Ламздорф, маленький лысый человек, который всегда выглядит так, словно стоит на цыпочках, чтобы казаться выше, и даже свои редкие волосы зачесывает за ушами наверх, чтобы они стояли дыбом; при этом он принимает наполовину мрачное, наполовину благосклонное выражение и выпячивает нижнюю губу»²¹.

Таким образом, современники, знавшие нашего героя, сходятся в основных чертах при описании, как его внешности, так и характера, отмечая аккуратность, изысканные манеры, ум, трудолюбие, порядочность, но одновременно застенчивость и нелюдимость. Все мемуаристы сходятся в том, что Ламздорф был отличным канцеляристом, знатоком во многих вопросах, касавшихся его служебных обязанностей, убежденным монархистом. Большинство мемуаристов ставят в вину Ламздорфу его нерешительность, непоследовательность и зависимость от воли монарха и Витте. Что же касается, пожалуй, важнейшего вопроса в данном контексте — ориентации Ламздорфа в европейской политике — то здесь сравнение мемуарных свидетельств показывает, что Ламздорф не был ни последовательным германофилом, ни последовательным франкофилом. Он стремился поддерживать конструктивные отношения с обоими этими враждующими государствами; если же ему приходилось выбирать, чью сторону поддержать, то это определялось не личными предпочтениями министра иностранных дел, а нуждами текущего момента и решением императора, чьи распоряжения министр обязан был выполнять.

Так как граф Ламздорф был одним из самых работоспособных сотрудников МИД, через него проходила львиная доля входящих и исходящих документов Министерства иностранных дел. Кроме того, он входил в состав экзаменационной комиссии для лиц, желавших поступить на службу в МИД²².

Граф Владимир Николаевич Ламздорф был глубоко верующим человеком. Несмотря на свое немецкое происхождение, он исповедовал православие. Граф регулярно посещал богослужения в министерской церкви, Исаакиевском и Казанском соборах. Помимо обычных богослужений и официальных торжественных церемоний он посещал храм и в ответственные для министерства дни, чтобы помолиться за успешное завершение дела: «...я иду совершить обычную в дни доклада молитву в Казанском соборе»²³. О хороших отношениях Ламздорфа с представителями духовенства свидетельствует его обширная переписка. В основном, его корреспондентами являлись монахи из братии Сергиевского монастыря, расположенного близ Петергофа. Он переписывался с архимандритом Афанасием. В архиве сохранились письма графу Ламздорфу еще от целого ряда лиц духовного звания, в том числе от священника Иоанна Сергиева (Кронштадтского), канонизированного Русской Православной Церковью в 1990 году. В письмах представители духовенства поздравляют Ламздорфа с религиозными праздниками, благодарят за пожертвования, а иногда ходатайствуют о приеме того или иного лица на службу в МИД²⁴. Как это было тогда распространено, у Владимира Николаевича с юности был духовник. В личном фонде Ламздорфа в ГАРФ сохранилась его записка²⁵. Летом граф часто отдыхал в Сергиевском монастыре, много общался с монахами и послушниками, разделял с ними скромную монашескую трапезу²⁶.

Архивные документы свидетельствуют о том, что граф Ламздорф активно занимался благотворительностью, тем более что высокое жалование крупного чиновника МИД обеспечивало ему такую возможность: «...На сегодняшний день я получаю 7000 рублей жалованья, 2000 рублей аренды и 1500 рублей за цензуру политических телеграмм; занимаю одну из наиболее обширных квартир министерства...» (дневниковая запись от 1 апреля 1895 г.). Кроме того, Ламздорф имел поместья в Полтавской губернии общей стоимостью более 1 млн рублей²⁷. Граф был членом нескольких благотворительных обществ, куда он вносил пожертвования и членские взносы, не отказывая в помощи и частным лицам²⁸.

В 1886 г. граф Владимир Николаевич Ламздорф стал первым советником министра иностранных дел Николая Карловича Гирса, чьим полным доверием он располагал. В этой должности граф оставался до смерти Гирса в 1897 году. В этот период он превращается в одного из самых крупных чиновников министерства и начинает активно влиять на его работу. Благодаря особому расположению к нему со стороны Гирса, Ламздорф приобретает в министерстве даже большее влияние, чем предполагала его должность. Познакомиться с деятельностью графа Ламздорфа в это время помогает его дневник, который он начал вести как раз в 1886 году. Помимо этого, мы располагаем еще двумя ценными источниками, освещающими этот десятилетний период в его карьере, которые были найдены в личном архивном фонде графа. Это черновики его аналитических записок, которые озаглавлены «Обзор внешней политики России за время царствования Александра III» и «Политический обзор за 1888 год». Основное внимание обе записки уделяют отношениям России с Германией и Францией. Так, например, необходимость Союза Трех Императоров для России объяснялась в «Обзоре внешней политики России за время царствования Александра III», ограждением России «от коалиций, во главе которых встала бы наверняка Англия».

Граф Ламздорф как и министр иностранных дел Гирс, занимал в конце 1880-х гг. прогерманские позиции. В 1888 г. на германский престол вступил кайзер Вильгельм II. Владимир Николаевич Ламздорф надеялся на то, что с приходом к власти молодого кайзера отношения с Германией улучшатся, а Тройственный союз или, как его иначе любили называть в Германии, «Лига

мира» уйдет в прошлое. Составленный Ламздорфом «Политический обзор за 1888 год» был полон оптимизма в отношении Германии. В нем утверждалось, что после смерти кайзера Вильгельма I внутренний кризис в Германии «невыгодным образом влияет на прочность “Лиги мира”». Про нового кайзера Ламздорф писал: «Новый царствующий император Вильгельм II с самого вступления своего на престол обнаружил желание быть по отношению к России приверженцем политики, основанной на дружбе и освященной узами родства между Царствующими Домами»²⁹.

Отношения Франции и Германии Ламздорф рассматривал как приемлемые. Он считал, что вопрос об Эльзасе и Лотарингии можно решить только «полюбовным соглашением» с Германией. Возможность союза с Францией граф также рассматривал, но только тогда, когда там будет «сильное, устойчивое и благоразумное правительство»³⁰. В «Политическом обзоре за 1888 г.» Ламздорф писал: «Императорское правительство не думает, что симпатия к нам французского народа, выражаемая не всегда в удобной для нас форме, основана исключительно на расчете вовлечь нас в войну с Германией в пользу идей реванша. Подобными расчетами могут руководствоваться отдельные личности или партии. Мы лучшего мнения о народных чувствах... Французский народ желает мира и, потому мы думаем, что он видит в добром к нему отношении России лишь верную гарантию внешней своей безопасности. Внутренняя неурядица во Франции и шаткость в ней власти умаляют, к сожалению, ее влияние на решение международных дел»³¹.

Еще более остро, чем с Германией, складывались в конце 1880-х гг. у России отношения с ее ближайшей союзницей Австро-Венгрией. Противоречия касались вопроса влияния на славянские государства Балкан — Сербию и Болгарию. Как отмечал Ламздорф в «Обзоре...», «...опыт выяснил полную несовместимость интересов Австро-Венгрии на Балканском полуострове, как в то время их понимало правительство Франца-Иосифа, с нашими задачами в этих странах. Политика Австро-Венгрии, принявшая тогда весьма вызывающий и экспансионистский характер, делала для России дальнейшее участие в союзе с нею крайне затруднительным». Мнение Министерства иностранных дел о ситуации в Австро-Венгрии и о политике этого государства на Балканах граф Владимир Николаевич Ламздорф сформулировал в «Политическом обзоре» 1888 года. Прежде всего, он отметил неустойчивое внутривнутриполитическое положение Дунайской монархии, борьбу между ее «разноплеменными элементами», заметив, что активнее всего против австрийского государства и правительства выступают представители славянских народов. Далее Ламздорф пишет: «Императорское правительство не может ...оставить без внимания сдержанность и даже некоторую нетерпимость, проявленную Австро-Венгрией в оценке совершившихся в последнее время на Балканском полуострове кризисов, вызванных явно враждебными ей стремлениями»³². Ламздорф здесь очень верно определил, что славянский вопрос является ключевым в русско-австрийских отношениях. Как по военно-политическим, так и по экономическим причинам Балканы имели огромное стратегическое значение для обеих империй. Граф совершенно справедливо определил наилучший для России политический расклад на Балканах: «... для нас всегда выгодно, чтобы на Балканском полуострове были лишь небольшие государства, достаточно слабые, чтобы нуждаться в нашем покровительстве, в то время как любое государство более значительное и независимое стало бы нашим врагом»³³. Множество хлопот нашим дипломатам на Балканах доставляли Болгария и Сербия, взявшие курс на сближение с Австрией. Ламздорф подробно проанализировал политическую ситуацию в этих государствах на 1888 г.: «Болгарский Принц Кобургский не имеет никакой серьезной опоры в стране и до сих пор он держался благодаря лишь безгранич-

ной уступчивости, которую соблюдал относительно Президента Совета Министров Стамбулова»³⁴.

Болгарский монарх, проводивший антироссийскую политику, раздражал Петербург настолько, что в кругах, приближенных к императору Александру III стали поговаривать о необходимости свергнуть его с престола, а затем найти ему достойную замену. Всегда осторожный Ламздорф считал неприемлемым прибегать к силовому способу отстранения Фердинанда Кобургского от власти, так как это могло привести к самым печальным последствиям, включая войну. Данную мысль граф Ламздорф особо подчеркнул в своем обзоре: «Императорское правительство... не считает себя вправе подвергать Россию новым осложнениям и тяжелым жертвам ради освобождения болгарского народа от тяготеющего над ним гнета». Ситуация в Сербии также подробно описана графом Ламздорфом в «Политическом обзоре за 1888 год». В нем указывается, что результаты выборов в Великую скупщину в Сербии «дают ясное понятие о том, насколько политика, которой держался в последние годы король Милан, мало соответствовала стремлениям сербского народа. Посылая в скупщину почти одних представителей оппозиции, сербский народ выражал порицание королю не за то или другое проявление незаконного образа его действий, не именно за развод с королевой Наталией, но за искажение всей политической жизни народа, за подчинение не только его национальных стремлений, но и жизненных интересов выгодам чужеземной державы»³⁵.

Русско-турецкие отношения конца 1880-х гг. также исчерпывающе точно описаны Ламздорфом в «Политическом обзоре»: «Благодаря нерешительности характера Абдул-Гаида и постоянным его колебаниям положение в Турции крайне неопределенно и требует бдительного с нашей стороны наблюдения. При всем том мы имели случай убедиться, что султан, опасаясь осложнений с Россией, желал бы поддерживать с ней добрые отношения»³⁶. Граф Ламздорф внимательно следил и за политикой России на Дальнем Востоке. Он отмечал: «Благодаря отсутствию каких бы то ни было поводов к соревнованию, отношения наши с Японией сохранили дружественный характер». Если в этот период даже и возникали в русско-японских отношениях неприятные инциденты, то они рассматривались как недоразумения. Так, например, упоминание об одном таком инциденте попало в «Политический обзор 1888 г.»: «Минувшим летом появилась было в одной из официальных японских газет статья, в коей повторялись избитые инсинуации относительно честолюбивых замыслов России и необходимости не доверять ей». Отношения с Китаем были более напряженными. Граф Ламздорф писал: «Положение Кореи служит по-прежнему предметом частых объяснений наших с китайскими министрами... Правительство Богдыхана под влиянием враждебных нам внушений подозревает нас в намерении принять под протекторат России означенную страну. Такое намерение совершенно нам чуждо...»³⁷.

В начале 1890-х гг. граф Ламздорф принял непосредственное участие в выработке принципов, на которых будет базироваться русско-французский союз. В конце 1890 г. он сформулировал программу российской дипломатии: «Чтобы жить в мире и не возбуждать тревоги у других, мы должны находить до поры, до времени соответствующий “модус вивенди” по отношению к Германии и Лиге (Тройственному союзу. — *А.Л.*). Сдержанность г. Гирса отнюдь не служит препятствием к дружеским проявлениям со стороны французов, и в то же время не нарушает доверчивого спокойствия немцев»³⁸. Но к 1891 г. даже германофилы, включая Ламздорфа и Гирса, поняли, что союзные отношения с Германией остались в прошлом, и пока их восстановление не представляется возможным. Теперь они хорошо осознавали, что новым надежным союзником России может стать только Франция. Граф Ламздорф полагал, что Герма-

ния начинает быстро ослабевать и разлагаться изнутри, а Франция становится достаточно сильной для противостояния ей ³⁹.

В июле 1891 г. стал готовиться проект соглашения с Францией. 21 июля французский министр иностранных дел сообщил Гирсу выработанный французами текст взаимных обязательств, по которому в случае мобилизации одной из держав Тройственного союза Россия и Франция должны без предварительного обсуждения одновременно мобилизовать свои вооруженные силы. Этот вариант договора не устраивал российскую сторону потому, что при такой формулировке соглашения Россия оказывалась зависимой от Франции и могла быть легко втянута в войну, не отвечавшую интересам страны. Ламздорф решил скорректировать текст таким образом, чтобы придать «гораздо большую широту соглашению». Он считал необходимым так согласовать образ действий России и Франции, чтобы остановить всякие осложнения «прежде, чем они приняли бы размеры, угрожающие миру в Европе». Важно было учесть не только возможность нападения одной из держав Тройственного союза, но и поддержку, которая «может исходить от какой-либо державы, оставшейся вне лиги, но симпатизирующей ее помышлениям и могущей в некоторых обстоятельствах даже выступить в качестве инициатора» ⁴⁰. Это был прямой намек на Англию. В соответствии с указанием императора о необходимости четкого определения случая нападения на одну из договаривающихся сторон, Ламздорф изменил редакцию второго пункта проекта договора. Поясняя свою формулировку, граф подчеркнул, что Россия окажется связанной обязательством «только в случае, если Франция будет атакована. А это тот принцип, которого мы придерживались и ранее». В итоге, соглашение состояло из двух основных пунктов: 1) оба правительства будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру; 2) в случае, если мир окажется действительно в опасности, если одна из двух сторон окажется перед угрозой нападения, обе стороны условливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется, в случае наступления означенных событий, настоятельным для обоих правительств ⁴¹.

Ламздорф теперь оценивал русско-французский союз как «...могущественный противовес Тройственному союзу, постоянно увеличивающему свои военные силы» во всех регионах мира, включая Средиземноморье и Дальний Восток ⁴². Несмотря на заключение союзных договоров с Францией, Ламздорф считал, что необходимо восстановить политическое равновесие в Европе и со временем вновь наладить отношения с Германией, так как он опасался что «ничтожный инцидент на Балканах» может втянуть Россию в войну. Гарантией политической стабильности, по его мнению, должна стать договоренность о всеобщем разоружении и пересмотре статей старых трактатов ⁴³. Ламздорф, без сомнения, приветствовал сближение России с Францией, но не желал дальнейшего расширения союзнических отношений. В первую очередь это касалось военной сферы. Особенно резко он выступал против заключенной в 1892 г. русско-французской военной конвенции. Граф писал в дневнике 25 февраля: «Мы разгромили бы Германию на пользу французов, а они после этого со своей стороны в лучшем случае предоставили бы нам самим управляться с австрийцами и на востоке, как мы сумеем, не приходя нам ни в чем на помощь» ⁴⁴. Как бы там ни было, но повлиять на подписание этого документа Ламздорф никак не мог. Не мог повлиять на конвенцию даже сам министр Гирс, потому что подписания, а затем ратификации этой конвенции настойчиво требовал Александр III.

Несмотря на это, Владимир Николаевич Ламздорф продолжал сохранять оптимизм относительно франко-русского союза. Он писал в «Обзоре внешней политики России в царствование Александра III»: «...стремясь... к упрочен-

нию мира, Россия вступила в соглашение с Францией, которое и является противовесом союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Мощь Тройственного союза была таким образом парализована»⁴⁵. Заключение русско-французского союза было главным вопросом для русских дипломатов в начале 1890-х гг., но это не значит, что граф Ламздорф не интересовался отношениями России с другими государствами. Особенно внимательно он вникал в ситуацию на Балканах, где новые кризисы возникали регулярно. Например, по поводу событий в Сербии, которые обострились из-за возвращения туда короля Милана, Ламздорф писал: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий.

Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия, и все же очень важно не слишком нажимать на него, чтобы не создать себе еще одного противника на Балканах, отбросив Александра в объятия Австрии. Милан, по всей вероятности, не уберется из страны, не получив за это соответствующего вознаграждения»⁴⁶. Граф внимательно следил и за ситуацией в Турции, где в то время происходили ожесточенные армяно-мусульманские столкновения, шокировавшие мир своей жестокостью. В политике на Дальнем Востоке Ламздорф считал необходимым сохранять максимальную осторожность. По его мнению, России не следовало в резкой форме навязывать Японии свою волю после японо-китайской войны и Симоносекского мирного договора⁴⁷. Граф Ламздорф скептически относился и к дальнейшей политике экономического проникновения России в Китай, проводившейся по инициативе и под руководством Витте. Он считал, что в итоге в выигрыше останется одна Франция, чьи банкиры получают хорошую прибыль, а Россия окончательно испортит отношения с Германией, заработав новые осложнения на Дальнем Востоке. Только после того, как Китай передал России концессию на постройку железной дороги через Маньчжурию во Владивосток, граф Ламздорф поменял свое отношение к политике России на Дальнем Востоке. Он не скрывал своего воодушевления, что, надо отметить, случалось с ним нечасто: «Итак, мы вот-вот начнем, наконец, пытаться извлечь некоторые реальные и ощутимые выгоды из наших блестящих дипломатических успехов на Дальнем Востоке!»⁴⁸

После смерти в январе 1895 г. Гирса новым министром стал бывший посол в Вене князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. К сожалению, с ним отношения у Ламздорфа сложились не лучшим образом. Сохранив свой пост, граф потерял при Лобанове большую часть своего бывшего влияния. Новый министр уже не посвящал его во все важные дела министерства и не советовался с ним. Таким образом, период развертывания активной внешней политики России на Дальнем Востоке прошел, фактически, без какого-либо участия в нем графа. Безусловно, это не сказалось положительно на политике России.

Ламздорф был очень осторожным и гибким дипломатом, а именно осторожности и гибкости недоставало политическому курсу России на Дальнем Востоке.

В августе 1896 г. умер Лобанов-Ростовский. Первого января 1897 г. управляющим МИД был назначен граф Михаил Николаевич Муравьев, а 13 апреля того же года он был утвержден в должности министра. Ламздорф стал товарищем министра иностранных дел. Его влияние при недалеком и склонном к лени министре полностью восстанавливалось и стало даже больше. На посту товарища министра при Муравьеве он выполнял всю работу с документами. В частности, готовил конспекты докладов министра императору. Будучи по натуре человеком чрезвычайно исполнительным, привыкшим беспрекословно выполнять распоряжения начальства, граф предпочитал оставаться в тени, не вступая в споры и пререкания с министром даже, если он был с ним не согласен. Ввиду увеличения объема выполняемой работы, Ламздорф прекратил вести дневник⁴⁹. Очевидно, он несколько раз пытался заново начать его писать, но каждый раз бросал через короткое время. В его архивном фонде сохранились только отдельные дневниковые записи вплоть до 1906 года⁵⁰.

Имя графа Ламздорфа было известно за границей не менее, чем имя его нового начальника, поэтому его назначение товарищем министра привлекло к себе внимание прессы. Наибольший интерес к этой теме проявили французские газеты, внимательно следившие за всеми изменениями, происходившими у их новых союзников. Французской общественности Владимир Николаевич был знаком в качестве ближайшего помощника прежнего министра иностранных дел России Гирса, внесшего существенный вклад в дело русско-французской дружбы, поэтому его назначение обсуждалось и приветствовалось во Франции. Например, французская газета «L'Exportateur» от 4 марта 1897 г. писала: «Император назначил г-на гофмаршала графа Ламздорфа на пост заместителя министра. Это назначение не только приветствовалось с самыми живыми симпатиями персоналом министерства, который уважает в графе Ламздорфе представителя самых высоких традиций русской дипломатии — традиций надлежащей вежливости, проявляющейся в прилежной работе, и высокой дисциплины в служебных обязанностях, но еще всем русским и французским населением, где удовлетворение было таким же большим, как беспокойство, которое появилось в Германии и Австрии. Граф Ламздорф как и граф Муравьев друг мира без компромиссов, как и без слабости. Мы также приветствуем в Нем (так в тексте. — А.Л.) друга Франции!»⁵¹

Конечно, французская газета в угоду своему читателю явно преувеличивала франкофильство Ламздорфа, подчеркивая якобы имевшую место сильную обеспокоенность Австрии и Германии в связи с назначением графа на пост товарища министра иностранных дел. В отношении же «труда, прилежности и высокой дисциплины» Ламздорфа автор газетной статьи попал в точку. Как уже отмечалось, граф предпочитал оставаться в тени своего министра, но, несмотря на это, успел проявить инициативу по целому ряду важных внешнеполитических вопросов. В апреле 1897 г. во время пребывания в Петербурге министра иностранных дел Австро-Венгрии Голуховского, Ламздорф непосредственно участвовал в подготовке переговоров относительно Балканской проблемы. Переговоры закончились договором о поддержании статуса-кво⁵².

Другая инициатива графа Ламздорфа была связана с политикой России на Дальнем Востоке. Являясь обычно противником активной экспансионистской политики, Ламздорф, в данном случае, стал ее проводником. Он понимал, что после захвата немцами Киао-Чиао появился почти идеальный предлог для получения Россией нужного ей незамерзающего порта на Тихом океане. В связи с германскими захватами в Китае, незамерзающая база для флота стала особенно актуальной, потому что она могла сыграть роль противовеса германскому

присутствию в регионе. В ноябре 1897 г. Ламздорфом была подготовлена записка за подписью графа Муравьева, в которой указывалось, что захват немцами Киао-Чиао является удобным моментом для приобретения Россией незамерзающего порта на Тихом океане. Предлагалось занять Порт-Артур или соседний портовый город Далянвань. Записка была представлена императору 11 ноября, но еще раньше, 4 ноября, Ламздорф предложил Николаю II воспользоваться представившемся удобным случаем, чтобы занять какой-либо удобный для русских интересов порт⁵³. 4 декабря контр-адмирал Реутов, имея под своим командованием 2 крейсера и канонерскую лодку, беспрепятственно вошел в Порт-Артур.

Тем не менее, самым значимым из того, что сделал граф Владимир Николаевич Ламздорф на посту товарища министра иностранных дел, следует признать обширную записку «О задачах внешней политики России в связи с англо-бурской войной», которую он весной 1900 г. подготовил для министра иностранных дел графа Муравьева. Данная записка хорошо известна историкам. Она неоднократно публиковалась (в первый раз в журнале «Красный Архив»)⁵⁴. Первая часть записки касалась изменений текущей международной обстановки в связи с войной в Южной Африке. Для нас же особый интерес представляет вторая часть записки, в которой Владимир Николаевич подвел итоги внешней политики России за 90-е гг. XIX в. и сформулировал ее стратегические задачи на ближайшую перспективу. Основное внимание в записке обращено на политику России в Азии и ее соперничество там с Великобританией. Сразу обращает на себя внимание умеренность политических амбиций автора записки, его осторожность и стремление избежать любых политических осложнений. Умеренность и осторожность всегда являлись обязательными чертами стиля политики графа Ламздорфа. В записке он предложил ряд конкретных мер в политике России по отношению к своим азиатским соседям.

1). В отношении Турции — побудить султана прекратить работы по укреплению Босфора и быть готовыми встретить там появление противников России. В ответ на обсуждение в некоторых кругах идеи подыскать базу для русского флота на Средиземном море, Ламздорф указывал, что реализация подобного проекта распылит силы государства и будет настолько дорогой, что выгода не окупит материальных затрат.

2). В отношении Персии — поощрять там русскую промышленность и торговлю, сооружать колесные пути к ближайшим от России персидским рынкам, организовывать мореходное сообщение, обустраивать Энзелийский порт, улучшать почтовую и телеграфную связь. Относительно неоднократных предложений Великобритании о разделе сфер влияния в Персии, Ламздорф замечал, что это «не принесло бы нам никакой пользы», потому что Россия, по его мнению, прочнее укрепилась на севере Персии, чем англичане на юге страны, «поэтому разделом Персии Россия поставила бы себе преграду к дальнейшему для нас движению за пределы северных провинций Персии».

3). В отношении Афганистана — «...воздерживаясь от завоеваний, приобрести преобладающее политическое и экономическое влияние...» в регионе, а захват Герата, о котором мечтали некоторые русские генералы, по мнению Ламздорфа, «был бы вреден с политической точки зрения».

4). В отношении Дальнего Востока — укрепление военного порта, углубление и расширение бухты, усиление Тихоокеанской эскадры на Ляодунском полуострове; воздержание со стороны России от «решительных действий, могущих вызвать какие-либо политические осложнения». Ламздорф был сторонником мирных отношений с Японией. По его мнению, воевать с ней для России будет «тяжело, дорого и едва ли плодотворно». Далее Ламздорф отметил: «Только прочно укрепившись в Порт-Артуре и связав его железнодорож-

ной ветвью с Россией, мы можем твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддержать ее силою»⁵⁵.

Эту записку графа Ламздорфа можно смело считать «программой» будущего министра иностранных дел, хотя, конечно, при ее написании он ничего подобного подумать не мог, так как Муравьев был здоров и находился в фаворе, но 8 июня 1900 г. он скоропостижно скончался от сердечного приступа. По совету Витте, управляющим Министерством иностранных дел был назначен Ламздорф⁵⁶. В декабре он официально стал новым министром и принялся воплощать в жизнь свою внешнеполитическую программу.

Назначение графа Ламздорфа министром иностранных дел совпало с новым кризисом на Дальнем Востоке — Боксерским восстанием в Китае. Ламздорф был против участия России в готовящейся интервенции держав в Китай и собирался вне зависимости от других держав восстановить добрые отношения с Цинами⁵⁷. Однако восстание распространилось на зону КВЖД, где восставшие стали разрушать железную дорогу. 26 июня Витте пришлось просить о вводе войск на всю территорию КВЖД. Когда встал вопрос о том, нужно ли русскому отряду присоединяться к международным войскам, которые идут на Пекин, в руководстве России начались споры. Ламздорф убеждал царя не посылать войска в Пекин, чтобы не раздражать китайцев. Он говорил, что в Пекине у России интересов нет. Граф Ламздорф подробно мотивировал свою позицию в телеграмме вице-адмиралу Алексееву от 15(28) июня: «Меры, подобные срытию Пекина и Тянь-цзина, как и вообще всякие попытки к насильственному водворению в Китае при настоящих обстоятельствах новых порядков, не только трудно выполнимы, но неминуемо поведут к еще большим осложнениям, а посему нам подлежит воздерживаться от участия в указанных мероприятиях. Наша цель ныне должна ограничиться освобождением императорской миссии, обеспечением безопасности русских подданных, проживающих в северном Китае, и восстановлением в Пекине законного правительства, с которым возможно было бы поддерживать дружественные сношения, необходимые в интересах обеих соседних империй. Не отделяясь от других держав, дабы зорко следить за их действиями и иметь возможность во всякое время предъявить свои требования, мы должны, однако, избегать всего того, что могло бы хоть сколько-нибудь связать нашу полную свободу действий или явиться в глазах китайцев доказательством враждебных намерений России».

Дополнительные аргументы в свою пользу Ламздорф привел в письме русскому послу в Париже от 27 июля (9 августа): «В настоящем же случае речь идет о взаимном соперничестве нескольких держав из-за политического преобладания на юге Китая, где у России не имеется прямых интересов. Чем более подобное соперничество породит между ними недоразумений и неудовольствий и будет отвлекать их силы и внимание от северного Китая, тем это окажется выгоднее для нашего общего положения на берегах Тихого Океана; а посему нам решительно нет никакого расчета входить в какие бы то ни было соглашения с соперничающими в этой области державами»⁵⁸. В своих письмах к министру внутренних дел Дмитрию Сергеевичу Сипягину Витте подробно описал борьбу в высших сферах России по этому вопросу и действия графа Ламздорфа. Особенно большое внимание Витте уделил борьбе Ламздорфа с военным министром Куропаткиным. В письме от 14 июля Витте писал: «Алексей Николаевич (генерал-адмирал, великий князь. — *А.Л.*), как всегда, зарывается — сам начал вести переговоры с дипломатами, мобилизовал до 150 тысяч войск и все хочет лезть вперед, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и даже под шумок залезть в Корею. Гр. Ламздорф, конечно, всему этому не сочувствует и хочет действовать успокоительно, но покуда довольно безуспеш-

но. Ему оказывают мало внимания. Взявши Тянь-цзин, пришлось решать — идти ли в Пекин, или нет? Куропаткин, конечно, идти — и всех разгромить. Ламздорф — нет. Наконец, гр. Ламздорф пришел ко мне и объяснил, что его положение невозможно как для дела, так и лично для него, — что он хочет заявить, что здоровье его заставляет оставить (совсем) службу... Необходимо не зарываться, а стараться локализовать болезнь, и, установивши порядок в нашем районе (Маньчжурии), удалиться восвояси. Сегодня же во время доклада я решился прямо говорить о министре иностранных дел. Я высказал ту мысль, что теперь необходим министр иностранных дел, что положение гр. Ламздорфа невозможно. Если есть кандидат, нужно его немедленно назначить, а гр. Ламздорфа освободить, — если нет, то назначить гр. Ламздорфа. Затем я высказал мое мнение о графе — это не Бисмарк, не Салюсбюри, но он никогда Государя не подведет, и из всех дипломатов я его считаю наиболее соответствующим. В результате, Его Величество сказал, что на днях назначит Ламздорфа. Это Куропаткину будет неприятно, так как он думает, что совсем престиж Ламздорфа уничтожил».

В письме от 25 июля Витте продолжал ту же тему: «Вчера Его Величество объявил гр. Ламздорфу, что его назначает управляющим министерства иностранных дел, с добавлением “не временно, а постоянно”. Вчера же гр. Ламздорф просил назначить кн. Оболенского товарищем. Я всему этому очень рад. Вчера же Государь несколько осадил пыл А. Н. Куропаткина, высказавши, что спешить идти в Пекин не следует... А.Н. Куропаткин совсем ошалел, все и всех хотел громить и страшно интриговал против назначения гр. Ламздорфа. Ему, очевидно, хотелось в это трудное время быть хозяином положения». В очередном письме от 31 июля Витте признавался: «Я и гр. Ламздорф, серьезно говоря, более боимся Куропаткина нежели китайцев»⁵⁹, но император принял решение отправить в Пекин русский отряд после получения информации, что боксеры убили германского посланника. Как выясняется из письма Витте Сипягину от 10 августа, поход на Пекин был неожиданностью для Ламздорфа, потому что приказ войскам о выступлении дал генерал-адмирал великий князь Алексей Николаевич по секрету от графа. Ламздорф был взбешен, что его поставили в глупое положение и ожидал массу международных осложнений, конечно, особенно он боялся, что Цины возненавидят Россию⁶⁰.

Чрезвычайно интересно данное Витте в том же письме описание встречи Ламздорфа с императором Николаем II, случившейся на следующий день после того, как Ламздорф узнал о походе на Пекин: «Вероятно, вследствие моего письма Его Величество в тот же вечер приказал гр. Ламздорфу приехать на другое утро. Гр. Ламздорф развивал ему тоже, жалуясь на Куропаткина, то, что мы влезает в чреватые события. Особенно жаловался на факт и способ занятия Пекина. Его Величество был милостив, но перебивал гр. Ламздорфа, выражая, что все-таки азиатов нужно было проучить. В конце концов, он согласился дабы гр. Ламздорф подтвердил, что, несмотря на последние события, Государь остается верным своей первоначальной программе. Гр. Ламздорф особенно настаивал на том, что нельзя говорить одно, а делать другое, что слова Государя священны, что нельзя говорить именем Государя неосторожно, но раз что-либо сказано, должно быть исполнено»⁶¹.

Ламздорфу удалось все же убедить в своей правоте императора. Витте заметил: «Если бы еще не было такого разумного министра иностранных дел, то совсем была бы беда»⁶². 12 августа Россия объявила о выводе своих войск из Пекина — Ламздорф, таким образом, смог минимизировать отрицательное впечатление Цинов от участия России в захвате китайской столицы. По случаю окончания военной кампании против «боксеров», Ламздорф, Куропаткин и

Витте за свои успешные действия были награждены императором денежными суммами по 200 тыс. рублей⁶³. По итогам событий 1900 г. вся Маньчжурия оказалась под русской оккупацией. В недрах дипломатического и военного ведомств, а также в придворных кругах тут же появился целый ряд планов по хозяйственному освоению этой территории, созданию там органов управления, зависимых от России, или даже полному присоединению этой части Китая к России. Иностранные державы, со своей стороны, побуждали Россию вывести войска из Маньчжурии. Только Франция поддерживала там действия России, потому что в январе 1901 г. Ламздорф заключил с французским послом соглашение, согласно которому Франция будет поддерживать русские интересы в Маньчжурии, в обмен на поддержку Франции со стороны России в отношении Юньноньской железной дороги⁶⁴. Больше других оккупацией Маньчжурии были озабочены Великобритания, США и Япония, потому что каждая из этих стран мечтала распространить на Маньчжурию свое экономическое влияние. Еще 6 февраля 1901 г. посол Великобритании Чарльз Скотт с озабоченностью спрашивал Ламздорфа, не собирается ли Россия превратить Маньчжурию в свой протекторат. Ламздорф ответил, что подобная информация, появляющаяся в газетах, не более, чем слух. 23 марта Скотт снова, но в более жесткой форме, попросил разъяснения русской политики на Дальнем Востоке. Ламздорф снова его уверил в том, что Россия не собирается отказываться от вывода войск из Маньчжурии⁶⁵.

После англичан уговаривать Россию оставить Маньчжурию в покое принялись японцы. В ноябре 1901 г. в Петербург прибыл бывший премьер-министр Японии маркиз Ито с целью заключить русско-японское соглашение. Витте в своих мемуарах утверждал, что приезд маркиза Ито был реальной возможностью избежать войны и полюбовно договориться. Всю ответственность за провал переговоров Витте возложил на руководство России, которое встретило Ито слишком холодно и слишком медлило с ответом, а затем предложило японской стороне неприемлемые для нее условия⁶⁶. Конечно, относительно холодного приема маркиза Ито в Петербурге Витте ошибался. Сохранилось письмо Ламздорфа директору Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатьеву, в котором министр иностранных дел особо подчеркивает необходимость оказывать Ито «возможно любезнейший прием»⁶⁷.

В личном фонде Ламздорфа в ГАРФ хранится любопытный документ — краткий конспект диалога между Ито и Ламздорфом, который подготовил сам граф для доклада императору 20 ноября 1901 года. Разговор касался Кореи. Ито утверждал, что раздор между Японией и Россией происходит именно из-за Кореи. Япония не может допустить потери независимости Кореей, потому что «...если Корея лишится своей независимости, то и независимости Японии придет конец». Дальше Ито расшифровал, как он понимает «независимость» Кореи: «Как я говорил, независимость Кореи необходима для Японии, но это государство слишком слабо и мало цивилизованно нами, чтобы мочь существовать совершенно самостоятельно: ему необходимы советы и помощь. Япония хочет оказывать помощь и давать советы Корее». Ламздорф тогда задал резонный вопрос: «Как соотносить независимость Кореи и советы?». На это Ито ответил, что Корея имеет право выбирать, у кого просить помощь и советы, и предложил графу, чтобы Россия и Япония действовали в Корее совместно. Ламздорф заявил Ито, что «право военного вмешательства [в Корее] может создать недопустимую для России политическую ситуацию». Ито в ответ подчеркнул, что «Япония никогда не будет укреплять порты в Корее и угрожать интересам России»⁶⁸. Все переговоры, как выясняется, носили только характер консультаций, потому что ни у Ито, ни у Ламздорфа не было полномочий для заключения какого-либо договора.

Вскоре после переговоров Япония подписала договор с Англией. Согласно договору, в случае вступления войны одной из договаривающихся сторон с третьей державой, другая договаривающаяся сторона сохраняет строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы, но если против одной из договаривающихся сторон выступят две или большее число держав, то другая договаривающаяся сторона вступит в войну на стороне своей союзницы. Договор был заключен 17 (30) января 1902 года. Англо-японский договор застал русских дипломатов врасплох. Ламздорф, несмотря на это, сохранил хладнокровие, что посоветовал также сделать своим коллегам. В официальном сообщении МИД России от 7(20) марта 1902 г. говорилось: «Императорское правительство, оценив дружественные сообщения, сделанные России по этому поводу как японским, так и великобританским правительством, отнеслось совершенно спокойно к заключению означенного договора». Кроме того, в этом заявлении речь шла о том, что Россия выступает за сохранение независимости Кореи и Китая и своей Транссибирской железной дорогой способствует распространению всемирной торговли⁶⁹.

3(16) марта 1902 г. Россия и Франция опубликовали совместную декларацию. Она вопреки надеждам русской дипломатии не могла являться адекватным ответом на англо-японский договор. Боясь оказаться в дипломатической изоляции, русское правительство было вынуждено сделать уступки Японии, Англии и США и пойти на переговоры с Китаем. 26 марта 1902 г. в Пекине было подписано соглашение, по которому Россия обязывалась вывести свои войска из Маньчжурии в 3 этапа до 20-х чисел сентября 1903 года. В договоре была только одна оговорка — Россия могла приостановить эвакуацию в случае возникновения каких-либо беспорядков. К январю 1903 г. была успешно проведена эвакуация Южной Маньчжурии к западу от реки Ляохэ. К сожалению, боясь упустить выгоду, русская дипломатия стала затягивать эвакуацию, ожидая полной готовности достраивающейся южно-маньчжурской железной дороги, ведь русский вывоз из Китая с 1902 до 1903 г. возрос с 9 до 22 млн рублей⁷⁰.

В 1903 г. получила печальную известность история лесной концессии на реке Ялу (корейско-китайская граница), которая простиралась на 800 верст от моря до моря и включала важные в военном отношении горные проходы. Бывший кавалергардский капитан Александр Безобразов, приобретший концессию, в 1899 г. написал императору записку, в которой доказывал ее важность для получения влияния в Северной Корее, но тогда Витте воспрепятствовал Безобразову, и он на три года исчез из поля зрения. Неожиданно он снова объявился в начале 1903 года. Войдя в доверие к Николаю II, Безобразов сумел получить от императора 2 млн рублей. Деньги были выделены на создание «лесной охраной стражи», которая формально должна была охранять концессию, а на самом деле, расположившись в устье Ялу, стать оборонительным щитом для защиты Маньчжурии от японцев. Большая часть денег была потрачена Безобразовым в Маньчжурии впустую, на цели, никак не связанные с предложенным им же проектом. Несмотря на это, Николай II продолжал благосклонно относиться к Безобразову — в мае 1903 г. он пожаловал его в статс-секретари⁷¹. Снова, как и в 1899 г., оппозицию Безобразову составил Витте, который считал его политику авантюрой. К мнению Витте присоединились военный министр Куропаткин и граф Ламздорф. Нельзя сказать, что Ламздорф был совершенно против каких-либо приобретений на Дальнем Востоке. Витте пишет, что Ламздорф не считал невозможным присоединение Маньчжурии к России, более того, он признавал полезность этой меры для строительства КВЖД и для «осуществления исторической задачи России на Дальнем Востоке». Однако министра иностранных дел беспокоил вопрос: достаточны ли

военно-политические и экономические возможности России, чтобы удержать эти территории ⁷². Такую же позицию он занимал и в отношении Кореи. Ламздорф признавал пользу концессий в Корее, но призывал действовать с осторожностью.

Безобразов стремился, заручившись поддержкой императора, самолично руководить внешнеполитическим курсом России на Дальнем Востоке. Разумеется, граф Ламздорф становился главным препятствием на пути амбициозного статс-секретаря, поэтому Безобразов попытался дискредитировать его в глазах Николая II. 11 мая 1903 г. Безобразов написал царю письмо, в котором отчитывался о своих вместе с контр-адмиралом Абазой разговорах с Ламздорфом. Безобразов писал, что Ламздорф «никаких данных по существу... противопоставить не мог; аргументацию же свою держал исключительно в сфере а) точного исполнения приказаний Вашего Императорского Величества, в) своей некомпетентности в вопросах военных и экономических и с) своих опасений осложнений от недостаточно полного и точного исполнения трактатов»; что «Ламздорф несколько раз пробовал ставить дело на личную почву и обижаться против вторжения в дела его ведомства» и что у графа «форме дается все преимущество пред существом, и это, кажется, потому, что она прикрывает пустоту знания и убеждений». В конце письма Безобразов явно пытался подвести императора к мысли сместить графа Ламздорфа со своего поста: «Вообще, насколько мог понять, мне кажется, что гр. Ламздорф остался очень недоволен нашим посещением, так как не имел успеха в своих стараниях доказать: а) что он вообще безответствен в существе дипломатических неудач, как только точный исполнитель приказаний; в) что он не обязан знать и понимать существо дела, а только служит редакционным целям; с) что он многое допустил на Дальнем Востоке, что мог бы удержать, если интересовался бы реальной жизнью и заставил бы этим своих подчиненных работать; d) что он теперь неправ, что боится ясных постановок и злоупотребляет словами для затемнения дела. Я лично вынес очень тяжелое настроение из этих разговоров, как совершенно ясное сознание необорудованности у нас целого ведомства для жизни и тех возрастающих трудностей, которые она представляет» ⁷³.

7 мая 1903 г. у императора состоялось очередное Особое совещание. Император был заранее настроен на жесткое отстаивание интересов России на Дальнем Востоке. Итогом совещания стало санкционирование лесной концессии Безобразова на р. Ялу. Ламздорф был удручен и подал прошение об отставке, которое царь отклонил ⁷⁴. Все говорило о том, что графа отстранили от дел Дальнего Востока. Ламздорф признался Безобразову, что его кредо всегда было — правдивость, искренность и преданность монарху. Он готов был беспрекословно выполнять любую волю царя, но он не мог напрямую высказать свою точку зрения. Его угнетала неопределенность собственного положения и то, что он чувствовал себя неугодным монарху ⁷⁵.

30 июля 1903 г. Николай II издал указ о назначении адмирала Алексея своим наместником на Дальнем Востоке. Созданное наместничество включало в себя Дальний Восток России, Маньчжурию и Ляодунский полуостров. Наместник получал всю полноту административных, экономических и дипломатических полномочий. Решение императора об учреждении наместничества стало тяжелым ударом для Ламздорфа. Полностью подтвердились его худшие опасения: он был грубо отстранен от дальневосточных дел. Его, как и Витте, царь даже не предупредил о своем намерении — они узнали о случившемся из газет ⁷⁶. Уже в августе сам Витте был снят с поста министра финансов и переведен на маловлиятельную должность председателя Комитета министров. Таким образом император избавился от последнего препятствия, мешавшего, по его мнению, проводить ту политику на Дальнем Востоке, которую он считал правиль-

ной. Известие об учреждении наместничества вызвало резкие отклики за границей. Япония увидела в таком шаге царя явную провокацию. Учреждением наместничества Николай II демонстрировал, что он не видит Маньчжурию иначе как под властью России и делиться правами на нее с кем-либо не намерен.

Всего за две недели до учреждения наместничества, 18 июля, японский посланник Курино передал Ламздорфу предложение японского правительства о возобновлении переговоров по проблемам Кореи и Маньчжурии. 23 июля Ламздорф ответил японской стороне, что уполномочен вести переговоры. В ходе переговоров были представлены на рассмотрение два проекта русско-японского соглашения. Японцы не отвергали русский проект, а для Николая II и его окружения неприемлемым казался японский вариант. В ноябре-декабре 1903 г. прошел новый раунд переговоров в Париже, который снова закончился провалом. 23 декабря японское правительство в ультимативной форме потребовало от России «пересмотреть свое предложение». Чувствуя свою неготовность к войне с Японией, несговорчивость японской делегации и антирусскую позицию большинства великих держав, правящие круги России пришли к мысли о необходимости уступок. 6 января 1904 г. Россия обещала признать права Японии в Маньчжурии без права строительства «сеттелментов» (особых кварталов или поселений для иностранцев. — *А.Л.*) в обмен на обещание не использовать Корею в стратегических целях. 8 января Ламздорф опубликовал декларацию ко всем державам, в которой говорилось о том, что Россия не будет нарушать их права в Китае. Япония не пошла навстречу России. Страна Восходящего Солнца требовала признания своих прав в Корее, «неприкосновенности Китая и Маньчжурии» и права организовывать в Маньчжурии «сеттелменты». Ламздорф в переговорах с Японией пытался заручиться поддержкой Франции, но французская поддержка не была серьезной. Великобритания же, напротив, последовательно и жестко поддержала все требования Японии ⁷⁷.

18 января Ламздорф представил императору всеподданнейшую записку, в которой говорилось о необходимости приложить усилия, чтобы отдалить конфликт с Японией. Отдалить конфликт как можно на более долгое время, считал Ламздорф, необходимо, чтобы успеть «подготовиться во всех отношениях». Граф не выражал сомнения, что, если этот конфликт произойдет, то Россия выйдет из него победительницей, но он очень опасался создания коалиции держав, которая, воспользовавшись ситуацией, выступит против России ⁷⁸.

28 января 1904 г., по предложению графа Ламздорфа, император согласился на новые уступки Японии: статья о нейтральной зоне в Корее была исключена полностью и вставлена статья о признании прав Японии в Китае наравне с другими державами ⁷⁹. К сожалению, японская правящая верхушка не была заинтересована в мирном исходе переговоров. По этой причине, графу Ламздорфу не удалось предотвратить войну на Дальнем Востоке, но можно с уверенностью сказать, что в этом не было его вины, потому что, если бы император Николай II прислушался к его советам, шансов избежать войны было бы больше.

Значительно лучших результатов Ламздорфу удалось достичь в качестве миротворца на Балканах. Он активно стремился к взаимопониманию с руководством Сербии, которое по-прежнему ориентировалось на Австро-Венгрию. Недаром граф инструктировал в письме от 12 июня 1901 г. военного советника России в Сербии генерал-лейтенанта Сергеева «вести переговоры лишь по тем вопросам, где есть твердые гарантии успеха, дабы не подрывать веры сербов в Россию и все русское» ⁸⁰. В декабре 1902 г. Ламздорф побывал в Белграде в ходе своего большого вояжа, который он предпринял по Австро-Венгрии и балканским странам. На встрече с королем Александром граф Ламздорф указал ему на гибельность его политики. Во-первых, король начал готовиться к войне

с Турцией. Сербия не была готова к войне. Войны не желали ни великие державы, ни население Сербии. Ламздорф отговаривал короля от военных приготовлений. Во-вторых, население выступало против диктаторских методов управления короля. Владимир Николаевич предупредил Александра Обреновича об угрозе революции и порекомендовал ему смягчить политический режим. Однако король Александр Обренович пренебрег его советами⁸¹. Вернувшись в Россию, Ламздорф рассказал о своих впечатлениях Куропаткину: «Встреча с народом умилительная. Король не глуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален. Очень тронут оказанным ему знаком внимания. Драга (супруга короля. — *А.Л.*), немолодая, полная, но все же красивая женщина. Умна. Держится России»⁸². Относительно предстоящей войны Ламздорф выразил мнение, что сербы в ней не очень заинтересованы. К несчастью, предупреждения Ламздорфа оказались пророческими. Группа офицеров, организовала заговор против короля. 29 мая 1903 г. в Сербии произошел переворот. Король Александр, королева Драга и их приближенные были убиты заговорщиками. На престол был приглашен лояльный России Петр Карагеоргиевич.

Также в 1902 г. обострилась ситуация в Македонии, которая тогда принадлежала Османской империи. В ней действовало повстанческое движение под названием «Внутренняя македонская революционная организация» (ВМРО), боровшаяся за отделение этого региона от Турции. Движение пользовалось поддержкой Болгарии. Великие державы рекомендовали Турции провести в Македонии реформы, но Турция не желала этого делать. Македонский вопрос стал центральным из тех, которые обсуждал граф Ламздорф в ходе своей поездки в конце 1902 года. Как свидетельствует бывший тогда британским посланником в Болгарии, а позднее ставший послом в России Джордж Бьюкенен, Ламздорф дал понять в Софии, что не позволит македонским революционерам втянуть Россию в вооруженный конфликт на Балканах⁸³. Военный министр генерал-адъютант Куропаткин после разговора с Ламздорфом, рассказавшим ему о результатах своей поездки, записал в дневник: «Из обмена мнениями в Софии, Белграде и Вене граф Ламздорф вынес убеждение в необходимости оказать быстрое и сильное давление на Турцию, дабы она выполнила свои обещания по Македонии. Франция и Германия поддержат наши требования, а Австрия пойдет с нами рука об руку. Однако Ламздорф и сам еще хорошенько не знает, что мы будем требовать от Македонии... На мои вопросы он отвечал довольно неопределенно, что будет турецкий комиссар, что прекратят обдиранье народа, установив контроль над приходной и расходной сметами»⁸⁴.

В 1903 г. волнения в Македонии только усилились. После жестокого подавления Илиденского восстания остро встал вопрос о том, что надо предпринять решительные меры, чтобы подобное в Македонии не повторялось. В сентябре 1903 г. Николай II и граф Ламздорф встретились с австрийским императором Францем-Иосифом и министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Голуховским во время охоты около горного курорта Мюрцштег. На встрече была принята «Мюрцштегская программа» реформ в Македонии. Согласно программе, к губернатору этой области прикомандировывались представители России и Австро-Венгрии; в местную жандармерию следовало ввести иностранных инструкторов; в судах должно было быть поровну христиан и мусульман⁸⁵.

Турция согласилась на программу реформ, но ее исполнение оставляло желать лучшего. Однако именно благодаря этой программе мир в Македонии поддерживался почти десятилетие. Турецкие власти также могли быть удовлетворены этой программой, потому что Македония осталась в составе Турции, а не вошла в состав Болгарии, о чем мечтали в Софии.

В начале русско-японской войны деятельность МИД России была реорганизована с учетом требований военного времени. Русские дипломатические агенты на Дальнем Востоке внимательно следили за ходом военных действий и регулярно докладывали о нем в Петербург. В связи с войной, Министерству иностранных дел пришлось уделить особое внимание разведывательной деятельности, по причине отсутствия в дореволюционной России отдельной службы, занимающейся разведкой. МИД в течение всей войны проводил политику с целью недопущения вступления в войну третьих держав на стороне Японии, либо помощи ей с их стороны. Уже 12 февраля 1904 г. из Министерства иностранных дел посланнику России в США А.П. Кассини была отправлена телеграмма, в которой были определены пределы тех районов Маньчжурии, которые могут служить театром военных действий и на которые не должна распространяться нейтрализация китайской территории. Русское правительство объявило, что «будет считать себя свободным от всяких обязательств, если Китай допустит нарушение японцами неприкосновенности нейтрализованной территории»⁸⁶.

Граф Ламздорф в условиях начавшейся войны особенно опасался новых политических осложнений и провокаций, поэтому 14 февраля 1904 г. он во всеподданнейшем докладе императору указал на недопустимость появления в печати провокационных статей, подобных той, что напечатали в «Гражданине», где истинным виновником войны объявлялась не Япония, а Англия. В период войны основной задачей России в Китае являлось поддержание китайского нейтралитета. Этой теме была посвящена переписка графа Ламздорфа с посланником России в Китае П.М. Лессаром. Переписка графа Ламздорфа с русскими дипломатами в Великобритании и США в период русско-японской войны касалась в основном моральной и материальной поддержки Англией и Соединенными Штатами Японии, а также антирусской агитации в английской и американской прессе. Еще одной проблемой, которой занимался МИД в период войны, была проблема соблюдения прав военнопленных. 16 июня 1904 г. граф Ламздорф обратился с письмом в Военное министерство к генерал-адъютанту В.В. Сахарову с просьбой проверить информацию о «совершаемых японцами насилиях и издевательствах над нашими пленными», чтобы, если информация подтвердится, выступить с протестом⁸⁷.

Пожалуй, самой деликатной задачей, которой занимался МИД в период русско-японской войны, была задача обеспечения безопасности движения на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского. Граф Ламздорф был против этого похода по дипломатическим причинам, так как считал, что иностранные державы сочтут его нарушающим международные трактаты. Дело в том, что еще в мае 1904 г., когда эскадра только готовилась выйти в поход, в МИД стали приходить тревожные телеграммы из Гонконга от консула К.Ф. Бологовского о присутствии в городе японских морских офицеров — водолазов, при которых находятся морские мины. Согласно донесению А.И. Павлова из Шанхая от 24 мая, японские морские офицеры начали скупать и фраговать быстроходные коммерческие пароходы, чтобы с них следить за движением эскадры. Подобные сообщения о подозрительных японских офицерах и о подготовке ими минной атаки на корабли русской эскадры поступали и в течение июня. В связи с этим граф Ламздорф отправил 9 июня послам в Стокгольме и Копенгагене телеграммы, в которых сообщал, что по достоверным данным, в Скандинавию и Англию приедет группа японских офицеров с целью организовать минную атаку на эскадру Рожественского. Граф просил послов «озаботиться установлением возможного тайного надзора за действиями означенных японских агентов». Вскоре такое же наблюдение было установлено за группой японских офицеров в Каире⁸⁸.

В России в связи с предстоящей отправкой эскадры появлялись самые невероятные слухи. Так 28 июня 1904 г. Ламздорф просил посла в Лондоне Бенкендорфа проверить слух о том, что британские моряки готовят в Ла-Манше японских подводников, которым затем собираются передать английские подводные лодки для нападения на русские корабли. В действительности, эта информация оказалась слухом⁸⁹.

Начавшийся в августе поход 2-й Тихоокеанской эскадры проходил в постоянной тревоге, потому что не прекращались сообщения о планах японских агентов устроить диверсию против эскадры. В ночь с 8 на 9 октября произошел так называемый Гулльский инцидент, который вызвал бурную реакцию в британской прессе и британских правящих кругах. В Лондоне рассматривали случившееся как покушение на достоинство Великобритании и ее статус «владычицы морей». Газеты требовали добиться от России извинений, а некоторые даже призывали потопить русский флот. Николай II и МИД России принесли извинения Великобритании. 14 октября 1904 г. Ламздорф встретился с британским послом Хардингом. Как вспоминал Хардинг, «Ламздорф — этот самый вежливый на свете человек был почти груб со мной». Министр иностранных дел России «в течение часа бранил Англию, Японию и коварство японцев». Но уже на следующий день министр, «со слезами на глазах», благодарил английского посла за проявленную накануне сдержанность. Ламздорф объяснил английскому послу, что накануне на заседании Совета Министров «сражался» с господствовавшей там «воинственной атмосферой», но все равно получил указание в случае угроз от британских представителей заявить: «Вы хотели войны, вы ее получите!» Но эту проблему удалось разрешить «малой кровью». Россия согласилась на рассмотрение дела в Международном Гаагском суде. 10 февраля 1905 г. было представлено итоговое заключение, компромиссное по содержанию. Россия согласилась выплатить английскому правительству компенсацию в 65 тыс. фунтов⁹⁰.

В период русско-японской войны продолжалось противостояние России и Великобритании в Азии, которое в связи с войной приобрело новый смысл, потому что Великобритания была союзницей Японии. В зоне проливов Босфор и Дарданеллы Великобритания увеличила свою дипломатическую активность, стремясь запереть русский Черноморский флот в акватории Черного моря, не дав ему возможности принять участие в событиях на Дальнем Востоке. В течение 1904 г. правительство России дважды — в феврале и сентябре — обсуждало вопрос об усилении Тихоокеанской эскадры кораблями Черноморского флота. Оба раза в руководстве страны на этот шаг не решились. Особенно резко против этой идеи выступал Ламздорф, опасавшийся новых политических осложнений. В итоге, вопрос Проливов было решено оставить до лучших времен⁹¹. В условиях открытых враждебных действий со стороны англичан, в Министерстве иностранных дел принялись за разработку симметричного ответа.

Самым оберегаемым англичанами, но одновременно самым слабым местом Британской империи была Индия. Еще в конце 1900 г. в инструкции генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму Ламздорф писал, что Индия «наиболее уязвимый нерв Великобритании», прикосновение к которому может заставить Британию изменить свою враждебную политику». За этот нерв и потянула Россия. Во-первых, у русских дипломатов созрела идея приобрести в Индии газету, которая освещала бы русско-японскую войну с русской, а не британской точки зрения. Сразу нашелся готовый помочь России в этом начинании человек — владелец небольшой газеты «Аль-Риаз», некто Риаз-уд — дин-Ахмед. К сожалению, на эту цель министр финансов Коковцов отказался выделить Ламздорфу денежные средства, мотивируя это тем, что Россия и так тратит много денег на подкуп газет во Франции, Китае и Персии. Во-вторых, в

декабре 1904 г. в русское консульство в Бомбее обратился деятель индийского национального конгресса Гангадхара Тилак с просьбой принять группу индийских юношей в русские военно-учебные заведения, чтобы иметь обученные кадры для борьбы с англичанами. Русские дипломаты во главе с Ламздорфом и чины военного министерства из опасения дипломатических осложнений с Великобританией отказались обучать индусов в русских военно-учебных заведениях, но помогли пристроить их в военную академию в Швейцарии и даже выделили деньги на их обучение там ⁹². Другим регионом, где Россия могла уколоть Британскую империю, была Южная Африка. И там тоже быстро нашелся потенциальный «агент влияния». Бывший бургский генерал Жубер Пинаар в феврале 1905 г. предложил России через посланника в Лиссабоне Кояндера организовать в Южной Африке восстание чернокожих против англичан. Граф Ламздорф в докладной записке императору высказал мысль, что это предложение «при настоящих политических условиях и особенно не вполне дружественном образе действий Англии по отношению к России, могло бы представляться утилитарным». Но, обдумав данное предложение, Ламздорф пришел к мысли, что английская власть в Африке прочная, подобное предложение кажется невыносимым и во время войны с Японией России не нужны осложнения с Великобританией. Жюберу решено было отказать ⁹³.

Начавшаяся в январе 1905 г., первая русская революция не могла не внести коррективы в деятельность Министерства иностранных дел, так же как и в работу всех институтов государственного управления империи. До 1905 г. МИД отслеживал совместно с Департаментом полиции деятельность русских революционеров за границей. Крупнейшим центром революционной эмиграции была Швейцария, особенно Женева, поэтому русские революционеры были постоянной головной болью сотрудников русского дипломатического представительства в этой стране. В инструкции посланнику в Швейцарии В.В. Жадовскому от 12 ноября 1902 г. граф Ламздорф писал: «Швейцария служит излюбленным убежищем противогосударственных элементов всех национальностей. Русские нигилисты, народники и революционеры также, еще со времен Герцена и Бакунина, охотно поселяются в Женеве, Лозанне, Цюрихе и Берне. Там они образуют отдельные группы или сливаются с анархистами других народностей, ведя с ними общение и собираясь на публичные совещания для обсуждения пропаганды словом и делом. В тех же городах печатаются на разных языках всевозможные листки, брошюры и прокламации. Не имея собственных анархистов, Швейцария вообще мало заинтересована в подавлении их пропаганды, и правительственные лица ее, в угоду радикальным элементам народного представительства, оставляют без внимания агитацию анархистов...» ⁹⁴. В 1905 г. усилия российских дипломатов в борьбе с революцией заключались в том, что они по своим каналам стремились перекрыть пути нелегального ввоза оружия в Россию для революционеров. Например, посол в Дании Извольский сообщал в декабре 1905 г. о ввозе датскими фирмами оружия в Россию. К сожалению, обращение к датским властям не принесло желаемого результата, потому что они объявили о том, что не желают вмешиваться в частный бизнес. Зато обращение с аналогичной просьбой в январе 1906 г. к властям Австро-Венгрии встретило полное понимание с их стороны ⁹⁵.

Собственные мысли о первой русской революции граф Ламздорф сформулировал в секретной записке на имя императора от 3 января 1906 года. В ней он предстает в необычной для себя роли идеолога объединения всех консервативных сил Европы для борьбы с угрозой мировой революции. Идеям республиканизма, атеизма и социализма он предлагает противопоставить христианско-монархические идеи. По его мнению, тремя самыми могущественными консервативными силами в Европе являются Российская, Германская империи и

Ватикан. Такой союз православного, протестантского и католического начал в Европе, считал Ламздорф, будет надежной гарантией от любых революционных движений. Другой аспект записки касался причин революции в России. Граф отмечал важную роль финансирования русского революционного движения из-за рубежа⁹⁶. Тем не менее, было бы ошибкой считать Ламздорфа убежденным реакционером. Напротив, он явно симпатизировал либеральным идеям. Достаточно сказать, что, по свидетельству юрисконсульта Министерства иностранных дел Ф.Ф. Мартенса, уже на 11 января 1905 г., через день после «кровавого воскресенья», Ламздорф в разговоре с Николаем II прямо высказал императору свое мнение о том, что правительство лишилось доверия народа, и монарху следовало бы обратиться к нему напрямую или, по крайней мере, принять делегацию от рабочих⁹⁷.

11 (24 июля) 1905 г. в Бьерке был подписан договор о русско-германском союзе, о котором Николай II по совету Вильгельма II не предупредил своего министра иностранных дел. Вернувшись в столицу, император медлил 15 дней прежде, чем решиться рассказать о договоре Ламздорфу. Когда царь все же сообщил ему о договоре, тот пришел в смятение. Он вместе с Витте стал убеждать царя в том, что договор не может войти в силу, пока Франция не даст на него согласия⁹⁸. 1 сентября Ламздорф отправил письмо послу во Франции Нелидову, в котором просил прозондировать почву на счет присоединения Франции к такому договору. 8 сентября Нелидов ответил, что для Франции союз с Германией неприемлем. Истинную подоплеку германских предложений Ламздорф прекрасно понимал. Он писал Нелидову 15 сентября 1905 г.: «Истинные цели Вильгельма — разрушить франко-русский союз и скомпрометировать Россию в Париже и Лондоне. Россия изолированная и зависимая от Германии — мечта Вильгельма»⁹⁹. По совету Ламздорфа, Николай II уведомил Вильгельма, что без согласия Франции Россия не может признать договор вошедшим в силу¹⁰⁰. Уверения кайзера — «что подписано, то подписано» — остались без ответа. России нужны были средства на борьбу с революцией, которые могла дать Франция — главный кредитор России. Но обязательным условием для получения от нее денег было завершение войны с Японией.

Мирные переговоры начались в небольшом городе Портсмут в Соединенных Штатах. Министр иностранных дел Ламздорф первоначально пытался настоять на том, чтобы переговоры проходили в Гааге, но быстро согласился на Америку, при условии, что это будет «спокойное летнее место», а не крупный город, где было бы очень жарко. Так для переговоров был выбран Портсмут¹⁰¹.

Главой русской делегации был назначен Витте. По его версии, изначально император хотел видеть на этом месте посла в Париже Нелидова, но тот отказался, ссылаясь на свой возраст и здоровье. Посланник в Дании Извольский также отклонил предложение возглавить делегацию, сказав, что, по его мнению, такое поручение можно доверить только Витте. Посол в Риме Муравьев как и Нелидов, не поехал на переговоры в Портсмут по состоянию здоровья. Только тогда Николай II согласился на кандидатуру Витте, которую до этого отвергал. Добиться согласия Витте на поездку в США царь поручил Ламздорфу¹⁰².

Несколько иначе эту историю описывает в своих мемуарах Извольский. Он пишет, что не отказывался от предложенного ему назначения в Портсмут, но его кандидатура встретила «сильную оппозицию» со стороны Ламздорфа, защищавшего назначение Витте. Тогда Извольский, тоже считавший кандидатуру Витте вполне приемлемой, поддержал Ламздорфа и помог ему убедить царя назначить главой русской делегации, отправляющейся в Портсмут, Витте¹⁰³.

Мир с Японией был заключен, но Франция снова не дала денег царскому правительству, потребовав от России дипломатической поддержки на предстоя-

щей в январе 1906 г. конференции по вопросу управления Марокко в испанском городе Алжезирасе (Алхесирасе).

У России не было собственных интересов в Марокко, она согласилась дипломатически поддержать Францию. В благодарность наша страна получила краткосрочный кредит в 150 млн руб. серебром. Значительно больший заем Франция обещала России по окончании марокканского кризиса. Французские банкиры готовы были дать деньги, не дожидаясь окончания конференции, но правительство ставило вопрос о займе в непосредственную зависимость от исхода переговоров¹⁰⁴. В инструкции российскому уполномоченному на переговорах графу Кассини Ламздорф писал: «Франция стоит теперь перед необходимостью отстаивать свое право на сколько-нибудь активную роль в направлении марокканских дел. На нашей обязанности, как союзной державы, лежит принять все находящиеся в нашем распоряжении меры, к тому, чтобы обеспечить Франции достижение означенной цели. У России, ни с одним из четырех вопросов, включенных в повестку конференции, не связано никаких личных пожеланий, и она может в них, поэтому оказывать неограниченную поддержку Франции». Далее в инструкции говорилось, что, в случае столкновения интересов Франции и Германии, Россия должна взять на себя посредническую функцию¹⁰⁵.

В период конференции Ламздорф вел активную переписку с русскими дипломатами. В письме Кассини от 16 января 1906 г. он писал, что Россия заинтересована в скорейшем завершении конференции, чтобы немедленно приняться за «устройство финансовых операций». В телеграмме послу в Берлине Остен-Сакену 25 января он просил приложить все усилия, чтобы склонить германскую сторону к «более уступчивому образу действий по отношению к Франции». На Альжезирасской конференции Германия оказалась в дипломатической изоляции. Помимо России Францию поддержали Англия, США, Италия и Испания. Конференция завершила свою работу 25 марта (7 апреля) 1906 года. Итоговый трактат устанавливал независимость султана, целостность его государства, свободу всех наций в Марокко. Главное, Германия не смогла получить того, чего очень желала, — контроля за марокканской полицией и таможней. Он остался в руках французов. Дипломатическая поддержка Россией Франции на конференции по марокканскому вопросу укрепила русско-французский союз. Франция предоставила России громадный заем в 843 млн 750 тыс. рублей. Отношения с Германией наоборот испортились. Параллельно с переговорами о займе с французами, шли переговоры о новом займе с немцами. Еще за несколько дней до конца конференции немцы отказали и прервали переговоры¹⁰⁶.

Отставка графа Ламздорфа с поста министра иностранных дел случилась меньше, чем через месяц после завершения Альжезирасской конференции, в конце апреля 1906 года. Существуют разные мнения относительно причин отставки. Самое популярное из них изложено в мемуарах Витте. Он пишет, что Николай II совершенно неожиданно сообщил ему о том, что министром иностранных дел теперь вместо Ламздорфа будет Извольский. Вернувшись от императора, Витте рассказал Ламздорфу о намерениях императора и посоветовал самому написать прошение об отставке. Ламздорф последовал этому совету. Барон Фредерикс, министр двора, сказал Витте, что увольнение Ламздорфа было неизбежно, так как необходимо было на кого-то свалить последствия японской войны¹⁰⁷. Существует и другое мнение. Извольский вспоминал, что император, объясняя ему причины, по которым он собирается отправить Ламздорфа в отставку, сказал, что Ламздорф — чиновник старого режима, который не сможет примириться с новым порядком вещей, в частности, с существованием Государственной думы, поэтому он должен уйти со своего поста до ее

открытия¹⁰⁸. Подобной точки зрения придерживаются и некоторые историки. Современный исследователь пишет о причинах замены Ламздорфа Извольским на посту министра иностранных дел: «Поражение в войне с Японией и нарастание революционных событий требовали от правительства внесения серьезных корректив во внешнеполитический курс. Осторожная линия Ламздорфа не отвечала этой задаче. Положение осложнялось неудовлетворительным состоянием Министерства иностранных дел с его архаичной структурой, неэффективностью используемых методов и приемов, негативных принципов кадровой политики...Для решения всех этих задач прежний глава ведомства Ламздорф не подходил, требовался новый человек — и по идеям, и по темпераменту»¹⁰⁹. Учитывая дипломатические успехи Ламздорфа уже после русско-японской войны (чего стоит одна Альжезирасская конференция) такое мнение кажется несправедливым.

Отставка Ламздорфа привлекла внимание прессы. Французская газета «Le Temps» писала, что французы могут питать к Ламздорфу «лишь чувства признательности и уважения», что его нельзя винить в постигших Россию испытаниях и что именно благодаря Ламздорфу «сближение между Россией и Англией ныне уже не может считаться, как прежде, несбыточной мечтой»¹¹⁰.

4 мая отставке Ламздорфа посвятил свою депешу из Санкт-Петербурга посланник Бельгии граф де Грель-Ружье. Он отмечал, что, несмотря на нападки «в известной части прессы», никто не может отрицать честности, лояльности, прямоты характера графа Ламздорфа. По мнению бельгийского дипломата, если бы Ламздорф «не был отстранен сильной партией, забравшей в свои руки политику на Дальнем Востоке, войну с Японией можно было избежать». Посланник доносил, что за несколько месяцев до отставки у Ламздорфа начались сердечные приступы, которые его сильно беспокоили, но предписания врачей выполнял плохо, потому что «считал невозможным ослабить неустанную работу»¹¹¹. Не исключено, что состояние здоровья стало далеко не последней причиной ухода графа Ламздорфа.

После отставки Ламздорф был назначен членом Государственного Совета. В 1906 г., как и в прошлые годы, император предоставил на летнее время в распоряжение Ламздорфа западную половину Елагинского дворца. В декабре Ламздорфу был дан отпуск на 4 месяца с сохранением содержания. Граф попросил продлить отпуск еще на 2 месяца в связи с состоянием здоровья, которое не позволяет ему вернуться весной в Петербург. 16 января 1907 г. министр путей сообщения распорядился предоставить графу отдельный салон-вагон для проезда 21 января курьерским поездом № 5 от Петербурга до Варшавы¹¹². Местом своего отдыха Ламздорф выбрал Италию, но вернуться оттуда в Россию ему было не суждено. Он умер 6 марта 1907 г. в курортном городке Сан-Ремо. Граф Владимир Николаевич Ламздорф похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге.

Примечания

1. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1886—1890. М.-Л. 1926; 1891—1892. М.-Л. 1934; 1894—1896. М. 1991.
2. СЛОНИМСКИЙ Л. Граф Ламздорф и «Красная книга». — Вестник Европы. 1907, № 4, с. 816—818.
3. РОТШТЕЙН Ф.Н. Предисловие. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1886—1890, с. 2.; ЕГО ЖЕ. Предисловие. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1891—1892, с. 8.
4. РОМАНОВ Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907). М.-Л. 1947, с. 96—97.

5. ДЬЯКОНОВА И.А. Введение. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1894—1896 г.
6. Российская дипломатия в портретах. М. 1992; История внешней политики России конца XIX — начала XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997.; Очерки истории Министерства Иностранных дел России. Т. 1 (1860—1917); АЙРА-ПЕТОВ О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801—1914. М. 2006; МУЛЬТАТУ-ЛИ П.В. Внешняя политика Николая II (1894—1917). М. 2012; ИГНАТЬЕВ А.В. Последний царь и внешняя политика. — Вопросы истории. 2001, № 6; ГРИГОРЬЕВ Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке; М. 2010; РЫБАЧЕНКО И.С. Ключи от Черного моря (на рубеже XIX—XX вв.). — Новая и новейшая история. 2009, № 2; КУЗНЕЦОВА О.Н. Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902—1905 гг. — Вопросы истории. 2009, № 3; ЛУКОЯНОВ И.В. Портсмутский мир. — Вопросы истории. 2007, № 2; Порт-Артур в политике России (конец XIX в.). — Вопросы истории. 2008, № 4; ТРУАЙЯ А. Николай II. М. 2003; АНКОСС Э.К. д'. Николай II: прерванная преемственность. Политическая биография. М. 2010; СХИММЕЛЬПЕННИК О.Д. ванн дер. Навстречу Восходящему Солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. 2009.
7. ЛИМАНСКАЯ Т.О. В.Н. Ламздорф (министр иностранных дел России). — Дипломатический вестник. 2001, № 9.
8. РЫБАЧЕНКО И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX—XX вв.: цели, задачи, методы. М. 2012.
9. ДЬЯКОНОВА И.А. Ук. соч., с. 11, 297.
10. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24. М., с. 16.
11. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1891—1892. Минск. 2003, с. 88.
12. Там же, с. 95.
13. Там же, с. 167; Очерк истории министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб. 1902, с. 184.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 568, оп. 1, д. 1, л. 1, 4, 8, 12, 14, 16.
15. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. М. 2010, с. 482, 531, 1024.
16. ИЗВОЛЬСКИЙ А.П. Воспоминания. М. 1989, с. 13—15; 92—94.5.
17. ROSEN R. Forty Years of Diplomacy. London. 1922, p. 174—175.
18. ТАУБЕ М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М. 2007, с. 83—85.
19. ТОЛСТОЙ И.И. Дневник. Т.1 (1906—1909). СПб. 2010, с. 264.
20. СОЛОВЬЕВ Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. М. 1959, с. 127.
21. МОЛЬТКЕ Х. фон. Русские письма. СПб. 2008, с. 96.
22. ГРИГОРЬЕВ Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М. 2010, с. 76.
23. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1886—1890. Минск. 2003, с. 17.
24. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 290, л. 1—5; д. 304, л. 1—16; д. 306, л. 1—6; д. 502, л. 1—3; д. 504, л. 1; д. 506, л. 1; д. 563, л. 1; д. 761, л. 1—8.
25. Там же, ф. 568, оп. 1, д. 7, л. 244.
26. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1891—1892, с. 406—407.
27. ЕГО ЖЕ. Дневник 1894—1896, с. 167.
28. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 6, л. 32—33, 35, 38, 39, 44—45, 51; д. 263, л. 73—92.
29. Там же, ф. 568, оп. 1, д. 53, л. 1—15; д. 55, л. 1—13.
30. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1886—1890, с. 114.
31. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 55, л. 7—7об.
32. Там же, ф. 568, оп. 1, д. 53, л. 2об.; д. 55, л. 2—2об.
33. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1891—1892, с. 67.
34. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 55, л. 4об.
35. Там же, л. 5об.; л. 3об.—4.
36. Там же, ф. 568, оп. 1, д. 55, л. 8.
37. Там же, ф. 568, оп. 1, д. 55, л. 13—13об., 14об.
38. Российская дипломатия в портретах. М. 1992, с. 261—262.
39. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1891—1892, с. 44.
40. Там же, с. 263.
41. Там же, с. 201

42. Там же, с. 214.
43. Российская дипломатия в портретах, с. 241.
44. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1891—1892, с. 343.
45. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 53, л. 2об.
46. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник 1894—1896, с. 23.
47. Там же, с. 235, 254, 296.
48. Там же, с. 168, 193, 316.
49. АНТОНОВА Л.В., ПРОСВИРОВА Т.А. История дипломатии России. М. 2010, с. 319.
50. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 47, л. 1—44.
51. Там же, л. 7.
52. КИНЯПИНА Н.С. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. М. 1994, с. 192—194.
53. ЛУКОЯНОВ И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.). — Вопросы истории. 2008, № 4, с. 52—53.
54. Красный Архив. 1926, № 5 (Т. 18), с. 3—29.
55. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 84, л. 13—16об.
56. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 482.
57. РОМАНОВ Б.А. Ук. соч., с. 93.
58. Красный Архив. 1926, № 1 (Т. 14), с. 17, 23.
59. Там же, № 5 (Т. 18), с. 33—35, 37—38.
60. ШАЦИЛЛО В.К., ШАЦИЛЛО Л.А. Русско-японская война 1904—1905. Факты. Документы. М. 2004, с. 149.
61. Там же, с. 150.
62. Там же, с. 151.
63. БОГДАНОВИЧ А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М. 2008, с. 202.
64. История дипломатии. Т. 2. М. 1963, с. 527.
65. Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Пг. 1916, с. 149—150, 172.
66. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 514.
67. ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3273, л. 3.
68. Там же, ф. 568, оп. 1, д. 62, л. 43—45.
69. ШАЦИЛЛО В.К., ШАЦИЛЛО Л.А. Ук. соч., с. 79.
70. РОМАНОВ Б.А. Ук. соч., с. 205.
71. СХИММЕЛЬПЕННИК О.Д. ванн дер. Ук. соч., с. 316.
72. Пролог русско-японской войны, с. 173—174.
73. ШАЦИЛЛО В.К., ШАЦИЛЛО Л.А. Ук. соч., с. 158.
74. СХИММЕЛЬПЕННИК О.Д. ванн дер. Ук. соч., с. 320.
75. ШАЦИЛЛО В.К., ШАЦИЛЛО Л.А. Ук. соч., с. 162.
76. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 526.
77. РОМАНОВ Б.А. Ук. соч., с. 272.
78. Русско-японская война 1904—1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии. М. 2006, с. 84.
79. РОМАНОВ Б.А. Ук. соч., с. 275.
80. ПАВЛЮЧЕНКО О.В. Россия и Сербия 1888—1903. Дипломатические отношения и общественные связи. Киев. 1987, с. 39.
81. Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М. 1991, с. 27.
82. КУРОПАТКИН А.Н. Дневник. М. 2010, с. 93.
83. БЬЮКЕНЕН ДЖ. Моя миссия в России. М. 2006, с. 53.
84. КУРОПАТКИН А.Н. Ук. соч., с. 93—94.
85. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование Николая II. М. 2003, с. 230—232.
86. Русско-японская война 1904—1905 гг., с. 157.
87. Там же, с. 158, 187.
88. ПАВЛОВ Д.Б. На пути к Цусиме. М. 2011, с. 212—213, 220.
89. Там же, с. 221—222.
90. ПАВЛОВ Д.Б. Ук. соч., с. 99, 144.
91. Россия и Черноморские проливы (XVIII—XX столетия). М. 1999, с. 257.

92. Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг. Сб. архивных документов и материалов. М. 1999, с. 166—167, 179.
93. Красный Архив. 1935, № 2—3 (Т. 69—70), с. 242—251.
94. Россия-Швейцария. 1813—1955: Документы и материалы. М. 1995, с. 162—165.
95. Красный Архив. 1925, № 2 (Т. 9), с. 43, 46.
96. Сборник секретных документов из Архива народного комиссариата по иностранным делам. Пг. 1918, с. 264—272.
97. КУЗНЕЦОВ А.И. «Предвижу повторение Смутного времени...». — Россия в глобальной политике. 2013, № 4.
98. ИЗВОЛЬСКИЙ А.П. Ук. соч., с. 45.
99. Красный Архив. 1924, т. 5, с. 28—29.
100. История дипломатии. М. 2009, с. 730.
101. ЛУКОЯНОВ И.В. Портсмутский мир. — Вопросы истории. 2007, № 2, с. 20.
102. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 639.
103. ИЗВОЛЬСКИЙ А.П. Ук. соч., с. 15.
104. БОВЫКИН В.И. Очерки истории внешней политики России конец XIX — 1917 гг. М. 1960, с. 52.
105. Красный Архив. 1930, № 4—5 (Т. 41—42), с. 9—10.
106. Там же, с. 15—16.
107. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 1024—1025.
108. ИЗВОЛЬСКИЙ А.П. Ук. соч., с. 19.
109. АВДЕЕВ В.Е. Александр Петрович Извольский. — Вопросы истории. 2008, № 4, с. 69—70.
110. ГАРФ, ф. 568, оп 1, д. 14. л. 1—1об.
111. Там же, д. 15, л. 15—16.
112. Там же, д. 1, л. 29—33.

Трудовая повинность на лесозаготовках в годы индустриализации в СССР

Е.В. Воейков

Трудовая повинность в России в ограниченных масштабах вводилась в годы первой мировой войны. Наибольшее распространение принудительный труд получил в годы Гражданской войны, о чем традиционно упоминается в исторических работах¹. Современные исследователи подчеркивают, что проблема повинностей крестьянства советского периода исследована «лишь применительно ко времени “военного коммунизма”»; для 1930-х — 1950-х гг. «задача системного изучения вопроса пока не решена»².

В данной работе рассмотрены малоизвестные и неисследованные в исторической литературе аспекты трудовой повинности колхозников на лесозаготовках Поволжья, вводимой на этапе довоенной индустриализации в 1930 и в начале 1941 года. Территориальные рамки исследования включают современные Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую области и республики Мордовия и Татарстан.

В 1930-е гг. в СССР в ходе проведения индустриализации обострился топливный вопрос. Показателем резко возросшего потребления топлива может служить динамика его добычи в предвоенные пятилетки: 1932 г. — 106,2 млн т условного топлива, 1937 г. — 187,4 млн, 1940 г. — 237,7 млн тонн³. Как и в дореволюционный период, страна к началу 1930-х гг. располагала всего двумя основными топливными районами — Донецким угольным и Кавказским нефтяным. Задача ежегодных перевозок по территории Советского Союза сотен миллионов тонн угля и мазута из Донбасса и Баку превратилась в сложнейшую задачу. Перегруженный транспорт не справлялся с возросшим объемом перевозок. О неблагоприятной ситуации на транспорте говорилось в ряде постановлений СНК СССР и ЦК ВКП (б)⁴. На XVII съезде партии отмечались «огромный износ основных средств железной дороги, техническая отсталость и несоответствие размеров транспорта огромному развороту хозяйства в стране»⁵.

Поволжье по сравнению с другими регионами отличалось более редкой сетью железных дорог⁶. Заместитель председателя крайисполкома Средне-Волжского края, объединившего территории бывших Пензенской, Оренбургской, Самарской и Ульяновской губерний, Г.Т. Полбицын отмечал в 1930 г.: «Не-

Воейков Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

смотря на сравнительно низкий современный уровень экономического развития края и недостаточность или, вернее, неполное развитие его производительных сил в отношении размеров собственного производства, железные дороги края уже сейчас оказываются мало приспособленными к продвижению грузов по ним... и неспособны обслужить местное производство и транзит даже при современных их размерах»⁷.

Для улучшения топливной ситуации одновременно с освоением новых нефтяных и угольных месторождений начало осуществляться массовое использование дров, торфа и горючих сланцев. Уже XVI партийный съезд в 1930 г. обозначил курс, ставший приоритетным в области топливной политики на весь период 1930-х гг.: «Смягчение и затем полная ликвидация дефицита топлива требуют максимального увеличения добычи и использования местных топлив (торф, сланец, местные угли, природные газы), заменяя ими везде, где это возможно, дальнепривозное топливо». Развитие торфяной и сланцевой отраслей топливной промышленности называлось в числе важнейших направлений промышленного строительства в решениях XVII съезда ВКП (б) в 1934 году⁸. Наиболее подробно вопросы топливоснабжения страны рассматривались в 1939 г. на XVIII партийном съезде, который впервые из всех совещаний подобного уровня в своих постановлениях наметил программу всестороннего развития топливного комплекса СССР⁹.

В Поволжье хронические перебои в топливоснабжении начались в 1930—1931 годах. Так, в частности, несколько раз складывалась сложная ситуация с поступлением топлива в краевой центр Средне-Волжского края город Самару¹⁰. В Нижнее-Волжском крае фонд выделенных на 1931 г. дров обеспечивал потребителей только на 77%, в том числе для Саратова по рабочему снабжению — на 50%, для предприятий и учреждений — на 80%¹¹.

В третьей пятилетке топливный вопрос снова обострился. В августе 1940 г. газета «Правда» информировала читателей: «О тревожном положении с топливом сообщают из Свердловска, Ленинграда, Куйбышева и других городов»¹². На 1938 г. Куйбышевской области было выделено нефти 55,7%, мазута 82%, каменного угля 91% от потребности. При этом из-за недостатка вагонов на железной дороге фактически было получено от запланированного количества (которое и так не могло удовлетворить все потребности) только 77,7% нефти, 98,3% мазута и 48,3% угля¹³. Дефицит топлива для электростанций наблюдался в Пензенской области. Так, Сердобской городской электростанции в 1939 г. вместо необходимой 151 т нефти выделили лимит на 115 тонн (76,1%). По Пензенской городской электростанции запланированное на 1940 г. количество топлива удовлетворяло потребности в размере 20—25%; в докладной записке заведующего промышленным сектором обкома отмечалось, что «станция снабжается топливом случайно проходящими через станцию Пенза бездокументными цистернами, причем топливо бывает некачественное, что отрицательно отражается на работе дизелей и их материальной части»¹⁴.

Перебои в топливоснабжении отрицательно сказывались на работе промышленности. Например, по Татарскому спиртротресту за 1938 г. общие простои заводов достигли 1091,4 дня, в том числе из-за отсутствия топлива — 424,6 (38,9%); в 1940 г. по той же причине заводы не работали 516,9 дней из 1657,9 (31,2%)¹⁵. Простои дрожжевого завода в городе Пензе в 1938 г. из-за отсутствия топлива составили 211 часов. Из-за перебоев в подвозе дров, торфа, каменного угля в августе 1941 г. простаивали пять из 29 заводов Пензенского спиртротреста¹⁶.

Основным видом местного топлива в Поволжье периода индустриализации стали дрова, что соответствовало общесоюзной тенденции. Если в 1932 г. дров в стране было заготовлено 65,3 млн кубометров, то в 1937 г. — уже 94,8 млн, в

1940 г. — 128,2 млн кубометров¹⁷. Древесное топливо в рассматриваемый период применяли в значительных объемах не только промышленные предприятия. Все коммунальное хозяйство, отопление жилых домов и учреждений как в городах, так и в сельской местности базировалось преимущественно на дровах. В 1937 г. доля дров в топливном балансе страны составляла 28,5%, что уступало углю (46,6%), но превосходило нефть (17,3%)¹⁸.

Лесной фонд Поволжья стал важным источником топлива в условиях развернувшейся индустриализации. Данная тенденция в значительной степени противоречила решениям партийных съездов, ориентировавших в вопросе освоения местных видов топлива, в первую очередь, на торф и сланцы. Горючие сланцы должны были стать энергетической основой промышленного развития Поволжья согласно планам первой и второй пятилеток. Причинами ориентации именно на древесное топливо можно считать хронический срыв плановых заданий сланцевой промышленностью Поволжья и многочисленные трудности развертывания торфоразработок.

Трудовая повинность на заготовках топлива активно применялась в Поволжье в годы Гражданской войны. В первой и третьей пятилетках сложная ситуация с топливом снова вынудила прибегнуть к подобным мерам. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 13 февраля 1930 г. «О мероприятиях по усилению работ на лесозаготовках и лесосплаве» было дано разрешение «цикам автономных республик и краевым (областным) исполкомам в тех случаях, когда исчерпаны другие способы достаточного обеспечения лесозаготовок и лесосплава рабочей силой и гужевым транспортом, вводить в лесозаготовительных и лесосплавных районах платную трудовую и гужевую повинность для нужд лесозаготовок и сплава»¹⁹.

На основании данного нормативного акта органами власти в Поволжье были изданы соответствующие постановления. В частности, крайисполком Средне-Волжского края 11 января 1931 г. ограничил варианты использования трудгужевых повинностей случаями стихийного бедствия, перевозок хлеба, дорожного строительства и лесозаготовок. Нижне-Волжский крайисполком постановлением от 28 февраля 1930 г. ввел в Аткарском, Балашовском, Вольском, Сталинградском и Хоперском округах «для нужд дроволесозаготовок... платную трудовую и гужевую повинность с 5 марта для первых трех округов по 1-е апреля и для двух последних по 20-е марта 1930 года»²⁰. В Средне-Волжском крае трудовая повинность вводилась в отдельных округах, в частности, в Сызранском с 20 февраля 1930 г. и в Мордовской автономной области в январе и октябре 1930 года²¹. В ноябре — декабре 1930 г. трудповинность также применялась в отдельных районах Средне-Волжского края, в частности, в Пензенском²².

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 января 1941 г. на лесозаготовках Наркомата лесной промышленности СССР в первом квартале была введена трудовая и гужевая повинность. В Поволжье трудповинность применялась в Куйбышевской и Пензенской областях, Татарской АССР, где осуществляли свою деятельность тресты «Куйбышевлес», «Тамбовлес» и Наркомлес Татарии. Сроки проведения были установлены с 23 января по 1 апреля 1941 года.

По данным сообщений с мест результативность мер принуждения была низкой. В годовом отчете треста «Средлес» за 1929—1930 г. отмечалось: «Объявленная крайисполкомом под конец зимнего сезона трудгужевая повинность эффекта в отношении вывозки не дала». По данным осуществлявшего в Мордовской автономной области заготовки лесоматериалов и дров для Москвы Темниковского леспромхоза треста «Мослеспром», по нарядам на выполнение трудповинности «выехало 4,64% от общего количества получивших задание»²³.

Одной из основных причин низкой эффективности трудповинности стала недостаточная проработка организационных вопросов. Темниковский ЛПХ со-

общал в президиум Средне-Волжского крайисполкома: «...РИКи делу трудгужповинности для выполнения плана лесозаготовок внимания уделяли недостаточно, считая эту кампанию второстепенной, а основной и ударной кампанию по заготовкам хлеба, картофеля и зяблевой вспашке»²⁴. Еще одним фактором стало недостаточно эффективное применение репрессивных мер. В упоминавшемся постановлении 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР сельсоветам предписывалось «при противодействии проведению лесозаготовок... возбуждать против указанных лиц уголовное преследование по соответствующим частям ст. 61 Уголовного кодекса РСФСР»²⁵. Канадейский лесхоз крайлесзага (территория современной Ульяновской области) в телеграмме от 1 марта 1930 г. сообщал крайисполкому: «Несмотря объявленную... платную трудгужповинность подводы почти не поступают, к неисполняющим штрафы, принудработы, шестьдесят первая (статья УК. — *Е.В.*) не применяются»²⁶. По Пензенскому району Средневожского края отмечалось, что «милиция медленно составляет акты на отказавшихся от трудгужповина»²⁷.

Официальная оценка трудповинности первого квартала 1941 г. носила оптимистичный характер. На совещании актива Наркомлеса РСФСР 25 апреля 1941 г. было заявлено: «Усилиями областных комитетов партии был организован выход в лес огромного количества колхозников, пришедших на помощь лесозаготовкам»²⁸. Секретарь Красноборского райкома ВКП (б) Татарской АССР в газетной заметке писал: «Многие колхозники с первых же дней освоили нормы. Ширится социалистическое соревнование. Высокие образцы производительности труда показывают члены артели им. Молотова, “Кзыл Юл”, им. Пушкина»²⁹. Но сохранившиеся документы свидетельствуют, что результативность трудповинности в начале 1941 г., как и в 1930 г. оставалась низкой.

В 1941 г. низкие проценты выполнения заданий по заготовке и вывозке были зафиксированы по Татарской АССР, Куйбышевской и Пензенской областям. На участках расположенного на территории Пензенской области Лунинского леспромхоза треста «Тамбовлес» плановое задание в рамках трудповинности было выполнено по заготовке на 55%, по вывозке — на 45%³⁰. В Куйбышевской области по Мелекесскому району вместо ежедневного количества 200 лесорубов в начале февраля в среднем работало 88 человек; в Ново-Малыклинском районе вместо 575 подвод в среднем ежедневно занималось вывозкой только 169. На участках Мамадышского ЛПХ Татарской АССР вместо 725 подвод работало 550; план по вывозке был выполнен на 7,9%³¹. Газета «Красная Татария»: «Чистопольский район, например, послал в Камский леспромхоз пеших сезонников 10 вместо 80, лошадей 29 вместо 110. Больше-Тархановский район послал в Кайбицкий леспромхоз всего лишь 17 лошадей вместо планового задания 100»³².

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 января в заключительном пункте № 7 указывалось: «За уклонение от повинности и невыполнение обязательных заданий виновные привлекаются к уголовной ответственности». Наибольшее количество упоминаний о случаях привлечения к ответственности за невыполнение трудповинности в первом квартале 1941 г. сохранилось по Куйбышевской области. Например, в Клявлинском районе за первую половину марта «за нарушение трудгужповинности» были отданы под суд один председатель колхоза, один колхозник и 17 единоличников. Случаи отдачи под суд имели место и в Ульяновском районе³³.

Выполнению заданий по трудповинности мешали объективные причины. В частности, наблюдался дефицит фуража для колхозных лошадей. По данным направленной в Куйбышевский обком докладной записки секретаря Клявлинского райкома ВКП (б) о выполнении плана лесозаготовок с 1 по 15 марта 1941 г., вместо плановых 0,5 кубометров нагрузка на лошадь при вывозке колебалась

от 0,25 до 0,40 кубометров из-за отсутствия фуража и плохого состояния дорог³⁴. На участках Лунинского ЛПХ выполнение норм колхозными лошадьми составляло 35–40% плановой; на партсобрании леспромхоза при обсуждении выполнения задания по трудповинности было отмечено, что «лошади не обеспечиваются фуражом» из-за чего «приходят в лес истощенными»³⁵.

Еще одной причиной недостаточной эффективности принудительного труда на лесозаготовках были неприемлемые условия труда и быта. Работники Чердаклинского райисполкома Куйбышевской области, прибывшие с проверкой находящихся на лесозаготовках колхозников своего района, обнаружили, что в Мелекесском леспромхозе недостаточно подготовились к приему рабочей силы: «В селе Еремкино размещено более 300 человек., но там до сих пор еще не открыта столовая, не хватает печеного хлеба, имеются случаи, что рабочие по 2–3 дня не получают хлеба, нет махорки... Никакой массовой работы с рабочими не ведется, бесед не проводится, газет, книг, журналов нет, стенгазета не выпускается»³⁶. В постановлении партийного собрания Мамадышского леспромхоза Татарской АССР от 1 февраля 1941 г. было указано: «Для приезжающих возчиков с лошадьми нормальных условий не создано. Леспродторгом продажа хлеба и фуража производится с перебоями по 2–3 дня в силу чего колхозы Тактанышского района уехали обратно»³⁷. Подобные случаи отмечались и по другим леспромхозам Татарии, в частности в Черемшанском и Чулпановском ЛПХ лесорубы не были обеспечены в достаточном количестве пилами и топорами³⁸.

В отдельных районах колхозы были перегружены выполнениями других заданий по перевозке различных грузов. Так, Чердаклинский райком ВКП (б) сообщал 10 февраля 1941 г. в Куйбышевский обком, что помимо лесозаготовок колхозы района были заняты перевозкой 1200 тонн зерна, топлива для спиртзавода и сена из затопляемой зоны. Поэтому вместо плановых 550 лошадей для Мелекесского леспромхоза район смог выделить только 314³⁹.

Кроме того, как и в 1930 г., страдала организация проведения топливной трудповинности. В докладной записке старшего инженера по сплаву осуществлявшего работы на территории Куйбышевской области треста «Волгостройлес», побывавшего в Новодевиченском ЛПХ, отмечалось: «Ни один из сельсоветов и колхозов возчиком о введении трудгужповинности под расписку не объявлял, а также не было им указано сколько должен каждый вывезти, так что колхозники, проработавшие 7–10 дней, начали самовольно возвращаться домой...». Еще один инженер треста «Волгостройлес», побывавший с 6 по 20 февраля 1941 г. в Кузоватовском леспромхозе, в адресованной Куйбышевскому обкому ВКП (б) докладной записке подчеркнул: «Со стороны районных организаций... леспромхозу никакой помощи оказано не было. Ни один работник ни райкома партии, ни райисполкома в колхозы не выезжал, а это было исключительно необходимо... Райисполком вынес решение о командировке своего работника по ряду колхозов для проведения в жизнь платной трудгужповинности. До сегодняшнего дня ни одного человека... не послано»⁴⁰. Руководство Лунинского леспромхоза Пензенской области отмечало, что индивидуальные задания для выделяемых на работы по трудповинности колхозников отсутствовали, председатели колхозов на лесозаготовках не бывали, райисполкомы и райкомы ВКП (б) не принимали никаких мер по ликвидации срывов выполнения заданий по лесозаготовкам. Чувствуя свою безнаказанность, отдельные колхозы не представляли списков выделенных на лесозаготовки работников, что лишало возможности леспромхоз привлечь к ответственности лиц, уклонившихся от выполнения заданий по трудповинности⁴¹. В Татарской АССР прикрепленные для выполнения трудповинности к Мамадышскому леспромхозу колхозы игнорировали полученные задания, при этом не было «ни одного материала не

составлено по привлечению к ответственности», поэтому прибывшие на лесозаготовки колхозники «больше времени проводили у костра в лесу, чем на работе». Подобные случаи были в данной автономной республике далеко не единичными. Так, колхоз «Коммунист», обязанный поставлять рабочих для Красноборского леспромхоза Татарии, распределил задания по лесозаготовкам между лицами, ушедшими из колхоза на заработки ⁴².

Применение в первой и третьей пятилетках в Поволжье заимствованной из эпохи Гражданской войны трудовой повинности на лесозаготовках следует оценивать в качестве экстраординарных мероприятий, использованных в качестве крайнего средства для стимулирования развития лесной промышленности в условиях серьезного обострения ситуации с топливом. Свидетельством того, что руководство в центре и на местах сознавало низкую эффективность подобных чрезвычайных средств, являлся кратковременный характер и ограниченный круг районов и лесозаготовителей, применявших труд повинность. Подобные непопулярные меры принудительного труда следует рассматривать в общем комплексе мероприятий форсированной индустриализации, направленной на подготовку к Великой Отечественной войне.

Примечания

1. См.: БАЕВСКИЙ Д.А. Очерки истории хозяйственного строительства периода Гражданской войны. М. 1957, с. 93—96, 102—105, 163—168; История социалистической экономики СССР. Т. 1. М. 1978, с. 287, 292.
2. БЕЗНИН М.А., ДИМОНИ Т.М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы. — Отечественная история. 2002, № 2, с. 97.
3. История социалистической экономики СССР. Т. 4. М. 1978, с. 175. Т. 5. М. 1978, с. 292.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929—1945 гг. М. 1957, с. 231, 240—247, 380.
5. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии. 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М. 1934, с. 204, 282, 383.
6. ЛЕБЕДЕВ Н. Средне-Волжский район. М. 1927, с. 68—69.
7. ПОЛБИЦЫН Г.Т. Значение Средневожского края в хозяйстве СССР. М.—Самара. 1930, с. 42.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896—1986). Т. 5. М. 1984, с. 151. Т. 6. М. 1985, с. 117.
9. Кроме постановки задачи создания новой нефтяной базы — «Второго Баку» — намечалось строительство нефтепроводов, развитие угольной и газовой промышленности. Рекомендовалось «переводить предприятия местной промышленности, коммунальные предприятия, школы, больницы и учреждения с дальнепривозного на местное топливо». Ставились задачи развития добычи торфа и сланцев. Кроме того, было указано, что местной промышленности и кооперации «необходимо всемерно развивать добычу местных видов топлива». КПСС в резолюциях... Т. 7. М. 1985, с. 59, 63.
10. Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. Р. 453, оп. 1, д. 3259, л. 34об., 80, 575; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО), ф. Р. 56, оп. 1, д. 329, л. 111, 125—125об., 188 об.
11. ДИМИТРЕВСКИЙ А. Экономьте топливо. — Поволжская правда. 14.I.1931.
12. Обеспечить города топливом. — Правда. 12.VIII.1940.
13. История индустриализации Среднего Поволжья. 1926—1941 гг. Куйбышев. 1974, с. 375.
14. ГАПО, ф. П. 148, оп. 1, д. 54, л. 32, 40.
15. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), ф. Р. 270, оп. 2, д. 251, л. 15; д. 295, л. 30.
16. ГАПО, ф. Р. 814, оп. 1, д. 44, л. 90; ф. П. 148, оп. 1, д. 510, л. 2.
17. История социалистической экономики СССР, т. 4, с. 175; т. 5, с. 292.
18. ПРОБСТ А.Е. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.—Л. 1939, с. 172, 322.
19. СУ РСФСР. 1930, № 9, ст. 107.
20. Известия Нижне-Волжского крайисполкома. 1930, № 7—8, с. 97; Информационный бюллетень Средне-Волжского крайисполкома. 1931, № 2, с. 4.

21. ЦГАСО, ф. Р. 674, оп. 1, д. 464, л. 329; ф. Р. 779, оп. 2, д. 666, л. 417; д. 714, л. 168, 170; Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ), ф. Р. 149, оп. 1, д. 72, л. 16.
22. Ликвидировать угрозу лесозаготовкам. — Трудовая правда. 27.II.1930.
23. ЦГАСО, ф. Р. 779, оп. 2, д. 666, л. 417.
24. Там же.
25. СУ РСФСР. 1930, № 9, ст. 107.
26. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. Р. 1810, оп. 3, д. 5, л. 4об.; ЦГАСО, ф. Р. 779, оп. 2, д. 714, л. 170.
27. Ликвидировать угрозу лесозаготовкам. — Трудовая правда. 27.XII.1930.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А. 215, оп. 1, д. 27, л. 11.
29. Выполнить план заготовки и вывозки леса. — Красная Татария. 14.II.1941.
30. ГАПО, ф. П. 1202, оп. 1, д. 23, л. 1.
31. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПДРТ), ф. 2652, оп. 1, д. 5, л. 6об.; Больше леса. — Волжская коммуна. 9.II.1941.
32. Заготовке и вывозке леса — большевистские темпы. — Красная Татария. 29.I.1941.
33. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ), ф. 656, оп. 32, д. 74, л. 5, 63.
34. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 32, д. 74, л. 5.
35. ГАПО, ф. П. 1202, оп. 1, д. 23, л. 1—1об.
36. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 32, д. 74, л. 17.
37. ЦГАИПДРТ, ф. 2652, оп. 1, д. 5, л. 6об.
38. Уклоняются от трудгужповинности. — Красная Татария. 9.III.1941.
39. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 32, д. 74, л. 16—16об.
40. Там же, л. 12, 18, 19.
41. ГАПО, ф. П. 1202, оп. 1, д. 23, л. 1об.
42. ЦГАИПДРТ, ф. 2652, оп. 1, д. 5, л. 7об.—8; ф. 3624, оп. 1, д. 3, л. 14.

Местное самоуправление в Среднем Поволжье после Февральской революции 1917 г.

Т.А. Кобзева

На современном этапе наблюдается повышенный интерес к земской проблематике, обусловленный радикальными переменами в общественной жизни России 1990-х годов. В последнее десятилетие появилось большое количество региональных исследований, посвященных различным сторонам деятельности земских учреждений. Среди очерков по истории земского самоуправления, особенно следует отметить работы, посвященные, в том числе, их общественной деятельности в период революционных потрясений. В первую очередь, это исследования Г.А. Герасименко, В.Ф. Абрамова, Л.Е. Лаптевой, А.Ю. Шутова¹. В последнее время на материале губерний Среднего Поволжья написан и защищен ряд диссертаций, в которых исследуется деятельность земств в период Февральской революции 1917 года². В целом, результаты всех этих исследований еще не систематизированы в специальном историографическом исследовании. Предлагаемая работа посвящена тем переменам, которые произошли в системе местного земского самоуправления после февраля 1917 года.

Февральская революция 1917 г. открыла путь демократическому обновлению России. Формирование органов местного управления на новых началах, подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание, введение либеральных прав и свобод заложили основы формирования институтов гражданского общества и правового государства в России. Одним из первых шагов Временного правительства было уничтожение губернаторской власти в губернии. Учреждение нового демократического порядка было поручено комиссару правительства при широком содействии общественных сил. Управление было передано представителям земских управ. Одновременно были ликвидированы жандармерия, институт земских начальников, чьи судебные функции были переданы временным, а впоследствии мировым судьям. Полиция была заменена милицией. Начался процесс демократизации цензовых земских и городских органов самоуправления. Именно деятельность органов местного самоуправления, сформированных на основе всеобщих, равных и прямых выборов, повышала гражданскую активность, общественную ответственность граждан за бу-

Кобзева Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.

дущее страны. Расширялось участие представителей всех сословий в решении вопросов местного и государственного значения.

В России до демократических преобразований 1917 г. была выстроена четкая система земского самоуправления, которая эффективно функционировала и повсеместно решала вопросы местного значения. Февральскую революцию земские деятели Симбирской губернии встретили с воодушевлением. Уже в марте 1917 г. Симбирское губернское земское собрание отправило приветствие Временному правительству, в котором выразило мнение о том, что «завоевания революции дали стране великое благо народоправства»³.

Земцы активно включились в процесс реорганизации всей системы местной власти на демократических началах. Главной целью реформы они считали формирование всех органов власти на основе всеобщего избирательного права. Известный историк земского движения Б.Б. Веселовский еще в 1909 г. в своей фундаментальной работе «История земства за 40 лет» справедливо полагал, что «единственной гарантией того, что интересы различных классов и групп населения будут соблюдены, могло быть лишь обеспечение представительства этих классов и групп в местном самоуправлении на началах равномерности»⁴.

В марте 1917 г. Временное правительство приступило к разработке реформы земских учреждений, в которой главная роль отводилась выборным органам земского самоуправления — уездным и губернским земским собраниям. Они должны были сформировать обновленные земские учреждения всех уровней.

С мая 1917 г. в соответствии с законами Временного правительства «О волостном земском управлении», «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г., «Об изменении действующих Положений об общественном управлении городов», «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения» от 9 июня 1917 г.⁵ начала действовать новая избирательная система при формировании органов городского и земского самоуправления. По ней в выборах волостных и уездных земских гласных стало принимать участие все взрослое население — мужчины и женщины с двадцатилетнего возраста. Осуществились мечты нескольких поколений общественных деятелей, призывавших к демократизации местных органов власти.

Избирательная система 1917 г. отвечала современным требованиям мировой юридической мысли. Впервые в истории страны были проведены свободные, всеобщие, равные и пропорциональные выборы. До февраля 1917 г. доступ к решению важнейших общественных вопросов был ограничен. Новая система выборов позволяла широким слоям населения участвовать в их решении. Открытие новоизбранных земств во многих случаях выливалось в демонстрацию доверия и поддержки Временному правительству. Однако отношение различных слоев общества к земским учреждениям было неоднозначным. Если горожане восприняли нововведения как усиление демократических элементов в обществе, то крестьяне отнеслись к этим изменениям с опасением, боясь преобладания в земствах имущих слоев общества.

Различным было и отношение политических партий к реформе местного самоуправления. Так, кадеты полностью одобряли земскую реформу; эсеры приняли нововведения, но с определенными оговорками. Большевики же полностью отрицали все реформы Временного правительства и выступали против любой его поддержки.

С целью реформирования всей системы местного самоуправления губернии в уездах были созданы коллегиальные учреждения — исполнительные комитеты, в которые входили представители отдельных общественных организаций, земств, политических партий, представители новой административной власти, а также представители Совета солдатских и рабочих депутатов, Совета

крестьянских депутатов. Председателями уездных исполнительных комитетов были уездные комиссары Временного правительства. Их главными задачами были организация власти в уезде, решение продовольственного вопроса, введение в уезде милиции и суда. Земства приняли активное участие в формировании и деятельности этих органов власти ⁶.

Реорганизация местного управления предусматривала активное участие населения в избирательном процессе, передачу власти в руки выборных органов и должностных лиц в губернии, в том числе и председателей уездных и губернских управ. Однако, формально назначаемые губернские и уездные комиссары часто конфликтовали с представителями местных структур и населением губернии. В ряде уездов Симбирской губернии комиссары Временного правительства не были приняты населением, которое воспринимало их «реакционерами и врагами нового порядка» ⁷. Во многих уездах население требовало соблюдения принципа выборности в отношении губернских и уездных комиссаров.

Уже, с апреля 1917 г. начался процесс замены бывших председателей уездных и губернских управ на новых лиц, пользовавшихся доверием у населения. Этот процесс не всегда был мирным и часто перерастал в открытые столкновения с бывшими представителями властных структур. Так, в апреле 1917 г. подвергся нападению толпы бывший председатель Карсунской управы С.А. Филимонович. В Ардатовском уезде по требованию населения был арестован председатель уездной Управы С.П. Горсткин, в Курмышском уезде в результате аграрных волнений снял с себя полномочия председатель Управы А.С. Волков. К лету 1917 г. переизбрание председателей управ завершилось. Из восьми уездов Симбирской губернии лишь в двух — Сызранском и Сенгилеевском — остались бывшие председатели уездных земских управ. В остальных уездах были избраны новые лица, причем это были представители крестьянского сословия и земской интеллигенции ⁸. Эти изменения коснулись и губернского земства: был заменен бывший председатель Симбирской губернской земской управы Н.Ф. Беляков. Новым председателем стал Ф.А. Головинский, исполнявший обязанности губернского комиссара Временного правительства ⁹. Таким образом, на демократической основе произошло обновление уездных и губернских земских собраний, и все слои населения были представлены в органах местного самоуправления.

Выборы в гласные земских собраний Симбирской губернии в основном завершились к концу мая 1917 года. Некоторая задержка с перевыборами в земское самоуправление была связана с призывом Министерства внутренних дел воздержаться от них до опубликования Положения о выборах в земские учреждения. Подобная ситуация была характерна и для многих губерний Поволжья. Анализ социального состава губернских и уездных гласных позволяет судить о преобладании среди них земских учителей, агрономов, врачей, юристов, служащих, крестьян.

Одновременно шло объединение всех демократических сил губернии. Уже весной 1917 г. в Сызранском, Карсунском, Сенгилеевском, Алатырском уездах Симбирской губернии были созваны чрезвычайные уездные демократические земские собрания ¹⁰. На них присутствовали представители различных слоев общества — от торгово-промышленного класса до крестьянства, различных общественных и религиозных организаций (представители Мусульманского бюро Симбирской губернии) ¹¹. Были допущены до участия в собрании с правом решающего голоса и члены крестьянской фракции Симбирского губернского исполнительного комитета ¹².

На демократических собраниях во всех уездах земцы обратились с приветствием к Исполнительному комитету Государственной думы и Петроградскому

совету солдатских и рабочих депутатов¹³. Они надеялись, что «Совет будет стоять на страже сохранения завоеваний Свободы и проведения в жизнь всех требований демократии»¹⁴. 6 мая 1917 г. состоялся съезд уездных комиссаров и представителей уездных земских управ Симбирской губернии, на котором было подтверждено, «что, единственной государственной властью является временное правительство», состоящее из членов Совета рабочих и солдатских депутатов, и лиц, пользующихся доверием более умеренных слоев населения, «высшим губернским органом власти является общее губернское земское собрание». Причем подчеркивалось, что «между местной властью и советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должна быть установлена тесная связь и все постановления местных органов самоуправления должны находить поддержку у Советов». О поддержке со стороны Симбирского губернского земского собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, о признании полезности его деятельности говорит и тот факт, что земское собрание ассигновало Совету 10 тыс. руб. на неотложные расходы¹⁵.

Аналогично системе центральных органов власти, в которую входило Временное правительство и советы, была организована и власть на местах. Советы встраивались в новую систему местного управления. Тесное сотрудничество обновленных на демократической основе земских собраний и советов весной — летом 1917 г. определялось общей социальной базой и целями.

Подлинным примером объединения всех революционно-демократических сил губернии стал созыв в мае 1917 г. первого демократического Симбирского губернского земского собрания. На нем были представлены помимо земских гласных члены земских управ губернии, Совет солдатских рабочих депутатов, делегаты от губернского Исполнительного комитета, от военного комитета, Городской думы и крестьянских союзов¹⁶. В ходе первого заседания собрание постановило допустить до участия на правах гласных представителей всех социалистических партий. Оно поддержало заявление Временного правительства о том, что оно «будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой в стране; проводить государственный и общественный контроль над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегать к организации производства». Симбирские земцы считали необходимым немедленно приступить к реализации плана реорганизации всего народного хозяйства и регулирования хозяйственной жизни страны. С этой целью была принята «Резолюцию по вопросу о борьбе с экономической и финансовой разрухой». Она предусматривала упорядочивание системы хозяйствования во всех сферах. Так, в промышленном секторе предусматривалось увеличить объемы производства промышленных товаров. В частности, земское собрание подняло вопрос о целесообразности дальнейшего продолжения работ по строительству Заволжского патронного завода, которые предполагалось завершить в 1919—1920 годах. Земские деятели предложили перепрофилировать производство и организовать сборку необходимых в сельском хозяйстве машин, орудий или электротехнических изделий. Для наведения порядка на железной дороге губернские гласные предложили согласовать расписание перевозок на правительственных и частных железных дорогах, упорядочить эвакуацию¹⁷.

Помимо объединения всех демократических сил губернии симбирские земцы стремились объединить и все земские учреждения. На общем собрании служащих Симбирского губернского земства 15—25 апреля 1917 г. был разработан и принят устав Союза служащих губернского земства, главными задачами которого провозглашались «содействие усовершенствованию земского дела, объединение земских служащих для достижения наибольшей солидарности и сознательности в их общей земской работе, улучшение правового положения служа-

щих и удовлетворение их духовных и материальных потребностей». По мнению земцев, созданный Союз способствовал повышению сознательного отношения земских деятелей к своим обязанностям. На земство возлагались новые задачи и ему предстояло решать новые проблемы. В связи с этим, Союз земских служащих обратился к Симбирскому губернскому собранию с просьбой о предоставлении «третьему служивому элементу» возможности более широкого участия в представительных органах местного самоуправления (губернском собрании) и в различных губернских комиссиях и комитетах. В частности, земцы предлагали ввести трех своих представителей в Симбирский губернский продовольственный комитет и одного — в Симбирский городской продовольственный комитет¹⁸.

Успешность демократических реформ, по мнения земских деятелей, зависела от информированности населения губернии. Уездные земские собрания периодически поднимали вопрос о немедленной организации культурно-просветительской деятельности среди местного населения. Так, например, на эти цели Алатырское уездное земское собрание ассигновало 3 тыс. руб., а Курмышское чрезвычайное уездное земское собрание — 5 тыс. рублей. Губернская управа организовала в Симбирске курсы по политическим и социальным вопросам для будущих лекторов, которых готовили к проведению политических бесед в крестьянской среде. Программа курсов предполагала разъяснение населению сложившейся ситуации в стране и возможных вариантов перехода к демократической республике, а также путей решения аграрного и рабочего вопросов в России¹⁹.

Важнейшей реформой всей системы местного самоуправления после февраля 1917 г. стало введение волостного земства. Это была долгожданная реформа, за которую земцы боролись на протяжении всей своей истории. Вопрос о низшей земской единице поднимался Симбирским губернским земством еще в 1905 г., тогда было предложено несколько проектов организации волостного земства. Одни гласные предлагали наделить низовую земскую единицу исключительно хозяйственными функциями, заключавшимися в осуществлении агрономической помощи местному населению. Другие высказывались за придание ей административных функций с целью контроля за судебной и налоговой системами волости. Для обсуждения этого вопроса и разработки проекта волостной земской единицы при губернской управе была избрана комиссия, в которую вошли земские представители. Аналогичные комиссии были созданы и в уездах²⁰. Надо сказать, что симбирское земство было не одиноко в подобных начинаниях. По всей стране земцы выступали за необходимость создания подобных единиц земской организации. Общим во всех этих проектах было стремление земцев использовать принцип выборности и всесословности при формировании волостного земства. Доступ к решению хозяйственных проблем всего сельского населения, по мнению земских деятелей, повысил бы эффективность сельскохозяйственного производства и ускорил бы подъем уровня развития российской деревни. Именно волостные земства, находившиеся на самом низовом уровне, могли решать многие проблемы сельского населения страны. Однако в 1905 г. земствам не удалось осуществить подобные начинания.

Совершенно иные возможности открылись после февраля 1917 года. 21 мая Временное правительство приняло Временное положение о волостном земском управлении. По нему к предмету ведения волостных земств относились заведование денежными и натуральными земскими повинностями; установление по соглашению с уездными и губернскими земскими учреждениями способов участия волостных земств во всякого рода земских мероприятиях; попечение о народном образовании, устройство и содержание училищ и иных учебных учреждений, содействие всем видам внешкольного образования; попе-

чение о народном здравии, устройство и содержание лечебных заведений (больниц, амбулаторий, аптек и т. д.); оказание юридической помощи населению; охрана общественного порядка и безопасности; исполнение государственных и земских повинностей, а также законных распоряжений как правительственных, так и общественных учреждений и т. д.²¹

Волостное земское собрание образовывалось из волостных земских гласных, избираемых на трехлетний срок. Число волостных гласных по каждой волости устанавливалось в зависимости от численности населения волости, в количестве от 20 до 50 лиц. Правом участия в выборах пользовались гласные обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие 20 лет, а солдаты — с 18 лет. Выборы волостных гласных назначались уездной земской Управой одновременно во всех сельских избирательных округах волости. Структура органов волостного земства повторяла структуру органов уездного и губернского уровней, то есть в нее входили собрания и управы. Для удобства подачи голосов волость разделялась на избирательные участки, в каждом из которых собирались записки, а потом производился общий подсчет. Закон сохранил крестьянские волостные сходы, причем во многих случаях согласно закону, сходы дублировали или подменяли волостное земство, сохраняя не только хозяйственные, но и полицейские функции²².

Земские деятели Симбирской губернии внимательно изучили закон от 21 мая 1917 года. Главной недоработкой закона было отсутствие разъяснений по вопросу о взаимоотношениях уездного и волостного земств. Реформа, по мнению земцев, способствовала утверждению демократических прав и свобод, и она «в полной мере оправдала ожидания и чаяния русского общества». Деятельность волостных земств должна была органично дополнить работу уездных земств. По итогам обсуждения закона Симбирское губернское земское собрание решило возбудить перед правительством ходатайство об изменении Положения о волостном самоуправлении. Уже в начале лета развернулась подготовка к выборам в волостные органы земского самоуправления. На местах были образованы комиссии по выборам земских гласных, составляли списки гласных. Вся работа по формированию волостной земской единицы легла на уездные земства, именно они стали определять районы волостных земств²³.

Губернское земство призывало уездных гласных оказать содействие волостным земским структурам. 20—22 июня 1917 г. прошло совещание председателей уездных земских управ, на котором решили использовать для определения количества гласных данные подворной переписи 1911 года. В большинстве уездных земств уже приступили к организации выборов в волостное земство, которые должны были состояться с 15 по 27 августа. Они проходили по мажоритарной системе и в итоге уже к сентябрю 1917 г. большинство волостных земств уезда приступило к работе²⁴.

Эффективное функционирование всей системы местных органов власти предполагало включение волостного земства в работу уездных органов самоуправления. Волостные гласные стали требовать участия председателей волостных управ в заседаниях уездных собраний с правом решающего голоса. Поскольку временное положение такого права не давало, в конце октября 1917 г. ряд земств Симбирской губернии обратились к Временному правительству с просьбой о внесении поправок в закон²⁵.

Введение волостного земства имело огромное значение для развития местного самоуправления в России. Благодаря реформе многочисленное крестьянское население получило прямую возможность участвовать в органах самоуправления. Выстраивалась четкая система земских учреждений, в основе которой было предоставление самоуправления всему населению — от волости до всероссийского Земского союза. Выборы в волостное земство стали своеобраз-

ной репетицией будущих выборов в Учредительное собрание России. Временное правительство в своем постановлении о выборах решило создать на местах окружные комиссии, которые должны были заняться подготовкой к выборам в представительный орган страны. Представители земств также вошли в состав комиссии. От губернского земства были избраны юрисконсульт губернского земства А.Ф. Бонч-Осмоловский и член Управы И.С. Устюгов²⁶. Окружные комиссии должны были установить избирательные участки, разделить территорию на избирательные округа. За основу избирательных списков при выборах в Учредительное собрание были взяты списки по выборам в волостные и уездные земства и городские думы. Также совпадали избирательные участки. Это во многом ускорило подготовку к выборам.

Февральская революция открыла широкие возможности для развития местного самоуправления. Было упразднено губернское по земским и городским делам присутствие со всеми его правами и возможностями ограничить деятельность и инициативу органов земского и городского самоуправления. Началось избрание новых земств на основе тайного равного голосования. Земства помимо хозяйственных функций наделялись еще и административными. Они получили право издавать обязательные постановления, избирать мировых судей и тем самым формировать местные суды, контролировать действия милиции в губернии. Однако для успешности всех демократических преобразований необходимо было, во-первых, завершить организационные работы по созданию на местах сельских и волостных земских структур, избираемых на основе всеобщего избирательного права. Во-вторых, требовалось объединение всех демократических сил на местах и выработка единой политической программы реформирования страны. В-третьих, успешность местной реформы всецело зависела от политической стабильности центральных органов власти. Однако постоянные кризисы власти и смена состава Временного правительства, его полное бездействие в решении насущных вопросов обрекло все демократические реформы на полное поражение и открыло путь большевикам к установлению жесткой диктатуры.

После политического переворота в октябре 1917 г. наметились совершенно иные тенденции в развитии местного самоуправления. Центральная идея, положенная в основу большевистского представления об органах власти, как центральных, так и местных, состояла не в разделении властей, что характерно для системы управления демократического правового государства, а объединении всех ветвей власти в одну единую организацию — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

С приходом к власти нового советского правительства — Совета народных комиссаров — идея власти стала претворяться в жизнь сначала мирными, а затем и силовыми методами. Советы оценивались большевиками как «организация вооруженных масс для подавления народом эксплуататоров», то есть как организация не управления, а подавления²⁷. Советы рабочих и солдатских депутатов, по мнению В.И. Ленина, олицетворяли революционную диктатуру, опирающуюся не на закон, а на волю народных масс²⁸. Он считал, что власть Советов позволит установить диктатуру пролетариата, как высшую форму народовластия.

Главным препятствием в реализации данного программного положения большевиков были существовавшие на местах органы общественного самоуправления — земские учреждения, в чьем распоряжении находилась разветвленная сеть школ, больниц, пунктов ветеринарной и агротехнической помощи населению, «богоугодных заведений» (домов призрения, детских приютов, колоний душевнобольных и т. д.), продовольственных складов, пенсионных касс, банков. Ломка этой системы общественных институтов социальной помощи

населению могла негативно повлиять на социальное положение жителей страны. В связи с этим большевики не спешили в одночасье ликвидировать «буржуазные» органы местного самоуправления.

После октябрьских событий Симбирское губернское собрание приняло резолюцию об отношении к власти Совета народных комиссаров. В ней говорилось, что «Симбирское губернское земское собрание протестует против вооруженного захвата власти Советом народных комиссаров в свободной стране накануне выборов в Учредительное собрание и против стремления поставить власть насилия выше власти организованной воли народа, выявившейся при выборах в Учредительное собрание»²⁹. Собрание не признало власть «народных комиссаров», грубо поправших свободу личности и независимость самоуправления. Земцы полагали, что только Учредительное собрание, опирающееся на свободно организованную волю народа, способно дать измученной и обескровленной стране мир, решить аграрный вопрос и улучшить условия жизни трудящихся³⁰.

По свидетельству члена губернской земской Управы Головинского, в Симбирской губернии с начала октябрьских событий царил «полная анархия». Губернский комиссариат, избранный первым «демократизированным» губернским земским собранием, работал совместно и без особых трений с демократическими общественными организациями. Однако с момента утраты связи с центральной властью (власть Совета народных комиссаров не была признана губернской администрацией и Симбирским губернским земством) возникла необходимость создания «местного самодовлеющего органа власти в губернии и в уездах». Была высказана идея создания общегубернского органа власти, объединяющего все «организованные силы губернии», — Комитета народной власти. В духе нового революционного законодательства вся власть должна была принадлежать учреждениям, сформированным на основании всеобщего избирательного права. Земство обязано было взять всю полноту власти в свои руки, а за комиссарами сохранялись лишь функции правительственного надзора³¹.

К этому времени в уездах сложилась достаточно сложная ситуация: неудовлетворительное финансовое положение, перебои с продовольственным снабжением, кризис в кооперативах. Все это накладывалось на нерешенность аграрного вопроса и неопределенность его содержания. Во многих уездах начались крестьянские погромы. Это было связано еще и с тем, что сами Советы разьясняли решение вопроса о земле в духе принципа «брать и делить»³².

Почти все уездные собрания и управы (за исключением Карсунского уезда) резко отрицательно отнеслись к власти «народных комиссаров», расценивая ее как незаконную и преступную. В уездах признавалась только власть исполнительных земских органов — уездных управ. В уездах прошли объединенные собрания представителей земства и других демократических сил губернии, на которых обсуждались вопросы организации власти в уездах. На собрании Алатырского уездного земства 9 ноября 1917 г. было высказано мнение о несостоятельности власти большевиков, так как она «не отвечает современному положению в стране». Нелегитимность их власти объяснялась тем, что от нее отвернулась не только большая часть населения внутри страны, но и другие государства. При этом земцы отдавали себе отчет, что причинами прихода к власти большевиков стало бездействие Временного правительства. Если бы оно «во время предприняло шаги к выполнению насущных требований трудового народа, то большевистское движение вообще не имело бы успеха»³³.

Такая позиция земских гласных неминуемо приводила к возникновению конфликтов между уездными земскими собраниями и советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые перерастали в жесткое противостояние и расшатывали основы власти на местах. Советы требовали места в земском собрании с правом решающего голоса. В Сызрани и Алатыре были попыт-

ки организовать Комитет спасения Родины и революции, то есть защиты всех демократических завоеваний Февраля. Комитет спасения Родины не признавал совершенного большевиками переворота и тех законов и постановлений, которые они издавали. Созданный комитет провозглашался органом объединения и контроля, направляющим деятельность правительственных структур и общественных организаций с правом издания обязательных постановлений. При этом не были четко определены функции комитетов. Например, при провозглашении Комитета спасения Родины на заседании Алатырского чрезвычайного земского собрания 8—11 ноября 1917 г. разгорелась полемика о роли подобного политического объединения. Одни гласные выступали за ограничения функций, которые заключались бы только в исполнении постановлений Временного правительства. Другие высказывались за целенаправленную деятельность Комитета по объединению всех демократических организаций и учреждений уезда³⁴.

Советы объявили, что именно они являются органами управления на местах и поэтому должны переподчинить себе все административные, хозяйственные, финансовые, культурно-просветительские учреждения. Соответственно все прежние органы управления должны быть заменены Советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов³⁵. Например, в Сызранском уезде у полиции было отобрано оружие и передано на охрану в Симбирский полк, лояльно относившийся к советской власти. Совет рабочих и солдатских депутатов заявил, что выдаст оружие при условии признания власти Совета народных комиссаров³⁶. Ардатовское земское собрание в ноябре 1917 г. под влиянием большевиков передало всю власть революционному Комитету Совета солдатских, рабочих, крестьянских депутатов³⁷.

В обстановке произвола и безвластия солдаты, по свидетельству земских деятелей, расправлялись не только с «буржуями», но и с интеллигенцией, среди которой были земские врачи и учителя. Все это вносило полную дезорганизацию в управление и приводило к анархии на местах. Сызранский совет рабочих и солдатских депутатов, по сообщению И.Ф. Голенко, гласного от Сызрани, был чисто большевистской организацией, направляющей свою деятельность на «возбуждение несознательной части населения»³⁸.

Местное население от лояльного отношения к большевикам постепенно стало переходить к их неприятию. Буинское уездное земское собрание констатировало, что настроение населения «не в сторону большевиков, а в сторону самоуправления» (из выступления Бонч-Осмоловского, гласного от Буинского уезда)³⁹.

Единственную надежду по стабилизации положения земские учреждения большинства уездов возлагали на Учредительное собрание. Гласные уездных собраний считали, что только созыв представительного демократического органа даст возможность достичь истинного «народоправства». А истинное «народоправство» заключалось еще и в формировании необходимых органов местного самоуправления. От них и должна была исходить истинная власть, не основанная на слепом подчинении указаниям сверху⁴⁰.

Гласные Симбирского губернского земского собрания адекватно оценивали сложившуюся ситуацию в стране: «Цели революции — утверждение народовластия, заключение справедливого демократического мира, спасение страны от продовольственной и торгово-промышленной разрухи. Данные цели Февраль не решил»⁴¹.

Большевиков земцы оценивали как спичку, которая поджигала настроения масс, ждущих перемен. По их мнению, идея народовластия искажалась большевиками, отстранившими от власти целые социальные группы общества, а большевистские декреты о земле вызывали лишь погромы имений, граждан-

скую войну крестьян и откатывали назад правильное решение земельного вопроса. Выход из этой ситуации народные избранники видели в объединении всех революционных, демократических сил — крестьян, мелкой городской буржуазии, интеллигенции. Центром такого объединения могло стать Учредительное собрание. На местах же органы местного самоуправления должны были бы работать совместно с демократическими советами, в том числе и с советами, сформированными из различных политических сил. По свидетельству гласного Голенко, революция «свернула влево, возникла возможность вновь увидеть над страной золотую корону»⁴².

Итоги II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде 25—26 октября 1917 г. вызвали негативную оценку симбирских земских деятелей. Они созвали губернское чрезвычайное земское собрание, которое заявило, что декрет о мире, провозглашавший демократический мир, открытые переговоры, на деле могут обернуться сепаратным мирным договором. По свидетельству гласных А.А. Георгиевского, Г.Т. Титова, большевики проявили «лицемерие в отношении свобод: слова, неприкосновенности личности. Свобода слова хуже, чем при Николае II, нет неприкосновенности личности», закрыты газеты, а «право арестовывать принадлежит каждому большевику». Поэтому требовалось организовать четкую структуру власти для противостояния надвигающейся диктатуре одной политической силы⁴³. Симбирские губернские деятели Голенко, И.Н. Кулагин, Н.Н. Чебоксаров считали главной задачей создать «прочный фундамент» для объединения всех демократических сил губернии⁴⁴. Как показали последующие события, ее так и не удалось решить в полном объеме.

Тем не менее, земские деятели попытались определить место Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в новой структуре власти. Они не отрицали саму идею новых выборных органов — советов, стихийно возникших и набравших силу во время Февральской революции, и стремились к сотрудничеству с ними. Правда, основным органом власти в губернии должно было остаться губернское земское собрание. Совет крестьянских депутатов какое-то время рассматривался даже как союзник в вопросах организации крестьян и в вопросе о земле.

Таковыми были общие представления земцев, но среди них не существовало полного единства. Одни гласные (Кулагин, Бузяров, Титов) считали, что земство обладает всей полнотой власти лишь в мирное время, а в настоящий переломный момент функционирование местного самоуправления возможно только с поддержки советов. При этом ставилось следующее условие: советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов можно будет привлечь к власти только в том случае, если они вернутся к лозунгам Февральской революции. Также была высказана идея организации земского съезда для выстраивания власти не посредством советов, а путем непосредственного представительства различных групп населения. Большинство гласных, исходя из реальной политической ситуации в России, выступило за создание объединенного органа местных органов самоуправления и советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но власть СНК при этом не признавалась. Некоторые гласные считали, что советы должны сыграть объединяющую роль при формировании новых отношений с населением и новых властных структур. Они полагали возможным использовать поддержку советов при условии, что они «будут стоять на одной платформе с земствами, за Учредительное собрание»⁴⁵.

Для выработки оснований новой власти было принято решение об избрании специальной комиссии. По итогам ее работы земское собрание одобрило резолюцию, в которой признавалось, «что завоевания революции дали стране великое народоправство, предоставили самому народу разрешить через Учреди-

тельное собрание вопросы о скорейшем заключении мира, о земле и улучшении экономического быта рабочих». При этом собрание выступало против вооруженного захвата власти большевиками и их стремления «поставить власть насилия выше власти организованной воли народной, выявившейся при выборах в Учредительное собрание»⁴⁶.

На собрании были приняты следующие решения:

1. Высшим губернским органом со всей полнотой власти объявлялся Съезд советов и местных «самоуправлений». Губернское земство принимало на себя инициативу создания губернского органа власти.

2. Исполнительный Комитет Съезда советов и местных «самоуправлений» ответственны перед Съездом.

3. Указанные органы губернского управления действуют до решения в Учредительном собрании вопроса о власти на местах⁴⁷.

Об истинном демократизме принятых постановлений говорит тот факт, что собрание провело решения, предполагавшие широкое участие народных масс в управлении. За основу представительства советов и местных органов самоуправления, как на съезд, так и в Исполнительный комитет, был взят принцип пропорционального представительства. Из расчета один представитель на каждые 25 тыс. чел. получились следующие соотношения депутатов: от крестьянства — 40 (при численности крестьян в Симбирской губернии — 900 тыс. чел.); от городского населения — 3—4 (при общей численности 100 тыс. чел.); от рабочих — 1—2 (при численности в 50 тыс. чел.); от солдат — 3—4 (при их численности в 20—22 тыс. чел.) Комиссия решила вывести представительство на съезде из следующего соотношения: по 1 представителю от каждых 3 тыс. крестьян, 3 тыс. городских жителей, 600—700 солдат, 1 тыс. рабочих. Новый орган власти предлагалось назвать Комитетом народной власти⁴⁸.

На деле большевики не желали с кем-либо делить власть. Концепция диктатуры пролетариата предполагала отстранение от власти всех прочих классов. Председатель Симбирского совета рабочих и солдатских депутатов высказался против предложенного порядка организации общегубернского органа власти и прекратил все переговоры. 4 января 1918 г. большевики захватили власть в губернском Комиссариате. От солдатской секции Симбирского совета рабочих и солдатских депутатов они направили в губернский комиссариат отношение за № 21 с уведомлением об избрании губернским комиссаром Крымова и с требованием сдать ему все полномочия. В ответ губернский комиссариат в полном составе счел подобные действия неправомерными — ведь он был избран Первым демократическим земским собранием на сессии 26 мая — 21 июня 1917 г. и не считал для себя возможным устраниваться от исполнения своих обязанностей до выяснения вопроса на Чрезвычайном губернском земском собрании 10 января⁴⁹. После этого в губернский комиссариат явились представители Совета с солдатами Первого запасного кавалерийского Курляндского полка и вручили предписание Совета о немедленной передаче должности с предупреждением применить вооруженную силу в случае дальнейшего упорства. Губернский комиссариат был вынужден оставить занимаемое помещение.

Губернская управа попыталась опротестовать действия Совета, ссылаясь на ряд обстоятельств. Во-первых, Управа не признала за ним права назначать комиссара помимо земского собрания и смещать его по рекомендации Совета, а также крестьянской фракции Исполнительного комитета, заменявшей в то время Губернский совет крестьянских депутатов. Во-вторых, Совет отошел от принципа «народоправства», завоеванного Февральской революцией. Он создал олигархию из лиц, назначенных им, и никоим образом не представлявших избранных народа, от имени которого они позволяли себе говорить. Совет не огласил и не предъявил актов об избрании губернским комиссаром Крымова и

других комиссаров, вводимых в учреждения при помощи штыков и уже вызвавших забастовку служащих этих учреждений⁵⁰. В-третьих, Совет не представлял учреждение, связанное с губернией. Советы были разобщены. Совет крестьянских депутатов не участвовал в делах, и игнорировался Советом солдатских и рабочих депутатов. Губернский совет представлял собой небольшое случайное собрание рабочих и солдат, при котором даже председатель не был избран всеми советами губернии, а лишь исполнительным комитетом⁵¹. Таким образом, был нарушен и принцип выборности, и советы не были демократическими органами власти.

К началу 1918 г. земское самоуправление находилось в состоянии тяжелого кризиса, вызванного отсутствием политической и экономической стабильности в стране. Расстройство финансового аппарата и прекращение поступления земских сборов приводили к тому, что многие земства к 1918 г. и без предписаний большевиков находились в состоянии самороспуска. Истощенные и ослабленные земства, лишившиеся какой-либо финансовой поддержки населения и государства, разделившие власть с многочисленными параллельными структурами в противостоянии с советами, стали легкой добычей большевиков.

После разгона органов местного самоуправления земские деятели перешли в жесткую оппозицию к новому режиму. Симбирские земцы надеялись, что с началом функционирования Учредительного собрания в стране в полной мере будут реализованы все демократические начинания в сфере земского самоуправления. Однако, 6 января 1918 г. СНК разогнал Учредительное собрание и поставил точку в затянувшемся противостоянии.

10 января 1918 г. Симбирское губернское земство провело экстренное заседание. Однако грубой силе ничего, кроме воззваний и протестов, земство противопоставить не могло. Будучи хозяйственной властью, строя свои отношения с населением и другими учреждениями на основе законов и представительства, земские учреждения не имели своих вооруженных сил.

27 января 1918 г. Совет рабочих и солдатских депутатов Симбирска под угрозой применения силы потребовал от губернского земства сдать дела Военно-промышленному комитету, а все заводы, мастерские, хозяйство и деньги ликвидационной комиссии. 5 февраля Совет занял здание земской управы, а 8 февраля состоялось совещание губернской Управы с президиумом Совета. Земцы пытались прийти к соглашению, призвали Совет стать на общую с земством платформу интересов населения. На совещании от Управы присутствовали Пашков, Головинский, Устюгов, Яшнов и др., от Совета — В.Н. Ксандров с двумя товарищами⁵¹. Земцы выступили против саботажа со стороны Совета, заявив, что губернская Управа поставлена в невозможные условия для продолжения своей деятельности. На это представители Исполкома заявили, что земство не имеет реальной власти, и Совет установит полный контроль над ним, а через полтора месяца земские органы самоуправления будут реорганизованы. Признавая ценность «аппарата земства» и недостаток «организационных сил в распоряжении Советов», большевики пришли к необходимости установления контроля над земством — с последующей реорганизацией «под флагом Советов»⁵².

Прийти к соглашению с советами земствам так и не удалось⁵³. Большевики встали на путь вооруженного подавления народной инициативы. Была создана ликвидационная Комиссия при губернском Совете народного хозяйства, в ведение которой переходили дела основных отделов бывшего губернского земства⁵⁴. Таким образом шла последовательная ликвидация земских структур управления.

Вновь земства были восстановлены 22 июля 1918 г. после утверждения в Симбирске власти КОМУЧа⁵⁵. На следующий день губернская Управа распределила обязанности по различным отделам. Я.Е. Шостак возглавил отдел обра-

зования, Н.Н. Фёдоров — ветеринарный; Бонч-Осмоловский — строительный и народного просвещения; М.А. Пашков — агрономический, комиссариата земледелия, бухгалтерии и делопроизводства; К.Я. Воробьёв — статистический; В.Н. Владыкин — пенсионный; Ф.Е. Вольсов — цементный и химический⁵⁶.

Симбирское губернское земское собрание, состоявшееся 31 июля, было посвящено главному вопросу — финансовому положению земских учреждений, которое было плачевным. Собрание вынуждено было просить ссуду в Самаре. Финансовый совет при Комитете членов Учредительного собрания в Самаре откликнулся на их просьбу и отношением от 20 августа выделил кредит в 2,5 млн рублей⁵⁷. Курмышская уездная земская Управа ходатайствовала перед губернской Управой о ссуде в 60 тыс. руб. для возобновления своей деятельности, но на заседании 23 августа это прошение было отклонено⁵⁸.

Не во всех уездах губернии удалось восстановить земские органы самоуправления. Работали Симбирская, Сенгилеевская, Сызранская и Буинская управы, Курмышская и Ардатовская так и не были созданы. Воссоздание земств было демократическим по форме и проводилось на основе всеобщего избирательного права. Например, из 72 гласных Симбирского губернского земского собрания, восстановленного 22 июля 1918 г., 60 чел. были крестьяне⁵⁹. Это был «списочный состав», реально гласных оказалось в несколько раз меньше, к 30 июля их насчитывалось 17 человек⁶⁰.

Одной из главных задач, стоявших перед новой властью, была перестройка системы управления экономикой. Уже 24 июля 1918 г. состоялось первое заседание Коллегии Симбирского губернского земства по делам бывшего губернского Совета народного хозяйства. Коллегию возглавлял уполномоченный губернского земства Бонч-Осмоловский. Было принято решение о реорганизации ряда отделов Губсовнархоза и ликвидации учетно-сметно-налогового и фабрично-заводского. Их сотрудники были уволены с выдачей 2-х недельного оклада. К концу августа были упразднены еще 4 отдела бывшего Губсовнархоза (бухгалтерия, общее делопроизводство, торгово-промышленный, государственных сооружений). Оставшиеся отделы были переведены в ведение губернской земской Управы⁶¹.

Реорганизация управления шла и в культурной сфере. На заседании губернской Управы 7 августа 1918 г. были учреждены комитеты по народному образованию. Они создавались при губернской и уездных управах. Комитеты по народному образованию должны были разрабатывать общий план организации школьного, внешкольного и дошкольного образования; координировать деятельность уездных и волостных земств; распределять денежные средства на нужды образования⁶². Вернувшиеся к власти земства не стали с ходу ломать установленную большевиками систему управления хозяйством. Многие были сохранены, и многие служащие продолжили выполнять свои обязанности. Правда, демократизация земского самоуправления оказалась недолгой. С приходом в Симбирск большевиков 3 октября был окончательно решен вопрос о существовании земских органов местного самоуправления.

Сравнительно краткий период либеральных преобразований от февраля к октябрю 1917 г. продемонстрировал способность земств идти рука об руку с нуждами и интересами населения, оперативно решать многочисленные социальные проблемы общества. Будучи органами местного самоуправления, основанными на всеобщем избирательном праве, привыкшими работать на легитимных принципах с соблюдением закона и прав граждан, земства оказались не готовы к жесткой вооруженной борьбе в условиях политической анархии и нараставшей диктатуры большевиков. Концепция земств как переходного института к правовому государству так и не реализовалась. После Октябрьского переворота большевики не были нацелены на создание демократической по-

литической системы, концепция диктатуры пролетариата противоречила подходам земских деятелей либеральной направленности, считавших, что только демократически избранные органы местного самоуправления являются легитимными. Чуждые большевикам взгляды на возможность межклассового сотрудничества не оставляли им ничего иного как ликвидацию земств, что и последовало вскоре после повсеместного утверждения их власти в центре и на местах.

Примечания

1. ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Земское самоуправление в России. М. 1990; ЕГО ЖЕ. Земство и Советы. — Свободная мысль. 1993, № 4, с. 97—106; АБРАМОВ В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М. 1996; ЕГО ЖЕ. Демократическая практика российского земства. — Полис. 1995, № 3, с. 145—151; ЛАПТЕВА Л.Е., ШУТОВ А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М. 1999.
2. МАТВЕЕВ М.Н. Земства Поволжья в 1917—1918 гг.: дис. канд. ист. наук. Самара. 1995; ГЕРАСИМОВА Н.В. Земское самоуправление в 1914—1918 гг. на территории Чувашии: дис. канд. ист. наук. М. 2002; КОННОВА Л.А. Деятельность земства на территории Мордовии 1890—1918 гг.: дис. канд. ист. наук. Саранск. 2001; НИКОЛАЕВ Д.А. Нижегородское земство в 1865—1918 гг. Обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив: дис. канд. ист. наук. Н.Новгород. 1999.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 46, оп. 2, д. 900, л. 32.
4. ВЕСЕЛОВСКИЙ Б.Б. История земства за 40 лет. Т.1. СПб. 1909, с. 12.
5. «О волостном земском управлении» от 21 мая 1917 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 30 мая 1917, № 122, ст. 655, с. 1041—1060; «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г. Там же, отдел I. 14 июня 1917, № 137, ст. 730, с. 1167—1177; «Об изменении действующих Положений об общественном управлении городов» от 9 июня 1917 г. Там же, отдел I. 8 июля 1917, № 157, ст. 869, с. 1431—1455; «Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения» от 9 июня 1917 г. Там же, отдел I. 8 июля 1917, № 157, ст. 870, с. 1455—1470.
6. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 886, л. 146; д. 898, л. 18, 19; ф. 677, оп. 2, д. 27, л. 8.
7. Там же, д. 25, л. 17.
8. Там же, д. 27, л. 1—3.
9. Там же, ф. 46, оп. 2, д. 871, л. 2; Журналы первого демократического Симбирского губернского земского Собрания экстренной сессии 26 мая — 2 июня 1917 г. Симбирск. 1917, с. 2.
10. Там же, д. 886, л. 36, 88, 126, 146, 170; Постановления первого Сенгилеевского чрезвычайного демократического уездного земского собрания. (14—17 апреля 1917). Сенгилей. 1917, с. 7—36.
11. Постановления первого Сенгилеевского чрезвычайного демократического уездного Собрания 14—17 апреля 1917 г., с. 3.
12. Постановления Чрезвычайного Курмышского уездного земского Собрания заседания 23—25 апреля 1917 г. Ядрин. 1917, с. 3.
13. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 886, л. 88.
14. Там же, л. 35.
15. Там же, ф. 677, оп. 2, д. 31, л. 10—11; ф. 46, оп. 2, д. 949, л. 135.
16. Журналы первого демократического Симбирского губернского земского Собрания экстренной сессии 26 мая — 2 июня 1917 г. Симбирск. 1917, с. 1—2.
17. Там же, с. 278—279.
18. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1004, л. 1; д. 949, л. 2—4.
19. Там же, д. 886, л. 2—5; ф. 99, оп. 1, д. 123, л. 61.
20. Журналы Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 года. Симбирск. 1906, с. 145—179.
21. ЛАПТЕВА Л.Е. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М. 1999, с. 281—282.
22. Там же, с. 283—287.
23. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 900, л. 36—37.
24. Там же, ф. 974, л. 4—7; ф. 84, оп. 1, д. 1420, л. 62; ф. 84, оп. 1, д. 1412, л. 2.
25. Там же, ф. 46, оп. 2, д. 872, л. 6; д. 900, л. 36.
26. Там же, д. 955, л. 2—4.

27. ЛЕНИН В.И. Государство и революция. ПСС. Т. 33. М. 1962, с. 91.
28. ЛЕНИН В.И. Письма о тактике. ПСС. Т. 31. М. 1962, с. 145.
29. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 900, л. 32.
30. Там же, л. 32.
31. Журналы Симбирского губернского чрезвычайного Земского Собрания. 15—23 декабря 1917 г. Симбирск. 1918, с. 4.
32. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 885, л. 25.
33. Там же, л. 26.
34. Там же, л. 36.
35. Там же, д. 1014, л. 25.
36. Журналы Симбирского губернского чрезвычайного Земского Собрания. 15—23 декабря 1917 г. Симбирск. 1918, с. 7.
37. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1014, л. 54.
38. Журналы Симбирского губернского чрезвычайного Земского Собрания. 15—23 декабря 1917 г. Симбирск. 1918, с. 20.
39. Там же, с. 14.
40. Там же, с. 22.
41. Там же, с. 19—20.
42. Там же, с. 20—21.
43. Там же, с. 24.
44. Там же, с. 23.
45. Там же, с. 28—30, 60.
46. Там же, с. 66.
47. Там же, с. 66—67.
48. Там же, с. 67.
49. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1036, л. 4—4об.
50. Там же, л. 10—10об.
51. Там же, л. 10об.
52. Там же, л. 1—2, 4, 11.
53. Журналы Симбирского губернского чрезвычайного Земского Собрания. 15—23 декабря 1917 г., с. 85.
54. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1026, л. 2.
55. Комитет членов Учредительного собрания — правительство созданное в Самаре в июне 1918 г. и распространившее свою власть в Среднем Поволжье с июня по октябрь 1918 г.
56. КУЗНЕЦОВ В.Н. «Из огня да в полымя»: Симбирская губерния в период гражданской войны. Ульяновск. 2000, с. 38.
57. Там же, с. 49.
58. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1023, л. 24.
59. КУЗНЕЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 38.
60. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1032, л. 43.
61. КУЗНЕЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 69—70.
62. ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 1023, л. 43; д. 901, л. 1.

Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора

В.В. Ефимова

Для тех, кто изучает историю революционного движения, масонства и художественной литературы 1-й половины XIX в., Владимир Сергеевич Филимонов является достаточно известным персонажем: для первых он — жертва наговора членов кружка Н.П. Сунгурова ¹, для вторых — член одной из масонских лож ², для третьих — поэт, удостоившийся за свою поэму «Дурацкий колпак» лестного отзыва А.С. Пушкина ³. Однако никто из исследователей до сих пор не обратил должного внимания на то, насколько необычной и даже драматичной оказалась его служба в должности архангельского губернатора. Необычность заключалась в том, что редко кому из губернаторов, подобно ему, удавалось за столь короткое пребывание в этой должности ⁴ пережить 2 сенаторские ревизии, а драматичность — в обстоятельствах его удаления от должности. Эта история может послужить яркой иллюстрацией «межличностных связей, мотивов и неформальных форм властвования», имеющих огромное значение в функционировании любой системы управления ⁵.

Данное исследование написано преимущественно на материалах официального делопроизводства, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Архангельской области (ГААО). При этом большинство документов впервые вводятся в научный оборот, а уже известные (в основном из ГАРФ) рассматриваются в новом ракурсе. Можно только сожалеть о том, что до сих пор не найдена автобиография «Жизнь Владимира Филимонова, описанная им самим», которая позволила бы более точно отразить его собственную оценку произошедших событий ⁶. Впрочем, эта оценка хорошо видна в прошениях, которые подавались бывшим губернатором Николаю I и другим высшим должностным лицам в 1831—1847 годах.

Для лучшего понимания поступков, совершенных Филимоновым на посту архангельского губернатора, изложим основные факты его биографии и служебной карьеры до вступления в эту должность ⁷. Он родился в Москве в 1787 г. в семье потомственного дворянина. 14 марта 1799 г. поступил юнкером ⁸ в Государственную коллегию иностранных дел, где «употреблен был в Комитет

Ефимова Виктория Викторовна — кандидат юридических наук, доцент Петрозаводского государственного университета.

особо учрежденный для разбора переписки покойной императрицы Екатерины II с разными полководцами». В 1805 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1809 г. со свидетельством о том, что им был прослушан курс университетских лекций по 11 предметам, в том числе «по российской словесности, философии практической и истории философии, теории законов и истории законодательства, естественному праву и антропологии». Судя по набору предметов, он закончил факультет нравственных и политических наук, в рамках которого тогда давалось высшее юридическое образование. В 1810 г. за написание работы «Система естественного права» был переведен в Министерство юстиции, а в 1811 г. удостоен «Высочайшего Благоволения» и бриллиантового перстня⁹.

В 1812 г. Филимонов был перемещен в Министерство полиции, где привлекался к составлению статистического описания Московской губернии. В том же году «при составлении ополчения... вступил к Главнокомандующему оным Генералу Графу П.А. Толстому в должность адъютанта и управляющего канцелярией и за отличную ревность к службе» награжден орденом Святой Анны 2-го класса. Участвовал в заграничных походах 1813—1815 годов. За «отличие» при блокаде Гамбурга получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. После роспуска ополчения «употреблялся для отдачи отчетов до 19 апреля 1816 г.», а затем возвратился на службу в Министерство полиции. В 1817 г. был переведен в Департамент разных податей и сборов Министерства финансов на должность чиновника особых поручений. Указом от 13 января 1817 г. был определен «к надзору за новгородскими и крестецкими питейными сборами», а 22 августа того же года пожалован в коллежские советники и назначен новгородским вице-губернатором. По собственному прошению от 5 сентября 1819 г. сначала уволен от этой должности «с оставлением в ведомстве Министерства Финансов», а затем, 2 марта 1822 г., вышел «вовсе» в отставку с награждением чином статского советника. Можно предположить, что основной причиной отставки стала его активная издательская, научная и литературная деятельность, в связи с чем в начале 1825 г. он переехал в Санкт-Петербург¹⁰.

По имеющимся документам весьма сложно судить о том, что побудило Филимонова вновь проситься на гражданскую службу, но, кажется, это не были причины материального характера¹¹. 19 мая 1826 г. он был включен в список кандидатов «к определению в Гражданские Губернаторы». В 1827 г. Филимонов подал на Высочайшее имя анонимную записку по крестьянскому вопросу. Однако авторство было установлено, и Николай I остался недоволен им¹². 27 января 1829 г. Филимонов был принят чиновником по особым поручениям «по Министерству Внутренних дел... с сохранением... чина статского советника», а 22 марта 1829 г. высочайшим указом назначен на должность архангельского губернатора. В представлении министра внутренних дел содержалось стандартное указание, что кандидат «прохождением службы в разных должностях... приобрел все нужные сведения для занятия с пользою» этого места. В качестве губернатора 16 апреля того же года он был представлен царю, но только 16 июня, по приезде в Архангельск, вступил в должность. Столь значительная задержка с выездом к новой должности становится понятной из ответов, данных в августе 1831 г. Филимоновым на вопросы Николая I по поводу найденных у него при аресте множества бумаг «о государственном переустройстве»¹³. Он писал, что министр внутренних дел поручил ему в 1829 г. составить «проект “Управления Губернского” как части, непосредственно при существующем порядке в составе Министерства Внутренних Дел входящей». При назначении губернатором он «вызвался продолжать сей труд», и ему было разрешено «частно» собрать сведения из всех департаментов. Филимонов, как он пишет дальше, настолько переусердствовал, переписывая «на протяжении

нескольких месяцев» эти сведения, что «выехал в Архангельск в совершенно расстроенном здоровье»¹⁴. После этого признания можно предположить, что этот проект был заказан Филимонову в рамках работ, проводившихся Комитетом 6 декабря 1826 года¹⁵. Таким образом, на должность архангельского губернатора был назначен человек, принадлежавший по своему мировоззрению к слою либерального дворянства «александровской эпохи», из которого вышли известные литераторы, ученые, революционеры и бюрократы 1-й половины XIX века. При этом, он имел не просто высшее, а высшее юридическое образование, что по тем временам было чрезвычайно редким явлением. По формальным критериям — воспитанию, образованию и служебной карьере — Филимонов полностью соответствовал всем требованиям, предъявляемым известным указом 6 августа 1809 г. к чиновнику 5-го класса¹⁶.

Однако была еще и реальность, поэтому, приступая к исправлению новой должности, Филимонов должен был учесть, по крайней мере, два момента. Во-первых, все архангельские губернаторы, начиная с 1820 г., находились в непосредственном подчинении у архангельских, вологодских и олонекских генерал-губернаторов. С.И. Минацкий, бывший уже седьмой год на этом посту, только что «выжил» его предшественника И.Я. Бухарина, а также его коллегу — олонекского губернатора П.А. Лачинова¹⁷. Во-вторых, в случае разногласий с генерал-губернатором, рассчитывать на поддержку членов Архангельского губернского правления, переживших за 1823—1829 гг. четырех губернаторов, ему явно не приходилось¹⁸.

По прибытии к месту службы в Архангельск Филимонов сразу же попал в очень сложную ситуацию. В 1826 г. здесь началось расследование по делу «о поставке недоброкачественной муки в архангельские адмиралтейские магазины купцами Грибановыми в 1825/26 гг.». В результате, по приговору военного суда, подтвержденного Николаем I в 1828 г., несколько адмиралтейских чиновников за прием такой муки были лишены дворянского звания, чинов и наград и разжалованы в рядовые, а купцы Грибановы преданы суду соответствующих судебных инстанций. Генерал-губернатор Минацкий, пытавшийся выгородить своих подчиненных¹⁹, 24 апреля 1828 г. получил строгий выговор «за несообразные распоряжения с долгом начальника»²⁰. После этого, согласно действовавшим правилам судопроизводства, «дело Грибановых» было рассмотрено в архангельских судебных местах, а затем поступило на утверждение губернатора, которым в тот момент и оказался Филимонов. Как следует из его донесения Николаю I от 25 января 1830 г., генерал-губернатор Минацкий стал убеждать его в необходимости утвердить решение Архангельской уголовной палаты. «Я на сие убеждение не согласился, — писал Филимонов, — упомянутое дело было представлено помимо меня в Сенат, Сенат обратил его обратно ко мне... Еврей купец Кагнов²¹, по воле генерал-губернатора жительствующий здесь противозаконно, явился ко мне также с убеждениями... и в поползновении подкупить меня представил мне 12 тыс. руб. ассигнациями²², я предъявил их в Губернское правление, ...о чем и донес генерал-губернатору, а дело представил в Сенат»²³.

Однако «вместо доброго слова, по крайней мере, за умножение сумм Приказа, Генерал-губернатор в защиту еврея дал Губернскому правлению, в подлиннике представляемом предложении, из чего Ваше Императорское Величество усмотреть может, что сердцу Генерал-губернатора ближе еврей подкупающий, чем Губернатор, законно действующий». Тем не менее, из предложения генерал-губернатора от 20 января 1830 г., приложенного губернатором к рапорту царю, лишь следовало, что Минацкий, «известясь» из рапорта полицмейстера Шене и жалобы Кагнова на действия Филимонова²⁴, требовал немедленно сообщить ему — «по какому случаю было Губернатором открыто в Губернском правлении в

ночное время на воскресный день Присутствие? Записано ли о том в журнале и почему я до сих пор не извещен о таком происшествии?»²⁵.

Получив в ответ подробный рапорт от Архангельского губернского правления, 24 января генерал-губернатор поспешил сообщить о случившемся Николаю I, а на следующий день сделал об этом же представления в Сенат и МВД. Однако все они начинались, как следовало бы ожидать, не с описания «ночного происшествия», а с перечисления «противоправных» поступков Филимонова, совершенных им за время нахождения в должности архангельского губернатора. Главные из них можно свести к следующему — губернатор: 1) почти не посещает присутствие губернского правления, а забирает дела к себе на дом, «следовательно, не имеет общего рассуждения по делам в оное поступающим»; 2) до сих пор не обревизовал не только уездные, но и губернские присутственные места; 3) предложения генерал-губернатора Губернскому правлению «останавливает в исполнении», показывая тем «неповиновение к его законной власти». В заключении, комментируя «ночное происшествие», Миницкий недоумевал, почему губернатор не изобличил Кагнова сразу в момент передачи денег, а прибегнул к столь «необыкновенным распоряжениям в столь необыкновенное время, как бы по случаю государственной и особой важности заслуживающему»²⁶.

Вал рапортов, донесений и прошений, обрушившихся на царя, Сенат и МВД, побудили Николая I прибегнуть к чрезвычайному средству — высочайшим рескриптом от 10 февраля 1830 г. сенатору А.Д. Гурьеву было приказано произвести исследование о случившихся «несогласиях» между генерал-губернатором и губернатором и «происшествии, которое выходит из всех мер порядка и терпимости». Далее царь предписывал ему «остановить действия генерал-губернатора, естли найдете их неправильными, объявив ему повеление отправиться в Санкт-Петербург; естли же виновным окажется гражданский губернатор, то отрешить его от должности, и в обоих случаях донести Мне немедленно»²⁷.

Весь март 1830 г. сенатор Гурьев производил следствие в Архангельске. 29 марта он подал государю итоговый рапорт²⁸. Сенатор докладывал, что по причинам, в бумагах к рапорту приложенных²⁹, «он нашел себя вынужденным» объявить генерал-губернатору Миницкому «Высочайшую волю», изложенную в рескрипте от 10 февраля, а также сделать распоряжения об отправке в Петербург же участвовавших в открытых им злоупотреблениях лиц — еврея Кагнова, «домоправителя» генерал-губернатора чиновника 9-го класса Иванова и правителя его канцелярии, чиновника 7-го класса Шамарина, «из коих первые два сознались³⁰, а последний обвинен в лихоимстве», для «дальнейших о них повелениях»³¹. Кроме того, еще ранее — 21 марта — сенатор удалил от должности, а Архангельское губернное правление 2 апреля предало суду архангельского полицмейстера фон Шене по случаю «открывшихся» на него «сильных подозрений в злоупотреблениях» и получении подарков от Кагнова³².

В своей «краткой записке» Гурьев отмечал, что хотя генерал-губернатор в данных ему «объяснениях» все обвинения отверг, действия его по делу Грибановых следует признать «предосудительными», так как «вся сила Начальственного влияния была употреблена, чтобы поколебать судебное беспристрастие». Сенатор также полагал, что Миницкий знал о готовящейся взятке. Все же «противоправные действия» губернатора, представленные генерал-губернатором правительству, он назвал «ничтожными», представленными «единственно для подкрепления чем бы то ни было жалоб своих»³³.

Николай I передал эти представленные сенатором бумаги на рассмотрение в Комитет министров, который на заседаниях 5 и 29 апреля 1830 г. «положил»: 1) всех причастных к взятке лиц, а именно: Шамарина, Иванова и Кагнова

передать суду Петербургской уголовной палаты, 2) «если бы по производству дела о них понадобилось требовать от бывшего Архангельского Генерал-Губернатора Вице-Адмирала Маницкого³⁴ объяснений и он привлекался бы к ответу, то Уголовной Палате предписать, дабы она, отделив все то, что б относилось лично к Маницкому, представила на рассмотрение в Правительствующий Сенат»³⁵.

Казалось бы, губернатор мог торжествовать — отрешен от должности его самый опасный враг — генерал-губернатор Маницкий. Однако он и представить не мог, что его ожидает еще одно испытание: 16 февраля 1830 г. Николай I принял решение о проведении полномасштабной ревизии Архангельской и Вологодской губерний. Некоторая задержка с началом ревизии произошла из-за поиска подходящих кандидатур в ревизоры. Высочайшим повелением от 30 апреля, оформленном в указе Сенату от 13 мая 1830 г., царь утвердил сенаторов В.Ф. Мертенса и А.М. Корнилова и предписал начать ревизию с Вологодской губернии³⁶. При отправлении им были переданы из МВД все имевшиеся там бумаги «по случившимся разногласиям» между Маницким и Филимоновым³⁷.

Ревизоры прибыли в Архангельск 2 марта 1831 г. и сразу же приступили к расследованию «противозаконных проступков» Филимонова. Для этого они затребовали к себе подлинные дела и журналы Архангельского губернского правления и начали опросы его членов. С первыми вопросами к самому губернатору они обратились только 9 марта. Ссылаясь на болезнь, Филимонов ответил через 4 дня. Он писал, что все свои объяснения по заданным вопросам он уже дал сенатору Гурьеву и «настоящая уже в них истина раскрыта», но «для исполнения законных приказаний Ваших Высокопревосходительств я был и есть здоров, а впредь уповаю на власть Божию»³⁸. Данный отзыв сенаторы почли для себя крайне оскорбительным, поэтому в рапорте к императору от 14 марта просили удалить Филимонова из губернии на время ревизии³⁹.

Однако на защиту губернатора встал архангельский военный губернатор, «управляющий гражданской частью губернии», вице-адмирал Р.Р. Галл⁴⁰, который в рапорте Николаю I от 13 марта 1831 г. писал, что при вступлении в должность он нашел, что «вырван главный корень зла и надеялся, что при помощи здешнего губернатора губерния сия сделалась благоугодной Вашему Императорскому Величеству. Точно так и исполнилось... Осталось удалить некоторых злонамеренных людей, но приехавшие... сенаторы Корнилов и Мертенс с самого начала пошли против, взяли под свое покровительство главных зачинщиков прежнего зла, ...явно защищают попавших под суд ассессора Постникова⁴¹ и бывшего полицмейстера Шене. Сверх того под видом передачи им каких-то дел входят в новое разбирательство по представлениям бывшего генерал-губернатора Маницкого, сенатором гр. Гурьевым уже рассмотренным». Далее Галл обращал внимание царя на то, что уже «начались последствия» таких действий сенаторов, а именно: «торжество прежних зловерных людей», которые получили надежду, что «следствие гр. Гурьева уничтожится новой ревизией», а также «ослабление повиновения, уважения и страха, чрез что доверие ко мне и губернатору колеблется». В заключение Галл просил государя «оградить от зла Архангельскую губернию, в которой после долгой противности законам началось правосудие и порядок»⁴².

Николай I не спешил принимать решение, передав рапорт сенаторов и военного губернатора на рассмотрение министра юстиции Д.В. Дашкова. При этом он сделал на рапорте Галла такую помету: «удобно ли поручить самому Военному губернатору, как лицу новому и постороннему в прежних делах, следствие нужное для рассмотрения этих дел, а сенаторам, приказав прекратить ревизию, немедленно возвратиться?»⁴³. В своем первом докладе от 21 марта министр писал, что «Филимонов действительно виновен в некоторых упуше-

ниях по должности, но сии упущения не могут быть отнесены к таковым, кои требовали бы столь решительных мер, как удаление от должности». Далее, полностью соглашаясь с мыслью царя о прекращении ревизии, он замечал, что произведенное сенатором Гурьевым следствие он и прежде назначения сенаторов Корнилова и Мертенса считал «достаточным к восстановлению в Архангельской губернии порядка», а удаление генерал-губернатора «положило конец главной причине возникших неустройств — ссоре бывшего генерал-губернатора Миницкого с гражданским губернатором Филимоновым». 22 марта статс-секретарь Н.С. Муравьев сообщил Д.В. Дашкову, что император согласен с его мнением ⁴⁴.

Очевидно, при выработке этого решения Николай I принял во внимание подтвержденный им накануне, то есть 18 марта, приговор по «делу о взятке». Согласно ему чиновники Иванов и Шамарин были лишены дворянского звания, чинов, орденов и приговорены к каторге; купец Кагнов, как «чистосеречно» признавшийся, «всемиловитейше» прощен, а генерал-губернатор Миницкий получил «строжайший выговор за несоответствие званию поступки» и уволен со службы «со следующим пансионом» ⁴⁵. В своем втором докладе от 30 марта, комментируя жалобу сенаторов на Филимонова ⁴⁶, министр предлагал сделать губернатору замечание, так как он действительно «не сохранил должного приличия и уважения» к их званию, «дозволив себе изъяснения в тоне ироническом». Царь наложил на доклад резолюцию: «поставить сие на вид военному губернатору, с тем, чтобы он вразумил Филимонова впредь быть осторожнее и сохранять должное уважение к лицам, обличенным доверием Правительства». 17 апреля, сдав бумаги военному губернатору, сенаторы выехали из Архангельска ⁴⁷.

Естественно, что в своем кратком итоговом рапорте государю от 22 мая Корнилов и Мертенс дали самый нелестный отзыв о Филимонове, написав, что, обревизовав Губернское правление, Приказ и 4 уезда Архангельской губернии, «заметили многие злоупотребления и беспорядки, вкравшиеся большею частью... от нерадения к своей должности и самовластия гражданского губернатора Филимонова». Самовластие они видели не только в том, что, «не имея против замечаний наших никаких оправданий, он предпочел лучше, обратив в личность свой отзыв, подвергнуться за неприличные выражения гневу Вашего Императорского Величества, нежели объясниться», но и в том, что «разрешился отвечать дерзостями на законные их требования и разглашал преждевременно о скором прекращении ревизии», а именно: «за 2 недели до Высочайшего указа, отозвавшего их в Петербург, поперечить и противиться им во всем, возбуждая примером своим к тому и других чиновников».

Досталось от сенаторов и «главным начальникам губернии» — бывшему генерал-губернатору Миницкому и нынешнему военному губернатору Галлу, которые были обвинены в «слабом надзоре» за губернатором. Более того, сенаторы уверяли государя в том, что «едва ли можно ожидать», что Галл сделает по переданным ему от них замечаниям «надлежащие исправления беспорядков», так как он «мало занимаясь гражданской частью, в распоряжениях своих совершенно руководится гражданским губернатором Филимоновым. Галл, даже полагаем, всемерно будет стараться покрыть вины губернатора и губернского правления», потому что «сам утверждал некоторые противозаконные их распоряжения и не только не обращал внимания на уклонение от своих обязанностей губернатором и не понуждал к должному выполнению оных, но еще в недавнее время представил его как отличного к награждению чином» ⁴⁸. По понятным причинам, совершенно иной была оценка действий сенаторов, данная Филимоновым в одном из первых своих прошений на высочайшее имя после его отрешения в 1831 г. от должности. В частности, он писал, что при

производстве ревизии сенаторы «теснили и язвили даже тогда, когда он был удостоен чином действительного статского советника», а также вместе с «виновниками прежних в Архангельской губернии злоупотреблений» угрожали ему «отрешением и крепостью»⁴⁹.

И, тем не менее, губернатор Филимонов удержался на своей должности и после этой сенаторской ревизии, так как Николай I счел достаточным сделанное ему замечание. Но на его несчастье в начале июня 1831 г. в городе началась холера. По Архангельску поползли слухи об отравителях — севастопольских врачах, якобы выписанных нарочно для этого Галлом. В Соломбале⁵⁰ начались стихийные выступления людей и, в том числе, нижних морских чинов. 4 июня Филимонов просил Галла обратиться к государю с просьбой удалить из Архангельска нескольких злонамеренных чиновников (в том числе Постникова и Шене), которые якобы участвовали в распространении этих слухов. 5 июня военный губернатор подал царю соответствующее донесение, в ответ 17 июня через А.Х. Бенкендорфа ему сообщили, что царь согласен с этой мерой⁵¹. Поборов смуту, как писал впоследствии Филимонов, он приступил к составлению проектов улучшения устройства «частей сего обширнейшего края»⁵² и готовился к объезду губернии⁵³. Но 1 июля 1831 г. случилось непредвиденное событие: по высочайшему повелению он был арестован приехавшим в Архангельск старшим адъютантом Морского штаба, капитаном 2 ранга Кутыгиным⁵⁴.

Из рапорта Кутыгина своему начальству нам известны детали ареста. Сразу же по прибытии он явился к адмиралу Галлу и предъявил ему высочайшее повеление о немедленном аресте Филимонова. Галл был настолько ошеломлен этим, что, вызвав Филимонова запиской к себе, долго не мог ему объяснить причину вызова. Когда же, наконец, военный губернатор объявил «высочайшую волю», Филимонов, изменившись в лице, спросил: «Арестовать! Меня? За что?» Однако, одумавшись, снял шпагу и вручил адмиралу. Взяв у Филимонова ключи от квартиры, Кутыгин и адмирал отправились туда, оставив Филимонова в доме Галла. «Адмирал — писал дальше Кутыгин — по расстройству даже не смог рассматривать бумаги», поэтому это делал он сам. Рассмотрение и описание всех обнаруженных на квартире бумаг производилось в течение «3 дней безотлучно». Все отобранные бумаги были уложены «в 3 чемодана» и отправлены с курьером в столицу⁵⁵. Еще ранее в столицу с фельдъегерем был отправлен Филимонов, который 8 июля был помещен в Петропавловскую крепость. В августе-сентябре он отвечал на вопросы Николая I, заданные ему через Бенкендорфа⁵⁶.

В это же время — 15 сентября 1831 г. — Комитет министров приступил к рассмотрению итогового отчета сенаторов по ревизии Архангельской губернии. Управляющий МВД Н.П. Новосильцев так прокомментировал членам Комитета данную сенаторами в отчете негативную оценку поступков губернатора Филимонова и военного губернатора Галла: в МВД нет «никаких действий и распоряжений по управлению... Галлом, кои могли бы с основательностью признать несоответствующими порядку службы и обязанностям Главного Начальника Губернии; что же касается до губернатора Филимонова, что хотя и нет ни от кого доносов или жалоб на противозаконные действия его, но он — т[ай-ный] с[оветник] Новосильцев — не может представить одобрительного о нем заключения, имея в виду поданное им сенатору гр. Гурьеву объяснение против представленных на него бывшим генерал-губернатором Маницким обвинений, в особенности же признал он совершенно неприличным, противным общему порядку и доказывающим незнание обязанностей службы объявление Филимонова, в коем он писал, что “Начальнику Губернии, по долгу и усердию к службе представлена обязанность не рассуждать о делах с членами Губернско-

го правления, но ловить их и грозить им карою законов»⁵⁷. В результате, видя, с одной стороны, неодобрительный отзыв сенаторов и управляющего МВД на счет Филимонова, а, с другой стороны, что он «может быть и лично прикосновенным к беспорядкам, обнаруженным по Архангельской губернии», Комитет министров признал «удобнейшим окончательное заключение о Филимонове постановить тогда, когда все вообще действия его по управлению губернией будет приведено в точную известность» военным губернатором Галлом. Затем, когда от него будут получены в МВД все необходимые бумаги, то «дополнить их совокупно с Министерством Юстиции, учитывая пояснение т. с. Новосильцева, и представить Комитету министров с совместным министров мнением».

Однако Николай I на этом журнале Комитета министров написал следующую резолюцию: «Губернатора Филимонова отрешить от должности; ибо и сверх того оказался виновным по особому делу, за что и содержится еще в СПб. крепости». Воля императора была оформлена в указе от 25 октября 1831 года⁵⁸. Таким образом, решение Комитета министров осталось без исполнения.

А в это время военный губернатор Галл, выполняя выраженную ему в указе 4 апреля 1831 г. «высочайшую волю», уже 22 октября того же года представил министру внутренних дел свое мнение по первым 10 «замечаниям» сенаторов. В его заключении Галл написал, что не находит, «чтобы действия Губернского Правления и Губернатора Филимонова были законопротивны, а наипаче с видами злоупотребления», и что он сделал уже по всем этим замечаниям распоряжения⁵⁹. А 26 января 1832 г. Николай I утверждает приговор по «делу кружка Сунгурова», из которого следует, что Филимонов к нему не прикосновенен⁶⁰.

С этого времени бывший архангельский губернатор начинает бороться за восстановление своего честного имени. Так, например, в декабре 1832 г. он просит Николая I предоставить ему право на «повсеместное существование» и получение «знака беспорочной службы», а также вознаградить его жалованьем губернатора и столовыми деньгами с 1 июля 1831 г. «за некоторые пользы, принесенные им Архангельской губернии». Государь приказывает Бенкендорфу рассмотреть это прошение и, составив из «дела Филимонова» краткую записку, внести ее со своим мнением на рассмотрение Комитета министров. Шеф III отделения С.Е.И.В. Канцелярии исполнил поручение царя, предположив удовлетворить Филимонова жалованьем с 1 июля 1831 г. по 27 августа 1832 года⁶¹. Комитет министров, рассмотрев на заседании 26 апреля 1833 г. записку гр. Бенкендорфа от 15 декабря 1832 г., посчитал, что: 1) бывшее в его рассмотрении обвинение сенаторами Корниловым и Мертенсом «в нерадении и самовластии Филимонова» по управлению губернией из-за его высочайшего отрешения от должности осталось «без окончательного рассмотрения» и не известно, чем бы оно закончилось, если бы было произведено, 2) один только военный губернатор Галл отозвался, что «не признает его действия законопротивными», 3) вины Филимонова в «деле Сунгурова» не оказалось, 4) «...Правительство всегда имеет неоспоримое право сменить чиновника по замеченной ли неблагонадежности его или по другим уважениям, то никому не может быть предоставляемо требовать за сие какого-либо вознаграждения, а тем более особенных еще преимуществ или отличий, только соответственную видам Правительства службою достигаемых». В результате было решено: 1) действительного статского советника Филимонова, согласно мнению генерал-адъютанта Бенкендорфа, удовлетворить жалованьем; 2) «в предоставлении ему каких-либо особых преимуществ, а также в выдаче на будущее время жалованья и столовых денег, как не отправляющему теперь никакой службы, отказать»; 3) с просьбой о знаке обратиться куда следует. 9 мая Комитету министров было объявлено, что император утвердил его постановление⁶².

Однако Филимонов не удовлетворился этим решением и продолжил свою борьбу. Так, например, в 1836 г. он сумел добиться того, что в его аттестате за этот год формулировка «отрешен» была заменена на «уволен от должности», а в 1837 г. ему был выдан аттестат, в котором его 25-летняя служба считалась «безукоризненной». При этом жить в Санкт-Петербурге ему по-прежнему не разрешали. Филимонов пытался поступить на службу, но, как следует, например, из отзыва министра внутренних дел от 9 января 1843 г., по ведомству его министерства для него не оказалось вакансии, «соответствующей его чину»⁶³. Из этого же отзыва видно, что Филимонов с горечью сравнивал свое положение с положением архангельского генерал-губернатора Меницкого, который, несмотря на то, что был обличен в злоупотреблениях, получал полную пенсию по день своей смерти⁶⁴, а он — «обнаруживший оные» — до сих пор не может ее добиться.

В 1847 г. он вновь подал очередное прошение о назначении пенсии, ссылаясь на отсутствие средств к существованию и почти полную потерю зрения. 15 июля 1847 г. Комитет министров постановил назначить ему пенсию по окладу губернатора, но, так как его «дело» производилось в III Отделении С.Е.И.В. канцелярии, то это решение было отправлено для одобрения ее шефу. Очередная «усмешка» судьбы состояла в том, что в своем мнении Орлов охарактеризовал Филимонова как чиновника «отличной нравственности, благонамеренного и вполне заслуживающего снисхождения». В связи с этим он считал, что назначение пенсии будет мерой, которая «достойна не только милосердия Государя Императора, но и высокой справедливости Его Императорского Величества»⁶⁵. «Высочайшая» справедливость была проявлена — Филимонову решением Комитета министров от 29 июля 1847 г. было назначено выплачивать пенсию по губернаторскому окладу с 1 декабря 1842 года.⁶⁶ По-видимому, эта пенсия и составила его единственный доход вплоть до конца жизни, так как работать полноценно даже как литератор он уже не мог из-за практически полной потери зрения. 12 июля 1858 г. Филимонов скончался в одиночестве в д. Мартышкино Орианенбаумского уезда.

Так печально закончилась жизнь Владимира Сергеевича Филимонова. Недолгая деятельность на посту архангельского губернатора стала высшей точкой в его служебной карьере и началом его личной трагедии, приведшей в конечном итоге к отчуждению от общества и семьи. Парадокс его карьеры состоял в том, что по формальным критериям он как никто другой соответствовал требованиям, предъявляемым законодательством к лицу, претендующему на губернаторскую должность, а по фактическим критериям — менее других. Его мировоззрение, сформировавшееся в «александровскую эпоху», не способствовало успешной деятельности на губернаторском посту при Николае I. Он не умел, а, может быть, и не хотел учитывать специфику установившихся иерархических и межличностных отношений в среде губернского чиновничества, а также заручаться поддержкой мощного покровителя в правительстве и императорском дворе. Однако важно заметить, что такие его качества, как правдолюбие и преувеличенное чувство собственного достоинства, приведшие сначала к конфликту с генерал-губернатором Меницким, а затем с сенаторами Корниловым и Мертенсом, были терпимы и прощаемы Николаем I до тех пор, пока он оставался, по его мнению, «благонадежным». Но как только Филимонов оказался заподозренным в связях с членами кружка Сунгурова, «злоумышлявшими» свергнуть самодержавие, он был моментально отрешен от должности и уже никогда, даже впоследствии полностью оправданный, не смог восстановить репутацию в глазах царя и правительства и занять подобающее его чину место на гражданской службе.

1. После ареста Н.П. Сунгуров дал показания о том, что два бывших масона Д.А. Козлов и В.С. Филимонов преподали ему «правила, как должно быть общество» устроено (БОКОВА В.М. Эпоха тайных обществ. М. 2003, с. 602; АНДРЕЕВА Т.В. Тайные общества в России в 1-й трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб. 2009, с. 852—857). Другой член этого кружка — студент Московского университета И. Поллонин — в своем доносе от 18 июня 1831 г. добавлял, что 13 июня «Сунгуров говорил, что если же эти все планы их не исполнятся, то тогда им можно будет легко бежать, только пробраться до Архангельска, а там, как Гражданский тамошний Губернатор Филимонов в их обществе и сам должен будет опасаться открытия и бежать, то он приготовит им корабли и они могут бежать в Англию или куда им будет угодно» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417 (ч. 2), л. 132—157; ФИЛИМОНОВ В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: поэмы, стихотворения, басни, переводы. М. 1988, с. 352, 359).
2. В.С. Филимонов в 1814 г. был принят в Дрездене в масонскую ложу «Три меча» (СЕРКОВ А.И. История русского масонства XIX века. СПб. 2000, с. 105—106, 283).
3. ФИЛИМОНОВ В.С. Дурацкий колпак. Ч. 1—2. СПб. 1828. Ч. 3—5. СПб. 1838. Отзыв А.С. Пушкина состоял в следующих словах: «...Снимаю шляпу, бью челом, / Узнав философа-поэта / Под осторожным колпаком...» (цит. по: ФИЛИМОНОВ В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...», с. 374).
4. Вступил в должность 16 июня 1829 г., арестован 1 июля 1831 года.
5. Наиболее ярко, на наш взгляд, этот подход реализован в последних работах Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева, И.А. Христофорова, А.Н. Бикташевой.
6. О ней упомянуто в некрологе «Владимир Сергеевич Филимонов», напечатанном в № 32 журнала «Иллюстрация» за 1858 г. (см.: ФИЛИМОНОВ В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...», с. 385).
7. Сведения о его биографии взяты из работы: ФИЛИМОНОВ В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»; о служебной карьере — из его аттестата за 1822 г., послужного списка за 1829 г. и дела «Об удалении от должности Филимонова» (Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1409, оп. 2, д. 5370, л. 12; ф. 1286, оп. 4, д. 431, л. 36—37, 39—45, 66—71; ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417).
8. По-видимому, речь идет о поступлении на службу в качестве коллегии-юнкера. В эту должность, по заведенному еще Петром I порядку, должны были брать каждого третьего недоросля из «знатных и средних» дворянских фамилий для обучения премудростям чиновничьей профессии. При этом одновременно преследовалась цель не уронить их дворянского достоинства службою на канцелярских должностях.
9. См.: Система естественного права. Сочинение Владимира Филимонова. Посвящено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу. Отпечатано в императорской типографии. СПб. 1811.
10. Об этой стороне его деятельности более подробно см.: ФИЛИМОНОВ В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...» (предисловие и некролог).
11. Несмотря на то, что в 1829 г. Филимонов был уже отцом четырех детей от 11 до 7 лет, он и его жена владели в нескольких губерниях именьями, насчитывавшими 530 крепостных душ, а также водочным заводом в Москве.
12. Как известно, в 1827 г. на нескольких заседаниях Комитета 6 декабря 1826 г. обсуждался крестьянский вопрос, а все журналы этих заседаний шли под грифом «секретно» (РУЖИЦКАЯ И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М. 2005, с. 36—45). Это доказывает, насколько Филимонов был осведомлен о планах правительства.
13. По описи бумаг, изъятых у Филимонова и заслуживающих «особенного внимания», значились, например: под № 1 — 13 записок в особой обертке с надписью «Краткое начертание государственного образования (1810-го или 1820-го года)»; под № 2 — «7 полулистов» в обертке с надписью «Балашев»; под № 4 — 65 записок, заключающих в себе «мысли и замечания до государственного управления относящиеся»; «тетрадь, заключающая в себе извлечение из проекта Конституции, составленной Гвардейского генерального штаба капитаном Муравьевым»; под № 9 — «копия с письма отставного полковника барона Штейнгеля от 11 января 1826 г., писанного на высочайшее имя во время заключения в Петропавловской крепости»; под № 10 — «записка (на французском языке), в коей осуждаются действия и правила действительного статского советника Сперанского в бытность его государственным секретарем, и излагаются обстоятельства, побудившие к удалению его»; под № 18 — «5 записок, писанных рукою известного Батенькова, из коих заключить можно о близкой связи его с г. Филимоновым»; под № 19 — письмо А. Муравьева, «из коего

- видно, что он был с г. Филимоновым в сношениях дружеских»; под № 22 — «две записки на французском языке, которые полагать можно выписками из каких-либо книг, замечательные по либерализму мыслей» (ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417 (ч. 1), л. 28—32; ФИЛИМОНОВ В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...», с. 346—349).
14. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417 (ч. 1), л. 49об.
 15. Действовал с 6 декабря 1826 по 9 марта 1832 г. с целью пересмотра всей системы государственного аппарата России (АРХИПОВА Т.Г. Высшие комитеты России II-й четверти XIX в. (к истории кризиса феодально-крепостнической государственности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1970, с. 2).
 16. ПСЗ-1, т. 30, № 23771.
 17. Если И.Я. Бухарин сам просил об увольнении от должности, то П.А. Лачинов по представлению С.И. Миницкого был отрешен от должности и предан суду (РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5370, л. 12—14; ф. 1345, оп. 104, д. 465а, л. 1, 10; ф. 1286, оп. 4, д. 431, л. 20—27; Государственный архив Архангельской области (ГАОО), ф. 1367, оп. 1, д. 560, л. 50—51).
 18. М.А. Варгузин и П.А. Бусинов были советниками еще при прежнем генерал-губернаторе А.Ф. Клокачеве; И.Я. Ладкин — с 1825 года. Ассессором правления в 1828 г. явно по протекции Миницкого был назначен А.А. Постников. При этом последний мог сразу же превратиться в недоброжелателя Филимонова, который 17 августа 1829 г. согласился с приговором Уголовной палаты о его «оштрафовании» на 500 рублей (РГИА, ф. 1613, оп. 1, д. 5, л. 6; ф. 1345, оп. 103, д. 436; Адрес-календари за 1823—1830 годы).
 19. Архангельские генерал-губернаторы Клокачев и Миницкий прежде всего были вице-адмиралами и Главными начальниками Архангельского военного порта.
 20. ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 21; РГИА, ф. 1613, оп. 1, д. 3, л. 18.
 21. После отстранения купцов Грибановых от казенных поставок витебский купец 1-й гильдии Х. Кагнов фактически стал монополистом в этих поставках и именно ему Я. Грибанов поручил «хлопотать» по его «делу» в Архангельской уголовной палате.
 22. В более подробном рапорте министру внутренних дел от 30 января губернатор писал, что его уговаривали кроме Миницкого и другие лица, но он не поддался, и тогда ему «объявили войну». Лагерь противников возглавил правитель генерал-губернаторской канцелярии Шамарин, которого Филимонов в рапорте даже назвал «архангельским мефистофелем» (ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 5, д. 34, л. 8).
 23. В этом мнении, представленном в Сенат также 25 января 1830 г., Филимонов как юрист опроверг все аргументы, представленные судами в подтверждение своих решений, назвав эти решения пристрастными (РГИА, ф. 1613, оп. 1, д. 2, л. 8—25).
 24. Кагнов категорически отрицал факт дачи взятки и обвинял Филимонова в принуждении его угрозой провести следствие «не по-архангельски». Генерал-губернатор предложил ему обратиться с жалобой о случившемся в Сенат.
 25. ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, д. 34, л. 8—11; ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 173—178.
 26. ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 184—191; д. 748, л. 11—12.
 27. РГИА, ф. 1613, оп. 1, д. 1, л. 1.
 28. Там же, д. 2, л. 28—51; ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 5, д. 34, л. 40—43, 47.
 29. В том числе была «краткая записка» по результатам следствия и само «следственное дело».
 30. Кагнов сознался в даче взятки Филимонову, а также в том, что, начиная с 1823 г., делал ежегодные «подношения» продуктами, вещами и деньгами (в том числе, Иванову — по 2 тыс. руб., Шамарину — по 5 тыс., а через Иванова генерал-губернатору — по 6 тыс.) за право проживать в Архангельске; Иванов — в том, что принимал эти подношения, передавал деньги генерал-губернатору, а также способствовал даче взятки губернатору одолжением Кагнову 1300 рублей.
 31. РГИА, ф. 1613, оп. 1, д. 13; ф. 1405, оп. 28, д. 2514.
 32. ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 741, л. 1—2; ф. 68, оп. 2, д. 273 (т. 2), л. 1.
 33. РГИА, ф. 1613, оп. 1, д. 10, л. 1—13; д. 13, л. 1—23.
 34. «Бывшего» потому, что накануне, то есть 18 апреля, император, найдя действия Миницкого «по вверенному ему управлению не только слабыми, но званию его предосудительными и пользе службе не соответственными», своим рескриптом отрешил его от должности (ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 707, л. 1—3; д. 748, л. 99).
 35. ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 191—195.
 36. Первоначально планировалось добавить к Гурьеву сенатора Корнилова, но в апреле было решено заменить Гурьева на В.Ф. Мертенса (РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5420, л. 1—9; ф. 1405, оп. 28, д. 2153, л. 1—16; ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 716, л. 1).
 37. РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426г, л. 39—43.
 38. Там же, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 3—5, 7, 9—50; ф. 1286, оп. 4, д. 426г, л. 43—117, 120—121; ГАОО, ф. 1367, оп. 1, д. 716, л. 11.
 39. РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 50—55; ф. 1286, оп. 4, д. 426г, л. 116—117.

40. Назначен на эту должность рескриптом от 21 апреля 1830 г.; вступил в должность 28 мая 1830 г. (ГААО, ф. 1367, оп. 1, д. 707, л. 1—3; д. 748, л. 99).
41. Ассессор А. Постников на момент подачи Галлом рапорта уже не был членом Архангельского губернского правления. Филимонов сделал все, чтобы сменить в течение 1830 г. весь состав правления, включая секретаря, а также некоторых других чиновников (ГАРФ, ф. 109, 2-я эксп., оп. 61, д. 353, л. 83—85).
42. РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 46—49; ф. 1405, оп. 28, д. 2153, л. 150—153.
43. Там же, л. 46.
44. Там же, ф. 1405, оп. 28, д. 2153, л. 148—149; ф. 1409, оп. 2, д. 5841, л. 1—8; ГААО, ф. 1367, оп. 1, д. 716, л. 28—30; ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 5, д. 283, л. 33—35.
45. ГААО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 196.
46. 21 марта сенаторы подали царю и Сенату еще один рапорт, в котором не преминули вновь подчеркнуть, «сколь мало Гражданский Губернатор ценит доверенных сенаторов по Высочайшему Соизволению ревизующих вверенную ему Губернию». (РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426г, л. 122—124).
47. РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 64—66; д. 5841, л. 5—6; ф. 1405, оп. 28, д. 2153, л. 166—167, 171; ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 3; д. 426г, л. 131.
48. ГАРФ, ф. 109 (Секретный стол), оп. 3а, д. 1126, л. 2; 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 3, л. 150. Действительно по представлению Галла Филимонов 2 февраля 1831 г. был пожалован в чин действительного статского советника (РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 35).
49. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 3, л. 191—192; ч. 4, л. 217.
50. Обособленная часть г. Архангельска, где располагалась Архангельское адмиралтейство.
51. ГАРФ, ф. 109, 2-я эксп., оп. 61, д. 353, л. 1—16.
52. Это видно из дел, описанных после ареста на квартире у Филимонова, но не забранных в Петербург (ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., ч. 1, л. 5—15, 36об., 37—38).
53. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 3, л. 180, 193—195.
54. По иронии судьбы, этот морской офицер был пасынком генерал-губернатора Миницкого, поэтому в своем письме от 10 августа 1831 г. к своему покровителю А.А. Аракчееву тот считал этот арест проявлением «милосердия Бога» к себе «недостойному» (РНБ. Отдел рукописей, ф. 29, т. 34, л. 524, 533).
55. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 1, л. 1—3, 18—20.
56. В первую очередь царя интересовало его отношение к кружку Н.П. Сунгурова, как к нему попала копия с письма декабриста Штейнгейля и записки К. Батенькова, а также в каких отношениях он был с А. Муравьевым.
57. Примечательно, что примерно в таких же словах о предназначении генерал-губернатора в своей записке «Генерал-губернаторы не только нужны, но и необходимы», адресованной А.Х. Бенкендорфу, писал 15 августа 1827 г. А.Д. Балашов, узнав от него о предполагаемом упразднении института генерал-губернаторов. Протицируем это место: «Такова власть законом присвоенная Генерал-Губернатору, содержа в страхе присутственные места, ограждает тяжущихся от притеснения, а подсудимых от безвинного иногда наказания...». Кстати, в этой же записке Балашов выразил свое отрицательное отношение к попытке для ревизии губерний сенаторов, считая, ее на том основании, на «каком она ныне делается, бесполезной и обременительной» (ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 2, д. 287, л. 2). Думаем, что такое совпадение мнений Балашова и Филимонова не случайно и еще раз доказывает, что последний был весьма неплохо осведомлен о работах Комитета 6 декабря 1826 года.
58. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 2, л. 95; ч. 3, л. 151; РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 47. Однако уточним, что накануне этого указа, то есть 24 октября, Филимонов был освобожден из крепости с предписанием жить под полицейским надзором в Нарве (ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., д. 417, ч. 2, л. 93).
59. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 3, л. 151; РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 64—117.
60. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 2, л. 131—157об.; РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 155—156.
61. День, когда ему было позволено жить где угодно, кроме столиц (ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 2, л. 123, 126—127, 129, 132—146; ч. 3, л. 159).
62. РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 147—158; ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 4, л. 149—158.
63. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 4, л. 226, 234—243.
64. Умер 28 октября 1840 года.
65. ГАРФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 6, д. 417, ч. 4, л. 278—279.
66. То есть с момента его первой просьбы о пенсии (Там же, с. 281).

Фобии и политика: процесс Страффорда

А.Б. Соколов

12 мая 1641 г. был казнен лорд Страффорд, которого и современники, и историки считали главным проводником королевской «политики напролом». Это событие можно по справедливости считать началом Английской революции середины XVII в., ибо вынесение ему смертного приговора сопровождалось разрывом с конституционными и юридическими нормами, а сама казнь не только не умиротворила общество, а проложила дорогу к гражданской войне. Процедура обвинения и суда продолжалась полгода. Как позднее фактором возникновения революции 1789 г. во Франции был «великий страх», так и в Англии в конце 1640 — первой половине 1641 г. общественные фобии стали необходимым условием осуждения Страффорда и непосредственной предпосылкой гражданских войн. Страх подвергнуться аресту, переплетенный с политическими амбициями, подтолкнул лидеров Долгого парламента к аресту ненавистного советника. Страх в протестантском обществе перед католическим заговором вкупе с действительным или мнимым намерением Страффорда использовать ирландскую армию для подавления недовольства в Англии обеспечил вынесение обвинительного приговора. Страх, рожденный слухами об армейском заговоре, подвиг толпу к бунту, а страх перед ней вынудил лордов утвердить, а короля Карла I подписать приговор. Все виды страхов создали атмосферу паранойи в обществе, неизбежно сопровождающую любую начинающуюся революцию. Британский историк К. Рассел рассуждал: чтобы разобраться с причинами гражданской войны, надо ответить на вопрос, почему собравшиеся в ноябре 1640 г. депутаты Долгого парламента и в страшном сне не могли увидеть, что будут воевать со своим королем, но меньше чем через два года оказались в состоянии войны с ним. Рассмотрение перипетий первого крупного политического процесса Английской революции способствует ответу на него.

Историографическая дискуссия о причинах гражданской войны, порожденная трудами историков-ревизионистов, является стимулом для переосмысления роли Томаса Уэнтворта, графа Страффорда (с 1640 г.), связывавшейся с его именем «политики напролом», а также осуществленного палатой лордов

Соколов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета.

судебного процесса, проведенного под давлением палаты общин, лидера радикальной группировки в ней Джона Пима и его ближайших сподвижников. Суд и казнь Страффорда явились ключевым событием начального этапа Английской революции вплоть до принятия Великой Ремонстрации в ноябре 1641 года. Обосновывая важность анализа процесса Страффорда, не стоит забывать о том, что история имеет моральное измерение. Без преувеличения, по остроте и накалу эмоций, по глубине переживаний всех вовлеченных лиц, по той страстности, которая отличала ход событий, процесс Страффорда находится в первом ряду не только британской, но и мировой истории. Кажется, что по драматичности он превосходил даже суд над королем Карлом I. Преданность и предательство, принципы и интриги, справедливость и целесообразность, ненависть и благородство, прерогативы короны и права свободнорожденных подданных, честь и лукавство, воздаяние и достоинство перед лицом смерти — все эти моральные категории приобрели в деле Страффорда первостепенный смысл. Как указывалось в качестве эпиграфа к сочинению, появившемуся после гибели Страффорда, «каждому в назидание лорда Уэнтворта пример; Есть шанс упасть, взобравшись вверх без мер»¹.

Главные этапы биографии Уэнтворта хорошо известны и, кажется, не содержат загадок, чего не скажешь об оценках его деятельности, как современниками, так и историками — они полны противоречий. Нет ни одного ее аспекта, не вызвавшего шквал разногласий. Тем не менее, в отечественной историографии, в той мере, в какой затрагивалась эта историческая фигура, по понятным причинам (советская марксистская историография «защищала» любую революцию) господствовал односторонний подход. Образ «Черного Тома — тирана», вдохновителя «политики напролом», лично виновного в злоупотреблениях в одиннадцатилетний период правления Карла I без парламента (1629—1640 гг.), в неконституционных формах управления в Ирландии, готового к применению силы против парламентской оппозиции, господствовал в трудах историков. Пикантность виделась в том, в конце 1620-х гг. Уэнтворт был во главе оппозиции, и его переход на сторону короны рассматривался как предательство. Казнь ненавистного оппозиции министра трактовалась как справедливое возмездие за нарушение законов страны, нашедшее полное одобрение у народа. В советской историографии было неприметным мнение, что Уэнтворт проявил себя способным и энергичным государственным деятелем, способствовавшим стабилизации финансового и политического положения страны в 1630-х годах.

Родившийся в 1593 г. в графстве Йоркшир в семье, принадлежавшей к высшему слою джентри, Уэнтворт рано и успешно начал политическую карьеру. В восемнадцатилетнем возрасте он был посвящен в рыцари, совершил европейский Гранд Тур, а в 1614 г. унаследовал титул баронета и впервые вошел в состав палаты общин. В дальнейшем его политическая карьера проходила мало заметно до того, как в 1627 г. за отказ от принудительных займов он был лишен должности мирового судьи и подвергнут шестинедельному заключению. В условиях роста разногласий между палатой общин и королем Карлом I, взошедшим на престол в 1625 г., он приобрел политическую известность, став в 1628 г. фактическим лидером оппозиции и сыграв главную роль в принятии «Петиции о праве» — важного политического документа того времени. В том же году он перешел на сторону короля и был назначен президентом совета по делам Севера. На следующий год он был введен в состав Тайного королевского совета, а в 1632 г. поднялся еще выше, став Лордом-наместником Ирландии. Там ему удалось добиться порядка, укрепить администрацию, но и вызвать недовольство у части местной политической элиты. Когда в 1638 г. началась война с шотландскими пресвитерианами-ковенантерами, Уэнтворт был вызван

в Англию и стал главным советником Карла I. В начале 1640 г. он получил титул графа Страффорда. По его предложению после поражения во второй войне с шотландцами король собрал в апреле 1640 г. Короткий парламент. Собранный в ноябре того же года Долгий парламент обвинил Страффорда в государственной измене, приказал его арестовать. Под давлением толпы ему был вынесен смертный приговор. Такова в кратком изложении политическая биография Страффорда.

Сразу после казни сформировались два подхода в оценке его деятельности: их можно назвать, с долей условности, вигским и торийским. Первый опирался на аргументы противников Страффорда, прозвучавшие на процессе; второй — на мнение тех, кто считал процесс политическим судилищем, приведшим к убийству невинного человека. Для противников Страффорд был олицетворением личной власти и попрания конституционных свобод. Однако стремление наказать ненавистного министра проявила не только партия радикальных реформаторов во главе с Пимом, но и политическая группировка «конституционных монархистов», вскоре после процесса присоединившихся к роялистам. Ее позиции были позднее озвучены Эдуардом Хайдом, впоследствии лордом Кларендоном, по сути, первым историком Английской революции. Следует учесть, что в свете дальнейших событий он едва ли не маскировал, по меньшей мере, смягчал роль, которую сыграла в осуждении Уэнтворта его собственная фракция. По-видимому, Хайд голосовал за билль, провозглашавший Страффорда виновным в государственной измене, однако прямо об этом он не сообщал. О Страффорде Кларендон, мастер исторических характеристик, писал: «Без сомнения, он был человеком в высшей мере наблюдательным, проницательным в суждениях о людях и вещах; его несчастье состояло в том, что он привлек лишь очень немногих мудрых людей, и не было ни одного, чьи возможности и способности были равны ему. Поэтому во всех делах он полагался только на себя; различая многие недостатки в большинстве людей, слишком пренебрегал тем, что они говорили или делали. Его доминирующей страстью была гордость, это было исправимо, если бы ему меньше везло. Но рука Провидения и две презренные сущности, народ и сэра Генри Вейн, умертвив, самым странным образом наказали его. Короче, ему вполне подходит эпитафия, которую, по сообщению Плутарха, Цицелла написал самому себе: «Никто не превосходил его в том, чтобы делать добро своим друзьям и наносить вред врагам». И то, и другое было хорошо известно, и имело недобрую славу»².

Очевидная несправедливость обвинений и казнь, которую Уэнтворт принял стоически, сделали его в глазах роялистов первым мучеником, пострадавшим от «парламентского абсолютизма», за которым в дальнейшем последовали другие, в том числе архиепископ Кентерберийский Уильям Лод и сам монарх. Образ мученика и борца за роялистское дело приобрел особый блеск в годы Реставрации Стюартов, когда так называемый Кавалерский парламент отменил приговор и постановил изъять протоколы процесса. В XVIII в. при участии потомков графа вышло первое двухтомное издание его бумаг, которое использовал Д. Юм. Его работа отличалась стремлением оправдать политику Карла I, при этом Страффорда он считал одним из самых выдающихся людей, родившихся в Англии. В XIX в. традиционный критический вигский взгляд на Уэнтворта преобладал. Он нашел выражение, в частности, у Т. Маколея. Тем не менее, наиболее значительные вигские историки Английской революции, С. Гардинер и Ч. Фирт, давали взвешенные оценки. Они, в частности, отвергли идею об «отступничестве», предательстве Уэнтворта. Фирт писал: «По справедливости нельзя сказать, что Уэнтворт отошел от народа и перешел на сторону короля. Перенос современных политических идей во времена, когда не появилось партийное правительство и даже мечта о нем, ложен. Главная аксиома

политического кредо Уэнтворта в том, что двух сторон просто не было»³. В историографии XX в. преобладало сочувственное отношение к Страффорду, источником которого, однако, в большей степени была не идеологическая подоплека, а пафос сострадания к несправедливо погибшему человеку. Таким было сочинение С. Уэджвуд, вышедшее в 1935 году. В 1961 г. было опубликовано исправленное издание этой книги, дополненное архивными материалами, к которым историки получили доступ. В нем автор признала, что раньше слишком следовала точке зрения самого Страффорда. В середине XX в. имя Уэнтворта много раз «всплывало» в трудах историков в связи с дискуссиями вокруг сформулированной Х. Тревор-Ропером антитезы «двор-страна», объяснявшей причины Английской революции в противовес марксистской концепции. В частности, речь шла о переходе Уэнтворта в королевскую партию в 1628 году. Несколько позднее историки-ревизионисты не только интерпретировали парламентскую карьеру Уэнтворта с позиции «двор-страна», но и, опираясь на его речи и бумаги, обосновывали концепцию «локализма», занявшую заметное место в новейшей историографии революции.

Первый шаг к трагедии был сделан, когда в апреле 1640 г. по совету Лода и Уэнтворта король собрал парламент, получивший затем название Короткого. Карл ошибочно полагал, что в условиях войны с шотландцами и после одиннадцати лет личного правления он получит послушный парламент и требуемые субсидии, но сразу обнаружилось, что парламентарии не забыли прежних обид и требований. Оппозиция начала создавать пантеон мучеников, первым из которых стал умерший в Тауэре сэр Джон Элиот. Группа «политических пуритан», к которой относились Джон Пим, Джон Гемпден, Оливер Сен-Джон, Артур Хезельриг, лорд Брук, виконт Сэй-энд-Сэл, лорды Бедфорд и Эссекс (всем им предстоит сыграть роли во время процесса Страффорда), составляла пока меньшинство, но они считали себя «избранными», богом предназначенными очистить страну от антихриста. Им удалось увлечь многих, не только пресвитериан, но и приверженцев англиканской церкви, таких как Хайд и его патрон Фолкленд. Хотя пресвитерианское требование уничтожения епископата было для них чрезмерным, недовольство склонностью лодианской церкви к роскоши они разделяли. Они поддерживали и идею реформирования правительства, которое должно основываться на доверии парламента. Уже 17 апреля Пим выступил с обвинениями в адрес королевской администрации, концентрируясь, в основном, на «новшествах» Лода. Именно Пим и в Коротком, и в Долгом парламенте сделал более всего, чтобы убедить депутатов в том, что свободы парламента и свободнорожденных англичан в опасности, что страна находится под угрозой объединенных сил папизма и деспотизма. И его услышали не только депутаты, но и улица. Как говорилось в биографии Пима, он «разрушил английскую политическую систему и привел страну к гражданской войне. Хотя он не дожил, чтобы это увидеть, но он отправил короля на эшафот и сделал парламент беспомощным перед мечом военного авантюриста»⁴.

Роспуск Короткого парламента через три недели после созыва был опасным просчетом Карла, ибо разрушал возникшие ожидания и саму возможность решать проблемы традиционным путем взаимодействия монарха и депутатов. И Страффорд, и Хайд сразу осознали, что это вело к политической катастрофе. Как писал С. Шама, «король все еще слепо считал, что проблема была в Эдинбурге, а не в Вестминстере, и пока он как можно быстрее не разгромит ковенантеров, зараза кальвинизма и их предполагаемые представления о договорной монархии, как чума, распространятся на юг, в Англию. Фактически он был прав (Пим, как и Сэй-энд-Сэл, находился в предательской переписке с лидерами Ковенанта). Но он избрал худшее из возможных решений: воевать с шотландцами, не имея представления о том, есть ли у него армия (за год до

этого показавшая, насколько она ненадежна), чтобы за ним следовать. В подсознании у Карла, очевидно, был чрезвычайный план Уэнтворта использовать ирландцев. В этом русле летом он назначил его главнокомандующим, ранее, в январе, сделав его графом Страффордом — честь, обернувшаяся чашей яда»⁵. Карл I, прислушиваясь только к мнению королевы Генриетты-Марии, не принял во внимание, что «ирландская стратегия» вызовет всплеск антикатолической пропаганды и породит антиправительственные настроения, причем, не только в Лондоне. Армия оказалась в состоянии, близком к распаду. Солдаты, не получавшие жалованья, занялись мародерством, что в ряде мест привело к столкновениям с горожанами и насилию по отношению к офицерам, особенно католикам и ирландцам. Беспорядки вспыхивали повсюду, толпы нападали на тюрьмы, имели место расправы с лицами, которых, справедливо или нет, считали виновными в огораживаниях. Авторитет тех, кто поддерживал порядок на местах, мировых судей и констеблей, стремительно падал. Когда шотландская армия во главе с генералом Лесли перешла Твид, сломила слабое сопротивление противника, заняла Ньюкастл и Дурхэм, оппозиционные политики в доме лорда Бедфода подготовили петицию двенадцати пэров с требованием созвать новый парламент. Война была проиграна: за освобождение занятых территорий, значимых угольными копями, надо было платить. Созыв нового парламента стал неизбежным. 24 сентября король сдался, и 3 ноября парламент, получивший впоследствии название Долгого, собрался в Вестминстере. Он решил судьбу Страффорда.

Страффорд и Лод с первых дней были главными объектами ярости обвинителей. Атака на советников, а не на самого суверена, представлялась эффективным способом заставить короля поменять правительственную политику. Большинству в парламенте, по меньшей мере, в палате общин, приемлемым инструментом казался импичмент, то есть отстранение от должности и привлечение к судебной ответственности упомянутых лиц. Однако понимание целей импичмента различалось. Для Фолкленда и Хайда речь шла о том, чтобы заставить Карла I согласиться с реформированием правительства, управлять, опираясь на ответственный парламент и советников, пользующихся доверием последнего. Радикальная группа «политических пуритан» шла в своих требованиях гораздо дальше. Свержение Лода будет пирровой победой, если не уничтожить епископат. Тайный совет должен не просто состоять из лиц, пользующихся доверием парламента. Министры должны отчитываться перед ним. Парламент больше никогда не будет просто органом, вотирующим налоги.

В «Истории мятежа» Кларендон настоятельно подчеркивал отличия его партии от радикальных пуритан, и наоборот, скорее затушевывал то общее, что их объединяло. Вероятно, есть правота в суждении историка Ч. Фирта, который писал, что разделы его книги, посвященные началу деятельности Долгого парламента, больше, чем другие, односторонни и необъективны. Кларендон целиком возлагал вину за то, какой ход приобрели события, на фракцию (им часто используется слово *faction* — клика), главную роль в которой играли Пим и Гемпден. Люди, которые полгода назад (то есть в Коротком парламенте) проявляли умеренность и предлагали мягкие способы лечения, чтобы «не беречь раны глубоко», с первых же дней Долгого парламента заняли диаметрально иную позицию. Пим, по словам Хайда, говорил ему, что нужен иной настрой, чем в апреле, «теперь недостаточно прибрать пол в доме, а надо сбить паутину сверху и в углах, чтобы не оставить в нем никакой грязи». Первым объектом атак стал человек, который когда-то был защитником и поборником свобод народа, но давно «предал эти принципы и по природе отступничества стал великим врагом этих свобод и главным поборником тирании, каких только видели времена»⁶. Речь шла, конечно, о Страффорде. Был ли его арест

упреждающим ударом парламентариев? Некоторые историки полагали, что так. Прибыв в Лондон, перед самым арестом Страффорд якобы призывал короля арестовать лидеров оппозиции по обвинению в государственной измене, «в чем они были действительно виновны, вступив с шотландцами в сговор. Это был дерзкий совет, требовавший большего мужества, чем обладал Карл»⁷.

Получив приказ короля с гарантиями безопасности, Страффорд направился в Лондон. Некоторые современники считали, что он, как святой или неразумный, сам отдался в руки непримиримых врагов. Возможно, однако, что сначала он смотрел на состояние дел оптимистично. Даже известие о том, что его прежние враги из Ирландии инициировали обсуждение в палате общин ирландских дел, не выглядело слишком угрожающим: решение было принято незначительным большинством, 165 против 152, что могло свидетельствовать о сильных нейтральных настроениях. Страффорд явно недооценил энергию и последовательность врагов. Атаку на него Пим начал сразу, с постановки ирландских дел. Не называя его имени, Пим осудил управление в Ирландии. В речи 7 ноября он говорил о том, что Ирландия управлялась «опасным и насильственным способом, который может стать моделью для Англии». На следующий день наступление в комитете по ирландским делам продолжил сэр Джон Клотуорти, самый последовательный из ирландских врагов графа, заявивший, что преследованиям в Ольстере подвергались только истинные протестанты, сочувствовавшие шотландцам, противники епископата. Напротив, паписты пользовались поддержкой, из них и создавали армию. 10 ноября палата обсуждала петиции, поступившие от йоркширского джентри, на церковную политику Лода и финансовые потери из-за войны. Казалось, пришло время назвать имя Страффорда, однако Пим выжидал. Можно сказать: он заманивал графа в Лондон, то есть в ловушку. Уэджвуд писала: «Пим был мастером времени. Решение об импичменте должно быть принято, как только он и его сторонники узнают, что Страффорда можно вызвать в парламент. Из их действий видно, что у них была ясная идея, какого рода доказательства использовать. Но в какой момент начать атаку? Они не были полностью уверены, что Страффорд придет в Лондон. Если подвергнуть его импичменту в его отсутствие, вся сила процедуры будет потеряна, и ничто не помешает ему скрыться за границей, чтобы начать мстить. Следовательно, более чем вероятно: сообщения, что Страффорд следует на юг, воодушевляли Пима. Но как только он достиг Лондона, атака должна стать быстрой и результативной»⁸.

Страффорд приехал в столицу вечером 10 ноября, а на следующий день направился в палату лордов. Он просто присутствовал, не включаясь в обсуждение условий мира с Шотландией. Пим добавил страсти, заявив о папистском заговоре. Затем Клотуорти прямо обвинил Уэнтворта в его организации и создании арсеналов оружия в Тауэре, о мнимой переброске ирландских войск в Англию. Находясь в парламенте, Страффорд осознал, что атака против него началась. Он покинул палату и отправился в королевский дворец Уайтхолл. Тем временем общины сообщили верхней палате о том, что обвиняют его в государственной измене и потребовали его ареста. Попытка Фолкленда сказать, что обвинение требует доказательств, в атмосфере паники и слухов о заговоре не привела ни к чему. В это время в Уайтхолле Страффорд говорил с королем. Содержание их беседы не известно. Известие о том, что принимается решение об импичменте, вызвало оцепенение при дворе. Лишь сам Страффорд, кажется, сохранил самообладание и заявил, что отправится в Вестминстер, чтобы «посмотреть в глаза своим обвинителям». Он поспешил, чтобы быть в палате лордов раньше Пима, но опоздал: лордам было сообщено решение общин. Палата встретила Страффорда требованием покинуть помещение. В вестибюле ожидавшие решения лордов коммонеры не сняли в его присутствии шляп.

Через десять минут Страффорда пригласили. Он подошел к решетке и преклонил колени. Лорд Манчестер объявил о решении: исключение из палаты и заключение под стражу до рассмотрения дела по существу. Поднявшись, Страффорд начал протестовать, возражая против жестокости такого решения, и просил о возможности выступить. На это Манчестер ответил, что он лишь вправе подать петицию.

Когда Страффорд покинул палату, Максвел, привратник Черного Жезла, потребовал его меч. Граф вышел на улицу, где толпа подвергла его насмешкам; его кареты не было, и Максвел произнес: «Лорд, Вы мой пленник, и поедете на моей карете». Первой тюрьмой Страффорда стал дом Максвела. Арест Страффорда был началом борьбы. Его поведение в день ареста показало, что он не намерен сдаваться. Как юрист Уэнтворт был, по меньшей мере, не слабее своего главного врага Пима. Если обвинения не удалось бы доказать, это могло привести к роспуску парламента, как это произошло в 1626 г., когда во главе оппозиции стоял Элиот. Пим осознавал силу и опыт Страффорда, единственного тогда выдающегося человека в королевской партии, «чьи способности были для него действительно опасны». Уэнтворт проявил себя лидером в парламенте в 1628 году. Он умело манипулировал парламентом в Ирландии, а в Коротком парламенте пытался играть на противоречиях верхней и нижней палат. Для Пима «он оставался источником опасности до тех пор, пока был жив, чего нельзя сказать ни о каком другом королевском советнике, включая архиепископа, который был стар и утратил надежду и энергию. Если Пим и его сторонники хотели поставить под свой контроль политику короля, а это и было их целью, им надо было устранить Страффорда»⁹. Условием для достижения этой цели была атмосфера подозрительности и паники. Пим даже приветствовал слова одного недалекого парламентария, заявившего, что Страффорд — орудие иезуитов. Как считал Кларендон, Пим целенаправленно создавал такую атмосферу, манипулируя чувствами и страхами парламентариев: «В палате общин было много мудрых и уравновешенных людей, богатых и состоятельных, хотя и недостаточно преданных Двору, но сохранившим чувство долга к королю и привязанность к правительству, основанному на законе и древнем обычае. Несомненно, что эти люди не помышляли нарушить мир в королевстве или внести существенные перемены в управление церковью и государством. Следовательно, вначале была работа с ними, направленная на то, чтобы разложить их сообщениями об опасностях для всех, дорожащих свободой и собственностью, о попрании и извращении законов, утверждении абсолютной власти, благоволении папизму в ущерб протестантской вере. Одним внушали эти чудовищные идеи, других пугали, будто их прежние поступки вызывают вопросы, а защиту дадут только они, у третьих будили надежду, что сотрудничество даст должности, звания и любого рода поддержку в продвижении»¹⁰.

К этой теме Кларендон возвращался не раз: «Они пользовались всеми способами, чтобы отравить сердца и чувства людей, подавить тех, кому, как им казалось, не нравились их действия. К тому же в наиболее населенные города и приходы были направлены священники и проповедники, известные ненавистью к церкви и государству»¹¹. Страхи, возбуждаемые кликой Пима на протяжении тех месяцев, пока готовился и проходил суд над Страффордом, были, как считал Хайд, бесосновательными: например, Карл I, «в самом деле, желая, чтобы парламенты собирались чаще, без колебаний подписал Акт о трехгодичном парламенте», хотя в нем содержались положения, ущемлявшие монархические принципы¹². Действительно, во время процесса, в феврале, был подписан Трехгодичный билль.

Обвинения против министра вырабатывал специальный комитет, включавший Пима и Гемпдена. Его председателем был Балстрод Уайтлок, адвокат,

видный деятель оппозиции, в прошлом друживший с Уэнтвортом. Позднее в своих мемуарах Уайтлок почти оправдывался, говоря, что работа в комитете, заседавшем ежедневно, породила «великое расстройство»¹³. Из состава комитета почти сразу вышел Денцил Холлиз, последовательный сторонник оппозиции и брат жены Уэнтворта. Холлиз осознал, что целью Пима была смерть обвиняемого, и не хотел участвовать в политическом убийстве. 18 ноября было решено, что парламентарии могут посещать арестованного только по разрешению палаты. Тогда же сэр Генри Вейн-младший заявил, что в его распоряжении находятся скопированные им записи, сделанные его отцом Генри Вейном-старшим, входившим в Королевский совет, и доказывавшие, что на его заседании Уэнтворт предлагал использовать ирландскую армию в Англии. Хотя из этого заявления вытекали юридические и даже моральные проблемы (получалось, что Вейн-младший попросту выкрал их у отца), но именно оно, в конечном счете, сыграло главную роль в осуждении Уэнтворта. Сформулированные комитетом обвинения состояли из двух частей — первая включала статьи общего характера об «изменническом» (это слово постоянно повторялось) ниспровержении английских законов, возложении Страффордом на себя королевских полномочий над жизнями, свободами, землями и имуществом подданных, намерении захватить в свои руки королевские доходы, об ущербе, нанесенном власти вследствие поддержки папистов-католиков, о разжигании вражды между англичанами и шотландцами, о поражении в войне с Шотландией, о подрыве прав парламента¹⁴. Вторая часть включала 27 специальных статей, разъяснявших обвинения общего характера. Только две специальные статьи касались действий Уэнтворта как главы Совета по делам севера, причем они носили общеюридический характер и не содержали конкретных примеров злоупотреблений. Следующие шестнадцать статей относились к управлению Ирландией; они отражали позицию политических противников графа в этой стране. Речь шла об отношении к ирландцам как к «завоеванной нации», о тираническом правлении, о нарушении законов и прав подданных, в том числе собственных. Однако ирландцы, за исключением Клотворти, смотрели на дело иначе, чем Пим. Как писала Уэджвуд, их более всего волновало, как избавиться от губернатора, доставлявшего им беспокойство и личный ущерб: «В английской политике для короля, парламента и будущего правительства Англии импичмент Страффорда был делом величайшего значения; в ирландской политике (точнее, для “новых англичан” в Ирландии) это было просто более зрелищным, чем обычно, способом избавиться от непопулярного Лорда-лейтенанта»¹⁵.

Страффорд сразу понял, что сможет отвергнуть эти обвинения, доказав, что за ними скрываются личные интересы его ирландских врагов. Напротив, Пим только в ходе процесса, когда Уэнтворт убедительно дискредитировал своих обвинителей, обнаружил, что упор на ирландские проблемы был ошибкой. Наибольшую опасность для обвиняемого таила 23-я статья, касавшаяся намерения направить ирландскую армию для подавления недовольства в Англии. Последняя группа включала обвинения в незаконных поборах, начиная с лета 1640 года. В мемуарах, то есть задним числом, Уайтлок утверждал, что отказался отвечать за обоснование 23-ей статьи, обвинявшей Страффорда в намерении использовать ирландскую армию «для покорения этого королевства. Переговорив заранее со свидетелями, он (Уайтлок писал о себе в третьем лице. — А.С.) сообщил комитету, что не нашел свидетельства достаточными. Он не считал, что выдвижение этого обвинения послужит чести палаты, поскольку доказательство провалится, поэтому эту статью лучше опустить»¹⁶.

Через тринадцать дней после ареста, 24 ноября, Пим представил обвинения палате. На следующее утро Страффорд был доставлен в парламент, чтобы заслушать их. Ему было позволено подать петицию о привлечении защитников

и свидетелей. Затем из палаты лордов он был доставлен в Тауэр, ставший местом, где он провел последние месяцы жизни. За графом сохранялось право обмениваться письмами с королем. Парламентарии могли его посещать, получив разрешение, но дав обязательство не раскрывать ему хода дел. Это обязательство, конечно, не выполнялось. С наступлением зимы ввели правило: посещать пленника только до наступления темноты, что ограничивало доступ к нему сторонников-парламентариев. В начале декабря условия содержания стали строже: помещение, где он находился, было ограничено тремя комнатами, при выходе из каждой находилось двое солдат, дверь на ночь запиралась, прогулки было разрешено совершать только с охраной. Несмотря на свое незавидное положение, Страффорд сохранял спокойствие и силу духа, он ежедневно молился в церкви, совершал прогулки. Он готовился дать отпор противникам, доказав обоснованность выдвигавшихся против него обвинений.

Никто из людей, принадлежавших к королевской партии, уже не чувствовал себя в безопасности. 5 декабря с разрешения Карла страну покинул государственный секретарь Уиндбэнк. 21 декабря парламент принял решение об импичменте Лорда-хранителя печати Финча — в ту же ночь он бежал. 18 декабря по предложению Пима был принят билль об импичменте архиепископа Лода, обвиняемого в государственной измене; 1 февраля 1641 г. он был заключен в Тауэр. В декабре к обвинениям комиссии Уайтлока добавились Ремонстрация ирландского парламента, составленная врагами Страффорда, и обвинения, предъявленные шотландскими комиссарами. 16 января палата лордов завершила допрос свидетелей обвинения, которых общины просили допросить. Наконец, 30 января Страффорд был доставлен в палату, чтобы заслушать окончательный вариант обвинения. Уже накануне в Лондоне собирались толпы, угрожающе настроенные к нему, поэтому звучало предложение доставить его в Вестминстер тайно ночью. Эта идея была отвергнута, и Страффорда привезли днем по Темзе, при этом солдаты охраняли весь путь до парламента. Из толпы звучали угрозы, но попыток напасть не было. После двухмесячного заключения Уэнтворт выглядел бледным и сгорбленным. По просьбе одного из сторонников ему было разрешено выслушать обвинения сидя. На составление обвинений ушло больше двух месяцев, на подготовку ответов на него Страффорду дали две недели, но он был настроен оптимистично, полагая, что в обвинениях мало конкретного содержания и их легко опровергнуть. Граф сам играл главную роль в определении стратегии защиты.

17 февраля Страффорду предоставили дополнительную неделю на подготовку ответа, 24 февраля он предстал перед палатой лордов. На заседание прибыл король, который почти час беседовал с графом, затем Карл I занял свое место на троне, и помощники Страффорда зачитали ответ на каждое из обвинений; процедура продолжалась в течение трех часов. Затем он обратился к палате с просьбой пригласить его свидетелей, но та отказалась сделать это без согласия общин — сигнал для графа, что связь между палатами в его деле теснее, чем хотелось бы. В этом вопросе компромисс был достигнут: обвиняемому позволили пригласить своих свидетелей и задавать вопросы свидетелям обвинения, но при этом те не приносили клятвы. Начало открытого процесса было назначено на 22 марта. Палата общин опубликовала обвинения; ответ графа опубликован не был. Уэджвуд писала: «Страффорд был превращен в чудовище: он предал короля и страну, воодушевлял папистов, развязал войну против верных подданных, принуждал и наказывал беззащитных людей на севере и в Ирландии, использовал угрозы в судах, препятствовал выполнению законов, приказывал пороть, отправлять в заключение и вешать ирландцев голыми, гнал с полей тысячи голодающих детей»¹⁷.

Утром 22 марта по Темзе на барке обвиняемого доставили в парламент. Его сопровождали пять других барок, на каждой из которых находились по двадцать солдат. В Вестминстере в середине зала был построен помост, на котором располагалось место для обвиняемого, сзади находились его помощники и адвокаты. Коммонеры и шотландские комиссары, а также лица, зарезервировавшие места, заняли ряды, расположенные, как в амфитеатре, сзади помоста. Перед ним, напротив друг друга, располагались ряды пэров. Напротив помоста для Страффорда находился другой помост — для председателя суда лорда Арандела и клерков палаты. За ним в конце зала, рядом с тронем располагалось место для старшего сына короля принца Уэльского. Он присутствовал на заседаниях почти ежедневно, хотя и не в течение всего дня. Решетка по периметру отделяла главных действующих лиц от остальных присутствующих. Страффорд, в черной одежде, опустился на колени перед решеткой и встал, когда Арандел жестом позволило ему это. В девять часов, после движения в занавешенной ложе, свидетельствовавшего, что король и королева прибыли, действие началось. Появление королевской четы было неожиданным; лорды не были облачены в мантии.

В первый день все ограничилось оглашением статей обвинения и ответа на него, на следующий день началось рассмотрение дела по существу. Атаку открыл Пим, доказывавший неправомомерность утверждения защиты, будто действия Уэнтворта были законны. Затем звучали выступления свидетелей обвинения, затрагивавшие ирландские проблемы. Защищаясь, Страффорд упирал на то, что законы Ирландии отличны от английских, и, управляя этой страной, он неизбежно следовал им. Уже в этот день стала очевидной слабость обвинений — они опирались на вторичные свидетельства и представлялись людьми, имевшими к обвиняемому личную неприязнь. На другой день Мэйнарду, одному из обвинителей, удалось несколько исправить первое впечатление, указав: если каждое обвинение поодиночке трудно назвать изменой (на этом настаивал граф), то взятые вместе, они доказывают, что в его политике существовала система, позволяющая так квалифицировать его преступление. Один из противников графа сэра Джон Рей предлагал помнить, что собравшиеся — не только парламентарии, но и англичане: «Как парламентарии последуем нашим предшественникам и будем тверды в следовании законам; как англичане призовем в мыслях несокрушимый дух и отвагу сердец древних героев, от которых мы происходим; будем, как они, свободны от малодушия, презрим лесть и раболепие, покажем, что в наших венах течет та же кровь»¹⁸. Тем не менее, ход процесса был таков, что с каждым днем обвинители испытывали большее беспокойство, а Страффорд казался более уверенным. Несколько раз его ирония вызывала смех в отношении свидетелей обвинения.

5 апреля процесс подошел к обсуждению самой опасной для Страффорда 23-ей статьи, опиравшейся на бумаги сэра Генри Вейна, якобы доказывавшие, что он намеревался использовать ирландскую армию для подавления недовольства в Англии. Многие зависело от показаний самого Вейна-старшего, который выступил несколько неопределенно: он подтвердил, что сразу после роспуска Короткого парламента на заседании Тайного совета Уэнтворт произнес эти слова. Вейн также сказал, что не может интерпретировать, что имелось в виду, под «этим королевством», Англия или Шотландия. Он уточнил, что Уэнтворт произнес слово «это» (this), а не «то» (that) королевство. По ходатайству Страффорда на процесс были приглашены другие присутствовавшие на заседании члены совета, но никто из них — ни королевский постельничий маркиз Гамильтон, ни епископ Джаксон, ни канцлер Казначейства Коттингтон — не подтвердили, что слышали их. Страффорд с холодной иронией поздравил Вейна с тем, что тот помнит слова точнее, «чем тот, кто их произнес, или любой,

кто при этом присутствовал»¹⁹. На возражения графа один из обвинителей Глин отметил, что хотя Вейн единственный, кто подтверждал эти слова, но «величайший из свидетелей», «глас народный» («Vox populi»), всегда декларировал намерение Страффорда сокрушить английские свободы. Уэджвуд полагала, что Вейн не был лжецом, но он по-своему понял слова Уэнтворта, произнесенные в горячке спора, совсем не так, как другие присутствовавшие лица. Если бы смысл слов был таков, как понял Вейн (и, конечно, Пим), они бы вряд ли забыли их. 7 апреля обсуждались статьи, обвинявшие Уэнтворта во взыскании корабельных денег, а также наложении незаконных сборов на джентри Йоркшира. 8 апреля суд вернулся к вопросу об ирландских войсках, и вновь граф убедительно отверг обвинение. 9 апреля утром Страффорд ходатайствовал об однодневном перерыве в связи с болезнью. Обвинители заподозрили хитрость, но депутация, прибывшая в Тауэр, подтвердила, что он нездоров. В тот же день в палате общин Джон Рей воодушевлял слушателей призывами не останавливаться на полумерах. Используя метафоры тела, он призывал идти до конца в деле Страффорда: «Лучший учитель, опыт, учит с давних пор: что не доведено до конца, приводит к печальным и достойным сожаления результатам. Конвульсии и боль, переживаемые сегодня Великобританией, показывают: не все дурные жидкости очищены, не все препятствия разрушены»²⁰. Но и осуждение Страффорда еще не конец; за ним должен последовать Лод, ибо «ежедневно агенты подрывают основы нашей религии».

10 апреля процесс возобновился, и в этот день в нем произошел решительный поворот. Сторонникам Пима было ясно, что перспектива осуждения Страффорда путем импичмента, требовавшего принятия решения большинством пэров на основании представленных доказательств, сомнительна. Они решили переформулировать обвинения против Страффорда в виде билля о государственной измене (Bill of Attainder). В этом случае лорды могли принять решение о смертной казни без заслушивания свидетелей, то есть отбросить сомнения в неубедительности доказательств. Поводом для изменения порядка судопроизводства стало заявление Пима о новых доказательствах виновности Страффорда по двадцать третьей статье обвинения. В своем сенсационном заявлении Пим сообщил, что в октябре, когда Вейн-младший показал ему записи отца (оригинал протоколов был уничтожен Вейном-старшим по приказу короля перед началом работы Долгого парламента), он сделал копии, которые может представить в качестве доказательства. Таким образом, Пим становился новым свидетелем. Это решительно меняло дело²¹. Правда, в вопросе о том, был ли сам Пим инициатором изменения юридической процедуры, между историками существуют разногласия: «Действительно ли Пим ответственен за билль о государственной измене? Те, кто считает, что нет, основываются на высказанном им желании продолжать процесс импичмента. Предложенный билль мог и фактически стал раздражителем для лордов. Он усиливал их намерения следовать путем импичмента. Билль казался ему преждевременной мерой»²². Уэджвуд, кажется, не сомневалась, что инициатива внесения билля о государственной измене целиком принадлежала Пиму, даже если он предпочел выставить на первый план других людей. П. Загорин полагал, что Пим на протяжении некоторого времени предпочитал вариант с импичментом, полагая, что его свидетельство убедит лордов. Поэтому билль об измене был внесен сэром Артуром Хезльригом (по словам Кларендона, глупым и самоуверенным человеком, которого подобрал Пим, и который готов был для его партии на все), а Пим даже 12 апреля предлагал «идти другим путем»²³. К. Рассел решительно возражал против тезиса Уэджвуд о «сфабрикованной Пимом теории измены». «Король Пим», как его называли противники, не был безусловным вождем в парламенте; билль о государственной измене поддержали многие другие влиятельные

политики, в том числе Фолкленд, и, «как я твердо уверен, Хайд»²⁴. Что касается юридической теории, то «она, возможно, и была расширена во время процесса Страффорда, но многие ее элементы имели уже долгую, и иногда даже respectable историю». В ее истоках — статут 1352 г., в ее основе лежало обвинение в намерении отделить короля и народ; обвинение в государственной измене применялось по большей части во времена войны Алой и Белой Роз, Реформации и гражданских войн. Если в теорию государственной измены в рассматриваемый период были привнесены новые элементы, то их привнес, считал Рассел, не Пим, а сам Карл I в 1629 г., сформулировав вопросы к судьям по делу сэра Джона Элиота. Как бы то ни было, потенциальной проблемой для врагов Страффорда было то, что акт о государственной измене, в отличие от акта об импичменте, должен утверждаться подписью короля.

В течение недели, с 14 по 21 апреля, билль о государственной измене обсуждался в палате общин, в это время в палате лордов продолжалась процедура импичмента, и 13 апреля Страффорд выступил с последней речью. Он убеждал пэров отвергнуть обвинение в государственной измене, основанное на произвольном толковании законов, и утверждал, что это будет мудрое решение для них самих, потомков и королевства в целом²⁵. Трудно сказать наверняка, какое впечатление произвела его речь на лордов. Сам он, по-видимому, считал ее успехом: возвратившись в Тауэр, он распевал в своей комнате благодарственные псалмы. Неизвестно, знал ли он в подробностях, что происходило в Вестминстере и Уайтхолле. Между тем, Карл I стремился создать партию сторонников в палате лордов. Главные надежды он возлагал на Фрэнсиса Рассела, графа Бедфорда, человека, которого считали лидером оппозиции в парламенте, умеренного политика, в том числе в религиозных вопросах. Переговоры с ним велись уже с февраля. Королева Генриетта-Мария встречалась не только с ним, но и лордом Сэем и даже с Пимом. В отличие от двух последних Бедфорд все более склонялся к предложениям двора. Он выражал готовность принять должность Лорда Верховного Казначея, то есть фактически встать во главе правительства. Он разделял мнение о виновности Страффорда, но не был сторонником смертного приговора. Фактически он мог удовлетвориться обещанием короля и самого Страффорда полностью уйти из политики.

Однако положение в парламенте не было радужным. В поддержку билля выступил лорд Фолкленд, имевший маленький рост и высокую репутацию. Он утверждал, что «по справедливости, Страффорд должен умереть»; «со своих пяти футов, из которых три были честным патриотизмом, он выпустил убийственную стрелу в шесть футов измены Страффорда»²⁶. Уэджвуд намекала, что здесь присутствовала и личная неприязнь: Фолкленд был сыном прежнего Лорд-лейтенанта Ирландии, по отношению к которому Уэнтворт никогда не был не только доброжелателем, но и просто тактичен. 20 апреля палата общин вернулась к делу Уильяма Принна, приговоренного в 1634 г. к тюремному заключению, клеймлению и отрезанию ушей за антиправительственные сочинения (он был освобожден Долгим парламентом). Обсуждение этого дела было знаком, что злодеяния Звездной палаты и самого Уэнтворта не забыты. 21 апреля палата вернулась к биллю. В этот день на заседании присутствовало всего 263 члена из почти пятисот.

В Лондоне было беспокойно, явные сторонники королевской партии или сомневающиеся предпочли не участвовать в заседании, да и многие присутствующие были готовы покинуть помещение. Тогда Пим приказал запереть двери и воспрепятствовать попыткам оставить палату. Билль был предложен к третьему чтению. В этот момент всеобщего возбуждения выступил сын графа Бристола Джордж Дигби. Он был сторонником импичмента, входил в состав комитета по выработке обвинений, но он категорически возражал против бил-

ля о государственной измене. Дигби говорил, что по-прежнему считает его «самым опасным министром, не расположенным к свободам подданных; его действия были в высшей степени тираническими, что усугубилось данными ему Богом способностями, использованными дьяволом». Однако обвинения в намерении уничтожить английские свободы при помощи ирландских солдат, не доказаны, и если билль будет принят, «это станет причиной великих расколов и взрывов в государстве»²⁷. Речь Дигби считается одним из образцов ораторского искусства в парламенте и примером мужества. В годы гражданской войны Дигби стал ведущим королевским советником, оказывал на Карла исключительное влияние. Многие историки полагали, что король, пренебрегая советами более умеренных политиков Фолкленда и Хайда, эмоционально и психологически тянулся к Дигби, помня о его речи в защиту Страффорда. Это, в свою очередь, привело к ряду недалековидных решений. Трудно судить, помогла ли речь Дигби графу. Тогда, 21 апреля, открыто поддержать его решил только один коммонер, заявивший, что «мечом правосудия может быть совершено убийство». За билль проголосовало 204 депутата, против 59. На следующий день Дигби был обвинен в нарушении тайны прений в комитете, но оправдался. Поддержавший его депутат от Виндзора был исключен из палаты, а имена членов, голосовавших против, были расклеены в Лондоне с подписью: «Это страффордианцы, предатели правосудия, враги страны».

Даже после принятия решения палатой общин король полагал, что ему удастся спасти Страффорда. 23 апреля он писал графу, что не сможет использовать его на службе, но сохранит ему жизнь, честь и собственность. После отставки Коттингтона он предложил пост канцлера Казначейства Пиму, но последний королю не доверял и отказался. 27 апреля ситуация обострилась: король захотел увеличить гарнизон Тауэра, что было воспринято и верным парламенту комендантом Балфуrom, и лондонцами как признак заговора для освобождения Страффорда. Последний добавил масла в огонь, якобы предложив Балфуру взятку за помощь в побеге (возможно, по совету Бедфорда). Ходили слухи, что корабль стоял наготове, чтобы вывезти графа. В атмосфере слухов об армейском заговоре и начинавшейся паники 29 апреля билль был внесен в палату лордов О. Сен-Джоном. Его речь сопровождалась резкими нападками на Страффорда («Он отказывал всем в законе, почему он должен иметь его»). Оратор утверждал, конечно, имея в виду графа, что «никогда не считалось жестокостью или нечестным делом бить по лбу лис и волков, потому что это хищники»²⁸. 30 апреля Карл встретился с лордами Бристолом и Бедфордом. Последний, видимо, посоветовал выступить перед обеими палатами, разъяснив опасность билля, тем самым привлечь на свою сторону сомневающихся лордов. Бедфорд, вероятно, согласился возглавить правительство и помочь спасти жизнь Уэнтворту. Тут вмешался случай: на следующую ночь Бедфорд смертельно заболел, несколько дней мучительно страдал и 9 мая умер от оспы. Так Страффорд потерял свой последний шанс сохранить жизнь.

1 мая Карл I выступил в парламенте. По общему мнению историков, его речь не была удачной. Ч. Карлтон полагал: король не ухватил того единственного пункта, которым можно было задеть лордов — говорить о законе и необоснованности обвинений. Вместо этого он сконцентрировался на себе²⁹. Он заявил, что не имел намерения вводить ирландскую армию в Англию; при нем никогда не обсуждалась тема непослушания английских подданных; он никогда не получал совета нарушать законы Англии³⁰. Но ведь речь шла не о нем, а о Страффорде. Карл I не согласился, что граф совершил государственную измену, но признавал, что тот допустил ошибки, поэтому он надеялся, что лорды «найдут справедливость и отбросят собственные страхи, но не поступят против его мнения». С. Шама полагал, что 1 мая король действовал вопреки собствен-

ным интересам: «Центральным пунктом в дебатах было перенаправить народную ненависть и ярость от короля лично (и королевы, чье католическое окружение стало ежедневным объектом нападков антипапистского лобби) и обеспечить конституционную возможность для перемен. Но Карл и особенно Генриетта-Мария верили, что карты в их руках: мягкая линия, предлагаемая графом Бедфордом, подразумевавшая включение Пима в Тайный совет, и твердая линия, предполагавшая направление в Тауэр верных войск и подталкивание некоторых офицеров на освобождение Страффорда, если надо, силой»³¹. Король ошибался, полагая, что палата сможет сохранить Страффорду жизнь. 3 мая после неудачной речи Карла настроение лордов склонилось в сторону обвинения. Бедфорд умирал, Бристол не смог объединить сторонников умеренной линии. В этот день в палате общин Пим нанес решающий удар в самый критический момент. Он объявил о том, что имеет достоверную информацию о том, что двор составил заговор с участием армии и намерен совершить государственный переворот. Весть об этом моментально распространилась в столице. Так называемый «армейский заговор», облегчивший парламенту суд над «несчастливым» Страффордом, создавший атмосферу подозрительности, Хайд считал плодом воображения «клики Пима» и частью ее пропаганды. Продолжавшиеся в начале мая 1641 г. в течение нескольких дней беспорядки в столице, «акты наглости и бунтовщичества», заставившие одних пэров не участвовать в заседаниях, а других изменить мнение в угоду толпе и палате общин, тоже произошли, по Хайду, благодаря партии Пима. Он писал о «превалировании клики в обеих палатах», «неистовстве и ярости народа», проповедях «схизматических священников с их алтарей», «страхах и ревности, внедренных в головы здравомыслящих людей разговорами о бывшем заговоре», о том, что «ни один честный человек не решался выразить сочувствие королю из страха быть уничтоженным». «Безумное неистовство» народа заставляло опасаться, что «нечестивые руки» протянутся к королю, его супруге («что имело для него гораздо большее значение»), а уверенности в надежности армии не было³².

4 мая, осознавая, сколь малы в этих условиях его шансы добиться благоприятного решения лордов, Страффорд написал письмо Карлу I, освобождая того от обязательства защитить его жизнь, которое монарх подтвердил в письме 30 апреля: «Я верноподданнически обращаюсь к Вашему Величеству: предотвратите то зло, которое может случиться, если Вы откажетесь подписать билль, и этим способом устранили с пути, я не скажу проклятье, но несчастье, чтобы установилось благословенное согласие между Вами и подданными, которое Господь, я верю, установит навсегда»³³. Это был благородный и самоубийственный поступок. Возможно, в душе он надеялся, что король правильно воспользуется его письмом и сумеет убедить парламент проявить снисхождение, как это случилось несколько недель назад, когда смертный приговор был вынесен священнику-иезуиту отцу Френсису Гудмену. В начале мая это было невозможно. Лондонская толпа требовала расправы над ненавистным министром: «Суд стал делом не юридическим, а публичным театром ненависти и возмездия. Ежедневно у палаты общин и на улицах, прилегающих к Вестминстеру, собирались огромные толпы, жадные до новостей. Море бумаги ушло на листовки и импровизированные петиции. Против друга папы Страффорда сочинялись баллады и читались проповеди»³⁴. Разъяренные люди были вооружены мечами и палками. Страх оказался сильнее верности. Даже явные сторонники двора в палате лордов вынуждены отступить. Бристол заявил, что не будет голосовать, так как выступал свидетелем. Его примеру последовал ряд других пэров. От участия отказались лорды-католики. Давний враг Лода (и Уэнтворта) епископ Джон Уильямс (сторонник примирительной политики по отношению к пуританам), освобожденный из заключения в 1640 г. и убедив-

ший епископов, что они не должны участвовать в процессе, в котором может быть вынесен смертный приговор, теперь напомнил, что им не следует и голосовать. Брат первой жены Уэнтворта, его друг с детства граф Кумберленд решил не участвовать в голосовании.

Пэры голосовали 8 мая. Поскольку в годы Реставрации страницы в книге протоколов палаты лордов, относящиеся к этому делу, были уничтожены, точные цифры не известны. Современниками назывались три комбинации: 26 против 19; 35 против 11; 51 против 9³⁵. Не имея мужества голосовать против билля, многие лорды все же имели смелость не голосовать вовсе. В тот же день Долгий парламент принял закон о том, что он может быть распущен только с собственного согласия. Пришел черед Карлу I сказать последнее слово в деле Страффорда. 9 мая толпа бунтовала возле Уайтхолла. Казалось, что она ворвется в ворота дворца. Констебль Тауэра лорд Ньюпорт заявил: если король не подпишет билль, он своей властью прикажет убить приговоренного. Некоторые предлагали немыслимые планы, чтобы освободить графа. Карл был в нерешительности и молился. Он встретился с епископами и большинство из них, в том числе Уильямс, видимо, советовали ему уступить. Толпа продолжала кричать у дворца. В девять вечера, как говорят, со слезами на глазах, Карл I подписал билль, чтобы спасти семью, которой угрожала толпа. Карлтон, один из королевских секретарей, в тот же вечер посетил Страффорда, чтобы сообщить ему печальное известие. Как граф воспринял его? Секретарь в тот же день сказал Лоду, что он принял весть с мужеством и достоинством. В других случаях его рассказ отличался: Страффорд был настолько поражен, что потребовалось повторить, чтобы до него дошел смысл сказанного. Затем с жестом страдания он воскликнул: «Не верьте принципам и сыновьям человеческим, ибо в них нет спасения»³⁶. 10 мая палате общин было сообщено о согласии короля с приговором. В зале была полная тишина. 11 мая Карл послал старшего сына к лордам с последней просьбой проявить милосердие. Она была оставлена без рассмотрения.

Обвинение в государственной измене предполагало «квалифицированную казнь»: повешение не до смерти с последующим четвертованием, но к Страффорду проявили милость — его жизнь оборвет топор палача. Граф просил, чтобы его казнили в Тауэре, но не в силах Карла было предотвратить публичное зрелище. Во встрече с Лодом Страффорду было отказано, и он провел последние часы с епископом Ушером (одним из тех, кто, возможно, советовал королю не подписывать билль). Ушер передал осужденному слова Карла: если бы не опасность для королевской семьи, он никогда не подписал бы приговор, считая графа невиновным, но он позаботится о его детях. По свидетельству Ушера, он увидел Страффорда спокойным и твердым в вере; «никогда такая чистая душа еще не возвращалась к создателю». Затем Ушер встретился с Лодом и передал просьбу Уэнтворта: благословить его из окна, когда он будет направляться на казнь. Страффорд написал последние письма жене, детям, ближайшим советникам и ирландским друзьям.

12 мая толпа с утра осадила ворота Тауэра. Комендант Балфур, опасаясь, что как только Страффорд выйдет из крепости, она растерзает его, предложил выехать к месту казни в карете. Страффорд отказался: он ждет смерти, и не важно, наступит ли она от безумия и ярости людей или от топора палача. Уэнтворта сопровождали братья, кузен, епископ Ушер и духовники. Обернувшись к окну темницы епископа Кентерберийского, граф пал на колени. У Лода только хватило сил протянуть трясущиеся руки в сторону жертвы. Ворота открылись, и процессия в полной тишине двинулась в сторону эшафота. Кто-то в толпе приветствовал Уэнтворта, на приветствия он отвечал легким поворотом в ту или другую сторону. Поднявшись на эшафот, он обратился к тем, кто мог

слышать его, и сказал, что принимает свою судьбу спокойно и прощает всех. Он отверг обвинения в папизме, заявив, что не был никогда привержен другой вере, кроме англиканской: «Я желаю королевству процветания и счастья, для которого я жил и умираю теперь. Я умираю как верный и послушный сын Английской церкви, в которой был рожден и воспитан»³⁷. Затем он за руки попрощался с каждым из тех, кто его сопровождал, и попросил их присоединиться к его молитве. Брата Джорджа, который рыдал, он спросил, что вызывает его слезы: «Разве страх выдает мою вину или спокойствие мой атеизм? Думай о том, что ты у моей брачной постели. Плаха — моя подушка; здесь я отдохну от всего; никакие мысли о зависти, о предательстве, ревности недругов, заботы о короле, государстве и самом себе не прервут мой сон»³⁸. Он просил брата позаботиться о жене и детях. Страффорд позвал палача и на просьбу последнего простить его, ответил прощением и ему и всем. Грустно пошутив, он указал палачу на платок, которым просил закрыть глаза, когда «я увижу, что все свершилось». Он попросил проверить, надежна ли плаха, затем, положив голову на нее, снова сказал, что перед лицом Бога заявляет о своей невинности и о том, что верно служил королю, стране и закону. Затем он сказал палачу, что даст ему знать, когда будет готов, вытянув руки. Палач отрубил голову одним ударом, поднял ее, показав народу, и произнес: «Боже, спаси короля». Так закончилась жизнь Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, «о котором неверно судили при жизни и оправдали после смерти, самый великий государственный деятель, которого породило то время»³⁹.

Для Карла I, не сумевшего спасти своего самого преданного советника, смерть Страффорда стала событием, которого он себе не простил. Но и возможностью для примирения, которую дал ему граф, король воспользоваться не смог. Дигби, ставший главным и далеко не лучшим советником короля в гражданской войне, стал близок Карлу психологически, ибо смело выступил в защиту графа. Перед смертью, готовясь повторить судьбу своего несчастного советника, Карл воспринимал это как кару за то, что он не защитил и фактически предал его. Возможно, что именно казнь Страффорда, порожденная страхом, слухами и недоверием, открыла путь к гражданской войне.

Примечания

1. Elegie Upon the Death of Thomas Earl of Strafford, Who Was Beheaded Upon Tower Hill, in 12 May 1641. L. 1641.
2. The History of Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641, By Edward, Earlof Clarendon. Oxford. 1969, book III, p. 342.
3. Цит. по: MERRIT J.F. The Historical Reputation of Wentworth. The Political World of Thomas Wentworth, Earl of Strafford, 1621—1641. Cambridge. 1996, p. 15.
4. WADE C.E., OXON M.A. John Pym. Westport-Conn. 1971 (1st ed. 1912). Preface.
5. SCHAMA S. The History of Britain. V. 2. L. 2001, p. 106.
6. The History of Rebellion..., p. 222—223.
7. WADE C.E., OXON M.A. Op. cit., p. 188.
8. WEDGWOOD C.V. Thomas Wentworth. First earl of Strafford. 1593—1641. A Revaluation. L. 1971. (1st ed. 1961), p. 314.
9. WEDGEWOOD C. Op. cit., p. 318.
10. The History of Rebellion..., p. 244.
11. Ibid., p. 591.
12. Ibid., p. 279.
13. The Dairy of Bulstrode Whitelocke 1605—1675. N.Y. 1990, p. 124.
14. Cobbet's Parliamentary History. V. II. L. 1807, p. 737—738.
15. WEDGWOOD C.V. Op. cit., p. 329.
16. The Dairy of Bulstrode Whitelocke, p. 125.
17. WEDGWOOD C.V. Op. cit., p. 333.

18. Cobbet's Parliamentary History, v. II, p. 742—743.
19. WEDGEWOOD C.V. Op. cit., p. 349.
20. Cobbet's Parliamentary History, v. II, p. 743—744.
21. Записи Пима, в частности, содержали следующее: «К.С. (король Карл. — А.С.): “Как мы сможем вести наступательную войну, если у нас нет денег?” L.L.г. (лорд-лейтенант Ирландии. — А.С.): “Займем в Сити 100 000 ливров, продолжим энергично собирать корабельные деньги. Продемонстрировав любовь к подданным (видимо, речь идет о Коротком парламенте. — А.С.), Ваше Величество теперь свободно от правил управления и может использовать силу. В.В. использовало все пути, но не нашло понимания, и будет оправдано Богом и людьми. У Вас есть армия в Ирландии, и Вы можете использовать ее для приведения этого королевства в послушание; поскольку я убежден, что шотландцы не продержатся и пяти месяцев”. L.Arch. (архиепископ. — А.С.): “Вы использовали все возможности, но это не принималось. Теперь законно применить силу”» (Cobbet's Parliamentary History, v. II, p. 745—746).
22. WADE C.E., OXON M.A. John Pym. Westport (Conn.). 1971 (1st ed. 1912), p. 201.
23. ZAGORIN P. The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution. L. 1969, p. 220—221.
24. RUSSEL C. The Theory of Treason in the Trial of Strafford. — The English Historical Review. 1965, v. 80, № 314, p. 30.
25. Cobbet's Parliamentary History, v. II, p. 747—748.
26. WEDGEWOOD C. Op. cit., p. 365.
27. Cobbet's Parliamentary History, vol. II, p. 349—354.
28. WEDGEWOOD C.V. Op. cit., p. 370; ZAGORIN P. Op. cit., p. 222.
29. CARLTON CH. Charles I. The Personal Monarch. L. 1995, p. 223.
30. Cobbet's Parliamentary History, v. II, p. 735.
31. SCHAMA S. Op. cit., p. 113.
32. The history of Rebellion..., v. III, p. 340.
33. Цит. по: WEDGEWOOD C.V. Op. cit., p. 373.
34. SCHAMA S. Op. cit., p. 112.
35. ZAGORIN P. Op. cit., p. 224.
36. WEDGEWOOD C.V. Op. cit., p. 380.
37. Royall and Loyall Blood Shed by Cromwell and His Party. L. 1662, p. 25.
38. WEDGEWOOD C. Op. cit., p. 388.
39. WADE C.E., OXON M.A. Op. cit., p. 221.

Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894—1914 гг.

Е.Е. Юдин

Значительную роль в росте интереса к проблеме восприятия образа российских императоров сыграла публикация перевода капитального исследования Р.С. Уортмана, посвященного, «мифам и церемониям» русской монархии XVIII — начала XX века. Согласно концепции американского историка, при Александре III сформировался национальный миф царской власти, парадоксальным образом следовавший западноевропейской националистической доктрине, но представлявший российскую монархию монархией неевропейской, родившейся в русле верований, традиций, ментальности русского народа. Это ознаменовало собой конец петровского образа монарха как воплощения западной монархической культуры. Московская Русь стала историческим идеалом и предоставила модель этнически и конфессиононально единого народа. В идеализированной концепции империи произошел сдвиг от идеи многонациональной элиты, служащей вестернизированному европейскому императору, к идее православной, этнически русской элиты, служащей русскому царю¹.

Николай II, следуя примеру своего отца, вполне сознательно стремился представить образ монархии в виде воображаемого союза между царем и народом, основанного на ощущении особого сродства с русским крестьянством. Это сродство выражалось в общей для них враждебности к образованному обществу и интеллигенции и общей вере в прямую мистическую связь с Богом и святыми угодниками. Среди важнейших черт сознания, свойственных Николаю II, американский историк отмечает те из них, которые в значительной степени повлияют на формирование его представления о сущности монархической власти и ее внешних формах репрезентации. Это — и усвоенное с детства представление о русской монархии как о праздничном религиозном союзе между царем и простым народом, и восторг в отношении святынь русской старины в Москве, и восприятие двора как чуждого мира, а придворных презентаций как пытки. Уортман пишет о культе семьи и семейных ценностей, поддерживаемом Николаем II и императрицей Александрой Федоровной, о поиске ими особого типа религиозного благочестия, одновременно близкого простому народу и в то же время выражавшего личную мистическую веру.

Стремление Николая II представить образ монархии в современных ему условиях как ретроспективное возрождение идеала «святой Руси» с приоритетом религиозных церемоний в ущерб светской составляющей императорской власти, дистанцированность от европеизированного аристократического общества и придворных церемоний вело к некоторой архаизации репрезентативных форм. В этой связи интересным представляется вопрос, как эти представления и практические действия российского императора воспринимались в самом аристократическом обще-

Юдин Евгений Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

стве, в какой степени этой «новый» образ российской монархии соответствовал ожиданиям и интересам его представителей, замечены ли были вообще эти изменения в образе российской монархии и, наконец, какую роль в оценках внешних форм репрезентации власти играла сама личность Николая II?

Следует отметить, что эпоха XIX — начала XX в. характеризовалась исключительно активным поиском правящими монархами ведущих европейских государств индивидуального образа правления. Это было характерно, разумеется, не только для России, но и в целом для европейского континента. Для сравнения образ британской монархии, самой «успешной» на европейском континенте в тот период, также менялся в зависимости от обстоятельств времени и личных предпочтений королей. И здесь также была актуальна проблема личности монарха во взаимодействии с обществом и аристократической элитой. Так, в исследованиях отмечается, что рост влияния и популярности королевы Виктории (1837—1901) объяснялся ее семейным положением и личными качествами: трудолюбием в исполнении государственных обязанностей, религиозностью, скромностью в быту, простотой в поведении, сочетавшейся с врожденным величием. Все это соответствовало протестантским ценностям ее эпохи, в которую Виктория гармонично вписалась. Король Эдуард VII (1901—1910), несмотря на экстравагантную внешность, фривольную жизнь и любовные похождения, воспринимался как первый джентльмен Европы, прекрасный охотник и способный дипломат. Напротив, основой популярности Георга V (1910—1936) была его приземленность и ординарность, что приближало его к простым людям, а также удачное сочетание старомодных убеждений, ностальгии по поздневикторианским временам с установлением стандартов «идеальной конституционной монархии»².

Если обратиться к современным исследованиям личности последнего российского императора, то эта проблема соответствия образа монарха ожиданиям и представлениям общества, выстраивания действительно вполне осознанного «сценария» публичного поведения со стороны монарха привела к достаточно интересным наблюдениям. Одна из первых, заслуживающих внимания, характеристик личности Николая II была предложена Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным. Историки отмечали, что, по свидетельству многих современников, царь обладал хорошей памятью, имел неплохое гуманитарное образование, интересовался археологией и литературой, знал историю церкви и разбирался в богословских вопросах. Особенности поведения и образа действий Николая II, как считали многие из его окружения, в значительной мере определялись сомнениями в своей государственной опытности и отсутствии царственного облика, в частности невысокий рост. Между тем другие Романовы отличались высоким ростом. Особенно царственной внешностью обладал Александр III. Этому облику соответствовала и репутация всемогущего государя. Для Николая II, как и для его жены, императрицы Александры Федоровны, общим был строй мышления с психологической опорой на промысел божий, сочетавшийся с верой в юродивых и различных «шарлатанов». Упование на Бога сочеталось у Николая II с наивной верой в то, что простой народ бесконечно предан своему царю. Николай II считал своим долгом передать сыну унаследованную от отца власть в полной ее неприкосновенности. Приверженность самодержавной идее опиралась на многолетнюю традицию, светскую и церковную, на искреннюю убежденность в необходимости существовавшего строя для всеобщего блага³.

Г.З. Йоффе обратил внимание еще на одну специфическую черту личности последнего российского императора. По словам историка, почти обычным был поиск доказательств германофильства Николая II и императрицы Александры Федоровны, в то время как многие факты свидетельствуют об их поддержке антизападнических тенденций, так называемого «русского самобытничества». Йоффе отмечает, что идеалом Николая II был царь Алексей Михайлович, Петра I он «не почитал». Это, в частности, выражалось в его личной поддержке всех начинаний по реставрации стиля и быта допетровской Руси. Йоффе объясняет это политическими задачами. По его мнению, «царизм» перед своим крушением стремился облечься в кафтан XVII в. и подобным «идеологическим и политическим переодеванием» усилить националистические настроения, которыми власть рассчитывала подпереть опоры самодержавия. Николай II считал, что нужно делать ставку на «простой народ», на «мужика», а не на «европеизированную общественность». По мнению Йоффе, характер царя рассмотреть нелегко: это был скрытный человек, по-видимому, владевший искусством не выдавать своих чувств и мыслей. Многим это казалось «странным, трагическим безразличием». Другие видели в нем безволие, слабость характера, которые он тщательно старался замаскировать. Этот царь, кажется, никогда не проявлял своей «царственной воли» в традиционном российском представлении, не повышал голос, не

стучал кулаком по столу, не третируя министров и генералов. Он был хорошо воспитан и умел очаровывать ⁴.

По мнению Д. Ливена, проблема Николая II в действительности заключалась не в том, что он был плохо образован, но в не меньшей степени в том, что он был глуп (stupid). К тому же он долго сохранял наивность и незрелость суждений, не соответствующие его возрасту. Английский историк также обратил внимание, что изолированное воспитание будущего российского императора (и это вина его родителей) совсем не походило на то, в каких условиях обучались его кузены Георг V и Вильгельм II, которые подростками были отправлены в военно-морской колледж и гимназию соответственно. Скрытность Николая II и его постоянный самоконтроль способствовали его изоляции. Не без юмора английский историк замечает, что в случае с Николаем II, невинность и высокие идеалы его воспитания должны были произвести шокирующее впечатление в свете. Нравственные идеалы царя были в какой-то степени наивными, как и его патриотизм и чувство долга ⁵. Влияние воспитания и семьи на становление личности последнего российского монарха еще ранее было отмечено У. Брюсом Линкольном. Для Николая II и его жены именно радости семейной жизни, замкнутый и уютный круг близких людей стали главной ценностью — подчеркивал американский историк. По настоянию императрицы Александры Федоровны, она и ее муж, Николай II, оставили Зимний дворец как постоянную резиденцию, который Романовы использовали в этом качестве со времен императрицы Анны Иоанновны, и проводили зимний период в Александровском дворце Царского Села. В этом более скромном месте, «окруженном непримечательными людьми средних способностей, ограниченных взглядов и непоколебимо верных ценностям викторианского среднего класса», Николай II все больше и больше превращался в буржуазного *pater familias*. Но в этом и заключалась, по мнению американского историка, серьезная ошибка российского самодержца. Император из династии Романовых не мог просто так удалиться из Санкт-Петербурга «словно гессенский бюргер из Дармштадта» ⁶.

По мнению А.А. Искендерова, «совершенно непонятна позиция тех исследователей, которые всю сложность проблемы власти пытаются свести, по существу, к слабости и недостаткам личности Николая II, его безволию, безразличию к государственным делам, решение которых он передоверял малокомпетентным людям, а то и просто авантюристам, вроде Распутина...». В то же время, историк подчеркивает значимость внешних форм репрезентации власти и в этой связи относит «расхожее мнение» о скромности и непритязательности последнего российского царя и его семейства к категории мифов. Юбилейные торжества в 1913 г. по пышности и великолепию мало чем отличались от предшествующих царствований. Они были организованы и походили в строгом соответствии с традициями русского императорского двора, и даже с большим размахом. Более того, по мнению Искендерова, если к огромным земельным богатствам прибавить денежные капиталы на счетах западных банков, принадлежавшие царю и членам его семьи, а также роскошные дворцы, виллы, летние резиденции, охотничьи хозяйства курорты и др., то окажется, что российская монархия более напоминала восточные династии нежели монархические дома Европы. Особой же чертой характера Николая II, как это казалось его окружению, являлся религиозный фанатизм. Это выражалось, в частности, в каком-то особом отношении к самой церковной службе, всевозможным обрядам, которые император строго соблюдал. Он мог покорно простаивать бесчисленные молебны, литургии, панихиды и прочие богослужения. Никогда прежде не открывалось такое количество святых мощей и не уделялось такого значения благолепию и роскоши православной церкви, как в царствование Николая II ⁷.

Анализируя оценки историков и биографов последнего российского императора, С. Бадкок полагает, что для большинства из них Николай II в период своего правления представлялся человеком, которого больше интересовали спорт и семейная жизнь, нежели государственные дела, а иногда человеком, и вовсе лишенным интеллекта. Современные биографы, отмечая приверженность Николая II к простым удовольствиям, в то же время подчеркивают его выше среднего интеллектуальные способности и уровень образования. В свою очередь Бадкок обращает внимание на военное влияние (*military influence*) во многих аспектах жизни Николая II. Последнего российского самодержца отличали аккуратность, методичность и самодисциплина, сочетавшиеся со спортивными упражнениями и физической активностью. Николай II был проникнут убеждением в своем моральном долге служить отечеству. При этом он проявлял едва ли не детское увлечение военными парадами и церемониями. Глубокая приверженность религиозной вере также играла значительную роль в его самоощущении в соотнесении с убежденностью в своем богоданном праве на власть. Его фатализм часто рассматривался противниками царя как политическая слабость ⁸.

В.Л. Степанов отмечает, что образованность, великолепная память и несомненные интеллектуальные дарования сочетались в Николае II с отсутствием «харизмы власти», недостатком политической воли, нерешительностью, упрямством, непоследовательностью в своих действиях, одномерностью восприятия жизни, неспособностью постичь ее сложность и многообразие. При этом Степанов призывает пересмотреть утвердившееся в историографии мнение о консервативных взглядах последнего российского самодержца. По его мнению, Николай II был человеком западного образования и не принадлежал к числу крайних охранителей-традиционалистов, которые искали идеалы только в прошлом. Он обладал своеобразными консервативно-либеральными взглядами и принадлежал к сторонникам модернизации России⁹.

С.В. Куликов обратил внимание еще на одну примечательную особенность личности Николая II. Доминирующей чертой, по мнению историка, последнего российского самодержца являлась его страсть к чисто бюрократической деятельности, к работе с документами, не только пассивной (чтение), но и активной (наложение маргиналий). По сути, речь шла о воспроизведении модели поведения «идеального высшего чиновника. Соблюдение Николаем II того, что он почитал свои долгом, достигало самоотрешения: «Не только ирония, но и презентация себя как пожизненного контрактника водили пером императора, когда в собственной военной книжке в графе “Срок службы” он написал: “До гробовой доски”». Вступление на престол Николая II можно трактовать как форму такого назначения на должность, которая учитывает квалификацию, полученную им в качестве наследника... В государственной деятельности Николай II видел свою основную профессию... Николай II подчинил себя служебной дисциплине и чувству ответственности». Источник же конфликта между Николаем II и бюрократической элитой следует искать в своеобразной многоликости монарха, одновременно игравшего или пытавшегося играть роли традиционного правителя, высшего чиновника и богоизбранного харизматика¹⁰.

Пространное эссе посвятил личности последнего российского императора В.П. Булдаков. По его мнению, ни Николай II, ни тем более его супруга не владели так называемой «техникой царского ремесла». Наиболее заметной чертой власти Николая II стала «словно разлитая вокруг ее обреченность». В великокняжеском окружении считали, что виной всему династический надлом: император и его младший брат были воспитаны Александром III и Марией Федоровной в таком подчинении родителям и были так изолированы от жизни, что вышли бесхарактерными, безвольными людьми, легко поддающимися чужому влиянию. Булдаков полагает, что любовь к Александре Федоровне «исподволь поставила Николая в положение венценосного подкаблучника; внутреннее недовольство его, как самодержца по должности, этой противоестественной для патерналистской России ролью выработало в нем особую манеру общения с приближенными. Определенной константой поведения императора стало своего рода неуверенное упрямство, трансформировавшееся в общую нерешительность и непоследовательность всего властного начала». Конечно, отмечает историк, Николай II старался быть самодержцем, однако правителями все-таки не рождаются, а становятся. Любая имитация рано или поздно откроется — «правитель-имитатор» не способен вести себя как «король-чудотворец». В этой связи Булдаков с большой долей скепсиса пишет о стараниях Николая II придать себе характер «царя-богоносца». «Сама по себе череда канонизаций, — пишет историк, — призванная, по видимому, усилить слабеющую ауру сакральности вокруг высшей власти, создавала достаточно сложную, в общем, непредсказуемую психоментальную ситуацию вокруг трона. Издавна христианская церковь... крайне осторожно относилась к месточтимым “народным” святым и локальным чудесам, полагая, что они плодят суеверия. Николай II, постоянно настаивая на сомнительных в глазах иерархов канонизациях, волю или невольнo расширял “пространство чудес”».

Историк обращает внимание и на следующий факт. Царь действительно мог быть скромен, ровен и трудолюбив. Но кто доказал, задается он вопросом, что простой народ жаждал видеть в «помазаннике Божьем» именно эти качества? В действительности, император становился заложником общего ложного представления о существе и особенностях российского властвования. Николай II настроен был править по обычаю. Это вовсе не предполагало стремления ко все большей концентрации власти в его руках, но зато порождало в нем — человеке слабом — особую форму тихого сопротивления всему тому, что, как ему казалось, мешало придерживаться традиции. Историк подчеркивает, что в восприятии образа царя произошел невиданный ранее качественный сдвиг. В обществе слишком многие в принципе перестали его бояться и уважать, в их глазах он перестал воплощать идею справедливого вла-

ствования: «Николай II заметно проигрывал на фоне отца и особенно деда: Александр II на редкость гармонично воплощал в себе несовместимые, казалось, начала европейской просвещенности и восточного деспотизма, Александр III умел хотя бы казаться твердым и удачливым во внешней политике. Последний Романов не обладал ни одним из этих качеств, фигура его выглядела странновато: с одной стороны, это любитель автомобилей, с другой — солдат-труженик и смиренный богомолец. Строго говоря, традиционалистской российской психоэмоциональности куда больше соответствовал бы “необузданный” монарх. Конечно, набожность царя, получившая официальное воплощение в нескончаемой череде канонизаций святых, давала кое-какой пропагандистский эффект в глазах престонародья. Но она еще больше отталкивала от императора представителей европеизированной и равнодушной к религии интеллигенции»¹¹.

В новейшем биографическом исследовании С.Л. Фирсова также подчеркивается, что 20-летний цесаревич не вызывал у современников восхищения, на фоне отца он явно проигрывал: невысокого роста скромный офицер. Его заурадный вид, невыразительное лицо и простота в обращении воспринимались великодушной публикой как крупный недостаток, простительный гусару, но не наследнику. Став императором, Николай II не терпел вмешательства в те дела, которые считал «приватными», и недостаточно понимал, что, как самодержавный государь, лишен права на личную жизнь. В условиях же того времени царь осознавался обществом как политическая фигура, «богоизбранность» в деформированной системе монархических представлений уже ничего не определяла. При этом трудно предполагать, что вообще существовало цельное монархическое чувство, объединяющих всех подданных императора. Фирсов задается вопросом, как ощущал себя молодой император в первую очередь: счастливым семьянином или обладателем огромной империи? По словам историка, ответ найти несложно. Прежде всего, император ощущал себя счастливым семьянином, все остальное прикладывалось к этому. Формы же репрезентации своей власти, которые избирал Николай II, не всегда соответствовали ожиданиям общества. Так, в годы его правления к лику святых в Русской православной церкви было причислено больше святых, чем за весь синодальный период (с 1896 по 1916 гг. — 6 чел.; с 1700 по 1896 гг. — 4 человека). В то же время в образованных кругах русского общества воля царя уже в 1890-е гг. перестала вызывать священный трепет. Николай II стремился воскресить старые, XVII в., «формы», полагая, что это никак не скажется на политическом «содержании». Царская чета желала даже переодеть двор в одежды русских бояр, поощряя публикацию собственных портретов в одежде царей допетровской Руси. Этими портретами ознаменовался разрыв с традициями иконографии монархов императорского периода. «Русскость» императора иногда принимала и гротесковые формы. Так, например, царь любил носить крестьянские рубахи. Такая одежда часто шокировала присутствующих. Действительно, подчеркивает Фирсов, представить его отца или деда, в высоких сапогах, плюсовых шароварах, красной рубахе, подпоясанный желтым поясом, было невозможно. Крестьянская одежда была для Николая II своеобразной «формой протеста», антибюрократической демонстрацией, ибо европейского покроя мундир был обязательной одеждой чиновника. Представления Николая II о своей власти формировали образ в высшей степени погруженного в государственные дела, любящего семью и народ православного монарха-отца, умеющего и любящего работать. К тому же Николай II был одним из самых «спортивных» русских монархов (хотьба, верховая езда, самокат, теннис, кегли, плавание, гребля). Вынужденный же ежедневно заниматься решением политических вопросов, царь мечтал о жизни частного человека¹².

На проблеме репрезентации власти монарха при Николае II и реакции на это российского общества остановился в своей специальной работе Б. Колоницкий. В частности, он отмечает, что с началом первой мировой войны во время публичных церемоний Николаем II использовались образы «московского царя» и «богомольца», но все же доминировал образ «венценосного труженика», который в соответствии с задачами момента еще более милитаризировался, а отчасти и «демократизировался», представляясь все более народным, намеренно простым. Колоницкий обратил внимание также на то, что одна из причин недовольства общества политикой Николая II заключалась как раз в эстетическом несоответствии репрезентативных форм монархической власти и общественных представлений на этот счет. В итоге нарастало недовольство предлагаемыми образами царя, неприятие его стиля поведения, по внешности делались суждения о характере государя. Нередко люди различных взглядов, включая значительное число монархистов, именовали Николая II «невзрачным» царем, появилась кличка «большой господин маленького роста». По мнению истори-

ка, ничем не запоминающийся, заурядный, обычный «офицерик», простой «полковник», лишенный державного величия, никак не соответствовал традиционным монархическим представлениям о могучем государе, великом царе, отце своего народа, истинном самодержце. В итоге Колоницкий приходит к выводу, что причиной недовольства императором многих современников была авторитарно-патриархальная, по сути монархическая ментальность. Николаю II в вину вменялось прежде всего то, что он не был «настоящим» царем. В основе его «должностных преступлений» лежит «профессиональная непригодность»¹³. Достаточно парадоксальный вывод, если принять во внимание стремление последнего российского самодержца следовать патриархальным моделям репрезентации собственного образа как монарха.

Как это хорошо видно, тот сценарий, который последняя императорская чета использовала в публичной демонстрации своей власти, и то восприятие образа власти, которое складывалось в российском обществе, создавали довольно мозаичную картину, и что самое главное, крайне противоречивую. В то же время формы репрезентации власти, как в публичной, так и в частной сфере, предпочитаемые последним российским самодержцем, выстраивались, если не в строгую систему, то, по крайней мере, поддавались какой-то логике. Унаследованный от традиции всего императорского периода образ монарха как светского главы государства, победителя и носителя верховной власти в сочетании с еще более древним характером власти монарха как богоизбранного, православного государя при Николае II видоизменился под воздействием относительно новой концепции «народной монархии». Так, очевидным стал поиск Николаем II новых форм сакральности монаршей власти через мифологическую ретроспекцию традиций допетровской Руси, одновременно с определенной популяризацией этого образа в духе новой эпохи формирующегося массового общества. Одновременно, своей частной жизнью Николай II подчеркивал приверженность викторианским ценностям, приобретавшим все более мещанский, «бюргерский характер». Наряду с этим вольно или невольно император демонстрировал образ «образцового бюрократа», не чуждого восприятию технических и научных новинок, и, наиболее спорный вопрос, некоторым элементам реформаторства.

В то же время публичная модель взаимоотношений аристократии и монархии к началу XX в. приобрела застывшие, казенно-официальные формы. Язык этих отношений, изначально эмоционально насыщенный, предполагал в своих нормативных требованиях и риторических оборотах слова любви и счастья. Как отмечает в этой связи Б. Колоницкий, если читать официальные отчеты периода правления последних Романовых, то может возникнуть обманчивое впечатление, что все верноподанные российского императора всегда были «безмерны счастливы», когда они имели возможность лицезреть «возлюбленного монарха». Также историк подчеркивает, что официальная риторика российской монархии предполагала и формулы нормативной сакрализации: словосочетание «Священная особа Государя Императора» встречается в различных документах. Для части современников эти постоянно повторяющиеся обязательные бюрократические формулы были уже застывшими, архаичными, потерявшими всякий живой смысл¹⁴. Примечательно, например, что В.Н. Ламздорф, хвалит своего «шефа» (достаточно редкий случай) князя А.Б. Лобанова-Ростовского (в 1895—1896 гг. министра иностранных дел Российской империи), что тот «героически идет на грандиозную торжественную обедню в Исаакиевском соборе» (по случаю тезоименинства Николая II в декабре 1895 г.), но «никогда не направляет никаких поздравительных телеграмм государю». Ламздорф подчеркивал, что ему «по душе такая позиция: она корректна, без нежничания и подобострастия»¹⁵. В то же время выраженное в ритуализированных формах отношение к монарху имело в своей основе действительно особое чувство, которое очень долго сохранялось в сознании дворянского сословия. Как представляется, современники Николая II в среде высшего общества были далеки от единодушия. Одни сохраняли верность традиционному образу императора как помазанника Божьего, наделенного безраздельной суверенной властью и свободного от ответственности перед подданными. Другие относились критично к этому образу, исходя из вполне рационального и секулярного взгляда на происхождение государственной власти и ее обязанности. В последнем случае сакральная репрезентация власти монарха, его претензии на неограниченную власть и требования особого отношения к своей персоне могли уже восприниматься как анахронизм¹⁶.

Можно ли говорить об эволюции «монархического мифа» в дворянской среде в тот период? Например, Е.П. Барина полагает, что монархический миф, существовавший в сознании дворянства и совмещавший в себе понятия царя, Бога и Родины, как раз в это время подвергся серьезным изменениям. Деформация традиционного

восприятия образа монарха была вызвана как модернизационными процессами, так и трансформацией менталитета и политического поведения дворянства: «Чувство монархизма изменялось, подтачивалось внешними негативными событиями, ослаблялось под влиянием критики и осознания процессов, происходящих в стране. Постепенно монархический миф терял свое духовное воздействие, стал для всех удобной личиной, прикрывающей повседневные действия в ущерб власти. Заверения в верности и преданности ее оплоту вошли в привычку, стали традиционным вступлением к любому ходатайству или адресу дворянства». При всей сомнительности подобного деления, Баринава полагает, что Николай II не пользовался уважением у столичного дворянства, в то время как, напротив, поместное дворянство сохраняло в отношении к особе государя-императора «все те же торжественные штампы, что и в прошлом веке». Приводя многочисленные примеры подобных ритуализированных выражений («приносим его императорскому величеству свои верноподданнические чувства и глубокую благодарность», «покорнейший слуга Вашего императорского величества», дворянство «удостоилось счастья», «объединено горячим чувством любви и преданности Царю и Родине», «осчастливлено вниманием», испытывает «неизмеримо глубокую благодарность» и т.п.), историк отмечает, что царское расположение, милостивый прием, личное приглашение ко двору продолжали оставаться для дворянства самыми желанными наградами. Однако при оценке политики Николая II положительные эмоциональные реакции постепенно уступают место негативным¹⁷.

Эта застылость форм официальной коммуникации дворянства и монарха в России в начале XX в. удивляет. Неужели обе стороны искренне полагали, что подобная, по сути, игра способствует взаимопониманию «благородного» сословия и монарха? Тем не менее, традиционный сценарий выдерживался вплоть до конца российской монархии. Вот, например, как выражало свои чувства дворянство Рязанской губернии. В первом документе, датированном 1 августа 1904 г., содержались поздравления «Их Императорским Величеством Государю Императору и Государыне Императрице» по поводу рождения великого князя Алексея Николаевича. Текст открывался следующим пассажем: «Верноподданное Дворянство Рязанское повергает к стопам Вашего Императорского Величества и Государыни Императрицы всепреданнейшее поздравление с счастливым событием рождения Государя Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича...». В другом документе, датированном 8 декабря 1914 г., в обращении рязанского дворянства к Николаю II по случаю прибытия последнего в Рязань (прошло десять лет), мы видим ту же риторiku: «Рязанское Дворянство, удостоившееся великого счастья лицезреть в своем доме Державных Хозяев земли Русской, с восторженной радостью приветствуя Вас Государь, Государыню Императрицу и Августейшую Семью Вашу, повергает к стопам Вашим чувства беспредельной любви и благодарности за оказанную ему высокую милость»¹⁸.

Данная риторика в духе восемнадцатого века — сочетание крайнего уничижения и восторга — разумеется, не была изобретением рязанского дворянства. Подобная форма использовалась всеми дворянскими обществами и частными лицами в своих официальных обращениях к монарху. Абсолютно в тех же выражениях обращалось к монарху нижегородское дворянство во время первого посещения города императором в 1897 г.: «Примите, Возлюбленный Государь, от верных Ваших нижегородских дворян сию святую икону. Молитвами изображенных на ней святых, да сохранит Господь Бог Вас и Государыню императрицу на многие лета, на счастье и радость России и беспредельно любящих Вас Ваших верноподданных»¹⁹. В первые же военные месяцы 1914 г. дворянскими собраниями принимались верноподданнические адреса Николаю II. В телеграмме воронежского дворянства говорилось, например, что оно всегда готово «встать на защиту престола и Родины по зову обожаемого монарха». На дворянских собраниях звучали речи, подобные, например, той, с которой выступил тамбовский губернский предводитель дворянства на заседании 15 августа 1914 г.: «Сто лет тому назад Великий Государь Александр I, отразив чужеземное нашествие, оказал воздействие к восстановлению в Европе мира, спокойствия и права. Приступить к такому же великому делу во главе наших союзников выпало на долю Нашего Возлюбленного Государя... Русское дворянство никогда не щадило для блага и величия своего Государя ни жизни, ни имущества, так и теперь будет исполнять этот истинный завет Дворянства...»²⁰. Любопытно, что подобная риторика, принимая во внимание, разумеется, саму обстановку «патриотического» подъема начала войны, звучала после двадцатилетнего правления Николая II, за время которого ко многим действиям императора дворянство не всегда относилось с публично провозглашаемым «обожанием». В своих частных обращениях к монарху представители аристократии использовали абсолютно ту же словесную модель.

Оценивая подобные формулировки и осознавая их исключительно формальный характер, следует, тем не менее, учитывать и очевидное влияние данной традиции на восприятие аристократией образа монарха. В сознании многих он представлялся как могучий повелитель, «лидер нации», символ великой империи и источник милостей и благодеяний. В той или иной степени эти атрибуты приписывались и действующему монарху, по крайней мере, это был определенный идеал, которому самодержец должен был соответствовать. Пожалуй, высшее общество по-прежнему было готово воспринимать подобную риторику. Интеллигентный и либерально мыслящий граф И.И. Толстой²¹ воспринимал уже подобные формы с недоумением и долей раздражения: «Облачился в галунный мундир и выехал из дому в 1/2 11-го на Царскосельский вокзал для представления г[осударю] в качестве городского головы. Характерен текст карточки-повестки, приглашающей явиться: “Его Имп[ераторско-му] величеству благоугодно было всемилостивейше разрешить вашему с[иятель]ству представиться во вторник, 28 января 1914 г., в 12 часов дня в Царскосельском дворце...”»²²

Каждое новое царствование в России начиналось с выстраивания определенно-го сценария взаимоотношения самодержца и аристократии. В высшем обществе всегда внимательно следили за личностью наследника российского престола и последний должен был рано или поздно задуматься о возлагавшихся на него надеждах. В случае с Николаем II вполне определенное о нем мнение высшее общество составило, когда будущий император был еще наследником. И нельзя сказать, что это мнение было в пользу будущего самодержца. Изначально Николай Александрович не соответствовал определенным представлениям, налагаемым традицией на поведение российского монарха. Не вызывали восторга и его личные качества. Как отмечает Фирсов, в наследнике изначально отказывались видеть «персону», достойную уважения, его воспринимали лишь как слабого и блеклого человека²³. Как следствие, направление, в котором будет эволюционировать облик императорской власти при Николае II, как и само общее направление политики, не стало большой неожиданностью. Уже в этот период с определенной свободой и даже бесцеремонностью в аристократических кругах обсуждали многие вещи, которые, разумеется, никаким образом не вписывались в ту ритуализированную модель, которую мы наблюдаем в официальных обращениях дворянства к монарху. В своем дневнике граф Ламздорф, к примеру, постоянно отмечал разговоры и мнения, циркулировавшие в придворных кругах в отношении цесаревича. В записи от 30 января 1894 г., сообщая о бурных объяснениях императора Александра III с наследником, автор отмечает, что последнего в обществе именуют «дрянным мальчишкой». 4 апреля 1894 г. Ламздорф подробно пересказывал содержание скандала, вызванного связью Николая Александровича с балериной Кшесинской, и добавлял от себя: «Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающее. Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он представляет собой подрастающего Павла I». Любопытно, что на это сходство обратил внимание и А.А. Половцов²⁴, при Александре III занимавший пост государственного секретаря, а затем ставший членом Государственного совета. Прочитав шильдеровскую биографию Павла I он был поражен сходством двух императоров. Позднее, в июле 1901 г. Половцов писал о презрении царя к органам собственной власти и его вере в «благодетельную власть его собственного самодержавия»²⁵.

Ламздорф отмечает и первую неудачную попытку в сфере публичной репрезентации образа наследника. Речь шла о распространении в России фотографий Николая Александровича и Алисы Гессенской после их помолвки в Великобритании: «...недавно полученные английские открытки, изображающие августейших жениха и невесту в день помолвки, прямо-таки уродливы; это форменная проза и к тому же мещанская»²⁶. Практически те же мысли в отношении наследника можно найти в дневнике генерала А.А. Киреева, близкого к семье великого князя Константина Константиновича: «Страшно подумать, что бы было, если бы сам Царь умер, оставя нас на произвол наследнику — ребенку (несмотря на его 26 лет) ничего не знающему, ни к чему неподготовленному. И холостому, с М-лле Кшесинской» (17 января 1894 г.); «к сожалению наследник все не женится, видимо Кшесинская мешает? Жаль, не понятно, как родители не видят, какое скверное влияние такие грязные связи могут иметь на молодого человека! Это никогда безнаказанно не проходит. Эта грязь не отмывается» (январь 1894 г.)²⁷. Автор дневника подчеркивает незрелость цесаревича, его мальчишеское поведение, не соответствующее его возрасту и статусу. Так, Киреев записал слухи и толки о путешествии Николая по Востоку в 1891 году. Эпитеты применительно к поведению цесаревича в основном такого рода

— «масса неловкостей и детскости», «много мальчишества», «глупые игры с бутылками и пробками» и, наконец, вывод — «вообще на нем отразилось воспитание, которое ему дали. С ним обращались как с ребенком — ну, и оказалось, что он ребенок»²⁸. Половцов приводит в своем дневнике случай (запись от 27 января 1892 г.), произошедший на вечере у графа Шереметева, куда приехали великий князь Александр Михайлович и дочь Александра III Ксения, а также и цесаревич: «Время проводили в том, что резвились, бегали по дому и прятались. Оригинальное препровождение времени для 24-летнего наследника престола!»²⁹ В данном случае автор дневника был неприятно поражен несоответствием детских игр молодых людей и возраста Николая Александровича. Князь А.Д. Голицын³⁰ вспоминал, что, молодым еще человеком, впервые столкнувшись с наследником российского престола (в С.-Петербурге, на приеме у графини Клейнмихель), и еще полный представлений о величии личности монарха, увидел в нем лишь робкого и застенчивого человека³¹. Это визуальное и поведенческое несоответствие облика Николая II и сформированного традицией образа государя и самодержца станет в дальнейшем общим местом в восприятии аристократии.

Для многих в аристократическом обществе дистанция между личностью наследника и образом российского монарха была настолько огромной, что представить Николая Александровича сразу в качестве самодержца было сложно. Вот, как например, скоростная смерть Александра III и вступление на престол его сына отразились в дневнике княжны Софьи Васильчиковой³²: «12 октября 1894 г. Нет, это ужасно! Государь очень болен, страшно болен, каждый день мы смотрим в газете, но там ничего нет утешительного. Вся семья у него в Ливадии, все братья с женами, тетки, королева Греческая там, и даже Принцесса Алиса Гессенская выехала на днях из Дармштадта туда же... Ах! Это ужасно! Я себе воображаю, что происходит теперь в Ливадии! Если Государю будет лучше (ах! дай Бог!), то он проведет зиму в Корфу... 21 октября 1894 г. Кончено. Все кончено. Государь скончался вчера в 1 1/2 дня. Господи Боже мой! Я до сих пор не могу прийти в себя... Мама вечером сделалось совсем нехорошо: лихорадка и дрожь, так что она должна была лечь». При всей экспрессии этих записей, мы наблюдаем все тот же характерный сценарий любви и глубокого переживания, в данном случае по поводу тяжелой болезни и смерти монарха. Далее мы узнаем о восприятии в семье Васильчиковых нового самодержца: «23 октября 1894 г... я не думала, что тот Наследник, который так часто приезжал к нам обедать в Царское и когда были в полку карусели и Мама не хотела меня на них пускать, говоря, что я слишком молода, выпрашивал у Мама за меня и когда я ему делала в шутку низкий *révérence*, он сердился находя это слишком важным, вот он теперь Государь, в это даже поверить как-то трудно...»³³

Робкий, застенчивый молодой человек, детски наивный и абсолютно лишенный какого-то подобия величия и собственной значимости — таким молодой государь предстал в глазах придворного общества. Ламздорф отмечал, что внутри страны смерть Александра III оплакивалась главным образом «по причине произошедшей отсюда неопределенности положения, в связи с незаметностью наследника-цесаревича, которого почти до самого последнего времени держали в детской комнате; наследник не проявил себя ничем, он известен только кое-какими слабыми сторонами и увлечениями молодости, отнюдь не способными внушить к нему какое-либо доверие»³⁴. Слово вторит Ламздорфу в своем дневнике и Киреев (сентябрь 1894 г.): «Тревожные известия о здоровье Государя... Все это крайне серьезно! Наследник? Во всяком случае он очень не приговорен к своей будущей роли. Его держали на детском положении. Рамбах рассказывает, что в 1890 году, т.е. когда он был уже совершеннолетним, его, когда плавали в шхерах, сажали за *Katzentisch* с Георгием и *Mr Heath*’ом, и они друг у друга стаскивали сапоги!

Что он будет за человек?! Говорят о различных свойствах его характер, но ничего не слышно о его мнениях, об общих убеждениях. Свойства — хорошие: много такта, рассудителен, *autoritaire*, умеет писать и говорить. Ему один из родственников говорит: тебя обвиняют в том, что у тебя нет характера. “А где же бы я мог выказать свой характер? Ты ведь знаешь как меня держали!” Это правда к несчастью»³⁵.

В придворных и бюрократических кругах, в разговорах светского общества в основном обсуждалась незрелость цесаревича, его робость, неподготовленность к роли самодержца, отсутствие собственного мнения в отношении государственных вопросов. Обращали внимание на недостатки его поведения — связь с Кшесинской и «глупые» забавы с офицерской молодежью. Оптимизм, правда, внушала воспитанность цесаревича, умение быть приятным в личном общении, что в положительном смысле контрастировало с манерами его отца. В любом случае перед Николаем II,

уже в качестве монарха, стояла сложнейшая проблема привлечь на свою сторону мнения и настроения аристократии. Уже спустя три месяца после смерти Александра III, княжна Софья Васильчиковна записала свои впечатления от первого публичного выступления молодого государя: «Сегодня (воскресенье) Мама едет в город на baise-mains, в Зимний дворец, где молодая императрица будет принимать всех дам... Все теперь в восторге от речи, которую Государь произнес, когда он принимал всех представителей земства; говорят, она до того сильно была сказана, что даже всем страшно стало. Кто бы подумал, что этот страшно застенчивый “Цесаревич” мог бы так измениться в два или три месяца»³⁶. Тогда же А.В. Богданович отметила в своем дневнике (20 января 1895 г.): «Теперь все, кто слышал слова царя, говорят, что видно в нем деспота»³⁷. Как известно, страх этот достаточно быстро прошел, и все убедились, что сильного монарха Россия так и не обрела. Репутация Николая II как слабого человека, подверженного влияниям, полученная им в бытность цесаревичем, приобретала устойчивый характер в глазах аристократии. Практически это стало общим местом в оценках деятельности императора в первые годы его правления. И первое, что бросалось в глаза, это манера поведения молодого государя, умение его следовать во многом ритуализированной форме появления монарха на публике. И речь шла не только об официальных мероприятиях — от торжественной коронации до публичных приемов и выходов, но и о частных встречах, балах, праздниках и прочих увеселениях. В своем дневнике Ламздорф отметил (3 февраля 1896 г.) излишнюю, по его мнению, скромность императора: «Гирс³⁸ рассказывает мне о вчерашнем костюмированном бале у великого князя Владимира... Государь вчера расхаживал по гостиным, вступал в разговоры; как мне кажется, его величество слишком далеко заходит в своей скромности. Гирс пригласил княгиню Юсупову на французскую кадрили в тот момент, когда государь приближался к ней с такой же целью. “Ах, вы уже приглашены, так будем же танцевать следующую кадрили” — будто бы сказал государь. Несмотря на все усилия княгини и Гирса доказать, что никакой прежний уговор не может сравниться с честью царского приглашения, государь подтвердил свое решение и уступил Гирсу первый тур кадрили с княгиней Юсуповой»³⁹. Этими частными промахами, которые будут постоянно повторяться, Николай II станет постепенно разрушать традиционный образ монарха, подразумевавший, прежде всего, сильную, величественную фигуру самодержца, источник милостей и наград. Понимал ли император, что своей скромностью он лишает аристократию возможности воспользоваться этой честью царских милостей? Даже консервативно настроенный С.Д. Шереметев, стремясь видеть в молодом государе достойную фигуру настоящего самодержца, невольно сравнивает его с отцом и его одобрение в этом контексте кажется достаточно слабым. В своем дневнике (2 декабря 1894 г.) он записал свои впечатления о молодом императоре: «Он все всматривается и очень осторожен, но прост и приветлив — чуткость отцовская. В этот день предполагалась во дворце церемония передачи мундиров. Все они были разложены в большой зале. Заговорили об этом. Государь, рассказав, что Японцы отличаются зверством с ранеными и пленными Китайцами, говорил о Японцах с раздражением и с крепкими словами, чем опять напомнил мне отца, гов[орил], что они только приняли лоск европейский, а на деле варвары»⁴⁰.

Не всегда представители аристократии были настроены к молодому императору критично. Пиетет в отношении монарха воспитывался с детства и генетически наследовался дворянством. Традиция была сильна, и даже в Николае II многие готовы были видеть настоящего государя. Княгиня М.К. Тенишева, рассказывая в своих записках о посещении императором в 1899 г. первой выставки в С.-Петербурге «Мир искусства», одним из организаторов которой она являлась, вспоминала о своем волнении перед встречей с «Государем» (на одной странице 9 раз она употребляет этот титул) и особо отметила, что «Государь очень милостиво простился со мной и сказал много любезного»⁴¹. Вполне характерны, например, для традиционного отношения к царю строки из письма князя А.Шербатова (21 марта 1905 г.) своей невесте княжне Софье Васильчиковне, обеспокоенного событиями, связанными с убийством великого князя Сергея Александровича: «Я об одном молюсь, чтобы Государь остался бы живым и нетронутым. Тогда я все-таки верю, что все будет хорошо»⁴². В своем дневнике Киреев после нескольких личных бесед с императором старался отметить положительные изменения с точки зрения монаршего величия: «...Царь произвел на меня прекрасное впечатление, вдумчив, внимательный, добрый. Он не производит впечатления будущего “второго Николая”, хотя он доказывает иногда, что очень настойчив» (5 июля 1895 г.); «общее впечатление таково, что как будто Государь начинает “набирать” самостоятельности. Да и всматривается, как бы себе на уме» (май 1897 г.)⁴³.

Князь А.Д. Голицын, который в своих воспоминаниях характеризует Николая II как «мягкого императора», «слабого, непоследовательного монарха», тем не менее, отмечает с какой радостью он получил придворное звание (6 декабря 1904 г.): «Не могу скрыть, что мое производство в камер-юнкеры Высочайшего двора крайне обрадовало не только мою семью, но также все Дворянство моего уезда. Высочайшая милость к их избраннику не могла не радовать и льстить их самолюбие». Далее он продолжает о своем перовом представлении при Дворе: «Не хочу скрывать, что входя в комнату, где я с глазу на глаз должен был встретиться с Самодержавным Монархом величайшей в мире Империи, я ощущал некоторый душевный трепет...». Ответом же на этот «трепет» князя стало выражающее усталость лицо императора и «определенная шаблонность вопросов»⁴⁴. Автор воспоминаний, как представляется, отразил то общее впечатление образа последнего российского императора, которое сложилось в аристократических и общественных кругах. И этот образ резко контрастировал с тем, что российское дворянство культивировало в своих воспитательных моделях в течение десятилетий: «В лице своего Государя мы привыкли видеть символ величия нашей Империи и национальную гордость свою. Вследствие этого личность Государя для нас являлась священной... Когда я видел Его при указанных обстоятельствах, Он был для меня недостижимой величиной, олицетворением мощи и величия, не подлежащим никакой критике. Таким я привык его ощущать до того момента, когда произошло изменение политического режима в стране...»⁴⁵. Аналогично, по сути, выскажется позднее и князь Феликс Юсупов-младший: «С детства я привык смотреть на Царскую семью, как на людей особенных, не таких, как мы все. В моей душе создалось поклонение перед ними, как перед существами высшими, окруженными каким-то недостижимым ореолом»⁴⁶. Это преклонение достаточно быстро сменилось другими оценками, в которых императрица Александра Федоровна предстала «холодной» и «властолюбивой», а государь «слабым»⁴⁷.

Внешнее поведение императора, его чисто физическое несоответствие образу повелителя и властелина достаточно быстро было перенесено на характеристику его политических возможностей. Безволие и слабость императора, полное отсутствие внешнего величия, подверженность влияниям со стороны различных придворных группировок, — все это стало общим местом в оценках Николая II представителями российской аристократии, становясь чуть ли не главным раздражающим фактором вообще в отношении монарха. Граф Ю.А. Олсуфьев вспоминал, в частности, об отношении к императору своего отца — графа Александра Васильевича Олсуфьева, генерал-адъютанта и гофмаршала при дворе Александра III и Николая II, управляющего придворной частью Московского Кремля: «О государе в раздумье он выражался: "C'est un lacheur" ["Это непостоянный человек"] (от слова *lacher* — бросать), отмечая этим выражением черту государя перебрасываться с одного человека на другого»⁴⁸. Киреев несколько разочаровано отмечал в дневнике (7 декабря 1896 г.): «Какое общее впечатление? Прекрасное. Потенциально желание полное, сильно слушать добру и правде. Служить России и исполнять свой долг царственно, но и впечатление такое, что вот после меня придет проходимец-плут министр и надует бедного юношу, обойдет его, обойдет...»⁴⁹. К подобным выводам приходил и Половцов: «Император не имеет ни надлежащего образования, ни практики в делах государственных, ни, в особенности, никакой твердости характера. Его убеждает и переубеждает каждый»⁵⁰. Граф Шереметев передает в своем дневнике разговор с императрицей Марией Федоровной (21 апреля 1898 г.). Мать Николая II проговаривается, что ее сын уступает ей всегда, что заставляет графа констатировать: «Действительно, теперь уже трудно сомневаться в его бесхарактерности»⁵¹.

Говоря о Николае II, граф А.А. Бобринский⁵² подчеркивал в своем дневнике его слабование, нерешительность и замкнутость: «Государь остается ничем. Сфинкс. Личность, которая ни в чем себя не проявляет. Рассказывают, что более чем один раз он прерывал доклад министра с просьбой подождать его немного, пока он пойдет советоваться с «матушкой» (5 марта 1895 г.); «Государь продолжает играть в прятки. Никто его не видит» (21 марта 1895 г.); «Государь все сидит себе невидимкой» (28 мая 1904 г.); «Государь все также без воли; спит» (23 марта 1905 г.)⁵³. Князь С.М. Волконский полагал, что во взаимоотношениях Николая II и тех лиц, которые входили в соприкосновение с ним (придворные, чиновники, представители общества), «все разбивалось о безразличие, которым отличался характер государя». По его мнению, в публичных действиях и внешнем образе императора проявлялось «трагическое столкновение личности с чиновными традициями», и «личность была слаба, традиции обладали силою устрашения — и личность уступала». Князь Волконский вспоминал о своих беседах с императором: «...Чем дальше разговор уходил от вверенного мне

дела, тем проще и непринужденнее он был, чем ближе к делу, тем незговорчивее он становился... Зато на почве безразличного разговора он мог быть обворожителен; внешняя доверчивость могла принимать формы прямо детской простоты». В этом проявлялась характерная черта характера Николая II — «страшное, трагическое безразличие». «Легкость, с которою он уступал, легкость, с которою он соглашался, отказывался, ставила людей перед каким-то пустым местом»⁵⁴.

В воспоминаниях князя Михаила Владимировича Голицына⁵⁵, написанных в конце 1930-х гг., даже ретроспективно оценки Николая II носят уничижительный характер и хорошо передают восприятие последнего российского самодержца в либеральной настроенной аристократической семье. В тексте можно увидеть массу подобных высказываний и что примечательно — в совершенно разных контекстах: цесаревич Николай Александрович променял «строго нравственную» певицу петербургского Мариинского театра Мравину, отвергнувшую его ухаживания на «пройдоху танцовщицу Кшесинскую»; во время похорон Александра III «помню жалкую небольшую фигуру только что воцарившегося Николая II и рослых великих князей»; во время коронации «он шел впереди, словно подавленный огромных размеров короной, и казался меньше ростом, чем был на самом деле»; «ведь известно, что Николай II всегда опаздывал со своими решениями»; «благожелательный шаг слабохарактерного Николая II»; «я первый раз видел Николая II в двух шагах от себя и поразился его малым ростом и мизерностью фигуры, но глаза его мне показались вдумчивыми и добрыми»⁵⁶.

Осознавал ли Николай II свою неудачу в выстраивании отношений с высшими кругами российского общества, понимал ли последствия обратного эффекта, который производили его публичные появления или репрезентация его «нецарственного» облика? Морис Палеолог, посол Французской республики при российском дворе, обратил внимание, что даже среди портретов российских императоров, которые в бесчисленном количестве украшали императорские резиденции, министерства, клубы, театры и все общественные здания, изображение Николая II передавало облик робкого, простого, лишённого всякого величия человека⁵⁷. Ламздорф постоянно в своем дневнике отмечал (видимо, это его лично волновало), как в обществе воспринимали Николая II и императрицу Александру Федоровну, и какова была реакция придворных кругов на их публичные появления. В записи от 17 декабря 1895 г. он, в частности, отмечает: «Всюду только и говорят о злополучном базаре в Эрмитаже. Появившись вчера на базаре, их величества, видимо, произвели не очень благоприятное впечатление. Они, как рассказывают, имели боязливый вид, особенно застенчиво держала себя молодая государыня... Государь, одетый в форму гусарского полковника, выполнял правила приличия лучше; однако рядом со своей супругой он казался еще меньше ростом»⁵⁸. В другой раз (1 января 1896 г.) коллега и конфиденгент Ламздорфа князь В.С. Оболенский⁵⁹ делился с ним похожими наблюдениями: «Сегодня в Зимнем дворце большой выход, прием дипломатического корпуса, целовании руки... Мой друг нашел, что наша молодая государыня выглядела сегодня красавицей, хотя вообще-то он не слишком склонен восхищаться ее качествами... Государь показался Оболенскому маленьким и тщедушным»⁶⁰. Практически на то же самое обратил внимание и Киреев. Правда, его свидетельство относится к более раннему времени — бракосочетанию Николая II и Александры Федоровны 14 ноября 1894 г.: «Бракосочетание Царя. Выход. Царица юная величественная красавица, к ней очень идет корона! Государь казался при ней будто еще меньше...»⁶¹.

О том, что малый рост царя еще более бросался в глаза, когда он находился рядом со своей статной супругой, самой императорской чете было прекрасно известно, но, очевидно она не предавала этому особого значения. В одном из писем Аликс еще цесаревичу Николаю можно прочесть, например, следующее: «Этот глупый Джорджи⁶² говорит, что я должна убедить тебя носить обувь на высоких каблуках, а сама ходить в обуви со сплошной подошвой»⁶³. Как известно, этому совету Александра Федоровна и Николай II не последовали. Присутствовавший на Большом выходе в Кремлевском дворце (март 1900 г) князь Голицын⁶⁴, исполнявший в это время должность московского городского головы, был разочарован «самыми обыкновенными фразами», сказанными в его адрес государем, а в отношении императрицы он отметил, что она «поразила всех отсутствием изящества, грации и красоты»⁶⁵. Также часто наблюдавший императрицу во время официальных церемоний князь Волконский отмечал, что Александра Федоровна не была приветлива и обходительность не была в ее природе. При этом она была «до мучительности застенчива», «с трудом выжимала слова, и лицо ее при этом покрывалось красными пятнами». Все это, по мнению Волконского, казалось в глазах общества свидетельством «нерасположения

к роду человеческому, огульным недоверием к людям», что, в итоге, и лишило ее всякой популярности⁶⁶.

Князя С.Д. Урусова⁶⁷ поразила другая черта в облике и словах Николая II. В своих записках он досконально, с мельчайшими подробностями передал содержание нескольких своих официальных бесед с императором, поскольку, как отметил князь, он «ни одного русского царя не видел и постарался рассмотреть как императора Николая II, так и комнату, в которой мы находились». Князь Урусов отметил простоту обстановки, белый китель, приятное выражение лица и доверчивый взгляд государя. «В нем не было той связанности и принужденности, которую я заметил у великого князя Сергея Александровича, когда представлялся ему как московскому генерал-губернатору. Государь держался проще и непринужденнее, хотя переходы от одного предмета разговора к другому происходили у него сначала с некоторыми паузами, во время которых он как бы искал новой темы для продолжения беседы»⁶⁸. Во время следующей встречи (1904 г.) «выражение лица царя изменилось, стало скучным и неприветливым». В конце разговора, как отмечает Урусов, император «протянул руку с довольным видом человека, быстро выполнившего скучную обязанность, и, таким образом, аудиенция должна была окончиться...». Третий раз Николай II принимал князя Урусова в ноябре 1905 г.: «Посмотрев на меня ясным, доверчивым, многим известным и многих приводившим в умиление взором, он произнес следующие слова, которые стоит запомнить в интересах будущей характеристики неясного, сложного и несколько загадочного бывшего императора: «Да, при теперешних обстоятельствах надо всем соединиться и думать о России. Вот, например, — монархия! Вам она не нужна; *мне она не нужна*; но пока она нужна народу, мы обязаны ее поддерживать». (Цитирую буквально, не изменив ни одного слова)»⁶⁹. Собеседник императора был поражен, как отношением Николая II к своим обязанностям как отбыванию «номера», так и откровениями применительно к своему положению монарха. Все это было далеко от представлений о величии государя и его особом отношении к своим публичным действиям.

Со временем в восприятии аристократией Николая II произошла некоторая, но нельзя сказать, что существенная, эволюция. В первые годы нового века речь уже не шла о молодости, неопытности и связанной с этим робости и слабости императора. Акценты сместились в сторону поиска негативных влияний на Николая II и в первую очередь стали иметь в виду его жену, императрицу Александру Федоровну. Как представляется, для аристократического общества все-таки главным было не то, либеральную или консервативную политику поддерживал Николай II, а то, какую политику он проводил лично. Аристократия в независимости от своих политических предпочтений ожидала увидеть на престоле повелителя, а не лицо, пытающееся эту роль играть. Представители высшего общества стали позволять себе многие вещи, которые были бы немислимы в предшествующие царствования. Обсуждение частным образом поведения монарха и его личности перестало быть подлежащим своеобразному табу. В первые годы царствование Николая II все ограничивалось, правда, разговорами и сдержанным обсуждением действий и личности императора. Государственный секретарь Половцов неоднократно, например, упоминает в своем дневнике подобные разговоры: «В Петербурге грустно, тускло, грязно. Разумеется, только и разговоров, что государь и его семейство. О государе вечные сетования о том, что он плохо окружен, о царском семействе — что в нем ежедневно умножаются скандалы» (17 февраля 1901 г.). «Утром заходят Балашев и Юсупов; оба весьма богатые и от души преданные монархическому началу и его в отечестве нашем представителю, но оба скорбят и грустят о том, как ведутся правительственные дела» (22 февраля 1901 г.)⁷⁰. Позднее, в период политического кризиса 1905—1907 гг., стало возможно немислимое ранее — публичное несогласие с волей императора и открытая критика со стороны аристократических кругов его действий и личности. При этом были едины как консервативные, так и либеральные группировки аристократии. Генерал Н.А. Епанчин вспоминал, что в день рождения царя, 6 мая 1906 г., на обеде у графа А.Д. Шереметева титулованные служилые лица, придворные, лица императорской свиты демонстративно не желали поддержать тост хозяина за здоровье Николая II. На общем же обеде дворян Петербургской губернии по случаю дворянского съезда, когда губернский предводитель дворянства князь Трубецкий провозгласил тост за государя императора, несколько человек дворян демонстративно не встали, и Трубецкий вынужден был грубо скомандовать «встать»⁷¹. В 1914 г. Палеолог с удивлением отмечал: «В течение нескольких месяцев, что я нахожусь в высшем русском обществе, одна вещь меня больше всего меня удивляет — это та свобода или, лучше сказать, вольность, с какой там говорят об императоре и императрице, об императорской фамилии. В этой

стране автократии, где тайная полиция, корпус жандармов, “охранка”, Петропавловская крепость, Сибирь являются страшной реальностью и в настоящее время, преступление в “оскорблении величества” — привычный грех светских разговоров»⁷². Несколько примеров подобного рода можно найти в дневниковых записях графа И.И. Толстого. 6 октября 1906 г.: «Днем был у графини Е.И. Шуваловой... Застал у нее ее дочь, княгиню Барятинскую. Обе дамы говорили о политике и, между прочем, высказали мнение, что хотя Столыпин и весьма порядочный человек, но далеко не орел. Государь его любит, но далеко не во всем с ним соглашается, а он, очевидно, боится настаивать, боится, вероятно, не понравиться. Я на это сказал, что считаю положение отвратительным, так как, с одной стороны, государь не искренен и избегает принять на себя какую-либо личную историческую ответственность...».

В другом месте передается разговор автора с великим князем Владимиром Александровичем (4 мая 1907 г.): «Я указал на то, что несчастье в неопределенности политики государя и в отсутствии у него способности довериться людям и что в этом отношении Александр III был более на месте теперь, чем Николай II, несмотря на то, что именно неверной политике Александра III мы обязаны настоящему разрухо: Ал[ександр] III хоть кому-нибудь доверял, а Ник[олай] II — никому, сам не имея никакого определенного плана и судя о людях по сплетням и по разным мелочам». И разумеется еще более откровенные разговоры велись дома у С.Ю. Витте (19 апреля 1909 г.): «К 12 1/2 час. отправился завтракать к Витте. За завтраком, надо заметить, отличным, нас было четверо — хозяин с женою, М.А. Стахович и я. Витте с места карьером пустился в политический разговор... Стахович оспаривал точку зрения В[итте], находя октябристов самыми обычными оппортунистами... Главное зло он видит не в них, а в личности самого государя, в его психике, в том, что он не разбирая средств, желает поддержать во что бы то ни стало абсолютизм против растущего сознания всей нации о невозможности продолжения существующего режима»⁷³. Обращает на себя внимание тот факт, что предметом разговоров становилась не только государственная политика, в обезличенном виде всегда подлежащая критике и выражению некоей фронды, но сама личность императора. Речь дошла уже до обсуждения «психики» императора, его сравнения с другими правителями, и все это в обыденном, повседневном тоне.

В своем дневнике (запись от 23 июня 1906 г.) Киреев (один из идеологов неославянофильства, военный деятель, близкий к семье великого князя Константина Константиновича) вынужден был констатировать: «Да, он, царь, — центральная фигура нашей жизни, но ведь это безвольность, сама безвольность!». Далее, отмечая, до какой степени понизилось значение царя, он приводит слова графа Алексея Бобринского: «N[ous] avons tous fait pour le soutenir... son oncle (Влад[имира] Ал[ександровича]), nous a[von]s dit que n[ous] n'avons plus aucune valeur...», а Нарышкин⁷⁴ говорит: Il n'y a plus à sauver la personne, elle n'offre aucun intérêt. Sauvons le principe!»⁷⁵ Автор дневника поражается безволию императора, приводя, например, характерный разговор с ним (запись от 7 июля 1907 г.): «Государь сказал на днях: Воронцов на Кавказе никуда не годится, у меня есть два человека, которым я бы мог его заменить, mais maman oppose si je renvoyais Voronzeff — elle en mourait! Ну а как Россия-то!? Maman!»⁷⁶ К периоду политического кризиса 1905—1907 гг. относится и другая характерная запись в дневнике Киреева, показывающая как изменилось отношение к императору в аристократической среде (запись от 27 апреля 1907 г.): «Баронесса Фр[едерикс]⁷⁷ говорит, что Витте рассказал, что кн[язиня] Долгорук[ова] (рожден[ная] Воронцова), сверстница Николая II, детьми играли вместе) писала Царю, советуя ему отказаться от престола!»⁷⁸ Может быть эта история и была сочинена Витте, но показательно, что она воспринималась с доверием и была ожидаема.

Князь С.М. Волконский вспоминал, что его родной брат Григорий, будучи убежденным конституционалистом, ездил однажды в Дармштадт, где тогда находилась императорская чета, чтобы передать Николаю II записку о политической реорганизации в России. В черновике же этой записки он использовал сначала такое характерное обращение: «Государь, не готовьте для Вашей супруги участь Марии Антуанетты»⁷⁹.

В отличие от предшествующих царствований правление Николая II стало первым, при котором критика и уничижительные высказывания в адрес монарха в среде высших кругов приобрели публичный характер. Позднее, в 1915—1917 гг, дело дойдет до прямых личных высказываний в адрес императорской четы. Княгиня Е.А. Нарышкина отметила в своих дневниках (14 января 1917 г.) следующий, например, характерный эпизод: «Была у императрицы. Ей лучше, и она спокойнее; на приеме было много народу. Балашев⁸⁰ написал ей тридцать страниц всевозможных, по ее словам, дерзостей: “Vous vous croyez une Marie Thérèse, mais vous vous trompez. Vous devez ne

vous occuper que des enfants et des mères (Вы себя вообразили Марией-Терезией, но Вы ошибаетесь. Вам надлежит заниматься только детьми и матерями)”. От имени Государя Фредерикс сделал ему выговор»⁸¹. Другой подобный эпизод приводит в своем исследовании Р.С. Уортман. Даже обстановка романовских торжеств в мае 1913 г. не помешала предводителю костромского дворянства Зузину публично обратиться к Николаю II с провокационной речью, шокировавшей императора и императрицу: «Содержание речи не получило огласки, но она, несомненно, была оппозиционной по духу. Царь ответил кратко: “Вы кончили?”». Церемония возобновилась: были поднесены хлеб-соль и икона. Однако атмосфера оставалась напряженной. Александра беседовала только с супругой губернатора, высказывала пренебрежение к Зузину и оставалась замкнутой и встревоженной»⁸². В своем дневнике непосредственно накануне падения монархии (21 января 1917 г.) княгиня Нарышкина так оценит настроения аристократического и придворного общества: «Грустные мысли: императрицу ненавидят. Думаю, что опасность придет с той стороны, откуда не ожидают: от Михаила. Его жена — очень интеллигентна, никаких сдержек интеллигентской среды. Она уже проникла к Марии Павловне. В театре ее ложа полна великих князей, сговоятся вместе с М... Добьется быть принятой императрицей-матерью и императором. Чувствую, что они составляют заговор. Бедный Миша будет в него вовлечен, вопреки себе, будет сперва регентом, потом императором. Достигнут всего»⁸³.

Императорская чета сталкивалась с оскорбительными действиями аристократии не только в случае резких заявлений политического свойства. Определенное отчуждение проявлялось и на другом уровне, непубличных контактов. Характерна в этом смысле, например, ситуация, описанная княжной Софьей Васильчиковой в письмах своему жениху князю А. Щербатову (январь — февраль 1905 г.): «Оказывается, эту зиму императрица Александра Федоровна решила устроить дежурства при себе из городских фрейлин, которых она сама будет выбирать. Дело началось с м-ль Буксгевден, которая только что свое дежурство кончила, и теперь, оказывается, императрица выбрала меня, и княгиня Голицына (гофмейстерина) послала за мамой, чтобы это ей объявить и сказать, что я должна сейчас же переезжать в Царское во дворец на шесть недель. Представь себе мой ужас — да и нас всех! Оказывается, мои обязанности заключаются в следующем — кататься и гулять с императрицей, ездить с ней по разным учреждениям, присутствовать на всех представлениях и приемах, присутствовать на уроках старших девочек, завтракать с Их Величествами и иногда обедать и вообще быть всегда начеку и ждать, когда и куда меня потребуют во всякое время дня. Императрица сказала: «Elle doit apporter d'ouvrage et d'occupations avec elle, parceque elle sera souvent seule»⁸⁴. Ты только подумай, как я ко всему этому подхожу, — и мое-то чувство! Я просто в ужасе и категорически объявила маме, что как она хочет, но я не могу! Папа менее категорично, но тоже заявил, что ему очень этого не хочется и нужно найти способ, чтобы откататься, и в результате мамá поехала к княгине Голицыной... Слава Богу — миновало!! Мама сейчас вернулась и говорит, что удалось откататься, хотя это было очень трудно, потому что императрица, оказывается, ужасно этого хотела и рассчитывала на меня. Вероятно, я должна быть тронута и польщена ее желанием иметь меня при себе и тем, что она сказала княгине Голицыной: “Elle m'est depuis longtemps très simpatique et je sens que c'est juste ce qu'il me faut! Nous avons fait de la musique et la peinture ensemble. Je compte sur elle pour donner le ton aux autres jeunes filles qui viendront après!”⁸⁵... Все это очень лестно, не правда ли? Но я так рада, что не иду к ним. Это совсем не по моему характеру — какая я придворная?...» В завершении этой истории Васильчикова добавляет: «Вместо меня взяли во дворец Софью Раевскую на две недели — видно, уже срок сократили! Она, говорят, очень забавляется своей полной самостоятельностью, придворной каретой, тремя лакеями и т. д. А на нас, по-видимому, действительно сердиты — до смерти Сергея Александровича у Государя был целый ряд обедов, и весь город почти поочередно был приглашен, кроме папы и мамы — им, конечно, решительно все равно, и папа продолжает, смеясь, говорить, что я испортила карьеру всему семейству... Положим, это, вероятно, было легкое нахальство с моей стороны, и в старину меня за такую вещь заточили бы в монастырь, но теперь не те времена, слава Богу — и раз все кричат о “свободе”, то она и в этом должна быть!»⁸⁶ Весьма показателен в данном случае не только сам отказ княжны Васильчиковой в ответ на настоятельное желание императрицы, что, действительно, могло определяться личными причинами, но и реакция на это членов ее семьи. Все оказываются полностью на стороне дочери, а неудовольствие императорской четы воспринимается со смехом.

В отличие от большинства подданных Российской империи представители аристократии могли наблюдать самодержца и членов его семьи непосредственно, а не

только во время официальных публичных церемоний. В связи с этим внешние ритуализированные формы восприятия образа монарха всегда корректировались в сознании непосредственным личным опытом. Наряду с достаточно многочисленными в правление Николая II публичными торжествами (коронация 1896 г., пасхальные торжества в Москве 1900 и 1903 гг., саровские действия 1903 г., открытие Думы 1906 г., полтавские 1909 г., бородинские 1912 г., династические 1913 г. юбилеи, военные церемонии 1914 г.), где представители дворянства были представлены вместе с другими сословиями, аристократия по-прежнему воспринимала монарха через традиционные каналы коммуникации — придворные церемонии (а штат придворных чинов был значительно расширен в эту эпоху по сравнению с серединой XIX в.), а также частные визиты монарха в дома аристократов и частные приемы во дворце. На фоне европейских государств, где к началу XX в. утверждались стандарты буржуазного общества и затраты на придворные церемонии резко сокращались, послу Французской республики в С.-Петербурге Морису Палеологу российский императорский двор казался невероятной пышным. В июле 1914 г. он записывал в дневнике (речь идет об официальной встрече президента республики Р. Пуанкаре): «По пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться. Я надолго сохранил в глазах ослепительную лучистость драгоценных камней, рассыпанных на женских плечах. Это фантастический поток алмазов, жемчуга, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов — поток света и огня»⁸⁷.

Российское же общество могло сравнить внешний блеск двора Николая II с предшествующими царствованиями. В современных исследованиях отмечается, что в отличие от предшествующих почти двух столетий в начале XX в., при Николае II, парадные дворцовые церемонии постепенно свелись к минимуму, что объясняется «личными особенностями императрицы Александры Федоровны», физически и морально не переносившей многочасовые дворцовые действия⁸⁸. Это выразилось прежде всего в количественном сокращении придворных приемов, выходов, практически полное прекращении балов. Характерно например, что одно из лучших украшений двора — хор Императорской дворцовой капеллы редко выступал теперь за пределами дворцовых церквей. Публичные концерты давались только два или три раза в год. При этом, как отмечали слушатели, уровень исполнителей по-прежнему оставался высоким, но казалось, что сама атмосфера беспокойства и недоверия при дворе придавала звучанию холодности, механистичности и бесстрастности⁸⁹. Князь Волконский вспоминал, в частности, что в глазах придворного общества появление императрицы на официальных церемониях выглядело как отбывание официальной повинности: «Помню, однажды, я присутствовал при представлении дам. Это было во время так называемого «большого бала» в Зимнем дворце, первого в году бала; на нем присутствовало до четырех тысяч человек. Танцевали в Николаевском зале; в соседнем, Концертном, в этот вечер было представление дам: 93 дамы было выставлено в ряд. Императрица стала обходить. И вот странную вещь я заметил: фрейлины, княжны Мария Викторовна Барятинская и Екатерина Петровна Васильчикова, шли впереди императрицы, и пока она, например, говорила с первой дамой, они занимали разговором вторую и т. д. Это для того, чтобы ни одна не слышала разговора императрицы с соседкой. Одно из последствий застенчивости — боязнь быть услышанным... Но вся церемония приобрела характер какой-то суетливости. Я в этот вечер был дежурным камердинером при императрице и потому находился в этой зале во время приема»⁹⁰.

Во многом и сам Николай II относился к подобным церемониям как формальным и ни к чему не обязывающим мероприятиям. Княгиня Барятинская вспоминала, что в правление Николая II развлечения при дворе устраивали редко, поскольку «императрица недолго любила светскую жизнь, не проявляла интереса к танцам, а дети были еще слишком малы для появления в свете» По ее словам, «жизнь, которую вели их величества, была настолько уединенной, что даже фрейлины и адъютанты редко приглашались к обеду»⁹¹. Графиня Е.Л. Камаровская, присутствовавшая на балу в Ливадийском дворце в ноябре 1913 г. по случаю 16-летия великой княжны Ольги Николаевны, вспоминала, что даже праздник дочери и красота обстановки не могли изменить чувство отчуждения и изолированности в отношении императрицы Александры Федоровны: «Государыня была одета в тяжелое парчовое платье, имея на голове и на груди драгоценности, которые ей на днях поднес эмир бухарский, здесь же присутствовавший. Это было все тяжело, неизяшно, по-восточному. Она сидела в зале, наблюдая за танцами в высоком кресле и совершенно одна. Все великие княгини, все дамы двора держались от нее вдаль, а она никого из них не подозвала. Я наблюдала за ней и мысленно представляла, что такой должна была бы быть

восточная владычица, с властным и даже жестоким характером. Она не внушала к себе симпатии»⁹².

Граф И.И. Толстой, достаточно часто бывавший на приемах в императорском дворце в последние предвоенные годы, обратил внимание на изменения в духе самих дворцовых приемов. В дневниковой записи от 26 ноября 1910 г. он отмечает, что, хотя во время Георгиевского выхода в Зимнем дворце собралась масса народа, сам выход был «какой-то скучный и было мало порядка», а «государь мне показался утомленным и бледным»⁹³. Такого же мнения об этом выходе был и граф А.А. Бобринский: «Сегодня был большой выход в Зимнем дворце по случаю Георгиевского праздника. Это событие, потому что уже давно выходов не было. Было очень многолюдно, но беспорядочно и нудно. Беспорядочно до того, что мне пришлось возвратиться домой в чужом пальто и шапочке. В.М. Волконский, товарищ председателя Государственной Думы, говорит: потому такое впечатление, что самые выходы — анахронизм. Диакон громкогласно провозглашает многолетие “самодержавнейшему”... а где самодержавие?... Давно не видал государя, он мне казался опухшим, глаза маленькие, как бы болят. Кто-то сказывал, что он пьет много и на днях всю ночь просидел до утра с морскими офицерами. Но взгляд умный»⁹⁴. Торжественный же прием 21 февраля 1913 г. в Зимнем дворце, открывавший череду романовских юбилейных мероприятий, поразил Толстого несоответствием важности самого момента и видом главных действующих лиц: «... поехал в Зимний дворец к назначенному к 3 час. съезду для принятия поздравлений государем. Собралось, думается, не менее 2—3 тыс. человек... Придворные чины, в составе которых я направился в Белый Концертный зал принести поздравления, двинуты были только в 6 час. Здесь стоял государь, за которым стояла свита, министры и другие сановники, подававший руку каждому подходившему, большей частью молча, но с любезным выражением лица... В двух шагах от государя стояла императрица Мария Федоровна, прямо и любезно улыбаясь... Затем в некотором отдалении, шагов в 10—15 от вдовствующей, молодая императрица на кресле в изможденной позе, вся красная, как пион, с почти сумасшедшими глазами, а рядом с нею, сидя тоже на стуле, несомненно усталый наследник в форме стрелков имп[ераторской] фамилии. Эта группа имела положительно трагический вид. Императрица с усталым видом и без малейшей улыбки протягивала руку для поцелуя»⁹⁵. В мае 1913 г. в Москве князь М.В. Голицын был наблюдателем со стороны торжественного выхода в Кремле во время празднования 300-летия дома Романовых, и остался не впечатлен увиденным: «В предшествовании придворных чинов в парадных мундирах государь с обеими императрицами шел из внутренних покоев по всем залам... Позади царей шли буквально все великие князья, княгини и княжны, человек, должно быть, около тридцати. Молодые великие княжны, дочери Николая II, выглядели довольно хорошенькими и свежими, остальные же особы женского пола мне показались чрезвычайно *fanées* (блеклыми. — Е.Ю.), как говорят французы, а лица большинства мужчин носили все признаки злоупотребления спиртными напитками. После того, как шествие спустилось по Красному крыльцу в Успенский собор, нам предложено было разойтись по домам...»⁹⁶.

В условиях же начавшейся в 1914 г. мировой войны пышность дворцовых приемов и выходов сократили еще больше. Тот же Палеолог отмечал (21 ноября 1914 г.), что «Александровский дворец предстает передо мной в самом будничном виде: церемониал сведен к минимуму. Мою свиту составляют только Евреинов, камер-фурьер в обыкновенной форме и скороход в живописном костюме времен императрицы Елизаветы, в шапочке, украшенной красными, черными и желтыми перьями»⁹⁷. Как следствие, традиционные средства коммуникации между монархом и аристократическим обществом разрушались, а очевидное стремление императорской четы к «самоизоляции» воспринималось крайне негативно. Другой очевидец, посол Великобритании в России в 1910—1917 гг. Джордж Бьюкенен отмечал, что несмотря на «старинный церемониал и традиционный этикет императорского двора», официальные церемонии носили формальный и утомительный характер, и даже приводил слова П.А. Столыпина о порядках при дворе — «на этой галере» («*en cette galère*»). Императорская же семья, по его словам, жила уединенно в Царском селе, выезжая в Петербург только по необходимости. Впечатления британского посла о российском императорском дворе остались противоречивыми: «Двор больше не принимал участия в светской жизни столицы, и пышные балы, которыми славился Зимний дворец, отошли в область предания. Время от времени, как, например, по случаю трехсотлетия дома Романовых, давались парадные спектакли в опере. Театр выглядел великолепно: партер представлял собой сплошную массу блестящих мундиров, а ложи были заполнены элегантно одетыми дамами, залитыми драгоценностями... За весь период моей

службы в Петербурге Зимний дворец был открыт, помимо новогодних приемов и Крещенского водосвятия, только один раз. Зимой 1913—1914 года главы посольств и видные представители русского общества были приглашены на представление “Парсифаля” в Эрмитажном театре, построенном императрицей Екатериной II. Это был во всех отношениях прекрасный спектакль, которым могла бы гордиться сама Екатерина Великая... Однако ужин, сервированный в Зимнем дворце в одном из антрактов, не оправдал тех ожиданий, которые возлагались на него наслушавшимися о великолепии подобных празднеств в прошлом. Ни с виду, ни с гастрономической точки зрения его нельзя было сравнить с парадными банкетами в Букингемском дворце»⁹⁸. Тот же Палеолог записывал в октябре 1916 г.: «Изящная и симпатичная вдова, г-жа Нарышкина», рассказывает мне о своей жизни в Царском Селе. “Статс-дама с портретом Их Величеств императриц”, “дама ордена св. Екатерины”, “Высокопревосходительство”, она, несмотря на свои семьдесят четыре года, сохранила снисходительную и приветливую грацию и любит делиться воспоминаниями. Сегодня она настроена меланхолически: “Моя должность гофмейстерины совсем не отнимает у меня времени. Время от времени личная аудиенция, какая-нибудь интимная церемония — вот и все. Их Величества живут все более и более уединенно...”»¹⁰⁰

Эта ситуация, относящаяся к последним годам правления Николая II, была несколько иной на рубеже XIX—XX веков. Любопытно, что император даже стал инициатором необычной «инновации» в области придворных церемоний. Речь идет об организации так называемых балов в «русском стиле» и введении придворного «русского костюма». Уортман связывает это намерение Николая II не только с его личными пристрастиями, но и с влиянием Д.С. Сипягина, министра внутренних дел в 1900—1902 годах. Последний удивил общество тем, что инсценировал воображаемое возвращение в прошлое, надевая костюмы XVII в. и соблюдая церемониальные нормы XVII в. на аудиенциях у царя. В неоклассическом особняке Сипягина в Петербурге в столовой были сооружены потолочные своды, напоминавшие о Грановитой палате Московского Кремля. Здесь он намеревался принимать царя и общество в «старомосковском стиле»¹⁰¹. Справедливости ради, следует отметить, что на рубеже XIX—XX вв. в среде русской аристократии можно было наблюдать очевидный интерес к чисто эстетическим формам русской старины. Так, например, князья Юсуповы как раз в это время реконструируют свой московский дом в стиле XVI—XVII веков¹⁰². Феликс Юсупов в 1909—1912 гг., в период своего обучения в оксфордском университете, будет поражать английское высшее общество, являясь на костюмированные балы в образе «русского боярина»¹⁰³. Но следовал ли Николай II только моде, предпринимая попытку воскрешения допетровской Руси в виде знаменитых зимних балов в Зимнем дворце Петербурга, состоявшихся 11 и 13 февраля 1903 года? Балы получили широкое освещение в прессе и воспоминаниях очевидцев. Был выпущен роскошный трехтомный альбом, где были напечатаны фотографии всех гостей в балльных костюмах. Придворные должны были переодеться в одежды бояр и окольничих. Дамы облачились в платья, выкроенные по образцам XVII в. и усыпанные фамильными драгоценностями. Охрана дворца была наряжена стрельцами. Сам Николай II предстал в образе русского царя, в золотом парадном облачении и шапке царя Алексея Михайловича. На императрице Александре Федоровне был наряд первой жены Алексея Михайловича Марии Милославской — расшитое серебром платье особого покроя¹⁰⁴. Аристократическое общество восприняло эти балы как маскарад, увеселительную инсценировку национального прошлого. Восприятие Николая II было, как кажется, сначала примерно таким же. В своем дневнике он отмечает, что «очень красиво выглядела зала, наполненная древними русскими людьми», «все вышло очень удачно», «бал прошел весело, красиво и дружно», «русская пляска была очень удачна»¹⁰⁵. В то же время, он рассматривал эти костюмированные балы как первый шаг к возрождению допетровских московских традиций. Речь шла об уничтожении, в частности, современных придворных мундиров с заменой их боярскими одедами московской эпохи. Есть свидетельства, что по приказу императора уже были выполнены эскизы костюмов, но его разубедили, ссылаясь на большие затраты¹⁰⁶. Хотя Николай II и Александра Федоровна больше не появлялись на публике в одеждах XVII в., портреты императора и императрицы в средневековых одеяниях часто печатались на протяжении последующего десятилетия. Уортман, в этой связи, справедливо отмечает, что для Николая II это переоблачение в одежды допетровской Руси было чем-то большим, чем просто маскарад. Эти переодевания, по мнению американского историка, бросали вызов нормам европеизированного императорского двора и «помещали царя и царицу в иной пространственно-временной континуум и эстетический универсум, далекий от петербургского общества»¹⁰⁷.

В силу ряда причин, за время с начала царствования в 1894 г. до начала мировой войны в 1914 г. произошла очевидная эволюция в отношении императорской четы к придворным церемониям. Если до 1904 г. Николай II старался придерживаться традиции и поддерживать высокий статус российского двора пышными церемониями, балами, праздниками и приемами, то в следующее десятилетие возобладало желание к уединению, сокращению до минимума официальных церемоний. «Частное» в данном случае окончательно возобладало над «публичной» стороной жизни монарха. Семейный круг, небольшое число избранных приближенных, маленькие радости скрытой от глаз публики частной жизни — все это стало приоритетным в глазах императора и его жены. Тем самым аристократическое общество был поставлено перед фактом очевидной неготовности и нежелания Николая II и Александры Федоровны следовать привычным образцам публичного поведения монарха. Об опасности и неприемлемости для императора полного ухода в частную, семейную жизнь предупреждал императрицу Марию Федоровну граф Шереметев, сам достаточно критично относившийся к придворной жизни. Разговор с матерью Николая II он записал в своем дневнике (10 марта 1897 г.): «Я сказал, что помимо деловых отношений, есть и другие, и что в них-то вся суть — и всякому человеку свойственно общение, и что этим общением... и укрепляется жизнь, что спок[ойно] жить для себя и только — неестественно и вредно»¹⁰⁸. Прекращение пышных дворцовых церемоний, приемов, балов и праздников лишило русскую аристократию привычной среды общения, а также места реализации своих служебных и репрезентативных амбиций. При этом не следует забывать, что императорский двор в течение всего XIX в. по-прежнему оставался одним из очагов формирования и распространения общественного мнения, местом формирования культурных запросов общества и политических интриг. Эволюция двора в России, как и в европейских конституционных монархиях, определялась развитием важнейших социокультурных функций — удовлетворение частных потребностей монарха и его семьи, благотворительность, умеренное меценатство, репрезентативная функция, поддержание авторитета монархии, воздействие на воображение широкой публики. В этом смысле колебание предпочтений императора Николая II от увлечения пышными религиозными церемониями до стремления к замкнутой, частной жизни вызывало непонимание и недоумение. Не был ли императорский двор в России в последние годы существования монархии формальной фикцией, неким перечнем придворных чинов, не представлявшим собой реального социокультурного пространства?

Существовала и другая проблема в восприятии Николая II аристократическим обществом. Современники могли наблюдать некоторое опрошение образа монарха, понижение его до уровня простонародья. Современные биографы, несколько замороженные «воспитанностью» и «сдержанностью» Николая II, не всегда обращают внимание на элементы грубости, нарочитой «простоты» его поведения. Во многом это копировалось окружением царя и некоторыми придворными, что вызывало возмущение аристократов старой школы. Потомок крестоносцев и прирожденный аристократ, граф Ламздорф полагал, что источник грубости и беззастенчивости нового поколения следует искать в нравах и личном примере еще отца Николая II: «Наряду с подлинными качествами и добродетелями у Александра III были вкусы и замашки настоящей деревенщины... Вульгарные инстинкты, пошлые и грубые обычаи на верхних ступенях социальной лестницы получают всеобщее распространение и даже становятся своего рода плачевной модой...» (запись 27 ноября 1895 г.)¹⁰⁹. Николай II очевидно и в этом пытался походить на своего отца, правда, не так ярко и убедительно. Уже в начале нового царствования Ламздорф был несколько шокирован, как и другие сотрудники министерства иностранных дел, маргиналиями царя на получаемых документах («ослы», «дураки» и т. п.). Вызывали недоумение в придворной среде и разного рода простонародные увлечения Николая II — от физической работы до катания по парку Царского Села в «мужицких пошевнях в одну лошадь»¹¹⁰. Об этих привычках императора вспоминала, в частности, княгиня Барятинская (жена императорского флигель-адъютанта князя Анатолия Барятинского). По ее словам, императорская чета предпочитала уединенную жизнь в Царском Селе, «...там император подолгу прогуливался в парке или копался в саду» и его «часто можно было увидеть с ружьем в руках, когда он занимался стрельбой по воронам». Также она отмечала, что «их величества нередко ездили по парку в простых санках, почти как крестьяне, и государь подчас лично управлял лошадьми»¹¹¹. Князь Урусов рассказывает в своих записках, как однажды, прибыв в Петергоф для представления государю и проезжая по аллеям дворцового парка, увидел неожиданную для себя картину: «...на поляне, около дороги, в бороздах двух свежевспаханных узких полос земли, стояли два плуга,

запряженных парами: около них находилось несколько человек в военной форме и один штатский в пальто, суетливо объяснявший что-то...». Оказалось, что здесь предстояла проба в присутствии государя шараповских плугов. Однако из-за дождя государь так и не прибыл, и князь Урусов так и не стал свидетелем подобного занятия императора¹¹². Генерал А.А. Мосолов, начальник канцелярии министра двора, подчеркивая, что Николай II «был гораздо тоньше и культурнее отца», также обратил внимание на формы некоего опрошения императора. Николай II надевал в домашней обстановке красные крестьянские рубахи и «даже дал их под мундир стрелкам императорской фамилии»¹¹³. Стремление подчеркнуть свою «русскость», переодевание в псевдонародную одежду принимало порой гротескные формы. Одетый таким образом (в крестьянское платье) Николай II даже принимал доклады сановников. Граф И.И. Толстой вспоминал, как будучи в свое время министром просвещения в правительстве Витте, он был принят однажды государем, одетым в малиновую шелковую косоворотку, опоясанную ремешком: «Так как при этой рубашке государь не имел на себе никаких признаков офицерского звания, то есть никакого канта, ни погон, ни ордена, носил темные в складках суконные брюки и высокие сапоги, то имел общий вид русского зажиточного крестьянина у себя дома в жаркий день, когда сидят без поддевки. Должен сказать, что костюм этот очень шел к нему, хотя пока я к нему не привык, первое время он поражал меня»¹¹⁴. Как отмечал в своем дневнике граф Бобринский (19 марта 1911 г.), в таком же облачении Николай II принимал в Царскосельском Александровском дворце членов Археологической комиссии: «Государь был в малиновой шелковой рубашке и казался очень доволен и весел»¹¹⁵. Князь Волконский был шокирован странной забавой, в которой принял участие император и его окружение: «Однажды я ужинал за столом, за которым ужинал государь. Было несколько великих князей из молодых. Я сидел рядом с принцессой Голштинской, родственницей английского королевского дома... После первого блюда началась обычная забава, которой в таких случаях предается молодежь. Полетели через стол хлебные шарики; сперва робко, исподтишка, потом все чаще, и перестрелка вовсю. Николай II не отставал от прочих...»¹¹⁶.

Некоторые формы поведения Николая II трудно было представить в действиях его предшественников. Оказываясь в военной среде, во время полковых банкетов император, например, демонстрировал своеобразную простоту манеры обращения. Он вел себя как товарищ по оружию с гвардейскими офицерами, с членами Свиты и даже рядовым составом. Выступали певцы с балалаечными оркестрами, пили вино, шутили. Николай разрешал даже солдатам вместе с офицерами подбрасывать его в воздух. Как заметил Уортман, в высшем обществе многие находили, что такое поведение не подобает императору¹¹⁷. Другую форму «опрощения» можно увидеть на фотографиях и кинохронике — император на яхте «Штандарт», часто с цесаревичем Алексеем в матросском костюме, пробуящий матросскую пищу.

Неоднозначным было отношение аристократического общества к формам сакрализации власти в духе народного православия, принимаемого императорской четой основополагающим в своей религиозной практике. Своеобразные предпочтения императора в этой сфере были известны в обществе давно. Так полковник В.К. Олленгрэн, друг детства Николая II, мать которого была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, в своих воспоминаниях отмечал, что «в Ники было что-то от ученика духовного училища: он любил зажигать и расставлять свечи перед иконами и тщательно следил за их сгоранием... Заветным его желанием было облачиться в золотой стихарик, стоять около священника посредине церкви и во время елеопомазания держать священный стаканчик...»¹¹⁸. Очевидно, что личное отношение к вере императора оставалось неизменным, но если в первые годы царствования проявление этой особенности не бросалось в глаза и не нарушало преобладающий светский характер деятельности императора, то примерно с 1900 г. действия Николая II в этой сфере стали носить публичный характер. Как можно предполагать, новые формы царской религиозности, основанные на архаической традиции допетровской Руси, должны были стать основой самостоятельной политики императора, его легитимации в глазах «простого» народа. В какой-то степени это был ответ новым вызовам времени, прежде всего подъему с конца 1890-х гг. протестного и оппозиционного движения. Николай II стал в публичных демонстрациях набожности искать единения с «простым» народом, испытывая, очевидно, мистические и исторические аллюзии. Периодические появления Николая II перед публикой то в образе московского царя, то набожного богомольца, то простого человека при сохранении одновременно всей системы бюрократического и придворного окружения придавали этому «сценарию», как отмечает Уортман, «характер фантазии и притворства»¹¹⁹.

Этот поиск императором и его женой особого типа религиозности, близкого, как они считали, к народному идеалу, вряд ли мог по большому счету импонировать аристократическому обществу. Государственный секретарь Половцов полагал, что убеждение Николая II в богоизбранности своей власти, в соответствии личной воли монарха велениям божественного промысла, что рано или поздно должно было обрести свою репрезентативную форму, определялось влиянием его окружения («юного царя сбили с толку негодяи, как Сипягин, Мещерский и т. п.»). В этой связи он саркастически заметил в своем дневнике: «В эпоху падения Римской империи то же самое делалось преле: императоров просто провозглашали богами!»¹²⁰.

Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала, что в 1900 г. императорская чета решила возобновить старинный обычай празднования Пасхи в Москве, чтобы поближе познакомиться со старой столицей Российского государства и ее жителями¹²¹. О намерениях Николая II можно понять из письма великого князя Сергея Александровича императору (15 марта 1900 г.): «Насколько я тебя понял — ты хочешь дать твоему теперешнему приезду в Москву характер простой, не торжественный, т[ак] сказать, когда ты приезжаешь и живешь в Питере — не так ли?.. Мне кажется, что ваше решение пасхальной заутрени во дворце самое разумное и здесь все это так и поняли и уже так счастливы, что вы будете жить и говеть в Кремле!! Твоя мысль заехать на мироварение чудесная»¹²². В конце марта 1900 г. Николай II и императрица Александра Федоровна отправились праздновать Пасху в Москву вместе с великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной. Это было возобновление давней традиции, поскольку последний раз Москву на Пасху император Николай I посетил в 1849 году. Судя по официальному описанию торжеств, участие царя в пасхальных богослужениях и торжествах целенаправленно подавалось как следование традициям «благочестивых царей Московских» в «тесном единении с верноподанным народом православным и как бы в духовном общении с далеким прошлым». Участниками этих действий стало придворное общество и верхи бюрократии. Если сравнить план коронационных торжеств 1896 г., где Николай II должен был следовать по преимуществу уже сложившемуся сценарию и где религиозные действия отнюдь не преобладали в намеченной программе, с пасхальными неделями 1900 и 1903 гг., то можно без труда заметить изменения, вызванные личными предпочтениями императорской четы¹²³. По торжественности, пышности и длительности проведения московские праздники 1900 и 1903 гг. во многом превосходили достаточно скромные, судя по официальной программе, торжества в Петербурге в мае 1903 г. в честь 200-летия города¹²⁴.

Во время ночного пасхального шествия Николай II в мундире Преображенского полка и императрица в белом платье с кокошником на голове, усыпанным драгоценными камнями и жемчугом, проследовали в сопровождении высших чинов двора из Большого Кремлевского дворца к собору. За ними следовали члены императорской свиты, высшие чиновники и дамы первых московских дворянских фамилий. Все это сопровождалось иллюминацией, пушечным салютом, колокольным звоном и толпами верующего народа¹²⁵. Баронесса Буксгевден приводит в своих воспоминаниях описание участия императорской четы в пасхальных торжествах в московском Кремле: «В течение всей недели накануне Пасхи императрица вместе с императором присутствовала на всех богослужениях в Кремлевской церкви. А в Страстную пятницу они смешались с толпой людей при погребении плащаницы в Успенском соборе. Здесь российский император и императрица стояли позади своих беднейших подданных, держа в руках зажженные свечи. Пятничная ночная процессия в Кремле являла собой незабываемую картину: море людей, медленно движущихся вокруг собора, сосредоточенные и исполненные благоговения лица в освещении пылающих свечей. Этот церковный чин, как и вся атмосфера древнего города, просто завораживали императрицу. Здесь она чувствовала себя единым целым со святой Русью, единой с российским народом в его простой и истовой вере»¹²⁶.

Великий князь Сергей Александрович в письме своему брату великому князю Павлу Александровичу с восторгом сообщал об этом единении царя с народом (8 апреля 1900 г.): «...Сегодня ночью в 3 ч. мы пошли с царями в Успенский собор на вынос и хождение за плащаницей! Это было что-то удивительное — никто их не ждал — фурор громадный — общий народный восторг, ибо они стояли с народом в соборе и с народом же ходили кругом собора!» Однако явление царя народу вовсе не отменяло ту дистанцию, которая существовала между двором и низами общества. Уже на следующий день, во время богослужения и дворцового выхода императорская чета предстала совершенно в другом виде. Великий князь Сергей Александрович сообщал своему брату (10 апреля 1900 г.): «... Заутрени и весь выход были идеально красивы!...

Alix était superbe — traine blanche et or et le grand diadème en perles de l'Imp[eratrice] Catherine sur la tête. Жена была в зел[еном] сарафане... и все изумруды»¹³¹. В эти дни императорскую чету принимали в дворянском собрании, где был устроен торжественный обед. В своем дневнике граф Шереметев отмечал, что император и его супруга были тепло встречены дворянством с пением «Слався» и восторженным продолжительным «ура» («толпа хлынула несметная и обступила карету», «чудная, небывалая картина», «действительно, чудно было хорошо», «глубоко необычное впечатление»). Сам Николай II в разговоре с Шереметевым выразил свое восхищение от всего испытанного в Москве: «говорил о заутрене в Усп[енском] соборе, что в первый раз видел Успенский собор с народом. «Я до сих пор всегда видел его пустым (возвысил голос). Этого уж больше не будет!» Об этом роскошном приеме в залах дворянского собрания в Москве великий князь Сергей Александрович сообщал в письме своему брату: «...Вчера в 1 час дня был завтрак — разгавливание от всего дворянства в Двор[янском] Собрании. Ну, я тебе скажу, пир вышел на славу. Право, трудно видеть что-нибудь красивее. Был отдельный стол для Ники и Алиx на возвышении у начала зала лицом вдоль, а в самой зале все столы были лицом к царским; масса цветов, чудно старинного серебра... отлично все подано et avec cela rien de surchargé. Вдоль середины залы шел громадный стол с яствами: павлины, лебеди и стар[инные] сер[ебрянные] чаши — прелесть... C'était vraiment superbe et grandiose»¹²⁷.

В то же время императора можно было увидеть и в совершенно другой обстановке. Во время этих же пасхальных торжеств в Москве (1900 г.) император и императрица присутствовали во дворце митрополита при приготовлении святого мира, когда «в течение нескольких дней непрерывно сменяющие друг друга священники смешивали масла, в то время как другие громко читали Евангелие»¹²⁸. В отличие от коронационных торжеств 1896 г., где молодому императору приходилось следовать уже установленным церемониям, здесь в основе сценария лежали личные предпочтения монарха и его супруги — на смену придворным церемониям пришли действия, связанные с посещением московских святых, приложением к святым мощам и долгими молениями. 5 апреля 1900 г. Николай II писал матери, императрице Марии Федоровне: «Я никогда не думал, что я бы мог быть в таком *религиозном экстазе*, какой я переживаю в эту Страстную. Это чувство во мне теперь гораздо сильнее, чем оно было в 1896, и оно понятно: этот раз на душе так спокойно, все здесь настраивает для молитвы и духовного успокоения»¹²⁹. В письме императора своей сестре великой княгине Ксении Александровне мы можем видеть тот же характер эмоциональных переживаний (5 апреля 1900 г.): «Я не могу тебе описать те чувства, которые я испытываю здесь с началом Страстной, но могу тебя уверить, что теперь только я понял, что значит говеть. Аликс вполне разделяет мои чувства... Мы ходим и утром и вечером в разные церкви внутри теремов; служба в этих старых храмах производит чарующее впечатление... В понедельник мы присутствовали при начале обряда мироварения — сам митрополит совершал его в мироварной палате. Крайне любопытное зрелище и благоухание уму непостижимо... Вообще тут в Москве столько своеобразных обычаев и преданий, что их и не перечислять, а надобно самому проделать все»¹³⁰.

Судя по дневнику императора, эти три недели пасхальных торжеств (императорская чета пробыла в Москве с 1 по 23 апреля 1900 г.) были окрашены прежде всего эстетическими и религиозными чувствами. Николай II отмечал эти моменты: «поехали ко всенощной к д. Сергею в его симпатичной маленькой церкви» (1 апреля); «минута поклона, как всегда, произвела на меня глубоко трогательное и душу возвышающее впечатление!» (2 апреля); «пошли к вечерней службе в крошечной церкви Воздвижения Креста; все образа в ней шитые царевнами. Прелесть!» (3 апреля); «...пошли к обедне в церк[овь] Рождества Богородицы и причастились Св. Тайн вместе с детьми, д. Сергеем и Эллой. Отрадно было приобщиться здесь, в Кремле, вблизи всех его святых» (6 апреля); «9 апреля. Светлое Христово Воскресенье... В 2 1/2 вернулись в Зеленую гостиную, в кот. разгавливались с большим удовольствием. Встали в 9 час. Возился с яйцами и телеграммами». В заключении этих записей мы читаем о настроении императора и его жены: «Нам обоим было сердечно жаль езжать из Москвы, где мы так счастливо и так спокойно провели три недели!»¹³¹

Вторично Николай II и Александра Федоровна посетили Москву во время пасхальных торжеств в 1903 г. (29 марта — 16 апреля). Основные действия во многом были повторением событий трехлетней давности. Судя по дневнику императора, программа пребывания включала в себя не только религиозные мероприятия, но и историко-культурные «экскурсии», посещения военных и учебных заведений, военные смотры, а также прием в Благородном собрании со стороны московского дворянства¹³². В то же время бросаются в глаза два важных момента. С одной стороны, как и в 1900 г.,

апофеоз пасхальный службы был вписан в роскошное придворное действо¹³³. С другой стороны, диссонансом выглядели другие действия императорской четы. В предшествующие и последующие дни Николай II и Александра Федоровна усердно посещали богослужения, прикладывались к святым мощам и другим святыням древних московских церквей и монастырей. С 30 марта по 3 апреля в череде богослужений и посещений кремлевских храмов эти действия приобрели ритуальный характер. Императорская чета прикладывается, в частности, к мощам святителей московских Петра, Ионы и Филиппа в Успенском соборе, к мощам в Архангельском соборе, к мощам Иоанна Милостивого и других святых в Благовещенской церкви, что на Житном дворе, к мощам святого Стефана Пермского в Спасо-Преображенском соборе на Бору. Эти явления царя носили иной, более простой и частный характер и, что примечательно, с обязательным присутствием простых зрителей из народа. Некоторые же действия императорской четы должны были погрузить очевидцев в настоящее средневековье. Так, 4 апреля Николай и Александра присутствовали на вечерне и всенощном бдении в церкви Рождества Богородицы, что на Сенях: «В конце вечерни Их Величества и Их Высочества приложились к Плащанице. В конце всенощной Плащаница была обнесена с крестным ходом вокруг храма по коридорам Дворца. Государь Император и Великий князь Сергей Александрович, а также генерал-адъютанты поддерживали Плащаницу, которую несли на головах протопресвитер И.Л. Янышев и протоиерей Н.В. Благоразумов. В крестном ходе шествовали с зажженными свечами за Плащаницей Государыня Императрица, Великая княгиня Елисавета Федоровна, Великий князь Дмитрий Павлович и Великая княгиня Мария Павловна...». На следующий день, 5 апреля, во время утрени в Успенском соборе при скоплении в самом соборе и на площади множества народа, на богослужение «прибыли Царь с Царицею», причем во время обнесения духовенством плащаницы императорская чета встала на колени и так простояла значительную часть службы. Когда совершался крестный ход, Николай и Александра сопровождали плащаницу с зажженными свечами в руках и в окружении толпы народа. Разумеется, дважды, по прибытии в Москву и при отъезде из нее, императорская чета останавливалась у Иверской часовни, где «колелопреклоненно помолились пред чудотворною иконою Иверской Божией Матери, а затем приложились к ней»¹³⁴.

Эта демонстрация во время пасхальных недель в Москве 1900 и 1903 гг. близости царя к народу и «русской православной традиции» достаточно скептически была воспринята в аристократическом обществе. В исследованиях обычно обращается внимание на влияние определенной группы лиц в окружении императора (великий князь Сергей Александрович, генерал Богданович, граф Шереметев), которая, как считают, инициировала поиск новых форм «официального благочестия». В своем дневнике граф Шереметев, в частности, записал (9—11 апреля 1900 г.): «Пасха... Это событие — это исповедание — *urbi et orbi* — «иже чтет, да разумеет». В добрый час. Давно пора... От Дмитрия и Иры¹³⁵ была телеграмма, что впечатление заутрени в В[еликий] Пяток — неизгладимое. Царь среди народа за Плащаницей. Слава Богу за все!.. Все, что пришлось слышать о пребывании радует и оживляет, особенно ночь в В[еликий] Пяток. Государь с народом, зажженная у крестьянина свеча, шествие и служба, дивное пение, колокольный звон...»¹³⁶. В то же время, общее мнение придворных и аристократических кругов в этом вопросе было скорее негативным. Князь Голицын записал в дневнике (23 марта 1900 г.): «Что осталось от трехнедельного царского пребывания здесь? Ничего, кроме пушечных звуков, самого будничного патриотизма. Уже говорят, что Величествам так здесь понравилось, что они часто будут повторять эти приезды и что будущей зимой они приедут чуть не на целый месяц. Вряд ли это желательно...»¹³⁷. Другой очевидец пасхальных торжеств в Москве, князь Сергей Михайлович Волконский¹³⁸, исполнявший в 1899—1901 гг. должность директора императорских театров, вспоминал в этой связи: «Это было весной 1900 года. Тогда государь с императрицей проводили Страстную неделю и Пасху в Москве. Газеты проливали слезы умиления, “Московские ведомости” печатали статьи под заглавием “Царь посреди народа”, в то время как в Петербурге известный ядовитостью своей рифмы поэт Владимир Мятлев писал:

В Москве столпотворенье
В Кремле мироваренье».

Он приводит также показательный разговор с великой княгиней Марией Александровной, сестрой императора Александра III и женой герцога Эдинбургского: «Долго беседовали о том, что делалось в России, в частности, о полосе официального ханжества, которое тогда выразилось в московском всенародном говении. “Всегда государи говели, никогда не считали нужным об этом кричать на перекрестках”. И

помню, как она тут же сокрушалась о том, до какой степени в России в этом отношении отуманены умы»¹³⁹. Под этим «отуманиванием», конечно, понималась официальная пропаганда и публичные действия самого императора. Сам же князь Волконский был в большей степени возмущен, «кошунственными» по его словам, печатными картинками для народа с изображением «говееющего» царя, вышедшими с легкой руки небезызвестного генерала Богдановича¹⁴⁰. На этих картинках был изображен в середине Успенский собор в пасхальную ночь, а кругом — медальоны, изображавшие разные моменты «царского говения». В том числе было и изображение, где император был представлен на коленях под епитрахилью священника в момент отпущения грехов. Дальнейшее князь Волконский передает следующим образом: «Когда я увидел это новое изобретение богомольного генерала, я полетел к Александру Александровичу Мосолову, директору канцелярии министра Двора. “Да, — сказал он, — мне тоже это показалось неудобно, но барон Фредерикс сказал, что, как лютеранину, ему неловко высказываться отрицательно по таким делам. Разрешение на выпуск картинки было дано...” Удивительно было то, что никто как будто не удивлялся; люди религиозные не возмущались, люди правительственные находили это естественным»¹⁴¹.

Продолжением московских действий стали известные события июля 1903 г., связанные с канонизацией по желанию императорской четы Серафима Саровского и организованные министром внутренних дел В.К. Плеве торжества в виде грандиозной демонстрации «единства царя и народа». В исследованиях обычно обращали внимание на новизну и нетрадиционность этой акции. Народной массе, «тем, счет которых велся на десятки миллионов», впервые показывали царя вблизи, более простым и досягаемым, чем бывало на коронации. Перед простым народом должен был предстать, как отмечал Ю.Б. Соловьёв, «не повелитель, а горячо верующий член церкви, смиренно поклоняющийся, как и все прочие богомольцы, новой святине: сотни тысяч глаз должны были запечатлеть зрелище сгибающегося под тяжестью раки носителя безмерной власти или усердно молящегося у всех на виду»¹⁴². Фриз же обратил внимание на явное несоответствие саровского старца тем представлениям о святости, которые существовали в это время в аристократическом обществе: «Серафим оказался не вполне удачным символом ценностей правящих кругов: он был простым иеромонахом, известным своими духовными подвигами — а не своим образованием, служебным положением или происхождением... Его аскетизм, “истинно-христианская подвижническая жизнь”, прозорливость и пророчество создали контр-модель ценностям светских или даже церковных элит». В то же время, по мнению Фриза, роскошные торжества в Сарове представляли собой «грубую профанацию», так как зная не только прославляла Серафима, но и «как бы подменяла отличавшие его ценности». В данном случае американский историк имеет ввиду как само торжественное перенесение мощей в «мраморной раке, помещенной под великолепной золоченной сенью в виде часовни русского стиля», так и саму организацию торжеств, где император-богомolec прибыл для «общения с народом» в окружении придворных и бюрократических чинов¹⁴³.

По воспоминаниям французского посла в России М. Бомпара, путешествие Николая II и Александры Федоровны в Саров летом 1903 г., официально организованное паломничество к «святому Серафиму», включавшее представителей Двора в полном составе и огромный штат лакеев, кучеров и прочего обслуживающего персонала, вызвало массу толков и разговоров в придворном обществе. Очевидцы описывали послу Французской республики «30-верстное путешествие в громоздких экипажах под палящим солнцем, в тучах пыли в этой черноземной глубинке». Не стесняясь, придворные высказывали иностранцу свое критичное отношение к «прославлению святого Серафима». В записях за 1904 г. французский посол возвращается к этой теме и передает свой разговор с некоей придворной дамой после состоявшейся в Петербурге церемонии крещения новорожденного наследника престола: «Слава Богу, сказала она мне, его будут звать Алексеем». Несколько удивленный ее радостью, я ответил ей: «Вам очень нравится это имя?». И она ответила мне еще более удивленно: «Вы не знаете, как мы боялись, что его нарекут Серафимом. Представьте себе, на троне России — Серафим Первый!»¹⁴⁴ Не вызывало большого энтузиазма в придворном окружении императора и огромное скопление народа — почти 150 тыс. богомольцев собралось у стен Саровского монастыря. Многие из них добирались до обители пешком, а ночевать вынуждены были в бараках или под открытым небом. Все это резко контрастировало с блестящей свитой Николая II и ее роскошными экипажами. А.А. Мосолов вспоминал, что их величества со свитой прибыли на особо для них устроенную платформу недалеко от Арзамаса. Там ждали их экипажи, запряженные

четверками, которые потом растянулись длинной вереницей по почтовой дороге. Примечательно, что этот способ передвижения показался императрице и фрейлинам «особо занимательным»¹⁴⁵.

Фриз в этой связи отмечал, что принятые к «всенародному празднику» меры не разрушили вековые культурные и социальные барьеры, отделявшие знать от простого народа: «Пока караваны блестящих карет императора и элиты катились в сторону Сарова, простым паломникам пришлось пройти сотни верст пешком по нестерпимой жаре». Эти социальные различия стали только более наглядными во время самих саровских действий, где на ограниченном пространстве собрались сотни тысячи людей, представлявшие самые разные социальные слои. И даже в самом обряде прославления, по мнению Фриза, отчетливо проявлялись социальные барьеры — монастырские стены физически отделяли высокопоставленных лиц и «благородное» общество от простого народа¹⁴⁶. Исполнявший в это время должность вице-губернатора Тамбовской губернии князь Урусов, язвительно описав в своих записках историю «прославления» Серафима, коснулся и самой организации саровских действий: «Поездка царской семьи в Саров была бесповоротно решена, день торжества был уже назначен, и в распоряжение губернатора были отпущены большие средства, предназначенные для устройства барачков при монастыре, кормления богомольцев и приема многочисленной царской свиты. В связи с ожидаемыми в начале июля торжествами и были произведены в высшем церковном и гражданском управлении губернии перемены: старый преосвященный был заменен молодым петербургским викарием Иннокентием, составителем торжественной службы в честь нового святого, а ни с кем не соротившийся, спокойный, уравновешенный губернатор Ржевский должен был уступить место боевому Лауницу, в котором усматривался талант распорядителя, организатора и преданного “исполнителя” в типе старых николаевских верных слуг престола и отечества». Таким образом, организация встречи царя с народом во время саровских торжеств изначально должна была быть проведена в лучших традициях российской бюрократии. Не обошлось и без традиционных «потемкинских» деревень, «сооруженных» по инициативе тамбовского губернатора В.Ф. фон дер Лауница: «По мере того как подвигались в Сарове работы по устройству предстоящего летом церковного торжества, в голове Лауница возникали все новые и новые планы, имевшие целью организацию торжественной эффектной встречи царской семьи. С приближением весны мысли его обратились к вопросу о состоянии, в которое надлежало бы привести дорогу, по которой в июле месяце предстояло высоким путешественникам проехать на лошадях до монастыря. Предложив поставить на границе Тамбовской губернии красиво украшенную арку вроде триумфальных ворот, Лауниц задумал привести в благоустроенное состояние и украсить всю полосу проезжей дороги, начиная от упомянутой арки до въезда в монастырь. С этой целью он нашел нужным не только выровнять дорогу, спрямить ее по возможности, но и придать ей вид красивой ленты, правильно очерченной и ограниченной с обеих сторон какими-нибудь явными признаками. Разыгравшаяся фантазия Лауница привела к тому, что дорогу и ее обочины несколько раз перепахивали, боронили и укатывали. Проезжая полоса, вырезанная в виде ленты трехсаженной ширины, должна была к моменту царского приезда представлять собой ковер из мавританского газона, окаймленного с каждой стороны широким белым бордюром цветущей гречихи. Агрономам была поставлена задача указать день посева последней с таким расчетом, чтобы к назначенному сроку гречиха оказалась в цвету».

Для достижения данного эффекта движение по охраняемому пути было прекращено на три месяца, а людей направляли по более длинным объездным дорогам. Но надо отдать должное императору. Как отмечает князь Урусов, «намерение Лауница приятно поразить взор царя расстилавшимся на несколько верст цветочным ковром потерпело полное крушение. Остановившись у арки, приняв от населения хлеб-соль и ласково поговорив с подобранными по красоте молодками, одетыми в живописные костюмы, Николай II посмотрел на дорогу, которую ему предстояло обновить и затоптать многочисленными экипажами царского поезда, и сразу сообразил, какую массу неудобств и тягостей испытало местное население для того, чтобы оказалось возможным устроить для проезда царской семьи такую декорацию. Он в необычно для него резких выражениях отозвался о неудачной затее губернатора, с большим неудовольствием согласился проехать по приготовленному пути и, как говорили, проявлял дурное расположение духа не только во время пути, но и при торжественной встрече, последовавшей в Сарове»¹⁴⁷.

Впечатления самого императора были далеки от скептического отношения к саровским торжествам аристократического общества и озабоченности высших чи-

нов бюрократии. Стоит для сравнения привести выдержки из дневниковых записей Николая II, посвященных описанию саровских событий, чтобы убедиться в разительном контрасте: «17 июля. Четверг... в 6 час. въехали в Саровскую обитель. Ощущалось какое-то особое чувство при входе в Успенский собор и затем в церковь Св. Зосимы и Савватия, где мы удостоились приложиться к мощам святого старца Серафима... Вечером исповедовались в кельи преподобного Серафима, внутри нового храма; у схимника Самсона, бывшего офицера. Потом повели туда Мама. Легли спать довольные и не усталые»; «18 июля. Пятница... Встали в 5 1/2 и пошли к ранней обедне с Мама. Причастились Св. Христовых Тайн... От 9 до 10 1/2 час. осматривали церкви и спускались в пещеры под горою. В 11 1/4 пошли в Успенский собор к последней торжественной панихиде по старце Серафиме... В самый жар д. Сергей, Николаша, Петюша, Юрий и я отправились пешком в пустынки вдоль Саровки... Вернулись домой пешком; народ был трогателен и держался в удивительном порядке. В 6 1/2 началась всенощная. Во время крестного хода при изнесении мошей из церкви Св. Зосима и Савватия мы несли гроб на носилках¹⁴⁸. Впечатление было потрясающее видеть, как народ и в особенностях больные, калеки и несчастные относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам...»; «19-го июля... Так же умилителен, как вчера, был крестный ход с гробом, но с открытыми мощами. Подъем духа громадный и от торжественности события, и от поразительного настроения народа... Слыхали о многих исцелениях сегодня и вчера. В соборе во время обнесения св. мощей вокруг алтаря случилось также одно. Дивен Бог во святых Его. Велика неизреченная милость Его дорогой России; невыразимо утешительна очевидность нового проявления благодати Господней ко всем нам. На Тя, Господи, уповахом да не постыдимся во веки. Аминь!»; «20-го июля. Воскресенье. В 8 час. вышли из своего дома и пошли к молебну в Успенский собор, где приложились к мощам Святого Серафима. С грустью покинули Саровскую пустынь... Погода была жаркая, и дул сильнейший попутный ветер, гнавший пыль с нами...»¹⁴⁹.

Как можно оценить эти записи? Помимо характерных для Николая II особенностей его веры и индивидуального благочестия, что в общем-то могло и не быть предметом общественных обсуждений, бросается в глаза стремление императора опростить и снизить внешнее величие образа монарха. Слишком продолжительное и истовое выстаивание долгих богослужений, личное участие в несении гроба с мощами, посещение «пустынек», умиление перед «чудесами» и прочее подобного рода вряд ли могли вызвать одобрение аристократического общества, которому, кстати, просто не нашлось места в подобных действиях. Наконец, показательно само настроение автора этих записей — несмотря на погодные условия (жара, ветер и пыль) общее чувство радости и умиления было преобладающим. Уортман отмечает, что канонизация Серафима Саровского и присутствие на этой церемонии царского семейства получили широкое освещение в прессе. В «Новом времени» и «Ниве» печатались фотоснимки крестных ходов и представителей царской семьи на разных этапах торжества. Фотография с изображением императора и великих князей, несущих гроб с мощами, была растиражирована в огромном количестве экземпляров¹⁵⁰. Таким образом, этот средневековый образ благочестия царя, его самоуничтожение стали предметом публичного обсуждения. Чем-то совершенно средневековым должны были казаться образованному обществу и факты «исцеления» и «чудес» во время саровских действий, и, самое главное, отношение к этому императорской четы. Чего стоят эти, например, записи в дневнике великого князя Сергея Александровича (19 июля 1903 г.): «Саров. Жаркий чудный день. В 9 часов пошли к обедне — молились как никогда! Еще мы носили мощи кругом церквей. При нас исцелилась немая девочка — умилительно»¹⁵¹.

Генерал Киреев достаточно осторожно отметил в своем дневнике (июль 1903 г.): «Конечно, все эти торжества возбудили религиозное чувство масс, но немало и суеверий»¹⁵². Некоторые очевидцы были даже шокированы поведением императорской четы, настолько это казалось несоответствующим их положению и вообще восприятию современного человека. Так, один из врачей царской семьи Н.А. Вельяминов вспоминал: «В одни из “Саровских дней” все, начиная с Государя, ходили к чудотворному источнику и купались под струей воды из этого источника с температурой в 8. Так мне говорили бывшие там; я лично к источнику не ходил и его не видел из боязни, что мне там покажут исцеление. Как я сказал, купались все, даже Фредерикс, кроме меня. Как-то случайно я шел мимо того места, где проходила дорожка к источнику и увидел из-за угла, как Императрица Александра Федоровна и Вел. Кн. Елизавета Федоровна под руки буквально тащили к источнику бедную парализован-

ную на обе ноги фрейлину Княжну Орбелиани, страдавшую наследственной неизлечимой формой поражения спинного мозга. Для чуда надо было подойти к источнику пешком, а Княжна ходить не могла, вот две Августейшие сестры и тащили ее под руки. Увидев эту сцену, я спрятался за какие-то кусты и, надо думать, остался незамеченным»¹⁵³.

Судя по запискам А.А. Мосолова, очевидца саровских действий, реальность была далека от этих умильных настроений царя, а однажды Николай II своими действиями чуть было не спровоцировал трагедию: «В день нашего отъезда Их Величества посетили скит святого и находящуюся близ него купальню, расположенные в полутора верстах от монастыря. Государь и вся свита шли пешком, только царица ехала в небольшой коляске вместе с княжной Орбелиани... Были вызваны войска, сдерживающие толпу в 150 тысяч человек, заполнившую весь спуск от обители до дороги. Солдаты держали друг друга за руки, чтобы оставить свободный проход для государя и духовной процессии». На обратном пути в монастырь, продолжает Мосолов, «не предупредив никого, государь свернул круто направо, прошел через цепь солдат и направился в гору. Очевидно, он хотел вернуться по дощатой дорожке и дать таким образом большому количеству народа видеть себя вблизи. Я крикнул Лауницу: “За мною!”, и мы с великими усилиями пробились непосредственно до императора, от которого уже была оттерта вся прочая свита. Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: “Посторонитесь, братцы”. Государя пропускали вперед, но толпа немедленно опять сгушалась за ним... Пришлось идти все медленнее, всем хотелось видеть и если можно, то коснуться своего монарха. Все более теснили нашу малую группу из трех человек, и наконец мы совсем остановились. Мужики стали размахивать руками и кричать: “Не напирайте!” Опять продвинулись вперед на несколько шагов. Я предложил встать на наши с Лауницей скрещенные руки, тогда его будет видно издали, — царь не согласился. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши руки. Затем мы его подняли на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое “ура”». В итоге Николаю, Мосолову и Лауницу удалось благополучно дойти до монастыря: «Государь пошел по сходям, но, несмотря на все мои просьбы спешить, продолжал идти размеренным шагом. В этом месте доски были постланы на высоких деревянных козлах, и помост за нами вдруг с грохотом провалился, увлекая всех, сзади шедших. Царь стал увеличивать шаги, и мы благополучно достигли боковых дверей монастыря». Кроме того, выяснилось, что пострадал граф Фредерикс. В суматохе он упал, и кто-то из толпы наступил ему на лицо. Весь мундир его был в крови и разорван. Мосолов глубокомысленно завершил этот пассаж замечанием, что «опыт сближения государя с народом легко мог стать повторением Ходынки»¹⁵⁴.

К этому можно добавить, что в глазах многочисленных очевидцев из свиты и придворного общества царь предстал не только в образе смиренного богомольца, несущего раку с мощами, но и в достаточно нелепом и уничижительном виде, чуть ли не бегом скрывающимся от «атавистической любви» своего народа в воротах монастыря. Нельзя, как мне кажется, согласиться с известным мнением, что саровские торжества были вызваны стремлением Николая II преодолеть «средостение» бюрократии и образованного общества между царем и простым народом, восстановить прямое общение монарха со своими подданными. Речь не шла о действительном желании императора стать народным монархом, понимающим и разделяющим желания и интересы низов общества. Николая просто вдохновляли эти стилизованные под XVII в. толпы простонародья, демонстрирующие архаические религиозные чувства и «любовь» к своему государю. Движение царя во время саровских действий как и ранее происходило в окружении бюрократических чинов, войск и массы придворных. Спонтанная попытка Николая действительно «пойти» в народ чуть было не привела к новой ходынке. В то же время у самого Николая II, также как у его близкого окружения, остались самые восторженные впечатления от дней, проведенных в Сарове. Очевидно они полностью соответствовали его религиозным и эстетическим чувствам. Бюрократия же во главе с Плеве просто выполнила в меру своих возможностей и представлений очередную прихоть самодержца, а аристократическое общество воспринимало все это с определенной долей недоумения, скепсиса и равнодушия.

После 1903 г. Николай II в течение десяти лет не предпринимал подобных публичных демонстраций своей религиозности. Начавшаяся русско-японская война, последующие события 1905—1907 гг. не располагали к подобного рода действиям. Стране пришлось дожидаться юбилейных романовских торжеств 1913 г., чтобы вновь увидеть своего царя в образе богомольца. Примечательно, что и на этот раз Николай II с супругой действовали согласно прежнему сценарию, с тем только отличием, что на

этот раз публичное поклонение православным святыням совершалось в разных российских городах во время «исторического паломничества» в мае 1913 года. Как и ранее публичные действия царя выражались в посещениях богослужений, молебнов, прикладывания к иконам и святым мощам. Так, во Владимире Николай II приложился и к чудотворной иконе Владимирской Божьей Матери и к святым мощам князей Георгия, Андрея и Глеба; в Суздале он «приложился к мощам св. Федора» и «св. мощам преподобной Евфросинии и другим святыням», «отстоял литию у могилы величайшего патриота князя Дмитрия Михайловича Пожарского, приложился к мощам преподобного Евфимия»; в Боголюбове — «горячо молился у чудотворной иконы Боголюбовской Божьей Матери» и «приложился к иконе-раке с частицею мощей благоверного князя Андрея Боголюбского»; в Костроме — прикладывался к «чудотворной Феодоровской иконе». В Ярославле император и императрица Александра Федоровна «приложились к мощам святых Князей Василия и Константина, и чудотворной иконе Ярославской Божьей Матери и другим местно чтимым иконам». В Ростове Николай II «прикладывался с Августейшими Детьми к чудотворной Божьей Матери и мощам ростовских угодников... Леонтия, Исая, Игнатия и Феодора». В Троице-Сергиевой лавре присутствовавшие могли наблюдать, как «Августейшие богомольцы преклонили колена и приложились, по завету предков, к мощам защитника и покровителя русских царей святого Сергия». По такому же сценарию торжества завершались в Москве¹⁵⁵. Религиозная составляющая часть торжеств в целом следовала той практике, которая сложилась во время московских и саровских действ 1900—1903 гг., впрочем как и прочие мероприятия, включавшие приемы, обеды, парады и другие светские части юбилейной программы. Очевидно, Николай II полагал, что это сочетание своего образа «народного» царя и «богомольца» удачно может быть вписано в сохранившийся традиционный императорский и придворный церемониал.

Непонимание и неприятие вызывала в среде аристократии и повседневная религиозная практика Николая II и императрицы Александры Федоровны. Генерал Киреев, в частности, очень резко отзывался об этом в своем дневнике (записи от 24 и 25 мая 1905 г.): «Молодая царица говорила вчера сестре Ольге, что Бог карает нас военными несчастьями за то, что мы Его оставили, мало религиозны, мало молимся! Следовало бы исправить такое ложное богословское мнение, сваливающее все на Господа Бога и оставляющее в душе чувство, что я-то прав, я-то действовал правильно... нет; исправление может явиться, когда Царь и Царица убедятся в том, что царь просто действовал неразумно, что он именно своими своими ошибками довел Россию до беды — ошибками политики, внутренней и внешней. Вот корень зла, нечего сваливать беду на какое-то богословие... Взгляды религиозные Царицы, разделяемые, конечно, и Царем, могут нас повести к гибели. Это какое-то смешение безграничного абсолютизма, основанного, утвержденного на богословской мистике! При этом пропадает всякое понятие об ответственности. Все, что нами совершается, совершается правильно, законно, ибо l'état c'est moi. Затем, так как другие (наш народ, Россия) отошли от Бога, то Бог нас карает, вымещает ее грехи. Мы, стало быть, не виновны, мы тут не при чем, наши распоряжения, наши действия все хороши, правильны; (а если их Бог не благословляет, то виноваты не мы!). Ведь это ужасно!»¹⁵⁶. В записи от 19 декабря того же года автор дневника высказывается еще более резко, размышляя о цусимских событиях и полагая, что царь «под влиянием какого-то мистического гипноза» толкал командуемого эскадрой на гибель: «Это какое-то сочетание русского “авось” с мистикой, по-видимому, тут и Серафим, и Филипп¹⁵⁷, и халатность, и авось и т. п. Ужас!»¹⁵⁸ Государственный секретарь Половцов отмечал в дневнике, что увлечение императорской четы мистицизмом, сочетание чтения православной житийной литературы и общение с различного рода мсье филиппами вызывало недоумение в обществе («все это было бы смешно, если бы не было столь грустно»). По его мнению, «такое сближение псевдо-небесного с материально-земным отражается на воззрениях и приемах императора, а не одной императрицы»¹⁵⁹.

Великий князь Константин Константинович в своем дневнике (24 августа 1902 г.) записал разговор с великим князем Сергеем Александровичем: «Сергей отозвал меня на балкон (Константиновского дворца в Стрельне. — Е.Ю.) и признался в большом своем смущении по поводу частых за последний год посещений Государем и молодой императрицей Знаменки, где у Милицы они подпали под сильное влияние француза Филиппа... Сергей утверждает, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они на Знаменке молятся с Филиппом,.. проводят там долгие вечера и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с просветленными лицами и блестящими глазами». Примечательны следующие строки в дневнике великого князя Константина Константиновича, которые хорошо передают общее

настроение аристократического общества в отношении подобных религиозных увлечений императорской четы: «По моему, если действительно Их Величества увлечены мистицизмом или пиитическим настроением, то оно само по себе более смешно, чем опасно; нехорошо только, что они облачают свои посещения Знаменки тайной. Скрыться им нельзя — всюду казаки и тайная полиция — не замолчать, и не утаить того, что видно многим. Только дает пищу излишней болтовне и толкам...»¹⁶⁰. Другой пример светского взгляда на религиозность императорской четы — записи в дневнике графа И.И. Толстого. 21 июля 1908 г. он отмечает, в частности: «...в «Пет[ербургской] газете» 20-го появилась довольно знаменательная статья об оккультизме вообще и в Петербурге в частности, в которой весьма прозрачно указывается на влияние разных духовидцев с Папюсом во главе на направление нашей политики. Хотя в статье и говорится только об “аристократических” кругах, но ясно, что намекают на царя и императрицу». Еще более показательное отношение автора дневника к тому типу религиозной «демонстрации», который стал культивироваться при прямом участии Николая II, отразилось в другой записи (12 июня 1909 г.): «Все последние дни в газетах описание вторичного открытия (после почти 300-летнего запрета) мощей Анны Кашинской. Конечно, уже есть описание многочисленных чудес! Присутствуют великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова Алексея Игнатьева, Штюрмер с женой, Лукьянов (и он!), митрополит Владимир Московский, черносотенные депутаты и насколько говорят, десятки тысяч народа... И все это — в XX столетии!»¹⁶¹

Практически в том же духе граф Толстой характеризует деятельность отца Иоанна Кронштадтского, являвшегося для царской семьи духовным авторитетом (28 июля 1908 г.: «В газетах заслуживает внимания следующий курьез: пресловутый Иоанн Кронштадтский, получив известие об осуждении Киевским миссионерским съездом иоаннитской секты, торжественно предал под Ярославлем, где он временно пребывает, анафеме иоаннитов, т. е. секту его же собственных почитателей. Просто чудеса в решете! Точно будто живем мы в XIV или XV веке...»¹⁶². О религиозных воззрениях императорской четы было хорошо известно в обществе, и часто это становилось темой разговоров. Половцов записывал в дневнике (9 июня 1906 г.), что приехавшая в С.-Петербург после длительного пребывания с царской семьей в Петергофе княгиня Е.А. Нарышкина, пользовавшаяся «особым расположением их величеств», рассказывала ему, что «в частных разговорах с императрицей и императором она часто слышала от первой, что переживаемое ими время тяжело, как всякое время великих преобразований, это обещает счастливые годы ее сыну, а от второго, что он сделал все, что считал возможным, но что теперь считает необходимым предаться терпению»¹⁶³.

Неслучайно, что великий князь Александр Михайлович в своем письме старшему брату, великому князю Николаю Михайловичу (14 февраля 1917 г.), полном раздражения в адрес императорской четы после своего неудачного разговора с императрицей Александрой Федоровной, коснулся и религиозного вопроса. Разговор с императрицей состоялся в ее спальне в присутствии Николая II, но великого князя возмутила даже внешняя обстановка: «Обстановка спальни, три стены, полные образов от потолка до полу, лампадки, молельня, какое-то капище со всеми атрибутами православия при полном отсутствии души...», и далее он продолжает, характеризуя религиозность Николая II и его жены: «Для них положение драматическое, все атрибуты православия налицо, вся техника этой религии в полном ходу, но главного — души — нет и следа, вот это меня окончательно убило»¹⁶⁴.

Даже при беглом знакомстве с мемуарными, дневниковыми и эпистолярными источниками можно заметить определенную закономерность. Если в отношении Александра III в большинстве своем мы видим выражение чувств уважения, лояльности, пиетета и даже обожания, то применительно к Николаю II тон и характер высказываний резко снижается. При сохранении традиционных формальных словесных конструкций («государь сделал то-то, повелел то-то, отправился туда-то») оценки его личности и форм репрезентации его в качестве монарха приобретают зачастую неуважительный, уничижительный характер. Как правило, это выражается в подчеркивании деталей, как важных, так и вполне незначительных. В то же время эти детали видятся лишь фоном более существенной проблемы — внутренней неспособности Николая II соответствовать не просто абстрактной роли самодержца, а конкретным обязанностям монарха в настоящей исторической обстановке. Отсюда постоянные упоминания о «неправильных назначениях», «неправильных решениях», запоздалых и ошибочных действиях.

Можно только посочувствовать Николаю II. С момента воцарения он оказался под пристальным и достаточно пристрастным взором высшего общества. И первое впечатление было неблагоприятным. Раздражение в оценках с каждым годом усили-

валось, и многие аристократы не стеснялись откровенно высказывать свое мнение, пока правда в дневниках, частных беседах, а редко и в письмах (не забывали о перлюстрации). Как правило, негативные суждения касались внешнего облика императора (одежда, рост, телосложение) и его публичного поведения (робость, шаблонность, излишняя набожность, отсутствие величия). И затем уже обращали внимание на принятые решения, в том числе политические (зависимость, подверженность влиянию, назначения «не тех лиц», излишняя консервативность или наоборот чрезмерные либеральные уступки). Пожалуй, более всего ставили в тупик аристократическое общество личные качества Николая II. Резко негативная реакция на глупость, детскость, и одновременно скрытность, замкнутость монарха неожиданным образом дополнялась признанием и его положительных черт (как правило, при личном общении) — воспитанности, самообладания, чуткости к собеседнику. В принципе аристократия могла на многое закрыть глаза и многое простить Николаю II, кроме одного — его супруги, императрицы Александры Федоровны.

Разумеется, предложенная подборка достаточна негативных оценок личности Николая II может показаться тенденциозной. Наверняка можно найти высказывания представителей высшего общества, совершенно иначе трактующие образ последнего российского императора. В то же время следует учитывать следующие два соображения. Во-первых, эта подборка выстраивалась вслед за источниками, а не являлась изначально заданным построением. Во-вторых, само наличие подобных мнений и оценок, даже если они не отражали взгляды большинства аристократического общества, достаточно показательно. Наконец, главная, на наш взгляд, проблема заключалась в том, что в какой-то степени неосознанно аристократия утрачивала действительную веру в религиозную составляющую монархической власти, в то искреннее и цельное чувство «средневекового человека» о богоизбранности «короля-чудотворца».

Примечания

1. УОРТМАН Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М. 2004, с. 31—32; 324—325.
2. ОСТАПЕНКО Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М. 2006, с. 122—123, 154 — 155, 176—177; ВИНОГРАДОВ К.Б. Королева Виктория. В кн.: Монархи, министры и дипломаты XIX — начала XX века. М. 2002, с. 9—30; CANNADINE D. History in Our Time. L. 1999, p. 43—44; BRENDON P., WHITEHEAD PH. The Windsors: a Dynasty Revealed, 1917 — 2000. L. 2000.
3. АНАНЬИЧ Б.В., ГАНЕЛИН Р.Ш. Николай II. — Вопросы истории. 1993, № 2, с. 63—66.
4. ЙОФФЕ Г.З. Революция и судьба Романовых. М. 1992, с. 11—15.
5. LIEVEN D. Nicholas II. Emperor of all the Russias. L. 1993, p. 40—41, 107.
6. BRUCE LINCOLN W. The Romanovs. Autocrats of All the Russias. N.Y. 1981, p. 630—632.
7. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Закат империи. М. 2001, с. 27, 32, 50.
8. BADCOCK S. Autocracy in crisis: Nicholas the Last. Late Imperial Russia. Problems and prospects. Manchester-N.Y. 2005, p. 11—12.
9. СТЕПАНОВ В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге. В кн.: Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб. 2009, с. 166.
10. КУЛИКОВ С.В. Наука — служанка политики? или О чем не написал Макс Вебер. Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб. 2009, с. 296—298.
11. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М. 2010, с. 95—104.
12. ФИРСОВ С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М. 2010, с. 73, 92, 117—118, 133, 157—158, 200—201, 312—318.
13. КОЛОНИЦКИЙ Б. Трагическая эротика. Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. 2010, с. 95, 196—197, 225.
14. Там же, с. 11—12.
15. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник. 1894—1896. М. 1991, с. 343.
16. Любопытно, что подобные настроения были характерны и для французского общества накануне революции 1789 г., а в отношении к личности короля Людовика XVI действительно можно усмотреть параллели с положением российского императора Николая II. См., например: ПИМЕНОВА Л.А. Людовик XVI — французский король века Просвещения. Человек эпохи просвещения. М. 1999; ЕЕ ЖЕ. Осень Версаля глазами современников. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. М.—СПб. 2001.
17. БАРИНОВА Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М. 2008, с. 162—164.

18. Государственный архив Рязанской области (ГА РО), ф. 98, оп. 119, д. 12, л. 1—10б.; оп. 129, д. 35, л. 17, 19—19об.
19. Описание путешествия их императорских величеств государя императора и государыни императрицы по России и за границей. СПб. 1897, с. 23.
20. Российский государственный архив (РГИА), ф. 1282, оп. 2, д. 1379, л. 114.
21. Толстой И.И. (1858—1916) — граф, секретарь Императорского русского археологического общества, вице-президент Академии художеств (1893 — 1905), министр народного просвещения (1905—1906), выборный городской голова С.-Петербурга (1913—1916), автор капитальных трудов по русской и византийской нумизматике, а также древнерусскому искусству. Семья Толстого, в частности его отец, была близка к императору Александру II. Младшие дети императора воспитывались вместе с детьми графа. Толстой сохранил в последствии близкие отношения с великими князьями Георгием Михайловичем и Владимиром Александровичем.
22. ТОЛСТОЙ И.И. Запись в дневнике и письмо детям о приеме у Царя. Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб. 1994, с. 104.
23. ФИРСОВ С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. Т. 1. СПб. 2009, с. 44.
24. А.А. Половцов, чьи дневники уже давно активно используют исследователи для характеристики государственной и придворной жизни императорского Петербурга, помимо того, что сам принадлежал к старинному дворянскому роду, был связан родственными узами с рядом аристократических фамилий. Его жена, Надежда Михайловна — внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича и воспитанница барона А.Л. Штиглица. Дочери, Анна и Надежда, вышли замуж соответственно за князя Александра Дмитриевича Оболенского и графа Алексея Александровича Бобринского.
25. «Юный царь все более и более получает презрение к органам своей собственной власти и начинает верить в благотворную силу своего самодержавия, проявляя его спорадически, без предварительного обсуждения, без связи с общим ходом дел. Страшно сказать, но под впечатлением напечатанной на днях Шильдером книги начинает чувствоваться что-то, похожее на павловское время». ПОЛОВЦОВ А.А. Дневник. Красный архив. Т. 3. 1923, с. 99.
26. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 34, 53—54, 65.
27. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 126, т. 1, ед. хр. 11, л. 439об, 441.
28. Там же, л. 356—359.
29. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М. 1966, с. 415.
30. Голицын Александр Дмитриевич (1874—1957), князь, общественный и политический деятель, харьковский уездный предводитель дворянства, один из создателей партии «Союз 17 октября», член Государственной думы от Харьковской губернии, член Государственного совета.
31. «Я стоял на площадке, окружающей красивую внутреннюю невидимую лестницу, в ожидании начала дивертисмента..., как вдруг увидел молодого полковника в форме преображенского полка с черной небольшой бородою, скромно поднимающегося по лестнице... Как оказалось, это был Наследник престола, цесаревич Николай Александрович. Нечего и говорить, что моему счастью не было границ, когда я удостоился быть представленным ему... В нашей семье мы были воспитаны на принципе почти что обожествления Царя и всей его семьи. Поэтому возможность ощущать, впервые в моей жизни, близость свою к особе Царской семьи и к тому же самого Наследника престола казалась мне каким-то сном. Тем не менее, это наблюдение оставило во мне впечатление большой скромности в обращении Его, скажу даже, некоторой конфузливости и застенчивости, которые сказывались в его манере постоянно поправлять белые шведские перчатки...». ГОЛИЦЫН А.Д. Воспоминания. М. 2008, с. 109.
32. Васильчикова Софья Сергеевна (в замужестве княгиня Щербатова) (1879—1927), дочь князя Сергея Илларионовича Васильчикова (1849—1926), командира лейб-гвардии Гусарского полка, в 1902—1906 гг. командующего Гвардейским корпусом. По воспоминаниям брата княжны, князя И.С. Васильчикова, император Николай II прекрасно знал их семью и нередко бывал в их доме, поскольку еще наследником проходил службу именно в лейб-гвардии Гусарском полку. ВАСИЛЬЧИКОВ И.С. То, что мне вспомнилось... Воспоминания князя Иллариона Сергеевича Васильчикова. М. 2002, с. 98.
33. РГАДА, ф. 1289, оп. 2, ед. хр. 294, л. 16, 19об., 21.
34. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 75—76.
35. ОР РГБ, ф. 126, т. 1, ед. хр. 11, л. 461об.—462.
36. РГАДА, ф. 1289, оп. 2, ед. хр. 294, л. 59об.—60.
37. БОГДАНОВИЧ А.В. Три самодержца. Дневник генералыши Богданович. М. 2008, с. 151.
38. Гирс Николай Николаевич (род. 1853 г.) — советник российского посольства в Париже (1892—1897), сын Н.К. Гирса, министра иностранных дел России в 1882—1895 гг.
39. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 376.
40. Цит. по: Дневники императора Николая II (1894—1918). Т. 1. 1894—1904. М. 2011, с. 177.
41. ТЕНИШЕВА М.К. Впечатления моей жизни. М. 2006, с. 242—243.

42. О войне, любви и мире. Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904—1905 гг. М. 2008, с. 349.
43. ОР РГБ, ф. 126, т. 1, ед. хр. 12, л. 24—25, 123об.
44. ГОЛИЦЫН А.Д. Ук. соч., с. 168, 198, 199—200, 219.
45. Там же, с. 226, 309.
46. ЮСУПОВ Ф.Ф. Конец Распутина. М. 1990, с. 53—54.
47. КНЯЗЬ ФЕЛИКС ЮСУПОВ. Мемуары в двух книгах. М. 2004, с. 173—174.
48. ОЛСУФЬЕВ Ю.А. Из недавнего прошлого одной усадьбы. М. 2009, с. 157.
49. ОР РГБ, ф. 126, т. 1, ед. хр. 12, л. 97об. —98.
50. ПОЛОВЦОВ А.А. Дневник. — Красный архив, 1931, т. 3 (46), с. 121.
51. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1894—1909 гг.). СПб. 2009.
52. Бобринский Алексей Александрович (1852—1927), граф — старший из сыновей одного из крупнейших землевладельцев России графа Александра Алексеевича Бобринского, общественный и политический деятель, депутат III Государственной думы, с 1912 г. член Государственного Совета, в 1916 г. министр земледелия, обер-гофмейстер.
53. Дневник А.А. Бобринского. — Красный архив. 1928, т. 1 (XXVI), с. 129.
54. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Мои воспоминания. Т. 2. Родина. Быт и бытие. М. 2004, с. 73, 132, 174—175.
55. Голицын Михаил Владимирович, князь, сын генерал-губернатора Москвы (1887—1891) и московского городского головы (1897—1905) князя Владимира Михайловича Голицына; в 1897—1906 гг. епифанский уездный предводитель дворянства, земский деятель, гласный Московской городской думы; владелец имений в Звенигородском уезде Московской губ. и Епифанском уезде Тульской губ., дома на Покровке в Москве.
56. ГОЛИЦЫН М.В. кн. Мои воспоминания. 1873—1917. М. 2007, с. 125, 146, 168, 328, 343, 508.
57. PALÉOLOGUE M. Russie des tsars pendant la Grande Guerre. V. 2. P. 1922, p. 276.
58. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 357—358.
59. Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич (1848 — 1907), князь, директор канцелярии Министерства иностранных дел Российской империи в 1886—1897 гг.
60. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 365.
61. ОР РГБ, ф. 126, т. 1, ед. хр. 12, л. 3.
62. Будущий король Англии Георг V.
63. КЛЕЙ К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М. 2009, с. 140.
64. Голицын Владимир Михайлович (1847—1931) — князь, чиновник особых поручений Московской дворцовой канторы, земский деятель, московский вице-губернатор (1883—1887), московский губернатор (1887—1891), полтавский губернатор (1891—1892), московский городской голова (1897—1905), действительный статский советник, камергер.
65. ОР РГБ, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 21. Дневник В.М. Голицына, л. 233.
66. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Ук. соч., с. 157.
67. Урусов Сергей Дмитриевич (1862—1937) — князь, в 1903 — 1905 гг. бессарабский, затем тверской губернатор, позднее депутат I Государственной думы и сторонник либеральной оппозиции.
68. УРУСОВ С.Д. Записки. Три года государственной службы. М. 2009, с. 344.
69. Там же, с. 498, 597.
70. ПОЛОВЦОВ А.А. Дневник. — Красный архив. 1923, т. 3, с. 76, 78.
71. ЕПАНЧИН Н.А. На службе трех Императоров. Воспоминания. М. 1996, с. 273—274.
72. PALÉOLOGUE M. Op. cit., v. 1, p. 190.
73. ТОЛСТОЙ И.И. Дневник. Т. 1. 1906—1909. СПб. 2010, с. 72, 316, 608—609.
74. Нарышкин Александр Алексеевич (1839—1916), общественный и государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор, с 1906 г. член Государственного совета.
75. «Мы все делали, чтобы поддержать... его дядю..., говорили, что мы не имеем никаких ценностей. Не спасается конкретный человек, он не представляет никакого интереса. Мы спасаем принцип». КИРЕЕВ А.А. Дневник. 1905—1910. М. 2010, с. 152.
76. «... но мама против, чтобы я уволил Воронцова». Там же, с. 214.
77. Фредерикс Ядвига Алоизиевна (1838—1919), жена министра Двора В.Б. Фредерикса.
78. КИРЕЕВ А.А. Ук. соч., с. 204.
79. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Ук. соч., т. 2, с. 333.
80. Речь идет об Иване Петровиче Балашеве, обер-егермейстере императорского двора.
81. ГАРФ, ф. Р6501, оп. 1, д. 457, л. 3.
82. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 639.
83. ГАРФ, ф. Р6501, оп. 1, д. 457, л. 3об.
84. Она должна взять с собой шитье и вязание, поскольку ей часто придется быть одной.
85. Она мне давно уже симпатична, и я чувствую это то, что мне нужно. Мы вместе занимались музыкой и живописью. Я рассчитываю, что она задаст тон другим девушкам, которые придут после.

86. О войне, любви и вере. Переписка мичмана, князя Александра Щербатова со своей невестой княгиней Софьей Васильчиковой 1904—1905 гг. М. 2008, с. 327—328, 333.
87. PALÉOLOGUE M. Op. cit., v.1, p. 5.
88. ЗИМИН И.В. Царская работа. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М. 2011, с. 117—118.
89. DUNLOP C.C. The Russian Court Chapel Choir 1796—1917. Amsterdam. 2000, p. 104.
90. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Ук. соч., т. 2, с. 157.
91. БАРЯТИНСКАЯ М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870—1918. М. 2006, с. 38, 65.
92. КАМАРОВСКАЯ Е.Л., КОМАРОВСКИЙ Е.Ф. Воспоминания. М. 2003, с. 174.
93. ТОЛСТОЙ И.И. Дневник. Т. 2. 1910 — 1916. СПб. 2010, с. 129—130.
94. Дневник А.А. Бобринского, т. 1 (26), с. 139—140.
95. ТОЛСТОЙ И.И. Ук. соч., с. 384—385, 579.
96. ГОЛИЦЫН М.В. Ук. соч., с. 459.
97. PALÉOLOGUE M. Op. cit., v. 1, p. 196.
98. БЬЮКЕНЕН Д. Моя миссия в России. Мемуары. М. 2006, с. 136—139.
99. Нарышкина Елизавета Алексеевна (1838—1928) — урожденная княжна Куракина, обергофмейстерина императрицы Александры Федоровны, статс- и кавалер-дама Высочайшего Двора.
100. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М. 1991, с. 231—232.
101. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 508.
102. САВЕЛЬЕВ Ю.Р. Н.В. Султанов — архитектор З.Н. и Ф.Ф. Юсуповых. — Русская усадьба, вып. 9 (25), 2003, с. 334—356; ЮСУПОВ Ф. Перед изгнанием 1887—1919. М. 1993, с. 32—33.
103. РГАДА, ф. 1290, оп. 2, ед. хр. 2607, л. 29об.—30.
104. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 509—511.
105. Дневник императора Николая II, т. 1, с. 712—713.
106. МОСОЛОВ А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб. 1992, с. 84.
107. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 511.
108. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884—1909 гг.). СПб. 2009, с. 375.
109. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 333.
110. ОР РГБ, ф. 126, т. 1, ед. хр. 12, л. 4об. (Дневник А.А. Киреева).
111. БАРЯТИНСКАЯ М. Ук. соч., с. 64.
112. УРУСОВ С.Д. Ук. соч., с. 344.
113. МОСОЛОВ А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб. 1992, с. 83—84.
114. Мемуары графа И.И. Толстого. М. 2002, с. 262—263.
115. Дневник А.А. Бобринского, с. 148.
116. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Ук. соч., т. 2, с. 161.
117. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 560.
118. Цит. по: КУДРИНА Ю.В. Мария Феодоровна. М. 2009, с. 154—155.
119. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 494.
120. ПОЛОВЦОВ А.А. Ук. соч., т. 3, с. 151.
121. БУКСГЕВДЕН С. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М. 2010, с. 146.
122. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884—1909 гг.). СПб. 1909, с. 491—492.
123. Так, согласно расписанию дней торжеств и празднеств во время коронации с 6 по 26 мая 1896 г., религиозные церемонии (говение, освящение государственного знамени, само священное коронование, литургии, поездка в Троице-Сергиеву лавру) уступали в количестве и времени светским мероприятиям (торжественные выезды, прием послов, военные парады, выходы и обеды в Кремле, посещение «народного праздника», балы у московского генерал-губернатора и московского дворянства, приемы сословных представителей и большой бал в Кремле). ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 234, л. 4.
124. В Петербурге все будет организовано традиционно: парад речных судов, молебен у домика Петра, шествие, литургия в Исаакиевском соборе, военный парад и прием царем различных делегаций. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 866, л. 1—8.
125. Царское пребывание в Москве в апреле 1900 г. СПб. 1900, с. 15—33, 53—55; УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 496—498.
126. БУКСГЕВДЕН С. Ук. соч., с. 147—148.
127. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884—1909 гг.). СПб. 2009, с. 499, 501—503.
128. БУКСГЕВДЕН С. Ук. соч., с. 147.
129. ГАРФ, ф. 642, оп. 1, ед. хр. 2326, л. 56—57.
130. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II, с. 496—497.

131. Дневники императора Николая II (1894—1918), т. 1, с. 526—531.
132. Там же, с. 719—724.
133. Русский Царь с Царицею на поклонении московским святыням. М. 2000, с. 52—57 (отпечатано по изданию 1909 г. СПб.).
134. Там же, с. 44—45, 48—49, 109.
135. Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869—1943), граф, флигель-адъютант, сын графа С.Д. Шереметева; Шереметева Ирина Илларионовна (1872 — 1959), урожденная Воронцова-Дашкова, жена Д.С. Шереметева.
136. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II, с. 501.
137. ОР РГБ, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 21, л. 248.
138. Волконский Сергей Михайлович (1860 — 1937) — князь, внук декабриста С.Г. Волконского, камергер, директор императорских театров, историк культуры.
139. ВОЛКОНСКИЙ С.М. Ук. соч., т. 2, с. 67, 160.
140. О Е.В. Богдановиче см.: СТОГОВ Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб. 2007, с. 125—147. Князь Волконский характеризует генерала Е.В. Богдановича следующим образом: «Человек богомольный, можно сказать, лбом достучавшийся до заметного положения в кругах правительственных и чиновного духовенства. Богданович был одним из тех удивительных явлений, которыми довольно богато последнее двадцатилетие нашего императорского периода... Таковы: князь Мещерский, издатель “Гражданина”, генерал Богданович, оккультист француз Папюс, заменивший его, чуть ли не парикмахер, Филипп... темный князь Андронников и, наконец — Распутин... Это, конечно, ступени, которыми самодержавие сходило в могилу...». ВОЛКОНСКИЙ С.М. Ук. соч., с. 66—67.
141. Там же, с. 67.
142. СОЛОВЬЁВ Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907. Л. 1981, с. 75.
143. ФРИЗ Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима. Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного colloquium историков. СПб. 1992, с. 33.
144. BOMPARD M. Mon ambassade en Russie. 1903—1908. P. 1937, p. 25—26, 30—31.
145. МОСОЛОВ А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб. 1992, с. 177.
146. ФРИЗ Г. Ук. соч., с. 34—35.
147. УРУСОВ С.Д. Ук. соч., с. 324—325, 335—336.
148. А.А. Мосолов отмечает в своих воспоминаниях, что раку с мощами канонизированного Серафима три раза обносили вокруг собора При этом остальные несли по очереди, но «государь не сменялся». МОСОЛОВ А.А. Ук. соч., с. 178.
149. Дневники императора Николая II, с. 740—742.
150. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 524—525.
151. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II, с. 646.
152. ОР РГБ, ф. 126, т. 1, ед. хр. 13, л. 250.
153. ВЕЛЬЯМИНОВ Н.А. Поездка с Царем на богомолье в Саровскую пустынь летом 1903 г. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II, с. 647.
154. МОСОЛОВ А.А. Ук. соч., с. 179—180.
155. Историческое паломничество нашего царя в 1913 году. СПб. 1914, с. 12—144; ДЖУНКОВСКИЙ В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М. 1997, с. 192—215; УОРТМАН Р.С. Ук. соч., т. 2, с. 630—647.
156. КИРЕЕВ А.А. Ук. соч., с. 55—56.
157. Филипп, Низьер Вашоль Филипп (1849—1905), француз, уроженец Лиона, спирит, предсказатель, врачеватель. Был близок к кругу императорской семьи.
158. КИРЕЕВ А.А. Ук. соч., с. 117.
159. ПОЛОВЦОВ А.А. Ук. соч., т. 3, с. 157.
160. МЕЙЛУНАС А., МИРОНЕНКО С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998, с. 224.
161. ТОЛСТОЙ И.И. Ук. соч., с. 485—486, 626.
162. Там же, с. 488.
163. ПОЛОВЦОВ А.А. Ук. соч., т. 4, с. 115.
164. Цит. по: Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны, с. 131, 133.

Якутские национал-коммунисты и образование Якутской автономной республики

А.В. Сушко

Вскоре после Февральской революции в Якутске сформировалась группа молодых якутов, примкнувших к большевикам. Костяк этой группы составляли: М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, И.Н. Барахов и С.М. Аржаков. В советской историографии этих людей традиционно называли якутскими коммунистами. Однако заметим, для них приоритетной была борьба за суверенизацию якутской нации, за обретение и реализацию народом права определять содержание и характер своей политической, экономической и культурной жизни, руководствуясь правом нации на самоопределение. При этом по социальным вопросам они действительно ориентировались на коммунистические идеи, выступали за построение социалистического государства, а затем и коммунистического общества. Поэтому, на наш взгляд, их мировоззрение и политическую деятельность правомерно охарактеризовать как национал-коммунизм.

Февральская революция активизировала политическую деятельность якутской интеллигенции. С 26 марта по 16 апреля 1917 г. прошел съезд якутов и русских крестьян Якутской области. Подготовку съезда в сжатые сроки успешно провела крестьянско-инородческая комиссия, возглавляемая Г.В. Ксенофонтовым. По оценке исследователя Н.Н. Дьяконовой, «I Съезд якутских и русских крестьян 27 марта 1917 г. представлял практически все слои населения. Ведущую роль в работе съезда играла якутская интеллигенция»¹. Как представитель якутской молодежи, на съезде начал свою карьеру политик Аммосов. Якутский историк Е.Е. Алексеев отмечал, что позднее, в 1928 г., его друг и соратник Ойунский (Слепцов) писал, что на этом съезде Аммосов впервые выступил с вопросом об автономии Якутии: «М.К. Аммосов заявил о праве якутского народа на самоопределение “в форме автономии”. Вопросы об автономии до М.К. Аммосова никто не поднимал. И внутри партии об этом впервые заговорил тоже Максим Аммосов, в связи с чем возник большой спор»². Обратив внимание на впервые прозвучавшее требование автономии, историки упускают националистический дискурс речи Аммосова. Именно с его помощью оратор обосновывал необходимость автономной жизни якутов. Он призывал: «Все мы должны во имя будущего прекрасного, светлого в жизни якутской нации работать вместе и идти рука об руку»³. В речи Аммосова — будущего лидера якутских коммунистов — четко проводилась мысль о том, что автономия есть средство для достижения цели — защиты интересов якутской нации.

Помимо речи, произнесенной Аммосовым на съезде, взгляды якутской молодежи хорошо иллюстрирует эпистолярное наследие — письма из Томска Ойунского к

Сушко Алексей Владимирович — доктор исторических наук, профессор Омского государственного технического университета.

Аммосову, написанные в 1917 году. Одно из наиболее ярких писем датировано 21 сентября. В этом письме проявилось желание молодого Ойунского обособиться от общероссийских политических партий и якутских федералистов, программы которых не удовлетворяли его. «В каждой народности и нации есть свои особые интересы и свои особые политические потребности, а они требуют удовлетворения своими политическими силами. Мы имеем трудовой союз федералистов, профессиональный союз чернорабочих якутов, но почему не можем создать свою национальную социал-демократическую партию или социалистов-революционеров или совершенно особую. Если не теперь добиваться самоопределения и автономности в деле национального культурного возрождения, то когда мы будем их добиваться?»⁴

В сознании якутской молодежи, примкнувшей к большевикам, господствовала идея служения интересам якутской нации. Однако в период с октября 1917 по 1919 г. Советская власть в Якутии просуществовала чуть больше месяца. Соответственно группа якутской молодежи, находившаяся вместе с большевиками в оппозиции к властям белой Сибири, не играла в указанное время значимой роли в жизни края. В ночь с 14 на 15 декабря 1919 г. военный гарнизон и восставшие рабочие г. Якутска без сопротивления местных властей совершили переворот, в результате в Якутии была установлена Советская власть. Вскоре был поставлен вопрос о статусе Якутии в составе Советской России.

Впервые положение Якутии обсуждалось на совещании в Иркутске 10 марта 1920 года. Проанализировав ход возникшей на совещании дискуссии по вопросу об автономии, Л.Е. Винокурова отметила: «В марте 1920 г. представители национальной интеллигенции (Г.Г. Колесов, Г.В. Ксенофонтов и др.) выдвинули идею об установлении “национальной” и “культурно-национальной” автономии в Якутии. В отличие от них М.К. Аммосов в то время, по-видимому, свою позицию по вопросу об автономии региона окончательно не определил; А.Д. Метельшин, Н.С. Ершов утверждали о преждевременности постановки вопроса»⁵. Совещание показало, что якутская интеллигенция не была едина в представлении о форме политического самоопределения своего народа.

Решение Сибревкома от 20 апреля 1920 г., упразднившее областной статус Якутии и подчинившее Якутск Иркутску, вызвало резонанс в партийно-советском руководстве края, подогревая националистический настрой отдельных деятелей. С этого времени можно определенно говорить о группе якутских национал-коммунистов, членов РКП, в своей деятельности на первое место ставивших «защиту интересов якутской нации». Они стали добиваться отмены решения Сибревкома, а позднее инициировали процесс образования автономной государственности якутского народа.

В телеграмме Аммосова в Омск по поводу необходимости отмены решения Сибревкома в числе причин пересмотра данного решения, национальный фактор имел главенствующее значение. И если в марте 1920 г. он не до конца ясно определил свое отношение к самоуправлению, то 30 апреля уже вполне определенно писал: «Область заселена на 95% якутами, слишком много особенностей в укладе жизни последних. Урезывание размеров раньше существующих прав произведет на якутов тяжелое впечатление, усмотрят оскорбление Советской властью национального достоинства, подорвет доверие к Советской власти. Среди местного населения слишком свежи воспоминания о ненавистном управлении из далекого царского центра, игнорировавшее последним интересы области. Население в силу своей культурной отсталости не может понять иначе аннулирования губернского самоуправления»⁶. Якутские национал-коммунисты добились пересмотра решения Сибревкома, 21 августа 1920 г. изменившего свою позицию и восстановившего Якутскую область в качестве самостоятельной губернской единицы в прежних границах.

Исключительно важное значение для образования якутской государственности имел проходивший в марте 1921 г. в Москве X съезд РКП. В работе съезда принимали участие Аммосов, Барахов, Ойунский. Съезд принял постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», определившее вектор движения Якутии к статусу республики. 23 апреля 1921 г., уже после отъезда своих товарищей из столицы, Аммосов, еще оставаясь в Москве, телеграфировал в Омск Барахову о необходимости

его выезда в Якутск для разрешения вопроса об автономии края совместно с якутской партийной организацией ⁷.

По дороге из Москвы в Якутск Ойунский, Барахов и Агеев обратились с предложением в Сиббюро ЦК РКП(б) об образовании автономной республики ⁸. 26 апреля 1921 г. в Омске с докладом об автономии Якутии выступил Ойунский. Л.Е. Винокурова поместила полный текст этого выступления в приложения к своей монографии, которым мы воспользуемся. До сих пор исследователи, ссылаясь на факторы, вызывавшие, по мнению Ойунского, необходимость автономии якутов, не обратили внимания на националистическую направленность документа в целом — основным мотивом для образования якутской автономии служили интересы якутской нации, которые попытался представить автор доклада, интегрировав их в коммунистическую идеологию: «Пора нам — коммунистам, встать во главе автономии якутского народа и возглавлять коммунистической партией национальное, культурно-экономическое возрождение якутов!» — заявил Ойунский ⁹. Половина членов Сиббюро восприняла его аргументацию как националистическую. Показательно, что неудовлетворенный ходом обсуждения своего доклада в Сиббюро Ойунский на следующий день предоставил «Объяснительную записку к докладу о Якутской автономии», где сокрушался по поводу того, что его доклад вызвал сомнения и недоверие в Сиббюро и он был причислен «к пленникам национальной буржуазии» ¹⁰.

Параллельно с Ойунским, в Москве Аммосов подал главе Наркомнаца И.В. Сталину заявление по вопросу об образовании якутской автономной советской республики, где указывал «на ширящееся движение, идущее под флагом национального освобождения», которое захватывает «бедняцкие и даже коммунистически настроенные интеллигентские элементы» ¹¹, С.М. Аржаковым также был подготовлен доклад «Об автономии Якутской области», который обсуждался 16 мая 1921 г. на заседании коллегии Наркомнаца, проходившего под председательством Сталина. В результате было принято решение о выделении Якутской области в автономную единицу и созыве съезда представителей якутских трудящихся ¹².

Казалось бы, дело об образовании автономии якутов должно было сдвинуться с мертвой точки, но коммунисты Якутии (не якуты) на расширенном пленуме губернских ответственных работников Якутии заявили о преждевременности создания автономии. На пленуме единогласно была принята резолюция, раскрывавшая причины, по которым они высказались о несвоевременности введения автономии края: соседство с Японией и Америкой (опасность внешнего вторжения в регион), отсутствие сил для самостоятельной защиты своей территории в случае вторжения Японии в Якутию, экономическая и культурная отсталость (отсутствие национальной письменности, промышленности и пролетариата, неразвитость транспортной системы, связи). Высказывались опасения, что со стороны РСФСР будет прекращена политическая и экономическая помощь ¹³. Таким образом, в то время, как Аммосов, Ойунский, Барахов, Аржакова от имени своего народа доказывали советскому руководству необходимость образования национально-территориальной автономии якутского народа, местные коммунисты, не являвшиеся якутами, выступали против. Они считали, что областной статус Якутии в полной мере отвечает интересам местного населения. Это свидетельствовало о том, что национально-территориальной автономии для якутского народа добивалась немногочисленная группа якутских национал-коммунистов.

Показателем степени распространенности национализма среди этнических якутов-коммунистов стало создание в августе 1921 г. якутской секции при губбюро РКП (заведующий Ойунский, а затем Аммосов). С позиции коммунистической идеологии, одним из принципов которой является интернационализм, по меньшей мере странно выглядит создание секции по этническому критерию в крае, где 85% всего населения составляют представители этого народа. Секция была необходима для того, чтобы консолидировать якутских национал-коммунистов. Она успешно провела работу по подготовке общественного мнения в пользу создания национально-территориальной автономии якутов. Губернское партийное совещание, проходившее с 19 по 22 июня 1921 г., высказалось за создание автономной республики, это же мнение высказал съезд ревкомов, состоявшийся с 3 по 9 октября 1921 года. К январю 1922 г.

практически все члены губбюро РКП(б) Якутии считали необходимым ввести в крае автономную республику ¹⁴.

В контексте изучения суверенизации якутского народа особенного внимания заслуживает смена власти в высшем партийном руководстве края, случившаяся 10 марта 1922 г., имевшая, по оценке якутского историка Е.Е. Алексеева, характер «дворцового переворота» ¹⁵. От власти насильственно были отстранены руководители местных коммунистов Г.И. Лебедев и А.В. Агеев. В работе Алексеева один из разделов назван «Антинациональная политика массового террора». Автор возлагает вину за непопулярность коммунистов на этих лиц и оправдывает их смещение тем, что «их действия в губернии носили преступный характер. При их попустительстве и личном руководстве широко применялись пытки, произвол, беззакония и расстрелы граждан» ¹⁶.

Версию о размахе террора, развязанного коммунистами в Якутии, в советской историографии опровергнул В.А. Демидов: «Миф о кровавом коммунистическом терроре был выдуман и распространялся врагами Советской власти. Всего в Якутии с 1920 по 1922 г. включительно по постановлению ревтрибуналов и органов ВЧК было расстреляно 47 контрреволюционеров, в их числе лишь несколько якутов» ¹⁷. С тем, что новое руководство края проводило принципиально новую политику, был не согласен другой советский историк, А.И. Новгородов, отмечавший, что после смены партийного руководства в Якутии военно-политическое совещание, заслушав доклад нового секретаря Губбюро РКП(б) И.Н. Иванова (Барахова), вынесло решение подтвердить к руководству прежнюю линию по борьбе с бандитизмом, установленную постановлением Губбюро РКП(б) от 18 февраля 1922 г., что, по мнению Новгородова, «свидетельствовало о преемственности политической линии по ликвидации контрреволюционного движения нового состава Губбюро РКП(б) с прежним Губбюро» ¹⁸.

С приведенным мнением советских историков нельзя полностью согласиться, так как политика высшего советского руководства Якутии со сменой руководства изменилась: вскоре была прекращена политика классового расслоения, сдавшиеся повстанцы (участники антисоветского вооруженного восстания) не несли наказаний за свою антисоветскую деятельность, представители интеллигенции из повстанцев получали высокие должности в советском государственном аппарате, активно велась работа по созданию якутской национальной государственности. Но, с другой стороны, политика классового расслоения до переворота активно разрабатывалась и проводилась представителями нового руководства краем, например, Аммосов в газете «Ленский коммунары» писал: «Основа нашей власти — в классовом расслоении населения» ¹⁹. С введением нэпа несвоевременность политики классового расслоения в Якутии становилась очевидной для всех.

Суть мартовского переворота в Якутии состояла в захвате власти группой якутских национал-коммунистов, до этого лишь участвовавших в управлении краем под руководством российских коммунистов-интернационалистов. Переворот ознаменовал победу одной из разновидностей якутского национализма в регионе. Не случайно в 1964 г. отстраненный от власти Лебедев в одном из писем в ЦК КПСС, выступая против националистов 1960-х гг. в Якутии, писал об Аммосове, Ойунском, Барахове и др. якутских руководителях как о «махровых националистах» ²⁰. Если исходить из интернационального характера коммунистической идеологии, то с оценкой Лебедева можно было бы согласиться. Но все же якуты-коммунисты были не «махровыми националистами», а национал-коммунистами, поскольку в своей деятельности по суверенизации якутского народа гибко сочетали националистические и коммунистические идеи.

После смены партийного руководства, в марте 1922 г., национал-коммунистами начала проводиться так называемая «новая военно-политическая линия». Представление о принципиальном отличии политики нового руководства края от политики прежнего руководства, ее идеализация прочно утвердились в трудах якутских историков. Например, Алексеев следующим образом характеризует «новую военно-политическую линию», которая «заклучалась в гуманном отношении к мирному населению, пленным, национальной интеллигенции, ко всем слоям населения. Это политика национальной консолидации самого многочисленного в крае якутского народа;

национального единства; единения всех народов без разделения на враждующие классы, политика культурного и национального возрождения народов, живущих на территории губернии, а затем автономной республики»²¹.

Проанализируем основные черты новой военно-политической линии с тем, чтобы увидеть, что же в действительности в ней было новым, а что стало удобным для руководства края мифом, необходимым для обеспечения легитимности своего прихода к власти и образования автономной республики.

В военно-политической линии принципиально новой оказалась идеологическая направленность, определявшая ее отличие от политики прежних якутских властей. 19 марта 1922 г. Президиум Якутского губернского бюро РКП принял доклад Барахова «Бандитизм и наши задачи». В начале документа обосновывалась необходимость «переворота»: «Местные коммунистические силы оказались не в состоянии провести ту освободительную национальную политику Советской власти, которая была провозглашена Октябрьской революцией в ноябре 1917 года. Наоборот, местные представители Советской власти в деле разрешения якутского национального вопроса пошли в том направлении, что каждое проявление хотя бы культурно-просветительского национального движения среди якутов бралось под сомнение и объявлялось контрреволюционным»²².

Из представленного Бараховым видения ошибок коммунистов вытекала необходимость изменения внутренней политики в Якутии. Приведем мнение Барахова, поддержанное Президиумом Якутского губернского бюро РКП: «Основной и ближайшей задачей партии при ликвидации бандитизма является, главным образом, восстановление доверия широкой якутской массы и трудовой части якутской интеллигенции к Советской власти, планомерный и систематический переход всех органов власти на якутские рельсы, возможное смягчение всех жесткостей Гражданской войны и самая решительная чистка всех советских учреждений от уголовных и преступных элементов, своими действиями возбуждающих население против Советской власти»²³. С этого момента для новых якутских руководителей первостепенной стала суверенизация якутского народа, оттеснившая на задний план и подчинившая себе все другие проблемы жизни края.

Пришедшие к власти национал-коммунисты концептуально отказались от классовой борьбы. Новые руководители якутского края стали проводить политику национальной консолидации якутов, тем самым выводя национальную интеллигенцию из участия в антисоветском восстании и привлекая в государственный аппарат представителей элиты, которые из буржуазных националистов превратились в борцов за счастье каждого якута вне зависимости от его материального благосостояния.

В отношении направленности новой военно-политической линии на национальную консолидацию якутов показательна деятельность Аммосова, в своих выступлениях и обращениях к населению Якутии подчеркивавшего приоритет национальной составляющей во внутреннем политическом курсе. В своем знаменитом письме к национальной интеллигенции, опубликованном в газете «Автономная Якутия», Аммосов обращался к национальной интеллигенции: «Внутренняя политика автономной Якутии будет способствовать возрождению культуры якутской национальности. Долг нацинтеллигенции — активно и горячо взяться за строительство автономной Якутии. Нет и не может быть оправдания никому из нацинтеллигенции в желании оставаться в стороне от строительства автономной Якутии, тем более тем, кто идет против нее. Настал момент решительной переоценки политической линии нацинтеллигенции. Довольно колебаний! Довольно досадных непониманий и недоговоренностей! Довольно безрассудных заблуждений! К делу! К творческой работе! Слово и дело за вами, товарищи из нацинтеллигенции»²⁴.

Таким образом, инициаторами якутской автономии в форме советской республики, по внутривнутриполитическим полномочиям превышающей самые смелые ожидания большинства якутских националистов, стали якутские национал-коммунисты. Наиболее концентрированно выразил совместимость националистических и коммунистических идей Аммосов в работе «Тезисы о строительстве автономной Якутии и обороне ее от нападения хищников восточного империализма», опубликованной 20 сентября 1922 г. на страницах газеты «Автономная Якутия»: «Для якутского народа имеется

одна-единственная дорога..., против всякой попытки связать якутский народ с восточным империализмом и за теснейший союз с Советской Россией — такой лозунг всей якутской нации и ее передовых сознательных элементов»²⁵.

Споря по отдельным аспектам идейно-политической борьбы в Якутии, историки традиционно сходились во мнении, что образование якутской республики было вызвано требованиями трудящихся или всего якутского народа. Г.Г. Макаров по вопросу об образовании Якутской АССР, критикуя Сиббюро и Сибревком за то, что они первоначально выступали против создания Якутской АССР, стремясь ограничиться образованием автономной области, причину образования республики усматривал в деятельности якутов-коммунистов: «Почему якутская парторганизация и ее деятели такие как М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, С.М. Аржаков... и др. выступили еще в 1921 г. о создании Якутской автономной республики, входящей в состав РСФСР? Во-первых, их вдохновляла Ленинская национальная политика. Во-вторых, резолюции X съезда партии, доклады и речи В.И. Ленина легли в основу практической деятельности якутской партийной организации и органов Советской власти. В-третьих, они учитывали конкретную политическую обстановку в Якутии того времени, в частности начавшуюся гражданскую войну, в которой буржуазные националисты выдвинули националистические лозунги»²⁶.

С первой частью заключения якутского историка можно целиком согласиться — ленинская национальная политика создания национально-государственных образований по этническому принципу вдохновляла якутских деятелей, особенно после их участия в X съезде РКП. Но вот «конкретная политическая обстановка в Якутии» не требовала автономии именно в форме республики. Для того, чтобы придать своей деятельности по образованию якутской республики легитимность, якутские национал-коммунисты успешно провели агитационную кампанию в малограмотных массах сородичей, которые совсем недавно на земских выборах 1917 г. голосовали в виде исключения еще с помощью шаров. Простые якуты не могли разобраться в теории государственного строительства и понять, чем автономная область отличается от республики. Статуса республики добивались якуты национал-коммунисты исходя из своих убеждений с тем, чтобы иметь больше властных полномочий и использовать их в интересах своего народа. В результате их усилий 16 февраля 1922 г. ВЦИК и принял декрет об образовании в составе РСФСР Якутской автономной советской социалистической республики.

Окончательно якутская государственность была оформлена на I Всеякутском Учредительном съезде Советов, проходившем с 27 декабря 1922 г. по 19 января 1923 года. Это был съезд Советов советской части Якутии, управляемой национал-коммунистами и примкнувшей к ним части якутской интеллигенции, которая к этому времени уже покинула ряды антикоммунистического повстанческого движения, действовавшего на территории республики, и была интегрирована в советский государственный аппарат. Газета «Автономная Якутия» во время проведения съезда писала: «Разрешение национального вопроса здесь, в Якутии, составило и составляет основную проблему, стоящую перед революционной властью рабочих и крестьян»²⁷.

Основным результатом съезда в области укрепления якутской государственности стало избрание высших органов государственной власти республики, причем национал-коммунистам удалось занять в них ключевые должности. Был избран ЦИК Якутской АССР в составе 25 членов и 9 кандидатов, его председателем был избран П.А. Слепцов. В Президиум ЯЦИК вошел Аммосов. Съезд образовал правительство Якутской АССР — Совет Народных Комиссаров во главе с Ивановым (Бараховым).

Главным итогом Гражданской войны в Якутии стала суверенизация якутского народа путем образования национальной государственности — Якутской АССР. Это стало возможным благодаря деятельности группы якутских национал-коммунистов, в мировоззрение которых были интегрированы ценности, присущие националистической и коммунистической идеологиям. Благодаря этому, возглавив процесс суверенизации якутов, они сумели согласовать интересы своего народа с политикой победивших в Гражданской войне большевиков. На примере Якутии очевидно, что для национал-коммунистов на первом месте стоял национальный вопрос. Якутские деятели в первую очередь являлись националистами. Они выдвигали на первый

план национальные задачи и ставили в зависимость от них решение социальных вопросов.

Якутские национал-коммунисты занимают почетное место в «национальном пантеоне» героев якутского народа. В результате их деятельности положение якутов, по сравнению с большинством колониально зависимых народов Востока, было гораздо более выгодным. Якуты получали преимущества от совместного существования в большом государстве с более развитыми в культурном и социально-экономическом отношении народами, которые делились имевшимися у них ресурсами и выводили на новый культурный и социально-экономический уровень развития бывших сибирских «инородцев», ставших полноправными гражданами Советской России. В случае суверенизации якутского народа путем образования независимого государства, он неизбежно попал бы в разряд колониально зависимых народов и подвергся эксплуатации со стороны крупных капиталистических государств, потеряв завоеванный им в ходе революций и Гражданской войны национальный суверенитет. Поэтому якутские национал-коммунисты в переломный момент истории, сознательно связали свои судьбы с российской цивилизацией в образе Советской России.

Примечания

1. ДЬЯКОНОВА Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: Судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.). Новосибирск. 2002, с. 147.
2. АЛЕКСЕЕВ Е.Е. Национальный вопрос в Якутии: (1917—1972 гг.). Якутск. 2007, с. 58.
3. Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия), ф. 1. оп. 1, д. 177, л. 6.
4. Там же, ф. 182, оп. 1, д. 31, л. 2.
5. ВИНУКUROVA Л.Е. М.К. Аммосов и общественно-политические события в Якутии (1920—1928 гг.). Якутск. 2007, с. 42.
6. М.К. Аммосов. Неизвестные страницы жизни и деятельности: сб. документов и материалов. Якутск. 2007, с. 35.
7. Там же, с. 47.
8. Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск. 2007, с. 131.
9. ВИНУКUROVA Л.Е. Ук. соч., с. 175.
10. Там же, с. 71.
11. М.К. Аммосов. Неизвестные страницы жизни и деятельности..., с. 48—49.
12. Россия и Якутия: сквозь призму истории, с. 132—133.
13. ВИНУКUROVA Л.Е. Ук. соч., с. 75.
14. Россия и Якутия: сквозь призму истории, с. 134—135.
15. АЛЕКСЕЕВ Е.Е. Ук. соч., с. 136.
16. Там же, с. 127.
17. ДЕМИДОВ В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск. 1983, с. 212.
18. НОВГОРОДОВ А.И. Октябрьская Социалистическая Революция и Гражданская война в Якутии. Новосибирск. 1969, с. 261.
19. АММОСОВ М.К. В гуще событий: статьи, письма, телеграммы, речи, беседы (1920—1928). Якутск. 2007, с. 45.
20. АЛЕКСЕЕВ Е.Е. Ук. соч., с. 126.
21. Там же, с. 137.
22. ФНА РС (Я), ф. 2, оп. 20, д. 787, л. 1.
23. Там же.
24. АММОСОВ М.К. В гуще событий..., с. 66—67.
25. ЕГО ЖЕ. С помощью русских рабочих и крестьян (статьи, речи, воспоминания, письма). Якутск. 1987, с. 49.
26. МАКАРОВ Г.Г. Северо-Восток РСФСР в 1918—1921 гг. Якутск. 1988, с. 137.
27. Автономия Якутии. Якутск. 29.XII.1922.

Варзи-Ятчи: как все начиналось

И.В. Есиева

Начало широкой благотворительной предпринимательской деятельности в России было положено в XVIII в., когда императрица Екатерина II в 1871 г. разрешила частным лицам со своего изволения открывать благотворительные заведения. Однако подлинный расцвет меценатства получило во второй половине XIX в., что было связано с укреплением купечества и появлением нового поколения российских предпринимателей.

Одними из крупнейших промышленников Нижнего Прикамья были елабужские купцы Ушковы, которые не забывали и о нуждах родного города, активно занимаясь благотворительностью и меценатством.

Примером такой благотворительности является передача Петром Капитоновичем Ушковым 18 июня 1889 г. елабужскому земству лечебного курорта на серных водах в селе Варзи-Ятчи.

Целебные свойства этих источников в среде местного населения были известны давно. Это место у вотяков исстари считалось святым, летом здесь жители собирались для проведения обряда жертвоприношения. С течением времени молва о целебности этих источников разрасталась, сюда стали приезжать на лечение издалека, наскоро сооружая здесь себе пристанище. Развалины без дверей, полов, окон и крыш, прикрытые сверху лубьями, служили «ваннами», при этом грязь (серная) и вода вливались просто в долбленные колоды. Даже при таких крайне примитивных условиях лечение велось успешно. В 1872 г. Вятский губернатор, обращая внимание Елабужского земства на эти серные источники, просил об устройстве необходимых для правильного лечения помещений. На этом же настаивало и губернское земство¹.

В сентябре 1872 г. земство ассигновало 150 руб. для химического анализа серных источников. Произведенное химиком Казанского университета Грабовским и лаборантом Ломаном исследование установило, что Варзи-Ятчинская минеральная вода по своему целебному свойству не уступает даже пятигорским водам Кавказа. После этого елабужское земство, в виде опыта, устроило здесь приемный покой на 10 мест, но не на самом источнике, а верстах в двух от него — в Варзи-Ятчах.

Результаты лечения оказались настолько блестящими, что сюда стали приезжать не только из Елабужского и соседнего Сарапульского уездов, но и из Владимирской и Витебской губерний, так что пришлось снимать особые квартиры, за недостатком места в приемном покое. Медики находили эти сернистые грязи од-

Есиева И.В. — кандидат исторических наук, доцент филиала Казанского федерального университета. Набережные Челны.

ним из лучших и надежных средств в лечении ревматизма и ряда других болезней. Однако больницу на серном источнике за недостатком средств устроить не удалось.

Именно в это время помощь пришла от Петра Капитоновича Ушкова, мать которого давно страдала хроническим заболеванием суставов. В 1885 г., взяв в аренду два смежных участка земли и семь десятин, он построил на этом месте лечебницу².

Кроме прекрасно обставленных ванн на самом серном источнике, куда вода накачивалась паровой машиной, Ушков на собственные средства возвел и необходимые здания: большое помещение для чернорабочих и крестьян с сопутствующими службами, дома для доктора, фельдшера и акушерки, особые номера для лиц интеллигентных, словом все то, что требовалось для правильного лечения.

Торжественное открытие больничного здания на серном ключе в селе Варзиатчи Елабужского уезда состоялось 18 июня 1889 года. Корреспондент газеты «Вятские губернские ведомости» писал об этом: «Никогда в нашем селе не было такого наплыва приезжего интеллигентного народа, как 18 июня 1889 года. Еще накануне село начало наполняться приезжими из г. Елабуга. Несмотря на небывалый дождь, испортивший дороги, в селе то и дело раздается звон колокольчиков и повозка следовала за повозкой. На речках, окружающих село, во многих местах были снесены мосты. Несмотря на все, в 10 ч. утра в церкви началась литургия. Особенное торжество Богослужению придавал прекрасный и замечательно хорошо организованный хор певчих, принадлежащий строителю лечебницы и виновнику торжества Ушкову. Певчих было около 20 человек и все они состояли из служащих в конторе Кокшанского химического завода или из детей служащих. Варзиатчинская церковь с самого основания (1841) не видела в стенах такого блестящего хора певчих. По окончании литургии был совершен крестный ход на серные воды. Здесь пред зданием земской больницы было совершено водосвятное молебствие. После окропления всех зданий святой водой, Ушков предложил приехавшим гостям прекрасно сервированный завтрак. После завтрака все гости отправились осматривать здание больницы и лечебницы.

В числе гостей был врачебный инспектор Вятской врачебной управы действующий статский советник И. Михайлов. Последний, осмотрев здания, нашел их настолько прекрасно и удобно устроенными, что мог только благодарить строителя за его дорогой подарок в пользу земства»³.

Через несколько лет Михайлов, анализируя минеральные воды Вятской губернии, писал: «Летом 1889 г. последовало в моем присутствии официальное открытие Варзи-Ятчинских вод, причем мною было найдено:

а) вполне благоустроенное сернолечебное заведение, состоящее из деревянного с номерами и общим залом корпуса, длиною в 14,5 сажень и шириною в 3 сажени, построенного у самого источника серных вод и грязей для приема больными ванн с горячею водой, инжектором через паровое отопление, также со всею внутреннею обстановкой: ваннами, мебелью и проч. Этот корпус специально ваннх номеров соединяется с больницею и прочими домами открытой с барьером галереей, пролегающей через сернистое болото на протяжении 65 сажень;

б) вблизи ванного корпуса имеется особый павильон для употребления больными сернистой воды внутрь;

с) больница на 30 кроватей и при ней совершенно изолированное отделение для заразных больных;

д) одноэтажный с мезонином дом для квартиры врача;

е) дом для фельдшера и акушерки;

ф) дом с номерами и общим залом для приезжающих»⁴.

Действительно, имущества оказалось так много, что для составления описи потребовался целый день работы. С самого раннего утра привезенный председателем управы чиновник был занят составлением описи имущества, подлежащего сдаче в ведение ведомства.

Ушков, построив лечебницу и сдав ее земству, продолжал о ней заботиться, присылая партию матрацев или одеял и, время от времени, справляясь о нуждах построенного им учреждения⁵.

Современники выражали признательность Ушкову: «Искренне русское спасибо за это доброе дело скажет Петру Капитоновичу простой, вообще незажиточный класс, для которого лечение, понятно, невозможно ни в Пятигорске, ни в Столыпинских водах»⁶. «Кроме местного общества будет благодарно П.К.Ушкову и страждущее человечество»⁷. Трудно подсчитать, скольким людям помогли эти минеральные воды и грязи.

Развитие и благоустройство Варзи-Ятчинской лечебницы продолжалось и после 1917 года. В период Отечественной войны здесь работал госпиталь. Со временем курорт перешел на круглогодичное функционирование. В настоящее время лечебница продолжает успешно работать, и сегодня санаторий «Варзи-Ятчи» — это многопрофильная здравница высшей категории, возвращающая здоровье сотням больных.

Примечания

1. Вятские губернские ведомости. 1889, № 57, 19 июля.
2. ДУБРОВСКИЙ А.Г. Нижнее Прикамье — примечательный регион Татарстана: учебное пособие в помощь учителям. Набережные Челны. 1993, с. 37
3. Вятские губернские ведомости. 1889, № 56, 15 июля, с. 3
4. Там же, 1894, № 15, 19 февраля, с. 4.
5. Там же, 1889, № 81, 11 октября, с. 3
6. Там же, 1889, № 57, 19 июля, с. 3.
7. Там же, 1889, № 56, 15 июля, с. 3.

Ордосская культурная традиция в гунно-сарматское время

Е.Б. Баринаова

Ордосская культурная традиция в гунно-сарматское время важна для понимания всего комплекса этнокультурных процессов, происходивших в Центральноазиатской части евразийского субконтинента в контексте появления и формирования искусства хунну.

Особое значение в этом плане приобретает исследование памятников ранней эпохи хунну. Новые связанные с их культурой находки позднего этапа Чжаньго (около III в. до н.э.) сделаны на территории автономного района Внутренняя Монголия (могильники Хулстай, Сигоупань, Алучжайдэн) и провинции Шэньси (пункты Налиньгоуту, Лицзяпань и др.)¹. Вместе с такими памятниками, как Юйлунтай, Суцзигоу и Ваэртугоу, они относятся ко второму этапу памятников хунну, которые распространены также на территории Монголии и Забайкалья². Таким образом, протохуннская и раннехуннская традиция оказывается одним из наиболее ранних культурных образований центральноазиатской степной зоны.

Важность периода эпохи поздней бронзы для истории Восточной Азии обуславливается тем обстоятельством, что именно в чжоуское время начался переход от развитой бронзы к железному веку и централизованной империи (Цинь)³. Именно тогда складывались многие стереотипы поведения и мышления китайцев, которые затем проявлялись на протяжении столетий. С развитием археологических исследований в Китае в источниковедении чжоуской эпохи возникла благоприятная возможность корреляции материальных и письменных источников. Ведь многие сочинения создавались современниками описываемых событий. Это открыло возможность точного датирования как памятников в целом, так и отдельных находок, способствуя разработке и уточнению восточноазиатской хронологической шкалы.

В отчетах 1925 г. С.А. Теплоухов отнес находки из Ноин-Улы, Юго-Западного Забайкалья, Минусинского края и Алтая к культуре хунну. В то же время, отметив стилистическую близость анималистических изображений с названных территорий, исследователь высказал мнение о вхождении их в группу предметов скифо-сибирского стиля. Г.И. Боровка, проанализировав стилистические особенности обнаруженных предметов, пришел к заключению о принадлежности погребений в ноин-улинских горах к местному варианту скифо-сибирской культуры. Г.П. Сосновский указывал на сходство стиля и техники изготовления предметов с изображениями животных из Ноин-Улы, Дэрестуя, Минусинского края, Кузнецкого района Западной Сибири, Алтая, Северного Китая (Ордоса) и Маньчжурии. Среди находок северокайтских древностей ученых особенно заинтересовали находки «скифского облика», выполненные в «зверином стиле» и факт их близости с «сибирскими бронзами». С.И. Руденко проделал сопоставительный анализ

Баринаова Елена Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Этнографического научно-образовательного Центра Института этнологии и антропологии РАН.

художественных изделий хуннских памятников Забайкалья, Ноин-Улы, Сибирской коллекции Петра I, алтайских курганов скифо-сарматского времени и наиболее характерных ордосских предметов из других памятников и пришел к выводу о хуннском происхождения значительного большинства вещей «ордосской бронзы» и теснейшей связи хуннского изобразительного искусства с изобразительным искусством других евразийских коневодческих племен эпохи и в первую очередь с «сако-юэчжийскими» и южно-сибирскими племенами. А.В. Давыдова на основании стилистических особенностей предметов с изображениями животных, обнаруженных в Дерестуйском могильнике, высказала мнение о возможности выделения хуннского пласта среди многих сибирских художественных бронз, выполненных в «зверином стиле», и их датировки III—I вв. до н.э. М.И. Артамонов, анализируя стилистические особенности забайкальских, монгольских и ордосских находок, определил их как огрубевшие реплики ранее созданных образцов, хорошо известных в скифо-сибирском искусстве.

Решая некоторые проблемы, касающиеся искусства хунну, П.Б. Коновалов пришел к выводу о существовании у хунну самостоятельного, со своими сюжетными и композиционными особенностями, очага этого искусства. Он обратил внимание на существование у хунну, наряду с памятниками скифо-сибирского «звериного» стиля, произведений иного стилистического направления — элементов китайской культуры, не исключая при этом и обратного влияния. С.С. Миняевым проводились специальные исследования в области изучения бронзолитейного производства хунну. Рассматривая хуннские броши с точки зрения технологии производства, автор указал на преемственность в металлургических рецептах скифского и хуннского времен, характерную как для забайкальских, так и для ордосских металлургических центров. По мнению исследователя, как процесс переработки изначально зооморфных скифо-сибирских сюжетов можно рассматривать становление «геометрического» стиля в искусстве хунну. Он предположил, что эстетические критерии изобразительного искусства формировались у хунну вне зоны скифо-сибирского мира. Важной вехой для формирования этого мнения стали раскопки в 1960—1980-х гг. погребальных комплексов на территории Ордоса и близлежащих районов, где китайскими археологами было обнаружено большое количество предметов «скифского облика», связанных с декоративной, монументальной скульптурой и живописью ханьского Китая. Эти находки наглядно продемонстрировали связь культур скифо-сибирского круга с Ордосом (памятник Таохунбала ⁴, где впервые в данном регионе в предметах погребального инвентаря проявились скифо-сибирские традиции ⁵). Плато Ордос традиционно считается прародиной хунну, они появились там после 209 г. до н.э., а их первые контакты со скифским древним искусством происходили на рубеже III—II вв. до н.э. Однако Э. Банкер предположила существование ряда региональных культур с самостоятельными художественными и металлургическими традициями, которые могли быть взаимосвязаны и иметь общие черты, но не обязательно идентифицированы с хунну ⁶. Появление сходных образцов предметов искусства на обширных территориях исследовательница связала с политическим объединением племен. В то же время репертуар образов (довольно ограниченный) может указывать на этническую или политическую близость с Саяно-Алтаем, в также, возможно, на общую систему верований ⁷. А.А. Ковалев называет IV в. до н.э. временем сложения определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая ⁸ и связывает это с племенами лоуфань и байян. По мнению Артамонова, в Ордосе предметы, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле, появляются благодаря юэчжам, которые до конца III в. до н.э. занимали степи Джунгарии, Восточную Монголию до Ордоса.

Эти исследования позволяют утверждать, что в IV в. до н.э. на территорию Ордоса проникали народы, которые позже вошли в состав хуннского племенного союза. Эти процессы послужили импульсом для возникновения ордосских художественных бронз, которые являются по своей сути самыми поздними образцами скифо-сибирского искусства в центральноазиатском регионе. III—II вв. до н.э. можно считать верхней границей существования скифо-сибирской художественной традиции, поскольку именно в это время в Центральной Азии создается крупное государственное межплеменное объединение, распространившее власть хунну от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Гоби и Ордоса на юге. Почти беспрерывные войны повлекли за собой мощные миграции

этнически различного населения, что, несомненно, повлияло на искусство кочевых народов Центральной Азии.

В конечном счете, можно считать, что развитие хуннского анималистического искусства шло по двум направлениям: одно в сторону упрощения и стилизации скифо-сибирских образов, второе — наоборот, в сторону формирования новых художественных канонов. Процессы, связанные с первым направлением, в основном проходили на территории Саяно-Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Анималистические изображения, постепенно утрачивая свое первоначальное смысловое содержание из-за многократного тиражирования, продолжали там встречаться вплоть до рубежа эр. Второе направление связано, прежде всего, с влиянием китайских художественных традиций. Именно вследствие их прямого воздействия в хуннском искусстве появились новые персонажи, например, драконы на поясных пластинах⁹. Данные поясные пластины были сделаны китайскими мастерами специально для «варваров»¹⁰. Наряду с изготовлением дорогих украшений из золота и серебра для знати и правителей различных этнокультурных областей китайскими мастерами было налажено массовое производство и тиражирование различных предметов из бронзы для представителей низшего сословия. Современные отечественные исследователи предполагают, что центр их производства находился на территории одной из современных провинций Северного Китая (Нинся, Шэньси, Шаньси, Хэбэй, Ганьсу, или где-то в районе Внутренней Монголии), так как в основном среди памятников данного региона находят предметы анималистического искусства, связанные с кочевническим миром.

Археологический материал свидетельствует о том, что искусство хунну является самобытным художественным явлением, возникшим в среде кочевников центральноазиатского региона под влиянием традиций, проникавших как с Запада, так и с Востока. В конечном счете, искусство хунну просуществовало сравнительно короткий срок (II в. до н.э. — II в. н.э.), и следы его почти полностью исчезли сразу после распада хуннского племенного союза.

Примечания

1. Ордосские бронзы. Пекин. 2006.
2. ТАКАХАМА ШУ. Металлические бляшки евразийской степи. Результаты исследований древних ордосских бронз Пекин. 2009, с. 430—434; BEMMANN J. Was the Center of the Xiongnu Empire in the Orkhon Valley? Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Vol. 5. Bonn. 2011, p. 441—462.
3. Ancient Bronzes from China, Ordos and the Steppes. Ben Janssens Oriental Art, Rupert Wace Ancient Art. London. 2007.
4. В могильнике у д. Таохунбала все найденные сосуды близки к сакским. Это небольшие, гладкостенные, плоскодонные, баночной формы, с носиком-сливом кувшинообразные сосуды с одной петлевидной ручкой. Однако обряд погребения в этом могильнике несколько иной — черепа и конечности домашних животных располагались на перекрытии могильных ям. Эта черта находит аналогии в хуннских захоронениях Ильмовой Пади.
5. КОМИССАРОВ С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. Новосибирск. 1988, с. 100.
6. BUNKER E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. N.Y. 1997.
7. Ibid., p. 77.
8. КОВАЛЕВ А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V—III вв. до н.э. Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. 1999, с. 81.
9. Золотые пластины от наборного пояса, найденные в княжеской могиле Шицзышань (провинция Цзянсу, Южный Китай) эпохи Западная Хань (175—118 гг. до н.э.). См.: КАН ИН УК, БОГДАНОВ Е.С., ЛЕОНТЬЕВ Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея. — Древности Алтая. Известия лаборатории археологии, № 4. Горно-Алтайск. 1999, с. 160; БОГДАНОВ Е.С. Поясные пластины из Шицзышаня. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII Годовой сессии. Новосибирск. 1999, с. 269—275.
10. BROSEDER U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Vol. 5. Bonn. 2011, p. 349—424.

Идеология мюридизма в первой половине XIX в. на Северном Кавказе

Чжун Сечжин

В истории народов Северного Кавказа, как и вообще в истории Российской империи, суфизму и его разновидности — мюридизму принадлежит особое место. В разные исторические эпохи, в разных регионах мусульманского мира суфизм неоднократно выполнял, прежде всего, социальные функции, получая поддержку представителей самых разных общественных слоев. Отсюда и споры о сути суфизма, которые ведут сами носители мусульманской культуры: одни считают его противоречащим Корану, другие — истинным исламом. В суфизме детально разработана система, которой приписывается особая божественная сила, способствующая решению как внутренних, так и внешних проблем общины¹. По мнению К.М. Ханбабаева, Накшбандийа — единственное суфийское братство, где взаимодействие с властями с целью влияния на их политику, возведено в обязанность суфия. Другая специфика — отрицание аскетизма: все суфии — миряне, для которых необязательно жить в обители². Суфизм — форма духовной реакции на богатство и комфорт, стремление сделать религиозную жизнь более интимной³. На Северном Кавказе под воздействием ряда факторов суфизм стал одной из важнейших форм социального протеста — как против завоевателей, так и против всех видов социального неравенства.

Ханбабаев также подчеркивает, что руководители борьбы горцев — шейхи и имамы — в трансформированном виде использовали организационные принципы ранних мусульманских общин. На основе этих принципов строились войско, государство и право. Именно поэтому следует обратить особое внимание на раскрытие особенностей социальной направленности кавказского суфизма, поскольку его действительная роль в истории Северного Кавказа достаточно противоречива.

Н.И. Покровский признает определяющую роль газавата в событиях первой половины XIX в. на Северном Кавказе⁴. При этом газават являлся не выражением голого религиозного фанатизма, а, прежде всего, лозунгом практической борьбы. По мнению Г. Емельяновой, газават зародился на юге Дагестана и был принят в большинстве мест Дагестана и Чечни в конце 1830 года⁵. В конкретных исторических условиях консолидация всех сил могла произойти, главным образом, под знаменем религии, и борьба против внешней экспансии и местных феодалов естественным образом облекалась в религиозную оболочку. Как пишет, например, А.В. Васильев в своей книге «Пуритане ислама», поиски новых идеологических форм, через которые нашли бы свое выражение устремления и чаяния народных масс, — дело сложное и долгое. Для истории мусульманских стран это еще более характерно, чем для христианских⁶. Что касается значения термина «газават» с точки зрения шариата, то он

Чжун Сечжин — профессор университета Ханъянг. Республика Корея.

означает борьбу с неверными, которые сначала приняли ислам, затем отступили от него и объявили ему войну. В период образования раннефеодальных государств, когда экспансия на территорию сопредельных стран была естественным состоянием общества, главные установки ислама имели форму агрессивной идеологии. Исповедующему ислам, Коран предписывает вести непрерывную войну с неверными, пока те не примут мусульманскую веру и не подчинятся мусульманским правителям. «И бойтесь огня, который уготован неверным» — не раз повторяется в Коране. День мусульманина должен начинаться «сражением» против неверных: «И вот утром ты ушел от семьи своей, устанавливая верующих в ряды для сражения, а Аллах — слышащий, знающий». В действительности война на Кавказе была вызвана культурным столкновением между исламскими народами и православной империей ⁷.

Газават как составная часть кавказского мюридизма был направлен против царских военных наместников и тех представителей горской знати, которые перешли на службу царскому правительству. В мюридизме «освободительная борьба против колониальной экспансии царизма сочеталась с выступлением против гнета местных феодалов» ⁸. История кавказского газавата, а также практических применений предписаний Корана о войне с неверными — русскими и покорившимися им мусульманами — может служить наглядным примером того, как при помощи религиозной идеологии можно было держать в повиновении народные массы. Религия довела над сознанием людей. Ее наиболее воинствующие установки цепко держали простой народ, внушая покорность, послушание, презрение к смерти, прославляя бедность и нищету как угодные богу и щедро вознаграждаемые им ⁹. По существу, мюридизм рассматривался властями России как анти-русское движение, потому что не признавал никакой власти, которая не происходила от Пророка мусульман. Движение Шамиля было самым успешным из мусульманских движений сопротивления российскому наступлению на Кавказе.

По мнению М. Гаммера, джихад носил чисто теоретический, символический характер ¹⁰. Однако участники джихада воспринимали его не только и не столько теоретически. Он был для них каналом восприятия ислама, политическим лозунгом, руководством к практическому действию. Магомед Ярагский был первым проповедником газавата — «войны за веру». Газават стал главной особенностью и даже сутью кавказского тариката. В целом, шейхи Магомед Ярагский и Джамал-Эдин выступали в поддержку имамов и распространяли суфизм на территории, охваченной джихадом.

Что же служило опорой Магомеду Ярагскому в его борьбе против царского правительства и русских войск? Он был ревнителем интересов простых людей, постоянно подчеркивал свое материальное бескорыстие, воздержанность и аскетизм. Его задачей было не личное обогащение, а высокие идеи, которые могли бы быть приняты всеми слоями общества ¹¹. Принципы равенства и свободы всех мусульман, сформулированные в Коране, были очень актуальны в условиях разложения родовых связей и обострения социальных противоречий. Идеал равенства восходит к идеологии раннего мюридизма. Лидеры мюридизма широко пропагандировали лозунг равенства правозверных перед богом, чтобы завоевать симпатии крестьянских масс ¹².

Майор Варнер, издавший в начале 50-х гг. XIX в. в Париже книгу о Шамиле, отзывается о нем, как о «замечательном законодателе»: «Перед вождем Дагестана стояла задача образовать из множества племен, разделенных религиозной и политической враждой, один народ, дать ему общие законы и одну религию, ограничить справедливыми рамками могущество племенных князей, организовать постоянную армию, ввести в этой армии порядок и дисциплину. Эту задачу он решил. Созданные им учреждения соответствуют духу его народа и потребностям положения» ¹³.

Суфизм вполне подходил в качестве религиозного учения, способного объединить горцев для «священной борьбы». Учение о газавате и шариате Магомед Ярагский рассчитывал воплотить в жизнь как двуединую практическую задачу. И, в конце концов, идеология мюридистского тариката сконцентрировалась именно на газавате и установлении шариата. Объявление газавата неверным, не обращенным в ислам, становилось теперь главной военной и идеологической доктриной кавказского мюридизма. Эта доктрина сохранит свою доминирующую роль на протяжении всей Кавказской войны. Необходимость газавата легко обосновывалась с помощью Корана,

поскольку там имелись прямые указания на вечную и непримиримую войну правоверных с неверными. Идеология мюридизма в Кавказской войне отражала и проблемы нового уровня социальных отношений и потребности религиозной жизни. Сравнительно быстрому распространению этой идеологии способствовала историческая обстановка, в частности, подъем антиколониальной борьбы горцев.

Первое воззвание к народу Дагестана с призывом к священной войне было написано в 1829 году. В том же году Гази-Мухаммед предпринял поход на Хунзах (Авария), окончившийся неудачей. В 1830 г. он публично объявил России газават и возглавил движение, получившее название «мюридизм». Лозунг священной войны стал главенствовать в политическом движении мюридов. Имам стремился приспособить догмы тарията к нуждам военного времени с целью переориентации направления набегов и оправдания борьбы с традиционной феодальной верхушкой. Фактически, используя исламские лозунги, он стремился перераспределить собственность и власть.

В конкретных исторических условиях рассматриваемого периода консолидация народных сил могла происходить, главным образом, под знаменем религии, и борьба против внешней экспансии и местных феодалов облекалась, что вполне естественно, в религиозную оболочку. На Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. ислам превалировал в духовной жизни. Идеология, чтобы стать материальной силой, могла быть усвоена широкими массами горцев в тот период только в образах и понятиях мусульманской религии — преобладавшей формы общественного сознания. Гази Мухаммед и Шамиль собирали вокруг себя мюридов и использовали их для захвата военно-политической власти над сельскими общинами Северного Кавказа. В.Х. Акаев утверждает, что наибский мюридизм в отличие от тарикатского — явление не столько религиозное, сколько политическое¹⁴. В основе возникновения наибского мюридизма лежат серьезные социально-экономические причины, глубинные противоречия, вызванные колонизаторской политикой царизма и гнетом поддерживаемой царским правительством местной эксплуататорской верхушки¹⁵. Он считает, что газават как составная часть кавказского мюридизма был направлен не против русских, а против царских сатрапов и их прислужников — горской знати.

Поднявшись в огне классовых боев на гребне нарастающей крестьянской войны против местных феодалов и самодержавия, благочестивые тарикатисты создали имамат, который со временем изменил свое содержание и превратился в теократическое государство со своей иерархией. Мюриды не только не проводили в жизнь лозунги, провозглашенные в начале движения, но и всевозможными средствами стремились закрепить и упрочить свое положение. Лишь в условиях господства патриархальных отношений и мелкофеодальной анархии шейхи, мюриды, нештатные муллы могли оказывать достаточно сильное влияние на крестьянские массы.

Муллы и кадии год от года несли священное слово ислама. Они старались установить универсальный закон, который делал всех равными перед Аллахом. Поэтому конфронтация народного права с новым порядком (шариатом) становилась неизбежной. В период Кавказской войны, когда образовался имамат Шамиля — объединенное государство народов Северо-Восточного Кавказа — шариат успел значительно укрепиться. Имамат был основан на учреждениях шариата и на некоторых измененных принципах Суфия, особенно отношений «мюрид-мюршид», которые были заимствованы от методов Суфия, и преобразованы в отношении между правителем и подданными в джихатском государстве¹⁶.

В первый период Кавказской войны, Гази-Мухаммед проклинал местные обычаи и называл людей, придерживающихся адатов, неверными. «Адат» — слово арабское, означающее «обычай». Он употребляется в трех основных значениях: обычное право, суд по обычному праву, неправовой обычай и применяется также для обозначения обычного права исламизированных народов. Это система правил поведения, представляющая собой симбиоз местных обычаев и отдельных норм шариата. Адат и другие доисламские местные нормы и традиции регулировали межклановые, межплеменные, и междукommунальные отношения. Ко времени начала движения горцев адаты в феодальных владениях были приспособлены к интересам феодалов, которые утверждали, что шариатские суды были не в состоянии решить местные проблемы,

что регулярный закон был более продвинутым и что телесные наказания, оговоренные шариатским законом, были унижительными и неприемлемыми с точки зрения национальных обычаев¹⁷.

Адаты возникли еще при родовом строе, а позже пополнялись феодальными правами и обычаями. Адаты заключали в себе наслоение ряда эпох, от господства родового строя до расцвета феодализма включительно. Обычай мешали господству шариата. Не только феодалы, но и многие сельские общества имели свои особые адаты, которые в ряде случаев гораздо больше, чем шариат, отвечали их правосознанию. Если шариат применялся при рассмотрении гражданских дел, то, как правило, при рассмотрении уголовных дел применялся адат, так как ему были чужды такие жестокие наказания шариата, как членовредительство¹⁸.

Гази-Мухаммед был человеком непреклонной воли и твердых убеждений. В горах он считался одним из наиболее выдающихся мусульманских ученых и был известен своим красноречием. Он ненавидел аварских ханов, постоянно посягавших на независимость «вольного» общества, но как проповедник шариата считал своей первой задачей приобщение ханов к шариату. Он не только твердо настаивал на соблюдении норм шариата и предъявлял это требование местному духовенству, но и стремился соединить шариат с газаватом.

Для того, чтобы понять особенности движения горцев во главе с Шамилем, необходимо разобраться в идеологии имамата и его политическом устройстве. Термин «имамат» принято употреблять в отношении мусульманского независимого государства, управляющегося муллами, во главе которого стоит духовный и светский владыка — имам. В данном случае мы имеем дело с теократией — глава государства является прежде всего верховным духовным лицом и поэтому пользуется и светской властью, является главой мусульманского государства, главнокомандующим всеми силами мусульманского государства в священной войне. Именно такое военно-теократическое исламское государство, единое и многонациональное, существовало на стыке Дагестана и Чечни в 1830—1859 годах. Завоевание Северного Кавказа русскими в XVIII—XIX вв. сопровождалось систематическим вытеснением местного населения¹⁹. По мнению Роберта Сили, основа государства состояла из трех факторов: Шамиль как лидер, Ислам как источник законов и веры и постоянная армия как фактор обороны.

Высшая законодательная и исполнительная власть в государстве горцев Северо-Восточного Кавказа принадлежала имаму. Имам в период мюридизма представлял собой предводителя мусульман, военного и религиозного вождя. Шамиль как имам считался главою и духовным властелином. Он объединял всю административную, военную и духовную власть. В силу объективных обстоятельств и личных качеств Шамиля этот государственный пост приобрел вскоре огромное политическое значение.

Духовная власть Шамиля была настоящей пружиной его быстрого возвышения. И поскольку распространение шариата являлось в глазах правоверных законной побудительной причиной к войне, Шамиль всеми силами старался возвысить духовенство, чтобы иметь в нем опору и деятельных сподвижников для поддержания идеологии мюридизма. Что же касается рабов узденской верхушки, то они официально не освобождались, однако, как показывает источник, Шамиль вменил в обязанность владельцам рабов в аулах снабдить их всем необходимым и обращаться с ними чело-веколюбиво²⁰.

В 1834 г., после смерти своего предшественника Гамзат-Бека, Шамиль стал имамом и на протяжении последующих 25 лет возглавлял войну против России, а также против других вождей и правителей, не желавших подчиняться его власти²¹. Шамиль с исключительным усердием занимался разработкой мусульманских догматов, которые он позже превратил в законодательные нормы в созданном им государстве. После своего избрания в 1834 г., Шамиль прежде всего приступил к собиранию разрозненных сил горцев Дагестана для борьбы с наступавшим русским царизмом. Шамиль повел упорную борьбу за организацию мюридистских отрядов. При поддержке мюридов, Шамиль противостоял России в течение почти трех десятилетий. Борьбу за национальные права мюридизм подменял борьбою за торжество ислама, за полное подчи-

нение жизни религиозным законам, фактически несовместимым с реальной жизнью. В конце 40-х гг. XIX в. под верховное управление Шамиля перешла и большая часть Северного-Западного Кавказа, населенная сотнями тысяч черкесов. Посланец Шамиля, наиб Магомед-Амин, по примеру верховного имамата, сумел сплотить здесь военные силы горцев и создать организованную систему управления государственного типа.

Шамиль стремился проводить одинаковую политику по отношению к разным народам. В его письме к обществу Аргуна сказано: «Да будет известно и ведомо вам, что жители всего Дагестана у меня наравне с детьми моими. Мы не полагаем никакого различия между ними, не считаем одних близкими своими и любящими, а других далекими врагами»²². Шамиль прекрасно знал, что в прошлом народы Кавказа многократно объединялись в борьбе против завоевателей. Эту традицию дружбы и исторический опыт он не только поддерживал, но и «предпринимал титанические усилия для объединения сил народов в общей борьбе и достиг в этом деле немалых положительных результатов»²³. Подобно правителям халифата, имам сосредоточил в своих руках не только религиозную, но и военную, исполнительную, законодательную и судебную власть, являясь верховным судьей на территории имамата.

Образование имамата означало создание сильной централизованной власти, ликвидацию феодальной раздробленности, прекращение междоусобиц, создание условий для успешного развития производительных сил и оказания сопротивления Российской империи. В имамат вошли земли ликвидированного Аварского ханства, множество союзов сельских обществ горного Дагестана и Чечни.

Первое из государственных учреждений имамата — «совет ученых». Он собирался от случая к случаю. В его состав входили все виднейшие представители мусульманского духовенства, мусульманские ученые. Этот «совет» решал наиболее серьезные вопросы. Основная роль в таких «советах» принадлежала представителям мусульманского духовенства. Гази-Мухаммедом впервые были установлены «народные шариаты» или совещательные собрания. Иначе выглядел «совет имама» («диван-хан» или «тайный совет»). Он был учрежден для помощи имаму в политических, административных, религиозных и судебных делах в 1842 году. Этот совет был создан для решения важнейших государственных дел, в него входили заслуженные люди, известные ученые и военачальники, пользовавшиеся полным доверием Шамиля. Совет помогал при вынесении важнейших решений, с одной стороны, и облегчал имаму бремя повседневных обязанностей — с другой.

Возглавлял «диван-хан» сам имам Шамиль. Ему же принадлежало решающее слово. Совет собирался ежедневно (кроме пятницы) или несколько раз в неделю. Здесь решались дела государственной важности, обсуждались необходимые реформы, территориальные вопросы, производились судебные разбирательства. Председательствовал сам Шамиль, и его голос, как правило, имел решающее значение.

Имам исполнял функции верховного судьи. На суде разбирались все спорные вопросы и жалобы, поступившие через наиба или непосредственно от члена горского общества. Совет или суд шли под председательством Шамиля. Он выносил решения единолично только по жалобам отдельных лиц на притеснения или неправильные действия наибов. Все прочие вопросы разрешались в совете на основе шариата. Однако Шамиль не спешил с приговором, он любил повторять, что правитель должен все знать, но быть очень осторожным при определении наказания, дабы не обидеть невинного.

В целях эффективного управления государством Шамиль разделил его на наибства — территории, границы которых соответствовали расселению народов и обществ. Столицей имамата было первоначально Ахульго, потом Новое Ахульго, а после разрушения их генералом Граббе в 1839 г. столица была перенесена в Чечню. Имея в своем подчинении территорию с многочисленным населением, Шамиль принялся за восстановление системы имамата в более широких масштабах и более развитых организационных формах. Костяк всей системы управления составляли наибы — заместители имама. За время существования имамата было образовано 52 наибства, но более или менее постоянное их число в государстве Шамиля равнялось 20²⁴.

Имамы силой насаждали шариат. Они видели в нем инструмент для объединения горцев в борьбе против имперской экспансии и местных феодалов-коллабораци-

онистов. Имамы считали, что адаты мешают единению горцев, они существовали в разном виде в разных местах и селениях и обуславливали разрозненность и, зачастую, непримиримость во взаимоотношениях северокавказских народностей. Шариат способствовал централизации управления, объединению народов Северного Кавказа и в борьбе с царскими завоевателями был более полезен, чем адат. Гази-Мухаммед был решительным распространителем шариата в мюридическом движении, он старался устранить адаты из жизни горцев.

В шариатских установлениях все мусульмане рассматривались как равные. Тем самым шариат способствовал устранению социальных межэтнических противоречий в деле священной борьбы против неверных. Для того, чтобы достичь такой цели, имаму была нужна одна могущественная идея: человек покорен только воле Аллаха и ничьей больше. Имам хотел добиться политического единения горцев в борьбе против поработителей. Шамиль объявил газават и мусульманам, перешедшим на сторону российского правительства. Слово «неверный» означало для него захватчика, покушающегося на независимость страны. «Неверные» были не просто иноверцы, исповедующие, например, христианство. В горах существовала веротерпимость — факт, абсолютно не вяжущийся с концепцией мусульманского фанатизма, столь любимой представителями официальной царской истории²⁵. Приведем пример из письма самого Шамиля: «... предатели наши, ханы, управители, отщепенцы обратились за помощью к неверным в надежде на плотские блага...»²⁶.

Здесь мы имеем дело с наполнением старого исламского лозунга новым содержанием, почерпнутым из конкретно-исторических условий борьбы за независимость. Для имамов утверждение шариата было необходимо для создания военно-политического союза горцев в борьбе с русскими и для их идейно-культурного объединения с целью создания в дальнейшем сильного государства. Теория мюридизма и насаждение шариата способствовали на определенном этапе сплочению горских народов, преодолению их политической разобщенности в тот момент, когда внутри горских обществ сложились предпосылки для политического объединения и образования государственности.

Шамиль понимал, что шариат можно поставить на службу новому государству, использовать его для мобилизации народа. Шариат имел историческую значимость в этом регионе во время имамата. Он заставил народы горских племен забыть межплеменные и внутриплеменные распри и объединиться для борьбы. У народов, не знавших государственности или системы государственного принуждения, всех способных носить оружие ислам и шариат превратили в воинов, а все аулы и селения — в военные лагеря. По убеждению Шамиля, каждый воин должен был иметь ясное представление о том, за что он воюет. В армии действовали муллы-проповедники, которые несли духовные заветы вождя в войсковые массы и вдохновляли воинов на газават громким чтением молитв²⁷.

Теократичность имамата уже сама по себе говорит о сущности движения мюридизма. Многих оно заставляет вспомнить о крестьянских движениях эпохи феодализма. Что касается антифеодальной борьбы в горном Дагестане и Чечне времен Кавказской войны, то она как объективное социальное явление, присущее генезисным процессам феодализма, сопровождала мюридизм с самого начала. Постоянно сопутствующие войне антифеодальные настроения приобрели наиболее отчетливый вид в 40-х гг. XIX в., в период утверждения имамата. Борьба мюридов скоро стала борьбой против обычного права или адата, на котором базировался каждый джамаат.

Шамиль при участии видных людей специально написал «низам», то есть кодекс законов для руководства страной. Исходя из потребностей государства, вырабатывались все новые и новые законодательные установления, основанные на законах шариата. Это был своеобразный государственный договор между наибами и имамом, который показывает соотношение классовых сил внутри мюридистского лагеря. Низамы не были слепым копированием шариата и адата, а являлись совокупностью административно-правовых предписаний, исходящих из социально-политических особенностей объединения восставших горцев.

Основой «Низама» служил шариат, многие статьи которого оставляли место для различных толкований. Шамиль сумел приспособить шариатское право к поли-

тическим потребностям государства. Шариат был тогда единственным средством, которое могло объединить, спаять воедино многочисленные разобщенные племена, говорившие на разных языках и не знавшие в большинстве своем государственности.

Вместо увечащих наказаний Шамиль сделал упор на штрафные санкции и устрашение. Самыми распространенными мерами стали порка, штрафы, лишение свободы и выставление на позор. В случае, если наследование осуществлялось в рамках адата, после смерти горца имущество его всегда служило причиной бесконечных споров между наследниками. Обычно вопросы эти разрешались по духовному завещанию, что не всегда удовлетворяло стороны. «Низам» уравнивал в правах наследства всех детей мужского пола, независимо от условий их рождения, отвергнув обязательность исполнения воли духовных завещаний. Даже противники Шамиля, царские генералы, вынуждены были признать эффективность проведенных Шамилем мероприятий по сокращению преступности. Историк Н. Дубровин, придерживавшийся проправительственных взглядов, признавал, что «Шамиль покончил с кровной мстью у чеченцев»²⁸.

Шамиль уверял, что низамы не были попыткой изменить шариат и лишь в отдельных случаях уточняли и дополняли некоторые шариатские постановления соответственно с условиями имамата. Потому следует сделать вывод, что низамы на Северном Кавказе есть «исключительное явление», отличное от шариата. Их можно сравнить с турецкими «канунами»²⁹, которые были установлены в Османской империи, главным образом, в сфере управления, финансов и уголовного права.

Много усилий было положено на то, чтобы традиционный обычай кровной мести подчинить правилам шариата и очистить его от принятых условностей. Были введены установления, обязывающие мужа выделять часть имущества бывшей жене. Согласно низамам, приговаривать к смертной казни мог не только имам, но и наибы с ведома и разрешения Шамиля. Так, например, «Низам» допускал браки между лицами разной национальности и вероисповедания, порой при формальном принятии ислама. Родители обязывались своевременно выдавать дочерей замуж, в противном случае это мог сделать наиб. По адату, от жениха требовался большой калым — выкуп за невесту. У чеченцев это привело к растущему числу неженатых молодых людей и незамужних девушек. Чтобы положить всему этому конец, Шамиль резко уменьшил размеры калыма. Он установил его предельную сумму в 20 руб. серебром за девушку и 10 руб. за вдову или разведенную женщину, а сторонам предоставил право еще сокращать калым по взаимному согласию. «Низамам» предусматривалось, что за женщиной при разводе сохраняется не только калым, но и родительское приданое. Теперь при разводе муж должен был оставлять калым и возвращать все то, что приносила в его дом невеста³⁰.

Наибы, рассмотрев «Низам» с его новыми положениями и узаконенными наказаниями, назначенными имамом, изъявили свое согласие со всем. Несомненно, это был своеобразный государственный договор между наибами и имамом, который в известной мере указывает на соотношение классовых сил внутри мюридистского лагеря. Таким образом, в первой половине XIX в. мюридизм на Северном Кавказе был представлен двумя направлениями, которые принято именовать «тарикатским» и «наибским». Борьба между духовными лидерами мюридизма завершилась фактически победой наибского мюридизма — он превратился в наиболее авторитетное религиозное течение, имевшее большое число приверженцев. Мюридизм, как идеология антиколониальной борьбы горцев, стал знаменем освободительной борьбы.

Примечания

1. СТЕПАНИАНЦ М.Т. Мусульманские концепции в философии политики XIX—XX вв. М. 1982.
2. ХАНБАБАЕВ К.М. Суфизм и борьба горцев. Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала. 1998, с.55—56.
3. БАРАНЕЦ А.А. Мистика в христианской и мусульманской культурах: компаративистский подход. Ростов-на-Дону. 2000, с. 153.

4. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2009, с. 243.
5. YEMELIANOVA G.M. Russia and Islam. A Historical Survey. N.Y. 2002, p. 50.
6. ВАСИЛЬЕВ А.В. Пуритане ислама. М. 1967, с. 90.
7. HAMBURG G. A commentary on the two texts in their historical context. Russian-Muslim confrontation in the Caucasus. Alternative visions of the conflict between Imam Shamil and the Russians, 1830—1859. L.-N.Y. 2004, p. 182.
8. Большая советская энциклопедия. Т. 2. М. 1973, с. 119.
9. СМИРНОВ Н.А. Политика России на Кавказе в веках. М. 1958, с. 171.
10. ГАММЕР М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998, с. 76.
11. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Кавказская война. М. 1994, с. 201—214.
12. ФАДЕЕВ А.В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке. — Вопросы истории. 1955, № 6, с. 73.
13. WARNER le major. Schamyl le prophete du Caucase. P. 1854, p. 13.
14. АКАЕВ В.Х. Суфизм и мюридизм: методологический анализ их взаимоотношений. Проблемы атеистического воспитания в ВУЗах Северного Кавказа. Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала. 1989, с. 109.
15. Там же, с. 109—111.
16. BOBROVNIKOV V. Islam in the Russian Empire. The Cambridge history of Russia. Imperial Russia, 1689—1917. N. Y. 2006, p. 211.
17. KARPOV Y. Image of violence in modern and recent history of the people of the North Caucasus. Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 41, № 4 (Spring 2003), p. 33.
18. ХАШАЕВ Х.О. Общественный строй в Дагестане в XIX веке. Дис. докт. ист. наук. М. 1957, с. 143.
19. KHALILOV R. Moral Justifications of secession: the case of Chechnya. — Central Asian Survey. 22(4), (December, 2003), p. 410.
20. Акты Кавказской археографической комиссии, т. 12, с. 1481—1487.
21. БУШУЕВ С.К. Государственная система имамата Шамиля. — Историк-Марксист. 1937, № 5—6, с. 79.
22. СМИРНОВ Н.А. Ук. соч., с. 213.
23. РАМАЗАНОВ Х.Х., РАМАЗАНОВ А.Х. Шамиль: исторический портрет. Махачкала. 1990, с. 10.
24. БУШЕВ С.К. Ук. соч., с. 85.
25. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Мюридизм. Отгиск главы из докт. дисс. «Завоевание Северо-Восточного Кавказа», защищенной в 1939 г., с. 60—61.
26. ЯНДАРОВ А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата. 1975, с. 115.
27. ДЕГОЕВ В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М. 2001, с. 183—184.
28. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. Кавказ. СПб. 1871, с. 467.
29. ГАММЕР М. Ук. соч., с. 321—323.
30. Низам Шамиля. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис. 1870, с. 13—14.

Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства

Н.Г. Кедров

Сегодня среди специалистов по истории российского крестьянства обсуждается проблема зависимости современной историографии от источниковой базы и исследовательских практик, сложившихся еще в советской исторической науке. Зависимость от прежней исследовательской традиции можно увидеть и в изучении коллективизации. И дело здесь отнюдь не в костности отечественного сообщества историков-аграрников. Напротив, попытки глобального пересмотра подходов в изучении коллективизации предпринимались неоднократно. В советские времена такие повороты были чреваты организационными последствиями, как это произошло в случае с неизданным двухтомником под редакцией В.П. Данилова ¹. В итоге подобных ревизий исследовательские оценки значительно изменялись (иногда на противоположные), несмотря на это историография неизменно возвращалась в уже устоявшееся русло. Все это делает актуальным анализ эволюции концептуального осмысления этой проблемы. На наш взгляд, отечественная историография коллективизации в своем развитии балансирует между двумя инструментально-теоретическими моделями ее изучения, которые условно могут быть названы субъективистской и объективистской. Субъективистская модель предполагает рассмотрение исторических процессов посредством анализа деятельности того или иного абстрактного исторического персонажа: будь-то партия или государство. Объективистская представляет эти же процессы, как самодетерминирующуюся реальность. В силу поставленной задачи в настоящей работе историография коллективизации рассмотрена автором, как череда сменяющих друг друга исследовательских программ.

В современной исторической науке принято выделять три основных этапа изучения коллективизации: 1) с 1930-х — до середины 1950-х гг.; 2) с середины 1950-х — до конца 1980-х гг.; 3) с конца 1980-х гг. — по наши дни.

Первое направление в изучении событий коллективизации сформировалось непосредственно в 1930-е годы. Оно вытекало из практических решений партии и было идейно оформлено в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Сегодня хорошо известно о том огромном значении, которое придавал этому учебнику И.В. Сталин, являвшийся одним из основных авторов и редакторов книги ². Разумеется, в ходе подготовки «Краткого курса» Сталина мало волновали собственно научные задачи. По мысли создателя, эта книга должна была стать одновременно аргументированным обоснованием его политической позиции на различных этапах восхождения к вершинам власти и прямым доказательством правильности принимаемых тогда решений. Все это не

Кедров Николай Геннадьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея С.М. Кирова. Санкт-Петербург.

способствовало поискам истины, тем не менее, в силу особенностей политического режима в СССР, «Краткий курс» стал подлинной научной программой для последующих исторических исследований.

В вопросе о коллективизации для Сталина, конечно же, было важно, с одной стороны, подчеркнуть свою идейную преемственность по отношению к В.И. Ленину, с другой стороны, отразить свой вклад в развитие его идей. Поэтому в качестве основоположника идеи коллективизации «Краткий курс» называл Ленина. Его кооперативный план «построения социализма путем вовлечения крестьян в дело социалистического строительства» стал теоретической базой для создания колхозов. Однако, согласно учебнику, Сталин применил ленинские идеи в принципиально новых условиях «стабилизации капитализма» и для решения новой задачи «построения социализма в одной стране»³.

Разумеется, не менее важным для Сталина было размежеваться со своими политическими противниками. Тем более, что в вопросе о коллективизации он не всегда занимал однозначную позицию. Несколько ранее, в 1924 г., на этапе борьбы с Л.Д. Троцким, Сталин доказывал перспективность «домашней системы государственно-социалистического производства»⁴. Теперь же, переняв и применив многие идеи «левых», Сталин стремился дискредитировать их. Согласно «Краткому курсу»: «На словах ... они высказывались за колхозы и даже обвиняли ЦК в том, что он ведет коллективизацию недостаточно быстрым темпом, а на деле они издевались над политикой вовлечения крестьян в социалистическое строительство...». Далее по тексту «Краткого курса» и вовсе ставился знак равно между Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и Рыковым. Рассказывая о «правом уклоне», «Краткий курс» сообщал, что «бухаринцы» от представителей «троцкистско-зиновьевского блока» отличались лишь формально. Если последние прятали «свою капитулянтскую сущность» за «крикливо-революционными фразами о “перманентной революции”», то первые выступали в поддержку кулачества «открыто, без прикрас, без маски»⁵. Внутрипартийная борьба связывалась в «Кратком курсе» с положением в деревне. Из этого вытекало сталинское объяснение необходимости коллективизации: агитация «троцкистов» и «бухаринцев» находила активную поддержку среди кулаков, которые отказывались продавать излишки хлеба государству и применяли иные формы «классовой борьбы». В результате армия и города оказались перед угрозой голода. Таким образом, «Краткий курс» изначально связывал деревню с нуждами советского государства. В условиях хлебозаготовительного кризиса власть оказалась в ситуации выбора: «либо перейти на крупное капиталистическое производство», «либо стать на путь объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства»⁶. Разумеется, выбор представлялся вполне очевидным. Осуществление коллективизации, таким образом, оказывалось предопределено необходимостью построения социализма в СССР. Однако сам вопрос о возможных альтернативах коллективизации, вытекавший из спора Сталина со своими идейными оппонентами, впоследствии стал важной исторической проблемой, обсуждение которой активно продолжается вплоть до сего дня.

Собственно событиям коллективизации в «Кратком курсе» отведено весьма значительное место. В частности, этой теме была посвящена почти вся XI глава учебника. Развитие процесса коллективизации рассматривалось авторами «Краткого курса» по следующей схеме. Подъем промышленности в ходе индустриализации привел к массовому поступлению тракторов и других сельскохозяйственных машин в деревню. Знакомство крестьян с работой новой техники в совхозах и МТС способствовало росту колхозного движения, которое отныне приобрело массовый характер. Соответственно, сплошная коллективизация потребовала нового землеустройства, перехода в пользование колхозов земель, которые ранее принадлежали кулакам. Эта необходимость стала причиной перехода от политики ограничения кулачества к политике его «ликвидации как класса». В целом Сталин крайне высоко оценил коллективизацию. «Краткий курс» утверждал: «это был глубочайший революционный переворот, скачек из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту 1917 года». Такая трактовка весьма рельефно подчеркивала историческую роль самого Сталина. Исходя из этого тезиса получалось, что если Ленин

подготовил и совершил Октябрьскую революцию, то Сталин осуществил не меньший «революционный переворот» на пути к социализму. В силу этого «Краткий курс» подчеркивал организованный, планомерный характер коллективизации. «Своеобразие этой революции состояло в том, что она произведена сверху, по инициативе государственной власти» — говорится в «Кратком курсе»⁷. И действительно, согласно учебнику, именно государство осуществляло индустриализацию страны, дало деревне технику, именно XV съезд партии выносил решение о коллективизации, именно власть организовала наступление крестьянства на кулачество. Сама сплошная коллективизация и раскулачивание проходили по тщательно разработанному с учетом региональных особенностей плану, изложенному в постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года. Таким образом, коллективизации в «Кратком курсе» рассматривалась сквозь призму политики партии по отношению к крестьянству.

Планомерный характер процесса коллективизации проявился даже в трактовке сюжета о «перегибах». Текст учебника содержал строгий по-сталински дидактически выверенный реестр «искажений партийной линии» в вопросе коллективизации. К числу «перегибов» «Краткий курс» относил четыре вида нарушений: 1) нарушение принципа добровольности при создании колхозов; 2) замена объяснения основ коллективизации бюрократическим подходом; 3) «перетаскивание» коллективных хозяйств через артель к коммуне; 4) форсирование темпов коллективизации⁸. Конечно же, реакцию крестьянства на эти «извращения» «Краткий курс» излагал предвзято. Согласно учебнику, «перегибами» воспользовались кулаки, дабы «озлобить крестьянство и вызвать мятежи против советской власти». Размах крестьянского протеста в тексте учебника минимизировался и ограничивался хронологически и территориально: второй половиной февраля 1930 г. и «некоторыми районами». Вместе с тем, интересно отметить, что объясняя этот сюжет, Сталин не считал возможным использовать свой излюбленный логический аргумент, объяснив неудачи происками «троцкистов» и «бухаринцев». Такая трактовка появилась лишь в последующей литературе. В самом же «Кратком курсе» перегибы — это ошибки партийных работников на местах. Сложно в данном случае судить о мотивах вождя. Однако понимание перегибов всего лишь как «искажений партийной линии» еще раз подчеркивало правильность сталинского курса и управляемость процесса коллективизации. Высвечивала такая трактовка и личную роль Сталина, статьи которого «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» стали, согласно «Краткому курсу», основой для исправления ошибок и закрепили «успехи колхозного движения».

Изложение последующей истории деревни на страницах «Краткого курса» имело характер победных реляций. Повествование в оставшейся части учебника концентрировалось, главным образом, вокруг задачи «организационно-хозяйственное укрепление колхозов». Ответом ЦК партии на организационную слабость коллективных хозяйств и враждебные действия кулачества, проникшего в колхозы, стало решение о создании политических отделов при МТС, которые, согласно «Краткому курсу», сыграли важнейшую роль в деле укрепления колхозных кадров. Призыв Сталина на Всесоюзном съезде колхозников-ударников «сделать всех колхозников зажиточными, а колхозы большевистскими» был успешно претворен в жизнь. Как следствие в учебнике превозносились достижения советского сельского хозяйства, среди которых назывались увеличение посевной площади и производства зерновых, преодоление бедности и необеспеченности в деревне, уничтожение «эксплуатации человека человеком».

В целом же «Краткий курс» парадоксальным образом пытался соединить две, казалось бы, противоположные идеи. С одной стороны, он говорил об исторической неизбежности, предопределенности построения социалистического общества в СССР, с другой — настаивал на необходимости борьбы Коммунистической партии за осуществление этой великой задачи. С точки зрения создателей, вторая идея оказалась явно более приоритетной. Неслучайно один из современных авторов указывал, что «социально-психологический мир “Краткого курса” есть мир борьбы»⁹. Эта идея не только более рельефно высвечивала роль самого «вождя», она также служила оправданием тех жертв и потерь, которые пришлось понести стране. В результате субъективистское объяснение событий коллективизации в «Кратком курсе» явно преобладало над объективистским. Логика причинно-следственных связей и факторы, объясняющие

события коллективизации, в большинстве своем носили социально-политический характер. Такая трактовка осталась неизменной и для других работ о коллективизации данного историографического этапа. Исторические сочинения Г. Овсянникова, М. Смирнова, Б. Абрамова М. Краева в теоретическом отношении не внесли ничего нового в изучение коллективизации¹⁰. Конечно же, они оперировали несколько большим фактическим материалом, однако приводимые данные не давали повода усомниться в верности сталинских оценок. Ко всему прочему их сочинения отличались еще большей апологетикой в адрес «вождя». Поэтому можно согласиться с мнением В.П. Данилова, несколько позже охарактеризовавшего эти работы следующим образом: «В известной степени они были обязаны своим появлением 20-летнему юбилею революционного поворота в жизни советского крестьянства. Их содержание сводилось к комментированию положений “Краткого курса истории ВКП(б)”, к их подтверждению и иллюстрированию отдельными примерами»¹¹.

Середина 1950-х гг. стала важным рубежом в изучении истории советского общества, в том числе и отечественной аграрной истории. Интерес к ней был обусловлен рядом общих посылок. Начавшееся обличение «культы личности» Сталина, разумеется, имело ограниченные масштабы и не предполагало малейших сомнений в правильности курса партии на построение социалистического общества. Тем не менее, эта идейно политическая установка нового руководства страны ориентировала ученых на выяснение закономерностей исторического опыта СССР. Другой существенной посылкой были многочисленные и далеко не всегда успешные эксперименты Н.С. Хрущева в аграрной сфере. Они стимулировали изучение экономических проблем. Среди части советских экономистов и историков появился интерес к творчеству ученых-аграрников 1920-х годов¹². Применение их научных методик значительно обогатило научный инструментарий исследователей деревни. В итоге аграрная тематика приобрела значение одного из важнейших сюжетов в структуре исследований, посвященных советской истории. Организационным центром изучения этих проблем стал Институт истории СССР Академии наук СССР, а научным форумом — созданный в 1958 г. Симпозиум по изучению аграрной истории Восточной Европы. На этой организационной основе сформировалось целое поколение отечественных историков-аграрников: В.П. Данилов, Ю.С. Кукушкин, Ю.А. Поляков, Ю.А. Мошков, И.Е. Зеленин, В.В. Кабанов, Н.А. Ивницкий, М.А. Вылцан, В.М. Селунская.

Происходящие в стране перемены имели не только организационное, но и идейное измерение. В 1954 г. в журнале «Коммунист» появилась статья М. Кима и Г. Голикова, критиковавшая отдельные работы предшествующего периода за «слабость теоретического мышления». В статье ставился ряд принципиально новых задач. Авторы отмечали необходимость изучения закономерностей общественного развития, экономической обусловленности явлений, творческой активности масс, взаимосвязи города и деревни¹³. Эти взгляды разделяли и некоторые молодые ученые-аграрники. Тенденция к объективизации в объяснении процессов коллективизации хорошо заметна в историографических статьях второй половины 1950-х — начала 1960-х гг., содержащих научную критику литературы, характерной для предшествующего этапа историографии советского крестьянства¹⁴. Еще более остро подобная критика звучала на различных конференциях, внутриинститутских обсуждениях, не говоря уже о кулуарном общении ученых.

Об этом можно судить по ряду выступлений Данилова. В 1955 г. на обсуждении статьи Кима и И.Б. Берхина, посвященной периодизации истории советского общества, Данилов, далеко не во всем соглашаясь с авторами, приветствовал саму попытку выйти из рамок, заданных периодизацией «Краткого курса». Он говорил: «Нельзя механистически переносить периодизацию истории политической надстройки, — а партия является составной частью политической надстройки, — на развитие, допустим, народного хозяйства или на культурное развитие, на историю национального развития и т.д.». В качестве достоинства обсуждаемой статьи Данилов отметил, что в основу периодизации были «положены, прежде всего, внутренние факторы общественного развития, те процессы и явления истории советского общества, в которых проявляется его сущность и его особенности»¹⁵. В другом случае, настаивая на необходимости изучения социально-экономической проблематики, ученый отмечал: «...вместо изучения исторических явлений как таковых, изучали все, что хочешь, кроме этих явлений. Изучали борьбу за кооперацию, изучали роль кооперации. Конечно, нужно изучать и борьбу, и роль, но надо изу-

чать само по себе данное историческое явление. Особенно это проявлялось раньше в изучении событий социально-экономической истории»¹⁶. Это был также откровенный упрек «Краткому курсу», который рассматривал историю СССР, как череду свершений Коммунистической партии.

В итоге в 1950-е гг. была сформирована новая научная программа исследований коллективизации. В ее основе лежал объяснительный механизм, нацеленный на выяснение объективных закономерностей истории советского общества. Стремление Данилова к ревизии подходов, заложенных «Кратким курсом истории ВКП(б)», сделало его лидером в формировании этой научной программы изучения советской деревни. Вместе с тем, по той же причине, он не подходил в качестве автора новой официальной концепции коллективизации. Именно поэтому, созданный в 1964 г. под его редакцией коллективный двухтомный труд так и не был опубликован. Тем не менее, власть явно нуждалась в заполнении этого идейного вакуума. Ведь коллективизация продолжала считаться одним из важнейших шагов на пути построения социализма в СССР. Задача обоснования коллективизации в новом идейно-политическом контексте в итоге была выполнена С.П. Трапезниковым. Сегодня, учитывая тот факт, что Трапезников занимал видное место в аппарате ЦК КПСС, а также ряд частных моментов во взаимоотношениях с Даниловым, в научных кругах сложилась снисходительно-пренебрежительная оценка его научного творчества. Однако это — взгляд сквозь призму достижений последующей историографии. Двухтомник Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» стал первым в Советском Союзе обобщающим трудом, рассматривающим коллективизацию с точки зрения новой по отношению к «Краткому курсу» научной и идейно-политической линии¹⁷. И в этом отношении он просто не мог не повлиять на развитие советской историографии крестьянства.

Трапезников относился к более старшему нежели Данилов академическому поколению и свою научную деятельность на ниве изучения советского крестьянства начинал в духе «Краткого курса». Следует, однако, отдать ему должное — Трапезников хорошо чувствовал направление ветра политических перемен. Его первая крупная работа на тему коллективизации в плане оценок не значительно отличалась от других работ начала 1950-х годов¹⁸. Однако, уже в автореферате докторской диссертации, защищенной им в 1955 г., несмотря на очевидную концептуальную близость к монографии, исчезли практически все ссылки на Сталина, за исключением самых необходимых¹⁹. К моменту выхода «Ленинизма и аграрно-крестьянского вопроса» оценки коллективизации у Трапезникова претерпели значительные изменения.

Даже из названия его работы ясно, что особое значение в деле осуществления коллективизации придавалось В.И. Ленину и его идеям. Именно им был разработан «кооперативный план — научная основа социалистического преобразования деревни». Кооперация, таким образом, называлась главным промежуточным звеном на пути строительства социализма²⁰. По мнению Трапезникова, уже в ленинском кооперативном плане были определены условия, необходимые для построения «фундамента социализма»: союз рабочего класса и крестьянства, развитие социалистической индустрии, переход крестьянства на путь коллективного хозяйства, необходимость борьбы с классовыми врагами. Если исходить из этого перечня, то получалось, что все последующие процессы развития советского крестьянства были уже изначально predeterminedены Лениным. Сталин в этой трактовке оказывался и вовсе не у дел, его словно бы и не было. Разумеется, это было очень серьезное смещение акцентов. Значительные отличия присутствовали и в трактовке Трапезниковым собственно колхозного движения. Социально-экономические сдвиги на селе, по словам автора двухтомника, способствовали массовому переходу крестьян к крупному социалистическому производству. Он писал: «Все это свидетельствовало об активизации общественных сил, о пробуждении творческой инициативы, идущей снизу». «Революция сверху» в его концепции заменялась революционным переворотом внутри самого крестьянства. Последнему в системе аргументации Трапезникова способствовали две главные посылки. Во-первых, опыт деятельности крупных колхозов убеждал крестьян-единоличников в выгоды крупного производства. Во-вторых, начиналось сближение простых форм сельскохозяйственной кооперации с более высокой колхозной формой объединения крестьянских хозяйств²¹. Таким образом, интенции кооперативного плана Ленина в трапезниковской концепции коллективизации были реализованы самим крестьянством. Разумеется, не забыл

автор сказать и о роли партии: она и готовит колхозное движение, и направляет его, и руководит им. Однако в этой системе взглядов Коммунистическая партия превращалась из главного движущего механизма коллективизации в его руководящий центр, придававший этому процессу более организованный характер.

В трактовке Трапезниковым раскулачивания больших отличий от «Краткого курса» не заметно. А вот в вопросе о «перегибах» автор помимо объективных причин (отсталость деревни, успех индустриализации, новизна решаемой проблемы), называл и субъективную причину (Сталин дал неверные указания). Развитие советской деревни в 1930-е г. в двухтомнике в целом описывалось так же, как и в «Кратком курсе», как триумфальное шествие к социализму. В этой части появился, пожалуй, единственный принципиально новый вопрос о «трудовом перевоспитании» «экспроприированного кулачества», который, правда, подавался в духе описания благодеяний партии по отношению к бывшим угнетателям²². В целом концепция коллективизации Трапезникова носила компромиссный характер. Она пыталась непротиворечиво соединить идею руководящей роли партии с объективистскими интенциями новой научной программы. Казалось бы, Трапезников создал логичную схему коллективизации на основе перерастания кооперативных форм организации крестьянства в социалистические. Однако у концепции был весьма серьезный недостаток — теоретические построения Трапезникова расходились с реальными процессами развития села. Особенно очевидна слабость аргументации в трапезниковском двухтомнике при сравнении его с научными работами Данилова.

В год защиты Трапезниковым своего докторского сочинения состоялась и защита кандидатской диссертации Данилова²³. В отличие от первой, она вызвала широкий научный резонанс. В последствии основные выводы диссертации в несколько отретушированной форме были повторены Даниловым в его монографии «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР»²⁴. Данилов, как, наверное, и следовало историку-марксисту, в своем анализе причин коллективизации оттолкнулся от закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Согласно этому теоретическому положению истоки коллективизации следовало искать, исходя из изменения характера средств производства в доколхозной деревне. Однако анализ реальных данных показал, что действительность не соответствовала этим теоретическим рамкам. Оказалось, что сельскохозяйственное производство накануне коллективизации носило примитивный, рутинный характер, а его производительной основой был ручной труд. Главным достижением 1920-х гг. в развитии технической основы крестьянских хозяйств стал процесс вытеснения сохи плугом. Уровень насыщения сложной техникой в нэповской деревне оставался незначительным. Так, к началу сплошной коллективизации в советской деревне было всего 34 943 трактора, а их удельный вес в энергетических ресурсах сельского хозяйства составлял всего 2,8%. С их помощью обрабатывалось не более 1% от площади посевов²⁵.

Таким образом, материально-технической базы коллективизации к ее началу просто не существовало. Однако Данилов не остановился и на этом. Историк писал о том, что себестоимость тракторов советского производства оставалась сравнительно высокой. Но даже сбыт по ценам ниже себестоимости вызывал сложности с их реализацией. Для бедняков и середняков в виду маломощности их хозяйств покупка тракторов была просто нерациональной. Приобретение тракторов кулаками государство стремилось ограничить. Отсюда вытекали известные сложности в развитии советского тракторостроения. В результате в логике Данилова изучаемые факторы менялись местами. Получалось, что лишь осуществление коллективизации привело в итоге к созданию новых производительных сил в сельском хозяйстве. Бесспорно, что такая трактовка в определенном смысле расходилась не только с оценками, но и с самой логикой «Краткого курса». Некоторые авторы впоследствии пытались ее дезавуировать, говорили о том, что нет оснований отождествлять материально-технические посылки и материально-техническую базу коллективизации²⁶. Тем не менее, точка зрения Данилова тогда фактически победила среди советских историков-аграрников.

Однако, вместе с тем нерешенным для Данилова остался главный вопрос его исследования. Ведь изучением материально-технической базы коллективизации ученый занялся отнюдь не с целью развенчания ошибочных положений «Краткого курса». Из выводов первой моногра-

фии вытекала новая исследовательская задача. Если не материально-техническая база, то что же тогда являлось объективной предпосылкой процесса социалистического преобразования — кооперация, опыт колхозов, классовая борьба в деревне? Ответа на этот вопрос от Данилова требовала, прежде всего, теоретическая рамка его исследовательской программы. С этой целью в 1960-е — 1970-е гг. Данилов занялся изучением различных аспектов социальной инфраструктуры доколхозной деревни. Итогом работы ученого в этом направлении стали две книги, которые можно считать вершиной советской аграрной историографии ²⁷.

Проанализировав колоссальный эмпирический материал, ученый пришел к выводу, что кооперация в 1920-е гг. отнюдь не вела крестьян к формированию колхозов, а, напротив, «способствовала укреплению семейно-индивидуалистического хозяйства». Для бедняков она служила возможностью поднять свое хозяйство до середняцкого уровня, а для части середняков и кулаков и вовсе была одним из источников капиталистического накопления. Даже в товариществах по совместной обработке земли кооперация, по мнению Данилова, носила полусоциалистический характер, ибо в этом «дуалистическом организме», важнейшей для жителя села частью оставался крестьянский двор. В полной мере социалистической формой объединения крестьян можно было считать только колхозы. Но большинство колхозов были мелкими (в 1929 г. на один колхоз приходилось 17,4 крестьянских дворов), а их суммарные показатели в экономической жизни деревни — чрезвычайно малы. В 1929 г. колхозами обрабатывалось 3,5% посевных площадей, а их удельный вес в сельскохозяйственном производстве равнялся 3,8% (вместе с совхозами 5,6%). Социальное расслоение в доколхозной деревне носило раннекапиталистический характер. Характеризуя социальный строй доколхозной деревни, Данилов писал: «В общей совокупности социальных связей и отношений доколхозной деревни при огромном преобладании мелкотоварного уклада, получил известное развитие и уклад частнокапиталистический, особенно в рыночной сфере, где и начались массовые схватки между силами старого и нового, между капитализмом и социализмом. Однако и те, и другие отношения в деревне 1920-х годов носили первоначальный, ранний, неразвитый характер, соединялись и переплетались с отношениями добуржуазными, натуральными, патриархальными» ²⁸.

Проделанная работа позволяла Данилову с сарказмом смотреть на построения Трапезникова, однако основной вопрос даниловской научной программы так и остался не решен. Повидимому, по мере работы над этой темой Данилов все больше убеждался в том, что коллективизация и вовсе не имела каких-либо объективных предпосылок, что ее реальные причины лежали вне мира деревни и задавались потребностью советского государства в использовании экономических и человеческих ресурсов деревни для осуществления индустриализации и иных задач. Во всяком случае, это объясняет то, почему безупречный ученый, потративший большую часть своей академической карьеры на поиск экономических и социальных предпосылок коллективизации, в 1990-е гг., когда открылась возможность свободы слова, заявил об «антисоциальности сталинизма» ²⁹. Разумеется, открыто в советской научной печати эта мысль прозвучать не могла. Отсюда выростала знаменитая даниловская «многоликая фигура умолчания» ³⁰. Об этом полемическом приеме Данилов знал очень многое. С фигурой умолчания в исторической науке ученый вел непримиримую борьбу, но одновременно сам был вынужден ее использовать.

Бесспорно, что аграрная историография 1960-х — 1980-х гг. сделала значительный шаг вперед в сравнении с работами предшествующего периода. В ряде специальных исследований более детально были проанализированы ход коллективизации и отдельные ее аспекты ³¹. Литература, посвященная социалистическому преобразованию сельского хозяйства, пополнилась рядом региональных исследований ³². В историографии крестьянства появился ряд новых сюжетов и трактовок. обстоятельно было изучено социально-экономическое развитие деревни. В исследовании самого процесса коллективизации значительно шире была рассмотрена тема крестьянского сопротивления, хотя как и прежде оно интерпретировалась как «классовая борьба». В ряде случаев в работах советских историков-аграрников предпринимались попытки переложить ответственность за «перегибы» с местных партийных работников на высшее руководство СССР. Значительно скромнее стали трактоваться успехи колхозного строя. Благодаря,

в первую очередь работам Ю.А. Мошкова, научной общественности стали известны данные о спаде сельскохозяйственного производства в СССР после коллективизации³³.

В трудах историков появились разделы, посвященные развитию культурной инфраструктуры и быту колхозников. В 1980-е гг. была поставлена задача изучения духовного мира крестьянина, однако, она так и не успела вылиться в сколь-либо крупные работы³⁴. Появилось значительное число историографических исследований³⁵. Достижения историографии тех лет нашли отражение в коллективных обобщающих трудах по истории советского крестьянства³⁶. В целом, однако, оценки коллективизации изменились не столь уж значительно. Уточнение различных аспектов ее осуществления неизбежно вело к более подробному анализу материалов партийных съездов, пленумов, конференций и практических мер по их осуществлению. Экономические сюжеты, как правило, рассматривались на основе статистики в рамках всего Советского Союза и по сути превращались в анализ аграрной политики советского государства и ее результатов. Даже ревизионистский пыл отдельных исследователей, стремящихся к пересмотру сталинского наследия, концентрировал внимание научной аудитории вокруг прежних сюжетов. К тому же, политический курс власти с конца 1960-х гг. приобрел охранительный характер, и стремление к переоценке тех или иных вопросов вскоре стало вовсе невозможным. В итоге теоретические посылки исследовательской программы 1950-х гг. так и не были реализованы в полной мере. Коллективизация, как и прежде, изучалась через призму государственной политики, а истории собственно деревни в этой схеме отводилось весьма скромное место. Попытки объективации этого подхода имели ограниченные результаты.

Перестройка принесла долгожданную в кругах историков-аграрников свободу слова. Интеллектуальный восторг от соприкосновения ученого с истиной чувствовался в небольшой заметке Ч.Э. Сымоновича, сделанной им по итогам заседания очередной сессии Симпозиума. «Что узнали мы нового о коллективизации? — писал Чеслав Эрастович — Детали процесса? Да, но это такие детали, о которых еще надо говорить снова и снова. Временное ослабление нажима на село весной 1930 г. было вызвано более 2 тыс. крестьянских выступлений с 800 тыс. участников! Более половины раскулаченных были тогда бедняками и середняками. Погибла в ссылке примерно одна треть раскулаченных. Хлебозаготовки 1931—1932 гг. составляли 56% сбора и превышали уровень продрозверстки в 2—3 раза. Вывезенных за границу 110 млн пудов хватило бы, чтобы спасти от голодной смерти многих. Хорошо, что на сессии прозвучали выводы очевидные, но давно не произносимые публично. Главной задачей коллективизации было создание механизма извлечения из деревни продукции сельского хозяйства, аграрной основы системы. Главный довод — якобы нарастание военной угрозы. Главный метод — насилие. Главный итог — превращение крестьян в бесправных наемных работников на государственных землях. Фактически в государственных крепостных»³⁷.

Понятно, что многие ученые наконец-то смогли сказать о наблевшем. Однако даже из этой небольшой заметки ясно, что основным направлением в переосмыслении событий коллективизации стало освещение преступлений сталинского режима против крестьянства. Научный поиск аграрников стимулировали также кризис советского сельского хозяйства и «исчезновение деревни». Причины этих явлений многие ученые видели в функционировании административно-командной системы. В литературе рубежа 1980—1990-х гг. подчеркивались бюрократические методы управления, неэквивалентный обмен между городом и деревней, отчуждение крестьян от результатов своего труда, ставшие характерными чертами колхозной жизни³⁸. Сама тема коллективизации была предметом широкой общественной дискуссии, в ходе которой обсуждалась проблема необходимости экономической, политической и социальной целесообразности ее осуществления. Вместе с тем такая постановка вопросов неизбежно возвращала исследователей к анализу различных аспектов аграрной политики государства.

В 1990 г. с программной статьей «Коллективизация сельского хозяйства в СССР» выступил Данилов. В ней прозвучал ряд принципиально новых оценок сталинской «революции сверху». Автор подробно остановился на характеристике доколхозной деревни. Однако теперь Данилов рассуждал о необходимости коллективизации не с точки зрения объективных экономических законов марксистской теории, а исходя из хозяйственных нужд советского государства. Суммируя прежние наблюдения, ученый писал об ограниченности возможностей индивидуального

крестьянского хозяйства для экономического роста страны. Невозможной в тех условиях представлялась ему и эволюция деревни по «американскому» образцу. Хозяйственную перспективу, сопрягающую возможности эволюционного пути развития с потребностями экономического развития страны, ученый увидел в развитии кооперации. В ее новой трактовке Даниловым, представляется возможным увидеть эволюцию его взглядов. Если на рубеже 1970-х — 1980-х гг. он, подчеркивая включенность кооперации в систему хозяйственной жизни индивидуального крестьянского хозяйства, писал о ее «противоречивом» характере, то теперь увидел в ней столбовую дорогу к социализму. Однако, в пику советской официальной историографии предшествующего периода, утверждавшей, что этот путь и был реализован в Советском Союзе, Данилов оценивал кооперативный путь развития сельского хозяйства как нереализованную альтернативу сталинской коллективизации. Вообще концепция альтернатив стала важным элементом новой исследовательской программы. Предполагая идею управляемого, программированного хода исторического развития, она означала отказ от объективистского подхода в изучении коллективизации. Соответственно социально-экономические и политические факторы вновь менялись местами в когнитивной иерархии объяснительных схем этого исторического процесса. Политическим выразителем этой альтернативной программы решения аграрного вопроса, по мнению Данилова, был Н.И. Бухарин³⁹. Его столкновение со Сталиным в ходе хлебозаготовительного кризиса 1927—1928 гг. и последующее поражение его группы в 1929 г., предопределили характер дальнейшего осуществления коллективизации. При этом конкретные формы последней Данилов объяснил, исходя чуть ли не из личных качеств «вождя». «Вообще трудности по Сталину создавались врагами. И средства преодоления трудностей выделялись ему в беспощадном уничтожении врагов...» — писал ученый⁴⁰.

Сам «великий перелом» рассматривался Даниловым как административная акция власти. Справедливости ради надо отметить, что в 1990 г. историк еще не отрицал наличия социальной базы коллективизации. По его мнению, таковой являлась деревенская беднота и «сознательная часть середнячества». Однако роль этой социальной опоры в процессе коллективизации исследователем минимизировалась. Так, поскольку политическая верхушка, несмотря на отсутствие реальных предпосылок, стремилась осуществить переход к коллективному хозяйствованию в кратчайшие сроки, а местные работники действовали по принципу «лучше перегнуть, чем недогнуть», то активистам «великого перелома» в трактовке Данилова отводилось скромное место реципиента этой политики. Конечно, «без их активной поддержки ни коллективизация, ни ликвидация кулачества были бы просто невозможны, — писал он, — но и самый убежденный сторонник коллективного землевладения не мог понять и принять того разгула бюрократического насилия, который ворвался в деревню зимой 1929/30 гг.»⁴¹. Из этого следовало, что государственное насилие, начиная с хлебозаготовительного кризиса 1927—1928 гг., являлось основным инструментом осуществления «великого перелома». «Чрезвычайщина» — насильственные методы коллективизации — стали в описании Данилова основной практикой сталинского режима в деревне. Это уже были не отдельные перегибы, как ранее утверждалось в советской историографии. Тем не менее, несмотря на это существенное отличие, такая трактовка коллективизации в определенном смысле являлась зеркальным отражением концепции «Краткого курса истории ВКП(б)». Разумеется, исследовательские оценки при этом значительно изменились. Добро и зло словно бы поменялись местами. В первом случае «усиление классовой борьбы кулачества» вынуждало партию идти на применение ответных репрессивных мер. Во втором случае насильственное государственное вмешательство в жизнь деревни порождало справедливое возмущение крестьян. С этого времени описание государственного насилия в деревне и крестьянского протеста против коллективизации также стали двумя важнейшими элементами новой исследовательской программы.

В отношении истории советской деревни 1930-х гг. Данилов был краток. Пожалуй, несколько большее внимание в его статье было уделено вопросу о голоде 1932—1933 гг., сюжету, который, по справедливому утверждению автора, ранее замалчивался в советской историографии. Главный вывод Данилова в этом вопросе заключался в том, что голод, нередко и ранее охватывавший российскую деревню, на этот раз носил организованный, рукотворный характер и был обусловлен практикой чрезмерных изъятий хлеба у крестьянства государством. Винов-

ными в многомиллионных жертвах Даниловым были признаны политические верхи СССР, а сам голод, он охарактеризовал «как самое тяжелое преступление сталинского руководства против народа». Завершение формирования колхозного строя было изложено Даниловым концептивно и фактически превратилось в перечисление задач, стоящих перед исследователями. К числу актуальных вопросов им были отнесены: создание и деятельность политотделов МТС, огосударствление колхозов, система государственной эксплуатации деревни, юридические ограничения крестьянства⁴². Из этого перечня видно, что основными сюжетами исторического переосмысления должны были стать различные аспекты взаимодействия государства и крестьянства. В целом же статья Данилова являла собой торжество субъективистского объяснительного механизма. Объективизации темы могло способствовать обращение российских историков к новым архивным источникам и творчеству зарубежных коллег. Тем не менее, этого так и не произошло.

Архивная революция принесла свои плоды, оказавшие существенное влияние на развитие отечественной аграрной историографии. К их числу, в первую очередь, следует отнести издание по инициативе Данилова двух фундаментальных документальных серий: «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД». Особенно важное значение для изучения сталинской «революции сверху» имеет первое издание. В общем предисловии к серии составители очень широко аттестовали свои намерения: «При отборе документов для публикации мы планируем сочетать материалы, отображающие роль центрального руководства в проведении коллективизации с материалами о местных процессах, крестьянской реакции, сельских традициях, экономических и экологических факторах. Оба подхода важны для понимания судеб советской деревни в правление Сталина». В такой формулировке основная задача публикации выглядит почти всеохватывающей. Однако анализ типо-видового состава документов, включенных в сборники, убеждает в том, что предпочтение все же было отдано одному из двух означенных выше подходов. Преобладающую часть публикуемых источников составляла делопроизводственная документация органов власти. В результате по изданным документальным сборникам «Трагедия советской деревни» действительно можно изучать историю коллективизации, но в силу специфики подборки такой взгляд обречен быть взглядом «сверху». Вероятно именно поэтому несколько далее по тексту вступительного слова, составители серии значительно уже, по отношению к изначальным намерениям, характеризовали репрезентативность публикуемых документов. «Материалы сборников позволяют проследить, во-первых, складывание и развитие новой политики в деревне на практическом уровне... во-вторых, и, конечно, это главное, материалы формируемых сборников показывают подлинную картину практики новой политики на местах на деревенском уровне, включая сопротивление крестьян», — указывали они⁴³. Вторая документальная серия «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», представлявшая собой публикацию политических сводок о настроениях крестьянства, также концентрировала внимание научной общественности на вопросах взаимоотношения власти и крестьянства.

По-видимому знакомство с новыми источниками способствовало дальнейшей эволюции концепции коллективизации Данилова в сторону воззрений тоталитарной историографии. Так, изменилась оценка историком причин хлебозаготовительного кризиса 1927—1928 годов. Если в 1990 г. Данилов объяснял кризис экономическими факторами, исходя из неудачной для государства конъюнктуры рынка, то к концу этого десятилетия в его воззрениях экономические причины кризиса сменились политическими. Данилов указывал, что Центральное статистическое управление, занимавшееся подсчетом экономических факторов сельского хозяйства с 1925 г., будучи «подчинено политике», предоставляло верхам партии лишь удобные для них данные. В результате «немыслимых статистических преувеличений» в руководящих кругах большевистской партии возникло представление о «мифических» 900 млн пудов хлебных запасов крестьянства, которое повлияло на планирование хлебозаготовительных кампаний. Трудности, возникшие при столкновении этих планов с реальностью, Сталин объяснял происками классового врага, «кулацким саботажем» и требовал применения «чрезвычайных» репрессивных мер. Необходимость последних объяснялась Сталиным мнимой военной угрозой СССР со стороны держав Запада. При этом, анализируя позицию Сталина и его группы в ходе хлебозаготови-

тельного кризиса, Данилов полагал, что военная угроза изначально не воспринималась ими серьезно. Следовательно, «идеологическая кампания по поводу внешней опасности была нужна Сталину и его сподвижникам для решения своих задач внутри страны и, прежде всего, для устранения любой оппозиции и сосредоточения всей полноты власти в своих руках». Таким образом, в этой системе оценок и хлебозаготовительный кризис, и опасность военной угрозы, по сути, становились лишь ширмами, приемами политической манипуляции в борьбе за власть среди руководства большевистской партии. Дальнейшее же развитие ситуации в деревне было предопределено исходом этой борьбы. «Курс на коллективизацию вырос из практики “чрезвычайных хлебозаготовок”» — писал Данилов ⁴⁴. А поскольку мотивы последних лежали вне мира деревни, то фактически отпадала и необходимость поисков социальной базы коллективизации.

Во введении к первому тому «Трагедии советской деревни» историк лишь вскользь упоминал о колхозном движении, которое «имело специфический бедняцкий облик»: В своем небольшом, но теоретически важном эссе «Сталинизм и крестьянство», относящемся примерно к этому же периоду его творчества, историк и вовсе утверждал, что «бессмысленно искать в рабочем классе, крестьянстве и интеллигенции социальный слой, интересы и настроения которого требовали создания и, в конечном итоге, создали сталинскую диктатуру» ⁴⁵. Главными инструментами режима в деревне, по мнению ученого, были государственное насилие и демагогия. В «Ведении» Данилов специально подчеркивал специфическую «военно-феодалную риторику», звучавшую из уст представителей сталинского руководства и официальной пропаганды по отношению к крестьянству: «хлебозаготовительный фронт», «наступление на кулачество», «дань крестьянства на нужды индустриализации». Вполне естественным в условиях эскалации государством насилия становилось крестьянское сопротивление. Все это в итоге дало возможность Данилову трактовать коллективизацию как гражданскую войну сталинского государства с крестьянством ⁴⁶. Такая трактовка стала последней редакцией его взглядов на коллективизацию и, пожалуй, наиболее последовательным воплощением исследовательской программы рубежа 1980-х — 1990-х годов.

Ограниченный характер имело и использование российскими историками достижений зарубежных авторов. Казалось бы, падение «единственно правильной» марксистско-ленинской методологии должно было способствовать этому процессу. Однако чаще всего обращение к творчеству зарубежных коллег ограничивалось лишь заимствованием новых терминов. В результате произошедшей в 1990-е гг. семиотической революции изменилась, главным образом, внешняя отделка исторических работ. В частности, многие концептуальные подходы, присущие марксистско-ленинской методологии, были с успехом воплощены российскими учеными в исследованиях по модернизации. Однако, даже в тех случаях, когда отечественные историки действительно стремились осмыслить опыт зарубежных коллег, их усилия отнюдь не всегда были успешными.

В первой половине 1990-х гг. увидела свет в России знаменитая шанинская хрестоматия крестьяноведческой мысли «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире» ⁴⁷, был организован Междисциплинарный академический центр социальных наук (интерцентр) при Московской высшей школе экономики, стали регулярно проводиться заседания теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития». Одной из наиболее масштабных дискуссий, посвященных коллективизации, стало обсуждение на семинаре книги М. Левина «Российское крестьянство и советская власть. Исследование коллективизации» ⁴⁸. Уже в самом начале семинара прозвучали два различных подхода к рассматриваемой теме: первый — во вступительном слове ведущего семинара Данилова, второй — из уст Левина. Данилов заявил, что главное положение книги Левина состоит в признании существования других вариантов реализации коллективизации, как объективной задачи, стоявшей перед страной. При этом российский ученый однозначно утверждал: «Попытки отказа от такого анализа равнозначны отказу от исследования проблемы». Левин, относительно смысла своей работы, по-видимому, придерживался иного мнения. В выступлении он сосредоточил внимание на сущности и результатах коллективизации, предложив рассматривать ее как «этатизацию» советского сельского хозяйства.

Данилов говорил, главным образом, о политических аспектах темы, Левин — о практике функционирования колхозов. Данилов перспективы дискуссии видел в обсуждении альтернатив коллективизации, Левин — в анализе экономических и социальных возможностей колхозной системы. Российские участники семинара, за исключением, пожалуй, В.В. Бабашкина и И.А. Кузнецова, приняли логику, предложенную Даниловым. В заключении дискуссии Левин и Данилов обменялись реверансами в отношении методологических построений друг друга, однако по-видимому остались каждый при своем мнении. Левин признав, что «упражнения в области альтернатив — это не бесплодная писанина», при этом же отметил, что такие построения «для того, кто смотрит на сталинизм как на явление из области криминалистики»⁴⁹. Данилов также отдал должное научным заслугам Левина, но вернулся к своей излюбленной теме. «Никто в литературе не объявлял альтернативой всего лишь намерение, а тем более — случайное высказывание того или иного политического деятеля. Речь шла об альтернативах, наличие которых доказывалось анализом реального исторического процесса ... Заметим, что разразившаяся хозяйственная и социальная катастрофа сама по себе является опровержением отсутствия альтернатив случившемуся» — утверждал ученый⁵⁰. Создается впечатление, что участники обсуждения просто не слышали друг друга. Российский историк Д.И. Люкшин, назвавший диалог отечественной аграрной истории и западного крестьяноведения «несостоявшимся дискурсом», отметил ряд глубинных причин этого явления. В качестве таковых он указывал терминологические и методологические отличия истории и социальной антропологии, отсутствие объекта крестьяноведческих исследований в современной России, наконец, своеобразную корпоративную «этику выживания» российских ученых «под прикрытием авторитетных метров, что предопределяет минимизацию методологических инноваций»⁵¹. В случае с изучением коллективизации, к этому перечню следует добавить и теоретическую рамку исследовательской программы начала 1990-х годов.

Споры об альтернативах сталинской «революции сверху» продолжают по сей день⁵². Как следствие этого, сохраняется интерес к творчеству экономистов-аграрников 1920-х годов⁵³. Специальные исследования были посвящены хлебозаготовительному кризису 1927—1928 гг. и практике других хлебозаготовительных кампаний⁵⁴. Детально были рассмотрены ход подготовки, осуществление и последствия политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, описана практическая сторона проведения этих кампаний⁵⁵. Исследователи пришли к мнению о том, что именно раскулачивание или его угроза были основой сплошной коллективизации. Коренным образом по отношению к советской историографии изменились оценки советской аграрной политики: коллективизация была признана «антикрестьянской» мерой, методы ее проведения «чрезмерно жестокими», государственные программы и планы «авантюристскими», сталинское законодательство «драконовским». Результатами коллективизации, по мнению специалистов, стало резкое сокращение экономических показателей и кризис сельского хозяйства в СССР. Соответственно исследовалась историками и реакция крестьянства на это насильственное вмешательство в жизнь деревни. Вопросы крестьянского сопротивления, хотя и уступали по значению анализу государственной политики, однако оставались в числе обсуждаемых проблем⁵⁶.

Особенно серьезному пересмотру подверглась история деревни 1930-х годов. В советской историографии историки вынуждены были подчеркивать нарастание положительных тенденций в жизни села. Теперь же предметом анализа исследователей стали наиболее тяжелые, порою трагические страницы истории деревни. В историографии этих лет были подробнейшим образом рассмотрены проблемы репрессивной политики советской власти в деревне⁵⁷, судьбы крестьянской ссылки⁵⁸, история голода 1932—1933 гг.⁵⁹, формирование паспортной системы в СССР, означавшей юридическое прикрепление крестьян к колхозу⁶⁰, функционирование системы крестьянских налогов и повинностей⁶¹. Как и в предшествующий период, появились и региональные исследования по номенклатуре поднимаемых вопросов, в целом соответствующих основному вектору историографического движения⁶². Результатом этих многочисленных работ стало формирование в научной литературе новой исторической картины жизни деревни конца 1920-х — 1930-х годов. Однако, несмотря на очевидные достижения историографии этого периода, сама схема исследований коллективизации в российской науке осталась прежней. Исто-

рия деревни изучалась через призму отношений государства и крестьянства. При этом за кадром исторических исследований в абсолютном большинстве случаев оставались изучение внутренних процессов развития сельского социума, деревенской повседневности (за исключением протестных форм), духовного мира крестьянина. Даже в тех случаях, когда исследователи выходили на анализ этих сюжетов, они рассматривали лишь показатель эффективности или неэффективности аграрной политики государства. Понятно, что в подобных историографических условиях оказались практически не востребованными как западная антропологическая традиция, так и тенденция к изучению социально-психологического мира крестьянина, возникшая еще в советской историографии. Крестьянство в этой исторической модели выступало лишь в качестве объекта государственного воздействия.

Попытки выхода из этой схемы изучения коллективизации сегодня связаны с использованием понятия «раскрестьянивание». Сам термин не новый и существовал в литературе еще до 1917 года. В работах конца 1980—1990-х гг. он чаще всего использовался в популистском значении, как синоним насильственного разрушения деревни. Такую коннотацию он сохраняет и в некоторых современных работах. Однако в науке обсуждалось и более объективное значение этого термина. Еще в 1989 г. в печати появилась статья В.А. Разумова, в которой «раскрестьянивание» рассматривалось как «процесс отчуждения советского крестьянина от земли и превращения его в наемного рабочего». Автор писал о том, что раскрестьянивание, начавшееся еще в пореформенной российской деревне, было продолжено в советский период на новой основе и в иных формах. В результате коллективизация трактовалась им как явление неизбежное и predeterminedное предыдущим ходом исторического развития⁶³. Однако эти объективистские оценки в то время, по-видимому, просто не были услышаны научным сообществом. Сущность и временные границы раскрестьянивания рассматривались на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» во время обсуждения книги А. Мандра «Конец крестьянства»⁶⁴. Следует отметить, что в этом случае опять же проявилось принципиальное различие российской и западной традиций исследований крестьянства. Так, если у Мандра «раскрестьянивание» трактовалось как результат техногенного и социокультурного воздействия города на деревню, то большинство российских ученых, учувствовавших в обсуждении, склонны были видеть в этом процессе следствие неудачных экспериментов советской власти. Впоследствии термин «раскрестьянивание» неоднократно фигурировал в российской научной литературе как своеобразная концептуальная рамка, в контекст которой различные исследователи помещали свои собственные выводы.

В наиболее завершенном виде концепция раскрестьянивания российской деревни была изложена в одной из недавних публикаций В.А. Ильных. Раскрестьянивание он понимает как «длительный и многомерный процесс, включающий в себя сокращение численности и доли крестьянства в составе населения государства и деревни, снижение удельного веса крестьянских хозяйств общем объеме аграрного производства, а также кардинальную трансформацию институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс». История сибирской деревни рассматривается Ильных посредством анализа объективных процессов хозяйственной, демографической и социокультурной эволюции жителей села. Собственно коллективизацию автор характеризует в качестве «грандиозного и относительно скоротечного аграрного переворота, осуществленного большевистским режимом»⁶⁵. Однако, основное внимание переносится историком с изучения механизмов его осуществления на анализ последствий в трех указанных направлениях. Ильных отмечает очевидные следствия коллективизации: исчезновение крестьянских хозяйств в результате вступления жителей села в колхозы, бегство крестьян в города и сокращение в деревне доли населения, занятого в сфере сельскохозяйственного производства, уничтожение в ходе «великого перелома» и последующих событий традиционных крестьянских институтов общины и прихода, сделавшее, в свою очередь, возможной дальнейшую трансформацию крестьянской культуры в направлении светских и городских ценностей. Тем не менее, государственное воздействие в его концепции остается главным фактором «социалистического раскрестьянивания».

Следующий шаг на пути объективизации научного подхода к аграрной истории был сделан М.А. Безниным и Т.М. Димони⁶⁶. Раскрестьянивание рассматривается ими в более глобальном контексте. Этому способствует использование марксистской теории первоначального на-

копления капитала. Как известно, К. Маркс писал о двух сторонах этого процесса: собственно накоплении капиталов буржуазией и отрыве основных производителей от средств производства⁶⁷. Соответственно, по мнению вологодских историков, советская деревня в колхозный период ее истории также стала ареной масштабных процессов капитализации и раскрестьянивания. Интересно, что это положение коррелирует с рядом наблюдений Данилова конца 1970-х гг. о том, что капиталистический уклад в доколхозной деревне носил «первоначальный ранний характер». Однако анализ процессов, протекавших после «великого перелома», с точки зрения развития этой тенденции, для Данилова был невозможен, поскольку в 1950—1970-е гг. ученый занимался поиском объективных предпосылок социализма, а в 1990-е гг. такая трактовка отрицала теорию альтернатив⁶⁸. Коллективизация, которую Безнин и Димони называют «капиталистической революцией сверху», способствовала резкому ускорению исследуемых ими процессов первоначального накопления. Так, массовое создание колхозов само по себе предполагало концентрацию капитала в виде техники, сложного инвентаря, финансов. Колхозы, в отличие от абсолютного большинства индивидуальных крестьянских хозяйств, были нацелены на изъятие прибавочного продукта, пусть даже первоначально для этого использовались методы внеэкономического принуждения. Социальной стороной описываемых процессов стали отток сельского населения в города и постепенное превращение оставшихся крестьян в наемных рабочих на государственных сельскохозяйственных предприятиях. Подходы Ильиных и вологодских историков, несмотря на очевидные терминологические различия, имеют много общего. В обоих случаях деревня изучается посредством анализа объективных процессов. Однако, политические детерминанты этих процессов в концепции Безнина и Димони отступают на второй план. Деятельность режима в их трактовке становится одним из инструментов более глобального социально-экономического процесса первоначального накопления.

Еще одной потенциальной возможностью обновления тематики изучения деревни конца 1920-х — 1930-х гг. может стать обращение к исследованию непосредственно внутренней жизни села, повседневности селян, ментального мира крестьянина. Серьезный интерес в этом отношении представляют статьи М.Н. Глумной, в которых рассматривается социальная структура, отношение к труду и практика управления в деревне Европейского Севера⁶⁹. В своем анализе этих аспектов истории деревни Глумная исходила из посылки о том, что массовое появление колхозов на рубеже 1920-х — 1930-х гг. привело к возникновению новых социальных статусов и ролей в деревенской жизни. Рассматривая колхозы как социальный институт, свой подход автор охарактеризовала как институциональный. Однако, эпицентр внимания в ее исследованиях сосредоточен не на вопросах организационной структуры коллективных хозяйств, а на практиках различного рода отношений внутри колхозного социума. В результате колхозная система в ее работах предстает не только как институт государственного изъятия ресурсов деревни, но и как самодетерминирующая социальная реальность, предопределившая ряд аспектов жизни села после коллективизации.

В заключение можно отметить, что сегодня в ряде новейших исследований проступают элементы новой научной программы изучения коллективизации. В их основе лежит обращение к анализу объективных процессов жизни села на различном уровне: от глобального, связанного с анализом социальной эволюции крестьянства в структуре российского общества, до микроуровня, предполагающего изучение бытовавших на селе повседневных практик. Насколько успешно они будут реализованы зависит от современных исследователей. В связи с этим хотелось бы отметить две задачи, стоящие перед отечественной аграрной историографией. Первая из них связана с формированием новой эмпирической картины истории села в эту переломную для него эпоху истории. Разумеется, нет никакой нужды отказываться от выводов историографии 1990-х — 2000-х годов. Напротив именно в этот период были наконец-то непредвзято проанализированы отношения советского государства и крестьянства. Однако можно вспомнить слова одного из участников упомянутого обсуждения книги Левина о том, что проблема коллективизации шире проблемы взаимоотношений режима с крестьянством⁷⁰. Вторая задача также вытекает из историографической ситуации. В 1990-е гг. отечественная аграрная историография, получив, наконец, долгожданную свободу методологического выбора, по большому счету, оказалась неспособна преодолеть инерцию движения, заданного предше-

ствующим длительным господством «единственно правильного учения». Несмотря на кардинальное изменение оценок истории деревни в историографии 1990—2000-х гг., основной вектор историко-аграрных исследований остался прежним. Поэтому современная историография коллективизации остро нуждается в разработке новых концептуальных подходов.

Примечания

1. ВЫЛЦАН М.А., ЕМЕЦ В. А., СЛЕПНЕВ И. Н. Творческий путь Виктора Петровича Данилова. — Вопросы истории. 2005, № 9, с. 153.
2. И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б). — Вопросы истории. 2002, № 11, с. 3—29; МЕДВЕДЕВ Р.А. Как сделан «Краткий курс». — Свободная мысль. 2004, № 2, с. 130—146.
3. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938, с. 250, 260—261.
4. СТАЛИН И.В. Об основах ленинизма: Лекции, прочитанные в Свердловском университете. М. 1991, с. 65.
5. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), с. 271.
6. Там же, с. 274.
7. Там же, с. 291.
8. Там же, с. 293—294.
9. И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом» истории ВКП(б). — Вопросы истории. 2002, № 11, с. 6.
10. ОВСЯННИКОВ Г. Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.). М. 1949; СМИРНОВ М.С. Борьба партии Ленина-Сталина за подготовку массового колхозного движения. М. 1952; АБРАМОВ Б. Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М. 1952; КРАЕВ М.А. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954.
11. ДАНИЛОВ В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. Доклад на сессии по проблеме «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР». М. 1969, с. 62—63.
12. Результатом этого интереса можно считать появление работ Н.К. Фигуровской. См.: ФИГУРОВСКАЯ Н.К. Аграрные проблемы в советской экономической литературе 1920-х годов. М. 1978; ЕЕ ЖЕ. Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х — 30-х годов. М. 1985.
13. КИМ М., ГОЛИКОВ Г. Некоторые вопросы разработки истории советского общества. — Коммунист. 1954, № 5, с. 46—59.
14. ДАНИЛОВ В.П., ВИСЕНС Х. О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР. — Вопросы истории. 1954, № 1, с. 137—145; СЕЛУНСКАЯ В.М. О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. — Вопросы истории. 1956, № 11, с. 195—201; БОГДЕНКО М.Л., ЗЕЛЕНИН И.Е. История коллективизации сельского хозяйства в современной историко-экономической литературе. — История СССР. 1962, № 4, с. 135—151; ЧИНЧИКОВ А.М. Историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917—1963 гг.) Автореферат дисс. к.и.н. М. 1964.
15. Калужский государственный педагогический университет. Личный архив В.П. Данилова (текст выступления В.П. Данилова на обсуждении статьи М.П. Кима и И.Б. Берхина). Автор благодарит В.Я. Филимонова, И.В. Кометчикову, И.Н. Берговскую, оказавших неоценимую помощь в организации нашего пребывания в Калуге и работе с архивом В.П. Данилова.
16. Там же (стенограмма выступления В.П. Данилова с его личной правкой. Начало 1960-х годов).
17. ТРАПЕЗНИКОВ С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1—2. М. 1967.
18. ЕГО ЖЕ. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М. 1951.
19. ЕГО ЖЕ. Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1927—1934 гг.). Автореферат дисс. д.и.н. М. 1955.
20. ЕГО ЖЕ. Ленинизм..., т. 1, с. 556.
21. Там же, т. 2, с. 118, 147—149.
22. Там же, с. 255, 450—456.
23. ДАНИЛОВ В.П. Борьба советского государства за создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства (1926—1929 гг.) Автореферат дисс. к.и.н. М. 1955.
24. ЕГО ЖЕ. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М. 1957.
25. Там же, с. 391.
26. ТРАПЕЗНИКОВ С.П., АБРАМОВ Б.А., ВАГАНОВ Ф.М., ГОЛИКОВА В.А. О некоторых вопросах истории первого этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства. — Вопросы истории КПСС. 1972, № 4, с. 20; КОРОЛЬКОВ Н.В. Историческая литература об опыте КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства. — Вопросы истории КПСС. 1974, № 3, с. 116—124. Следует отметить, что определенный здравый момент в этом все-таки был. Дело в том, что, говоря о технических предпосылках, «Краткий курс» скорее подчеркивал влияние появившихся тракторов на массы крестьянства, а не стремился обосновать тезис о техническом перевооружении советского сельского хозяйства накануне коллективизации. Вообще Сталин рассматривал исторические явления в принципиально иной логике и системе ценностей. Для него важным представлялось не подтвердить или опровергнуть объективные законы марксистской политэкономии, а доказать закономерность победы партии над объективными

- и субъективными препятствиями на пути к социализму. Исходя из этой логики, следовало лишь то, что чем существенней были трудности, тем величественней становилось торжество партии. В конечном итоге, Сталин всегда мог заявить, что товарищи Маркс и Энгельс были неправы. Этот момент еще раз высвечивает принципиальное отличие этих двух научных программ изучения коллективизации.
27. ДАНИЛОВ В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977; ЕГО ЖЕ. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М. 1979.
 28. ДАНИЛОВ В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура..., с. 393—394; 309—313; 203.
 29. ЕГО ЖЕ. Сталинизм и крестьянство. Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск. 1999, с. 162.
 30. Калужский государственный педагогический университет. Личный архив В.П. Данилова (ДАНИЛОВ В.П. «О фигуре умолчания и другом»). Один из вариантов этой статьи значительно позже был опубликован в Археографическом ежегоднике. См.: Неопубликованная статья «О фигуре умолчания в исторической науке» В.П. Данилова и С.И. Якубовской (1965). — Археографический ежегодник за 1992 год. М. 1994, с. 324—336.
 31. БОГДЕНКО М.Л. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М. 1958; СЕЛУНСКАЯ В.М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917—1934 гг.). М. 1961; ЕЕ ЖЕ. Рабочие — двадцатипятилетиячки. М. 1964; НЕМАКОВ Н.И. Борьба Коммунистической партии за вовлечение крестьянства в социалистическое строительство и создание колхозного строя (1929—1936 гг.). Автореферат дисс. д.и.н. М. 1966; ВЫЛЦАН М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. М. 1978; КУКУШКИН И.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне. М. 1968; АЛЕКСАНОВ П.А. Борьба за социалистическое переустройство деревни (крестьянская взаимопомощь 1921—1932 гг.). М. 1971; ИВНИЦКИЙ Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М. 1972; ТРИФОНОВ И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М. 1975; ЗЕЛЕНИН И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928—1941. М. 1982.
 32. ШАРОВА П.Н. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1928—1937 гг.). Автореферат дисс. д.и.н. М. 1968; СЕЛЕЗНЕВ В.А., ГУТАРОВ А.Н. Начало массового колхозного движения на Северо-Западе РСФСР, 1930—1932 гг. Л. 1972; ГУЩИН Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск. 1973; КАРЕФСКИЙ Ф.А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Среднего Поволжья. Куйбышев. 1975; ШУСТОВ А.К. Коллективизация сельского хозяйства центрального промышленного района и ее социально-экономические результаты (1927—1937 гг.). Автореферат дисс. д.и.н. Л. 1977. К этим работам следует добавить отдельный блок литературы, посвященной изучению коллективизации в союзных республиках Советского Союза.
 33. МОШКОВ Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР (1929—1932 гг.). Автореферат дисс. к.и.н. М. 1963; ЕГО ЖЕ. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР (1929—1932 гг.). М. 1966.
 34. КУЗНЕЦОВ И.С. Развитие общественного сознания сибирского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства (1928—1929 гг.). Автореферат дисс. к.и.н. Новосибирск. 1977; ДАНИЛОВ В.П. К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни. В кн.: Советская культура. История и современность. М. 1983, с. 376—389.
 35. БОГДЕНКО М.Л., ЗЕЛЕНИН И. Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. М. 1961; ЧИНЧИКОВ А.Н. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР. М. 1971; СМЫШЛЯЕВ В.А. Торжество ленинского кооперативного плана (историографический очерк коллективизации сельского хозяйства). Л. 1972; СЕЛУНСКАЯ В.М. Ленинский кооперативный план в советской историографии. М. 1974; ПОГУДИН В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М. 1975.
 36. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. М. 1973; История советского крестьянства. Т. 2. М. 1986.
 37. СЫМОНОВИЧ Ч.Э. Советская деревня: трудный путь к социализму (заметки о заседаниях советской секции). — История СССР. 1990, № 4, с. 220.
 38. РОГАЛИНА Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М. 1989; ТЕПЦОВ В.Н. Аграрная политика на крутых поворотах 20-х — 30-х годов. М. 1990.
 39. ДАНИЛОВ В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. — История СССР. 1990, № 5, с. 7—30. См. также: ДАНИЛОВ В.П. «Бухаринская альтернатива». В кн.: Н.И. Бухарин: человек, политик, ученый. М. 1990, с. 82—130. Интересно, что в ряде своих выступлений Данилов говорил также о существовании троцкистской альтернативы, которая представлялась ученому также более рациональным вариантом развития страны, чем осуществление коллективизации сталинскими методами (см., например: Р. Дэвис — В. Данилов: диалог историков. — История СССР. 1990, № 2, с. 93). Таким образом, между позициями Сталина и «левых» Даниловым ставился определенный разрыв, вместе с тем историком искусственно сближались, как возможности позитивного решения аграрного вопроса, позиции «левых» и Бухарина. Как ни странно, но именно такую трактовку внутриполитической борьбы, хотя и поданную в шкале противоположных оценок, ранее содержал «Краткий курс».
 40. ДАНИЛОВ В.П. Коллективизация сельского хозяйства..., с. 14.
 41. Там же, с. 20.
 42. Там же, с. 27, 29.

43. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы в 5-ти томах. Т.1. М. 1999, с. 8, 11.
44. ДАНИЛОВ В.П. Введение (исток и начало деревенской трагедии). В кн.: Трагедия советской деревни..., т. 1, с. 23, 53. Современные исследователи убедительно доказали отсутствие угрозы военного нападения на СССР в конце 1920-х годов. Знали об этом и советское руководство. Однако это обстоятельство отнюдь не отрицает фактор внешней угрозы как реальный элемент определения руководством страны основных задач внутренней и внешней политики Советского Союза. Представление об агрессивности капиталистических держав и неизбежности будущей войны было имплицитно присуще политическому мышлению представителей советской элиты. Известный российский историк, специалист в области советской дипломатии, О.Н. Кен даже иронизировал по этому поводу: «Поэтому действительные цели и поведение («намерение») иностранных государств представляли для Москвы интерес главным образом как показатель степени готовности или неготовности того или иного государства, капиталистического мира в целом к финальному акту современной истории — нападению на СССР. Оно, как и Второе пришествие, могло произойти в любой момент, и, следовательно, в любой момент должна была существовать непосредственная угроза безопасности СССР со стороны сил мировой реакции». (Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 — середина 1930-х гг.). СПб. 2002, с. 330—331). Собственно именно поэтому аргументы Сталина об опасности военной угрозы имели вес в споре о судьбах страны. Верхами ВКП(б) они были восприняты как очевидное.
45. ДАНИЛОВ В.П. Сталинизм и крестьянство..., с. 162.
46. ДАНИЛОВ В.П. Введение..., с. 52.
47. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М. 1992.
48. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. — Отечественная история. 1994, № 4—5, с. 46—78.
49. Там же, с. 74—75.
50. Там же, с. 77.
51. ЛЮКШИН Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М. 2006, с. 30—40.
52. См.: ДЕГТЕВ С.И. Современная историография альтернатив нэповской России. Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 2. Вологда. 2009, с. 61—69; ЩАГИН Э.М. К вопросу об альтернативах форсированной коллективизации советской деревни в отечественной историографии конца XX — начала XXI в. Там же, с. 40—51; ЧЕМОДАНОВ И.В. Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации? — Вопросы истории. 2006, № 2, с. 156—162.
53. ДОМНИКОВ С.В. Мироззрение Александра Васильевича Чаянова. Автореферат дисс. к. и. н. М. 1994; РОГАЛИНА Н.Л. Борис Бруцукс — историк народного хозяйства России. М. 1998.
54. КУДЮКИНА М.М. Хлебозаготовки в 1927—1929 годах. В кн.: Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е гг.) М. 1999, с. 215—234; ИЛЬИНЫХ В.А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М. 2010; КЛИМИН И.И. Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1927—1928 гг.) СПб. 2010.
55. ЗЕЛЕНИН И.Е. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса (осень 1930—1932 гг.). — История СССР. 1990, № 6, с. 31—49; ЕГО ЖЕ. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия. — Вопросы истории. 1994, № 10, с. 28—42; ИВНИЦКИЙ Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М. 1994; ЗЕЛЕНИН И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939: политика, осуществление, результаты. М. 2006.
56. ИВНИЦКИЙ Н.А. Сталинская «революция сверху» и крестьянство. В кн.: Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. М. 1996, с. 247—259; ПЛОТНИКОВ И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х — начале 30-х годов. — Отечественная история. 1998, № 2, с. 74—92; РЫБАКОВ П. А. Антиколхозное движение крестьян в Московской области. 1930—1932 гг. — Вопросы истории. 2011, № 12, с. 31—40.
57. ВЫЛЦАН М.А. Репрессии против крестьян. 30-е годы. В кн.: Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-е — 40-е гг.). М. 1999, с. 236—266; ИВНИЦКИЙ Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М. 2000; ДОБРОНОЖЕНКО Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е — первой половине 30-х годов XX века. СПб. 2008.
58. ЗЕМСКОВ В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы. — Социс. 1991, № 10, с. 3—21; ШАШКОВ В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930—1954 гг. Мурманск. 1996; КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. 2003; ИВНИЦКИЙ Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М. 2004.
59. ДАНИЛОВ В.П., ЗЕЛЕНИН И.Е. Организованный голод. К 70-летию крестьянской трагедии. — Отечественная история. 2004, № 5, с. 97—111; КОНДРАШИН В.В. Голод 1932—1933 гг. в российской деревне. Пенза. 2003; ЕГО ЖЕ. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни М. 2008.
60. ПОПОВ В.П. Паспортная система в СССР (1932—1976 гг.). — Социс. 1995, № 8, с. 3—14; № 9, с. 3—13.
61. БЕЗНИН М.А., ДИМОНИ Т.М., ИЗЮМОВА Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х годах. Вологда. 2001; ИЛЬИНЫХ В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск. 2004.
62. ДОБРОНОЖЕНКО Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929—1932 гг. Сыктывкар. 1994; САВЕЛЬЕВ С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов. 1994; НИКИТИНА О.А. Коллективизация и раскулачивание

- в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск. 1997; БОНДАРЕВ В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону. 2005; КИРЬЯНОВА Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929—1932 годы). Рязань. 2006; НАДЬКИН Т.Д. Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). Саранск. 2006; ФИЛАТОВ В.В. Уральское село. 1927—1941 гг.: раскрестьянивание. Магнитогорск. 2010.
63. РАЗУМОВ В.А. «Раскрестьянивание» — термин и содержание, временные рамки. — Вопросы истории КПСС. 1989, № 10, с. 64—71.
64. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар). — Отечественная история. 1994, № 2, с. 42—59.
65. ИЛЬИНЫХ В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы. — Российская история. 2012, № 1, с. 130—132.
66. БЕЗНИН М.А., ДИМОНИ Т.М. Аграрный строй России в 1930—1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда. 2003; ИХ ЖЕ. Аграрный строй России в 1930—1980-е годы (новый подход). — Вопросы истории. 2005, № 7, с. 23—44; ИХ ЖЕ. Капитализация в российской деревне 1930—1980-х годов. Вологда. 2005.
67. МАРКС К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М. 1949, с. 763.
68. Столкновение мнений М.А. Безнина и В.П. Данилова по вопросу об альтернативах имело место во время обсуждения доклада вологодских историков на Ученом совете Института российской истории РАН.
69. ГЛУМНАЯ М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах европейского Севера России). В кн.: XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио. 2005, с. 265—286; ЕЕ ЖЕ. Отношение к труду в колхозах европейского Севера России в конце 1920-х — 1930-х годах. В кн.: Русская культура нового столетия: проблемы изучения и использования историко-культурного наследия. Сборник статей. Вологда. 2007, с. 268—281; ЕЕ ЖЕ. К вопросу об организационной культуре колхозов Европейского Севера России в 1930-е годы. В кн.: Стратегия и механизм управления: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Вологда. 2008, с. 133—137.
70. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. — Отечественная история. 1994, № 4—5, с. 71—72.

С.В. ТАРАНЕЦ. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Т. 1—2. Киев. 2012—2013.

Тема староверия в современной историографии переживает явный подъем. Связано это с тем, что история религий на протяжении советского периода не была востребована. Что касается самого старообрядческого движения, то, хотя оценки его масштабов значительно варьируются, оно имело очень широкое распространение, охватывая до трети великорусского населения. При постоянно растущем количестве работ, посвященных региональным группам или отдельным аспектам жизни представителей этой конфессии, обобщающих работ по истории старообрядчества достаточно мало. За исключением нескольких популярных изданий и сведенных под одной обложкой работ разных лет Ф.Е. Мельникова¹, остается только труд С.А. Зеньковского. Однако автор не успел закончить работу над вторым томом, охватывавшим XVIII — начало XX века². По сути дела к этому периоду и обратился С.В. Таранец, чье исследование охватывает время с конца XVII в. (то есть автор, в отличие от Зеньковского, не рассматривает период, предшествовавший Расколу) до начала XX века. То, что собирались сделать многие научные коллективы, было сделано одним человеком. Это

само по себе говорит о масштабе проделанной автором работы. Сам автор давно известен в научном мире не только своими работами по истории украинского староверия, но и как редактор и издатель такого важного для современной историографии сборника как «Судьба старообрядчества в XX — начале XXI в.»

Рецензируемое исследование построено на широком круге источников, среди которых не только традиционные для такого рода исследований комплексы (исторические и полемические сочинения самих старообрядцев, миссионерские отчеты представителей РПЦ, статистические материалы), но и те, что еще не стали общепринятыми — художественная литература, памятники изобразительного искусства. В некоторых случаях автору приходится выступать не только в качестве профессионального историка, но и в качестве искусствоведа и литературоведа. Список неопубликованных источников, использованных или инициированных (сам автор организовал несколько десятков самостоятельных экспедиций) Таранцом достигает 100 наименований, список опубликованных источников — 650. При этом автор демонстрирует прекрасное знание

современной (в частности региональной) историографии, так как сам активно включен в исследовательский процесс, способствуя его развитию не только как автор, но и как организатор конференций, редактор-издатель упомянутых обобщающих сборников, объединяющих исследователей староверия разных стран.

В первом томе автор останавливается на факторах распространения и географии расселения этого религиозного движения (работа снабжена достаточно наглядными картами, составленными автором), проблеме установления численности старообрядцев. И хотя сам он не дает четкого ответа на вопрос о статистике старообрядцев, тем не менее указывает на достаточно надежный способ решения этой проблемы. Сам Таранец останавливается на цифре 5 млн чел. (для периода рубежа XIX—XX вв.), что, впрочем, кажется излишне осторожным.

В первом томе ученый показывает социальную базу старообрядчества: крестьянство, купечество, казачество, мещанство, духовенство (старообрядческое духовенство занимало видную прослойку среди «сторонников древнего благочестия»). Говоря о доли старообрядцев в различных социальных структурах российского общества, автор показывает, что в разных стратах преобладали разные старообрядческие течения. Если среди купечества доминировали поповцы, то среди крестьян — беспоповцы. Это определило и некоторые психологические установки, характерные для того или иного сословия. Например, приверженность крестьян эсхатологическим представлениям беспоповства нередко приносило «крестьянам и их господам полное разорение». Таранец наглядно показывает не только правовое положение старообрядцев в российском социуме, но и пути его приспособления к достаточно неблагоприятным условиям. Ведь вплоть до начала XX в. старообрядчество было едва ли не самым гонимым религиозным направлением в Российской империи. При этом именно адаптация, а вовсе не вооруженный протест, была основным способом существования старообрядчества во враждебном окружении. В качестве механизма приспособления старообрядцы нередко использовали подкуп «власть придержащих».

Особое внимание автор уделяет духовным центрам староверия: Керженец, Ветка, Выго-

Лексинская пустынь; Стародубье, Иргиз, Рогожское кладбище, Преображенское кладбище, Белая Криница, Куреневское тримонастырье, Черемшан. Отдельный раздел посвящен старообрядческим течениям — Белокриницкой иерархии, беглопоповцам, беспоповцам.

Если первая книга выглядит достаточно традиционно (в таком ключе и примерно на том же материале писал о старообрядчестве и Зеньковский), то вторая, можно сказать, уникальна. По сути дела автор дал обобщающую характеристику вклада старообрядцев в российскую культуру. Речь идет не только о меценатах (имена Морозовых, Рябушинских и др. давно стали хрестоматийными), но о конкретном влиянии староверов на живопись, литературу, архитектуру, музыку. Автор останавливается на традиционных для старообрядчества темах (книжной культуре, экономике, благотворительности и т.д.), но при этом говорит об участии старообрядцев в открытии древнерусской иконописи профессиональным сообществом, в развитии русского театра. Интересным представляется глава 10 «Образы старообрядцев в русской художественной литературе». В ней во многом по-новому преподнесено творчество великих русских писателей И.И. Лажечникова, В.И. Даля, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, Н.А. Клюева). Представляется принципиально важной также постановка автором вопроса о существовании особого старообрядческого менталитета.

Конечно, многие проблемы, затронутые в двух книгах Таранца, уже становились предметом исследований (хозяйственная жизнь старообрядцев, их участие в сохранении традиций древнерусской культуры и другие), но именно в рецензируемом издании эти проблемы показаны во взаимосвязи и взаимовлиянии.

Как и любое обобщающее исследование, рецензируемая работа не смогла избежать недостатков.

Так обзор историографии дан достаточно бегло и не системно. Хронологический подход, который может быть достаточно эффективен для изучения историографии XVIII—XIX вв., для советского и современного периода явно не подходит. Возможно, выходом из этой ситуации могло бы стать сочетание хронологического принципа с рассмотрением литературы по тем или иным направлениям.

Излишнее следование историографии нередко ставит автора в трудное положение. На-

пример, причисление к старообрядчеству семьи Третьяковых до сих пор не является признанным фактом и требует основательной проработки. То же можно сказать и в отношении семьи Прохоровых, четыре поколения которых были связаны с церковью Николая Чудотворца на Пресне.

Возможно автору предстоит выслушать критику специалистов по локальным старообрядческим группам, историю которых он не смог дать подробно и достаточно точно. В ряде случаев отсылка к ней выглядит искусственной. Может вызвать нарекания и атрибуция в именном указателе, как, например, «археограф», «музейщик» и т.д. Представляется, что уместно было бы давать только имена, фигурирующие в книге, без различных дополнений.

И все же появление книги Таранца компенсировало нехватку в современной историографии обобщающих работ. Дальнейшие исследователи этой темы не смогут обойти своим

вниманием рецензируемый труд. Как представляется, он стимулирует появление новых работ по истории старообрядчества. Впрочем, прорыв в этой области, видимо, следует ожидать не столько в осмыслении архивных источников, значительная часть которых уже введена в научный оборот, сколько в изучении полевых материалов археографических и этнографических экспедиций, которыми был так богат XX век.

В.П. БОГДАНОВ

Примечания

1. МЕЛЬНИКОВ Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Т. 1. Барнаул. 2006.
2. ЗЕНЬКОВСКИЙ С.А. Русское старообрядчество. В двух томах. М. 2006.

Е.А. ОСИПОВ. *Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969—1974)*. М. ИВИ РАН. 2013. 254 с.

В декабре 2013 г. в Институте всеобщей истории РАН вышла книга Е.А. Осипова, посвященная внешней политике Франции периода президентства Жоржа Помпиду. Впервые в отечественной историографии дипломатия второго президента Пятой республики не только изучена тщательно и детально, но и представлена в качестве самостоятельного законченного монографического исследования. Период с 1969 по 1974 гг. был отмечен рядом знаковых для истории международных отношений событий. В это время произошло первое расширение «единой Европы», началась реализация новой «восточной политики» ФРГ, а процесс разрядки международной напряженности достиг своего пика, результатом чего стало подписание в 1975 г. Хельсинкского Заключительного акта. Исследование позиции Франции, игравшей со времен де Голля особую роль в рамках биполярного мира, позволяет по-новому посмотреть на ключевые события международных отношений первой половины 70-х гг. XX века.

Работа основана на широком круге источников, включая материалы архива МИД РФ, французскую прессу, воспоминания и дневники непосредственных участников событий. Са-

мым ценным источником, безусловно, стали документы из архива Министерства иностранных дел Франции, часть которых до этого не была введена в научный оборот ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Первая глава монографии посвящена европейской политике Франции, приоритетному направлению дипломатии Помпиду. В книге подробно изложен европейский проект Франции по «завершению, углублению и расширению» ЕЭС, принятый на саммите в Гааге в декабре 1969 г. и ставший на долгие годы планом по дальнейшему развитию европейской интеграции. Автор отмечает преемственность проекта Помпиду по построению «Европы государств» по отношению к лозунгу «Европа отечеств» де Голля. Два первых президента Пятой республики выступали за независимый и от СССР и от США конфедеративный союз суверенных государств, сохраняющих свою национальную идентичность.

Центральным событием европейской политики Помпиду стало расширение ЕЭС и вступление в него Великобритании. В 1960-е гг. британское правительство уже делало попытку присоединиться к «единой Европе», однако де Голль дважды накладывал вето на перегово-

ры с Лондоном. Помпиду изменил французскую позицию по данному вопросу и еще в период своей предвыборной кампании на президентских выборах 1969 г. заявил о необходимости возобновления переговоров с Великобританией. Автор справедливо отмечает, что такое решение нового президента Франции, прежде всего, объяснялось возрастающей экономической мощью ФРГ (с. 45—47). Отставание Франции по экономическим показателям от Западной Германии в будущем грозило Парижу потерей лидерства внутри ЕЭС. Великобритания же рассматривалась французским руководством в качестве противовеса усилению ФРГ. Вслед за некоторыми ключевыми участниками описываемых событий (министр обороны Мишель Дебре и премьер-министр Жак Шабан-Дельмас) Осипов, вопреки сложившемуся в отечественной историографии представлению, считает, что решение Помпиду о возобновлении переговоров с Великобританией не было отходом от голлизма. По словам автора, «сближение Англии и Франции было вызвано объективными факторами, игнорировать которые Помпиду не мог» (с. 50). Таким образом, второй президент Пятой республики изменил лишь средства, а цели европейской политики Франции по-прежнему оставались голлистскими (с. 50—52).

Реализация европейского проекта Помпиду рассматривается в книге в контексте общего развития системы международных отношений. Так, начавшееся в рамках разрядки постепенное сближение между СССР и США и появившиеся в связи с этим опасения европейцев перед возможным установлением американско-советского кондоминиума над Европой привели к тому, что во второй половине своего президентства Помпиду выступил с рядом инициатив по развитию политической интеграции ЕЭС. На парижском саммите 1972 г. было принято решение о создании к 1980 г. Европейского союза, а на саммите в Копенгагене в 1973 г. по предложению Франции была подписана декларация о «европейской общности». При этом французские инициативы по развитию политического сотрудничества не выходили за рамки построения конфедеративного союза. Институциональное совершенствование ЕЭС в рассматриваемый период также происходило не посредством расширения полномочий наднациональных органов, а «через Совет министров, что полностью соответствовало голлистским внешнеполитическим представлениям» (с. 81).

Результаты европейской политики Франции в период президентства Помпиду, несмотря на неудачу с построением экономического и валютного союза, автор оценивает как положительные, отмечая, что в это время «были заложены основы и принципы будущей единой политики стран ЕЭС и будущего Европейского союза, начались переговоры о создании единой европейской валюты» (с. 81).

Во второй главе монографии представлена эволюция франко-американских отношений в период с 1969 по 1974 год. Во времена президентства де Голля отношения между Парижем и Вашингтоном были достаточно напряженными, особенно после выхода Франции из военной организации НАТО. Помпиду, как и де Голль, выступал за ограничение роли американского доллара в мировой экономике и отказывался от возвращения Франции в интегрированные структуры НАТО. Тем не менее, в начале президентского срока Помпиду произошла резкая активизация франко-американского сотрудничества. Автор убедительно показывает, что улучшение отношений между Францией и США было одной из главных составляющих внешнеполитической доктрины второго президента Пятой республики. «Франция претендовала на роль лидера внутри ЕЭС, все участники которого рассматривали США в качестве своего главного партнера и союзника. В этих условиях французскому руководству следовало активизировать двусторонние контакты. Более того, Франция при Помпиду стремилась представлять общеевропейские интересы на переговорах с американскими партнерами» (с. 109). В наибольшей степени потепление в отношениях между двумя странами проявилось в возобновлении научного и, что особенно важно, военно-технического сотрудничества. Символом нового этапа франко-американских контактов стал успешный визит Помпиду в США в феврале-марте 1970 года.

В целом, первые несколько лет президентства Помпиду были отмечены поступательным и взаимовыгодным развитием франко-американского сотрудничества, особенно по сравнению с предшествующим периодом. К сожалению для французской стороны, начиная с 1972 г. изменение геополитической обстановки, вызванное начавшимся американско-советским сближением, подготовкой к проведению общеевропейского совещания, активизацией внешней политики ФРГ и разразившимся мировым финансовым кризисом, привело к ос-

ложению франко-американского сотрудничества и к переориентации французской политики по отношению к США в сторону классического голлизма.

Третья глава монографии посвящена развитию отношений Франции с СССР и социалистическими странами. Как и сотрудничество с США, франко-советские контакты в рассматриваемый период также прошли два этапа: от активизации сотрудничества в первые годы до заметного охлаждения в 1973—1974 годах.

Автор подробно останавливается на истории подписания двух важных советско-французских документов, поднявших уровень отношений между СССР и Францией на более высокий уровень. Речь идет о Протоколе 1970 г. и Принципах сотрудничества между СССР и Францией 1971 года. Благодаря материалам архива МИД Франции в книге представлены предварительные варианты текстов документов, позволяющие восстановить процесс выработки окончательного текста. По словам Осипова, эти документы «констатировали благоприятную и дружественную атмосферу советско-французского сотрудничества» и «символизировали собой наивысшую точку в сотрудничестве двух стран в период президентства Помпиду» (с. 165).

Последние два года правления Помпиду для франко-советских отношений оказались более противоречивыми. Несмотря на три встречи на высшем уровне, «за это время не было подписано ни одного важного с политической точки зрения документа, а по многим центральным международным вопросам проявились серьезные разногласия» (с. 166). Автор приводит дипломатическую справку архива МИД Франции за подписью французского посла в СССР Роже Сейду, из которой следует, что ухудшение советско-французских отношений стало заметным с декабря 1972 года. Среди причин такого ухудшения Осипов справедливо указывает уже упоминавшийся страх

французского руководства перед возможным установлением американско-советского кондоминиума над Европой, отказ Парижа от участия в политике разоружения и появившиеся разногласия в связи с подготовкой к проведению общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ) (с. 167—169). Отметим, что политические разногласия не сказались на уровне развития экономических контактов. Товарооборот между странами непрерывно возрастал в течение всего президентства Помпиду.

В четвертой главе книги, посвященной политике Франции в Азии и Африке, конкретизированы основные аспекты франко-китайских отношений, а также средиземноморской, ближневосточной и африканской политики Помпиду. Автор приходит к выводу, что «в рассматриваемый период Франция подтвердила свое присутствие в средиземноморском регионе», став одним из инициаторов развития «европейско-арабского» диалога, сохранила привилегированные отношения с большей частью своих бывших африканских колоний (с. 240—241). Определенного успеха удалось добиться и в отношениях с КНР. Кульминацией франко-китайского сотрудничества стал визит Помпиду в КНР в 1973 году. Однако, в силу несовпадения позиций двух стран по некоторым ключевым проблемам международной жизни, прежде всего касавшихся вопросов европейской интеграции и выстраивания отношений с СССР, у франко-китайского сотрудничества были определенные пределы, дальше которых оно не могло развиваться (с. 203—204).

В целом, в монографии Е.А. Осипова убедительно показано, что дипломатия Помпиду стала важным связующим звеном между эпохой генерала де Голля и последующим временем.

Т.В. ЗВЕРЕВА

Редакция журнала “Вопросы истории” с глубокой скорбью сообщает о том, что 18 января 2014 г. на 77-м году жизни скончалась бывшая сотрудница журнала, член редколлегии, научный редактор Рита Александровна Бурлакова.

Более 30-ти лет она была для нашего коллектива образцом творческого отношения к работе, наставником молодежи, пользовалась заслуженным авторитетом среди коллег. Ее отличали душевная щедрость, жизнелюбие, отзывчивость, неизменное внимание и уважение к людям. Рита Александровна останется в нашей памяти человеком доброй души, огромных знаний, прекрасным профессионалом. Выражаем глубокое соболезнование ее родным и близким.

**Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, В.Л. Сорокин,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 3, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.02.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 172. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2014 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**